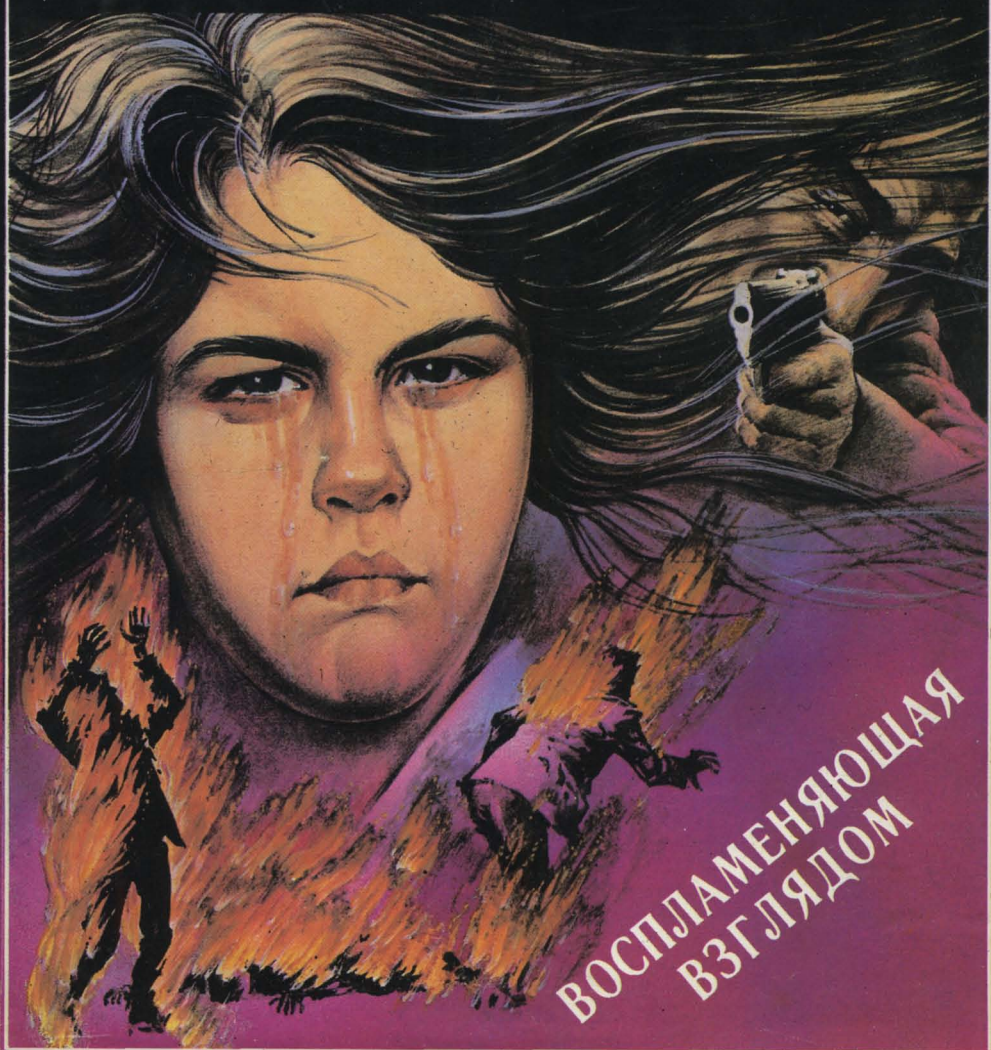

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ
ВЗГЛЯДОМ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

С т и в е н К и н г

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ ВЗГЛЯДОМ

Львов
СИГМА
1994

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 23

Stephen KING

FIRESTARTER

Стивен Кинг

Воспламеняющая взглядом: роман

Copyright © by Stephen King

ISBN 0-425-09625-1

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ ВЗГЛЯДОМ

НЬЮ-ЙОРК — ОЛБАНИ

— Папочка, я устала, — глотая слезы, сказала маленькая девочка в красных брючках и зеленой блузке. — Давай отдохнем!

— Еще нельзя, малышка.

Крупный широкоплечий мужчина в поношенном и измятом вельветовом пиджаке и гладких коричневых диагональных брюках и девочка, держась за руки, быстро шли по Третьей авеню в Нью-Йорке, почти бежали. Он оглянулся: зеленая машина по-прежнему медленно двигалась вдоль бордюра тротуара.

— Пожалуйста, папочка. Прошу тебя.

Он вдруг увидел, какое у нее бледное лицо. Под глазами — темные круги. Он поднял ее и взял на руки, надолго ли его хватит? Чарли уже не пушинка, а он тоже устал.

Было пять тридцать пополудни, и Третья авеню кишела народом. Сейчас они пересекали улицы где-то в районе Шестидесятых, и эти поперечные улицы были темнее и не так запружены... Именно это и пугало его.

Они наскочили на даму, толкавшую перед собой полную продуктов тележку.

— Эй, вы! Смотрите под ноги! — крикнула она, уже теряясь в спешащей толпе.

У него устала рука, он пересадил Чарли на другую. Быстро оглянулся — зеленая машина по-прежнему следовала за ними на расстоянии в полквартиры. Двое на переднем сиденье, третий, наверное, сзади.

Куда же мне теперь?

Ответа на этот вопрос у него не было. От усталости и страха мысли путались. Знали, когда его подловить, суки-

ны дети, знали, что делают. У него было одно желание: присесть на грязную кромку тротуара, выплакать отчаяние и страх. Но это не ответ. Ведь взрослый он. Ему следовало думать за них обоих.

Куда же нам теперь?

Отсутствие денег, может, самая большая проблема, если не считать людей в зеленой машине. В Нью-Йорке без денег делать нечего. Человек без денег теряется в Нью-Йорке, исчезает бесследно, будто затянутый в трясины тротуара.

Он оглянулся — зеленая машина приблизилась; спина и ладони у него еще больше взмокли. Если они знают, если они действительно знают, как мало энергии в нем осталось, могут попробовать схватить его прямо здесь, несмотря на толпы людей вокруг. В Нью-Йорке, если несчастье не с тобой, а с кем-то другим, у тебя появляется какая-то странная слепота. «Наверно, они читали мое досье», — в отчаянии думал Энди. Если да, тогда — конец, остается только кричать. Когда у Энди заводились кое-какие деньги, странные вещи с ним как будто переставали происходить. Те странные вещи, которые их интересовали.

Не останавливайся, иди.

Слушаюсь, босс. Так точно, босс. Куда?

В полдень он оказался в банке — сработал его радар: снова это странное ощущение их дыхания за спиной. Денег, которые были у него в Нью-Йоркском банке, хватило бы им с Чарли на какое-то время. И вдруг — как странно — у Энди Макги не оказалось на текущем счету никаких сбережений. Осталась только бесполезная чековая книжка. Все, что было, будто растворилось в воздухе. И тогда он понял, что они действительно выбрали именно этот момент для удара. Неужели все это решилось всего пять или шесть часов назад?

Но, может, немного энергии все же осталось. Совсем чуть-чуть. Почти неделя прошла с того дня, когда слушатель курса «Поверь в себя» с навязчивой идеей самоубийства пришел на очередное вечернее занятие в четверг и начал с устрашающим спокойствием толковать о том, как покончил с собой Хемингуэй. А на выходе Энди, как бы

невзначай обняв за плечи человека, охваченного идеей самоубийства, мысленно дал ему посыл. Теперь же он с горечью думал, стоило ли это делать. Ибо, похоже, именно ему и Чарли придется расплачиваться. Он надеялся, хоть...

Нет. Отогнал мысль прочь, испугавшись, почувствовав отвращение к себе. Не следует никому желать плохого.

Ну хоть чуточку, молил он. Всего-то, Боже, лишь малую малость. Лишь столько, чтобы вместе с Чарли выбраться из этого переплета.

И, о Боже, как ему пришлось бы расплачиваться... К тому же в течение месяца после этого он практически бездействовал бы, подобно радио с перегоревшей лампой. Может, в течение шести недель. А может, и в самом деле был бы мертв: бесполезный мозг сочился бы из ушей. А что же тогда было бы с Чарли?

Они шли по Семнадцатой улице, впереди светофор переключился на красный свет.

Поток машин двигался по поперечной авеню, на перекрестке скапливались пешеходы. Внезапно он осознал, что именно здесь люди из зеленой машины могут схватить их. Живыми, если сумеют, конечно, но если запахнет жареным... им ведь, вероятно, рассказали и о Чарли.

Может, они и не хотят оставить нас живыми. Решили просто сохранить статус кво. Как вы поступаете с нерешаемым уравнением? Стираете его с доски.

Нож в спину, револьвер с глушителем, а может, что-нибудь и еще более хитрое: капля редкого яда на конце иглы. Конвульсии на углу Третьей и Семнадцатой. Инспектор, у этого человека, похоже, сердечный приступ.

Ему необходимо попытаться собрать оставшуюся в нем малость энергии. Другого выхода просто нет.

Они дошли до стоявших на перекрестке пешеходов. На противоположной стороне упорно горели и казались вечными слова «НЕ ПЕРЕХОДИТЬ». Он оглянулся. Зеленая машина остановилась. Дверца открылась, и из машины вылезли двое в строгих костюмах. Они были молоды и гладко выбриты. Выглядели значительно свежее, чем Энди Макги.

Он попытался протолкнуться через толпу, судорожно ища глазами свободное такси.

— Эй, ты...

— Бога ради, парень!

— Осторожно, мистер, вы наступили на мою собачку...

— Извините... извините... — в отчаянии повторял Энди.

Он искал такси. Но его не было. В любое другое время улица была бы забита ими. Он чувствовал, что люди из зеленой машины приближаются к ним, готовые схватить его и Чарли, забрать их Бог знает куда, в Контору, к черту на рога или сделать что-нибудь еще похуже...

Чарли положила голову ему на плечо и зевнула.

Энди увидел пустое такси.

— Такси! Такси! — закричал он, размахивая изо всех сил свободной рукой.

Те двое, сзади, отбросив всякое притворство, побежали.

Такси подъехало.

— Стой! — закричал один из них. — Полиция! Полиция!

Женщина где-то сзади вскрикнула, и толпа начала рассыпаться.

Энди открыл заднюю дверцу такси и посадил Чарли. Затем нырнул сам.

— Ла Гардия, жмите, — сказал он.

— *Стой, такси. Полиция!*

Таксист повернул голову на голос, но Энди дал мысленный посыл — совсем небольшой. Боль кинжалом пронзила ему голову и тут же отпустила, оставив несильное ощущение, подобно утренней ноющей боли, — так бывает, когда отлежишь шею.

— Они, думаю, гонятся вон за тем черным в клетчатой кепке, — сказал он таксисту.

— Точно, — сказал водитель и спокойно отъехал от бровки, двинувшись по Восточной Семнадцатой.

Энди оглянулся. Двое одиноко стояли на бровке тротуара. Остальные пешеходы явно чурались их. Один из тех двоих снял с пояса радиотелефон, заговорил. Затем они исчезли.

— А тот черный, — сказал водитель, — что он сделал? Думаете, грабанул винный магазин или чего еще?..

— Не знаю, — сказал Энди, пытаюсь сообразить, как поступать дальше, как постараться выжать из этого таксиста большую пользу с наименьшей затратой энергии. Заметили ли они номер такси? Следует исходить из того, что заметили. Но они не захотят обращаться к полиции города или штата и по крайней мере какое-то время будут в замешательстве.

— Все они — куча отребья, эти черные в городе, — сказал таксист. — Не говорите, сам скажу.

Чарли засыпала. Энди снял вельветовый пиджак, свернул, подложил ей под голову. Перед ним забрезжила слабая надежда. Если он правильно сыграет, дело может выгореть. Хозяйка Судьба послала ему слабака (не в обиду ему будь сказано). Он был из тех, кого, казалось, особенно легко подталкивать по нужной дорожке: белый (азиаты по какой-то причине самые неподдающиеся), достаточно молодой (старые почти невосприимчивы) и среднего умственного уровня (умным давать мысленный посыл легче всего, глупым — труднее, а умственно отсталым — невозможно).

— Я передумал, — сказал Энди. — Отвезите нас, пожалуйста, до Олбани.

— Куда? — Водитель уставился на него в зеркало заднего вида. — Дружище, я не могу везти до Олбани, вы в своем уме?

Энди вытащил бумажник, в котором лежала однодолларовая купюра. Он благодарил Бога, что такси — не с пуленепробиваемой перегородкой, мешающей общаться с водителем и имеющей лишь отверстие для расчетов. Непосредственный контакт всегда способствует даче мысленного посыла. Была ли в этом какая-то психологическая загадка или нет, сейчас не имело значения.

— Даю пятисотдолларовую, — сказал спокойно Энди. — Отвезите нас с дочкой в Олбани. Хорошо?

— Пять сотен! О, Господи!

Энди вложил банкноту в руку таксиста, и когда тот опустил взгляд, Энди изо всей силы дал посыл. На какое-то

мгновение его охватил страх, что ничего не выйдет, что просто ничего не осталось, что он истратил остаток энергии, заставив водителя увидеть несуществовавшего чернокожего в клетчатой кепке.

Затем наступило это ощущение, как всегда сопровождаемое острой, словно удар стального кинжала, болью. В то же мгновение он почувствовал тяжесть в желудке и резкий спазм кишечника. Он неуверенно поднес руку к лицу, понимая, что сейчас наступит рвота или смерть. В этот краткий миг он предпочел бы умереть, как случалось всегда, когда он перенапрягался: прощальные слова *напрягайтесь, но не перенапрягайтесь* какого-то давным-давно слышанного диск-жокея болезненно отзывались в его голове. Если бы в такую минуту кто-нибудь вложил ему в руку револьвер...

Затем он взглянул на Чарли, спящую Чарли, Чарли, поверившую, что он вызволит их из этой передрыги, как он вызволял из всех прочих, Чарли, уверенную, что, когда она проснется, он будет рядом. Да, из всех передрыг, только на самом-то деле все они есть одна и та же чертова передрыга: он и Чарли просто снова бегут. Безысходность приводила в отчаяние.

Голова нить не переставала. Боль будет нарастать, нарастать, пока не превратится в давящий груз, с каждым ударом пульса пронзая острием голову и шею. Яркие вспышки заставят глаза беспомощно слезиться, и внутрь головы полетят огненные стрелы. Нос заложит, и ему придется дышать ртом. В висках словно дрель заработает. Небольшие шумы усилятся, обычные шумы станут похожи на грохот отбойных молотков, а громкий шум станет невыносимым. Головная боль будет нарастать до тех пор, пока не наступит ощущение, что его череп трещит в щипцах инквизитора. Такая боль продержится часов шесть или восемь, а может, и десять. На сей раз он не знал — сколько. Он никогда не давал посылы такой силы, зная, что энергия почти иссякла. И пока голова будет разламываться, он почти беспомощен. Чарли придется заботиться о нем. Слава Богу, она это уже делала... Но тогда им везло. Сколько раз может повезти?

— Э, мистер, не знаю...

Это означало: он опасается нарушить закон.

— Наша сделка состоится, если только не скажете моей малышке, — сказал Энди. — Две последние недели она провела со мной. Должен вернуть ее матери к завтрашнему утру.

— Права на посещение, — сказал таксист. — Я про них все знаю.

— Видите ли, я должен был ее привезти на самолете.

— В Олбани? Самолетом компании «Озарк», да?

— Правильно. Ну, тут дело в том, что я смертельно боюсь летать. Знаю, звучит по-идиотски, но это так. Обычно я ее привожу на автомашине, но на сей раз моя бывшая жена полезла в бутылку и... Не знаю. — По правде говоря, Энди не боялся летать. Он выдумал эту историю тут же, на месте, и теперь деваться было некуда. Сказалось полное истощение.

— Я высажу вас в старом аэропорту Олбани, и мама будет думать, будто вы прилетели, правильно?

— Точно. — Голова его раскалывалась.

— К тому же, насколько знает мама, вы не смельчак-чак-чак, я прав?

— Да. — Чак-чак-чак? Что бы это значило? Боль становилась невыносимой.

— Пять сотенных, чтобы не лететь на самолете, — задумчиво повторял водитель.

— Мне не жалко, — сказал Энди и сделал еще одно последнее маленькое усилие. Очень спокойно, говоря почти что в ухо таксисту, добавил: — И вы не пожалеете.

— Слушайте, — сказал водитель сонным голосом. — Я не отказываюсь от пяти сотен долларов. Не говорите, сам скажу.

— Хорошо, — сказал Энди и откинулся на сиденье. Таксист был доволен. Он не задумался над маловероятной историей Энди. Не задумался над тем, что семилетняя девочка гостит у отца две недели в октябре, когда занятия в школах в разгаре. Не задумался он и о том, что ни у одного из них не было даже ручной сумки. Он клянул. Он получил внушение.

Теперь Энди предстояло расплачиваться за это.

Он положил руку на бедро девочки. Та крепко спала. Они были на ногах уже больше половины дня — с тех пор как Энди пришел в школу и вытащил ее из класса под каким-то надуманным предлогом... бабушка очень больна... позвонили домой... извините, что забираю ее среди дня... А подспудно он чувствовал большое, непередаваемое облегчение. Как он боялся, заглянув в класс мисс Мишкин, увидеть пустое место Чарли, аккуратно сложенные книги на парте: *Нет, мистер Макги... Она ушла с вашими друзьями около двух часов назад... У них была записка от вас... Разве что-нибудь не так?* Вновь наплывают воспоминания о Вики, внезапный ужас и пустой дом в тот день. Его сумасшедшие поиски Чарли. Потому что они уже однажды схватили ее.

Но Чарли оказалась на месте. Насколько он их опередил? На полчаса? Пятнадцать минут? Меньше? Ему не хотелось думать об этом. Они поели у «Натана» и всю вторую половину дня провели в движении — теперь Энди мог признаться самому себе, что тогда он находился в состоянии панического ужаса, — ездили в метро, автобусах, но в основном двигались пешком. Теперь она была измотана.

Он посмотрел на нее долгим, полным любви взглядом. Ее светлые льняные волосы достигали плеч, во сне она была просто красавицей. И так была похожа на Вики, что становилось больно. Он закрыл глаза.

На переднем сиденье водитель такси дивился пятисотдолларовой бумажке, которую дал ему этот чужак. Он спрятал ее в специальный карман на поясе, куда складывал все чаевые. Он не нашел странным, что этот тип на заднем сиденье разгуливал по Нью-Йорку с маленькой девочкой и пятисотдолларовой бумажкой в кармане. Не задумался он, как будет улаживать проблему с диспетчером. Все его мысли сосредоточились на том, как будет потрясена его девушка Глин. Глинис все время талдычит ему, что водить такси уныло и скучно. Ну, подождем, пока она увидит унылую скучную пятисотдолларовую купюру.

Энди сидел сзади, откинув голову и закрыв глаза. Головная боль приближалась, приближалась так же неумолимо, как черная лошадь, запряженная в катафалк, на похоронной процессии. Он уже слышал стук ее копыт в висках: цок... цок... цок...

Они бегут. Он и Чарли. Ему было тридцать четыре, и до прошлого года он преподавал английский язык и литературу в Гаррисонском колледже в штате Огайо. Гаррисон — сонный маленький городок при колледже. Добрый старый Гаррисон, самое сердце срединной Америки. Добрый старый Эндрю Макги, славный, видный молодой человек. Помните загадку? Почему фермер — видный столп общины? Потому что он всегда торчит на виду на своем поле.

Цок, цок, цок — черная лошадь с красными глазами двигается по коридорам его мозга, железные подковы выбивают мягкие серые комочки мозгового вещества, оставляя следы копыт — таинственные полумесяцы, наполненные кровью.

Таксист оказался слабаком. Определенно. Видный представитель племени водителей такси.

Энди задремал, и ему приснилось лицо Чарли. Оно превратилось в лицо Вики.

Энди Макги и его жена, прелестная Вики. Они выдернули ей ногти, один за другим. Она заговорила, когда выдернули четвертый. Так он, по крайней мере, предполагал. Большой палец, указательный, средний, безымянный. Затем: «Остановитесь! Буду говорить. Скажу все, что хотите знать. Перестаньте мучить. Умоляю!» И заговорила. Затем... возможно, это был несчастный случай... его жена умерла. Ну что ж, кое-что оказывается сильнее нас обоих, а кое-что сильнее всех нас вместе взятых.

К примеру, Контора.

Цок, цок, цок — черная лошадь приближается, приближается, приближается; берегись: черная лошадь.

Энди спал.

И вспоминал.

* * *

Ответственным за эксперимент был доктор Уэнлесс. Толстый, лысеющий, он имел одну довольно странную привычку.

— Мы собираемся сделать каждому из вас, двенадцати, инъекцию, юные леди и джентльмены, — сказал он, кроша сигарету в пепельнице. Его маленькие розовые пальцы мяли тонкую сигаретную бумагу, высыпая мелкие крошки золотисто-коричневого табака. — Шесть инъекций — обычная вода. Еще шесть — вода с небольшой дозой химического вещества, мы называем его «лот шесть». Сам состав этого вещества засекречен, но в основном оно действует как снотворное, вызывая легкие галлюцинации. Так что, вы понимаете, мы будем вводить состав, пользуясь двойным слепым методом: до поры до времени ни вы, ни мы не узнаем, кто получил чистый препарат, а кто нет. За вашей группой будут внимательно наблюдать в течение сорока восьми часов после инъекции. Есть вопросы?

Их оказалось несколько, в основном о том, что именно входит в «лот шесть». Слово «засекречено» будто пустило ищеек по следу преступника. Уэнлесс довольно искусно парировал эти вопросы. Однако никто не спросил о том, что больше всего интересовало двадцатидвухлетнего Энди Макги. В тишине полупустого лекционного зала объединенного отделения психологии и социологии ему захотелось поднять руку и спросить: скажите-ка, почему вы так измочалили явно хорошую сигарету? Лучше не спрашивать. Лучше дать волю воображению, пока тянется эта скукота. Уэнлесс пытался бросить курить. Брат его умер от рака легких, и он как бы символически выражал свое отношение к табачной промышленности. В то же самое время это было похоже на нервный тик, которым профессора колледжей обычно эффектно бравируют, вместо того чтобы подавлять его. На втором курсе в Гаррисоне у Энди был преподаватель английского языка и литературы (сейчас его благополучно отправили на пенсию), постоянно нюхавший свой галстук во время чтения лекции об Уильяме Дине Хоуэлле и расцвете реализма.

— Если вопросов больше нет, я попросил бы вас заполнить эти анкеты и явиться ровно в девять в следующий вторник.

Двое помощников из студентов-выпускников раздали фотокопии с двадцатью пятью довольно нелепыми вопросами, на которые надо было ответить «да» или «нет». *Лечились ли вы когда-нибудь у психиатра? — 8. Считаете ли вы, что когда-нибудь пережили настоящее психическое расстройство? — 14. Пользовались ли вы когда-нибудь галлюциногенными наркотиками? — 18.* После небольшого раздумья Энди подчеркнул «нет» в этом вопросе, подумав: *в нынешнем славном 1969 году кто не пользовался ими?*

Его навел на это дело Квинси Тремонт, сокурсник, в общежитии они жили в одной комнате. Квинси знал, что финансовое положение Энди оставляет желать лучшего. Шел май последнего года, Энди заканчивал сороковым из курса в пятьдесят шесть человек, третьим по программе английского языка и литературы. Картошки на это не купишь, так он говорил Квинси, который специализировался по психологии. С началом осеннего семестра Энди предстояло занять место ассистента с зарплатой, которой вместе со стипендией кое-как хватило бы на хлеб с маслом, и продолжить занятия на выпускном курсе колледжа. Но все это предстояло осенью, а пока наступало летнее затишье. Лучшее, что он смог себе подыскать, была ответственная, захватывающая работа ночного дежурного на бензоколонке «Арко».

— Хочешь быстро заработать пару сотен? — как-то спросил его Квинси.

Энди отбросил длинные темные волосы со своих зеленых глаз, усмехнулся.

— В каком из мужских туалетов я получу концессию?

— Всего лишь психологический эксперимент, — сказал Квинси. — Правда, его проводит Сумасшедший доктор. Учти это.

— Кто он?

— Уэнлесс, большая сволочь. Главный шаман из отделения психологии.

— Почему его называют Сумасшедшим доктором?

— Ну, — сказал Квинси, — он потрошит крыс и вообще живодер. Ученый-бихевиорист. Нынче бихевиористов не очень-то любят.

— О, — заинтересованно произнес Энди.

— К тому же толстые маленькие очки без оправы делают его похожим на типа, который выжимал соки из людей в «Докторе Циклопе». Ты видел этот сериал?

Энди любил смотреть поздние передачи, видел сериал и почувствовал себя спокойнее. Однако он не был уверен, что имеет желание участвовать в экспериментах, которые проводит профессор, именуемый а) потрошителем крыс и б) сумасшедшим доктором.

— Они не пытаются выжимать соки из людей, пока те не усохнут, а? — спросил он.

Квинси искренне рассмеялся.

— Нет, этим занимаются мастера специальных эффектов при съемках второсортных фильмов ужасов, — сказал он. — Отделение психологии проводит испытания слабодействующих галлюциногенных препаратов. Работают в содружестве с американской разведывательной службой.

— ЦРУ? — спросил Энди.

— Не ЦРУ, не ОРУ и не НАБ, — сказал Квинси. — Более закрытое. Слышал ты когда-нибудь об учреждении под названием Контора?

— Может, встречал в воскресном приложении или еще где-то.

Квинси зажег свою трубку.

— Все они действуют примерно одинаково, — сказал он. — Психология, химия, физика, биология... Даже подкармливают специалистов по социологии. Ряд исследований субсидируется правительством. От брачного танца мухи цеце до возможности избавиться от использованных плутониевых брусков. Учреждение типа Конторы должно полностью расходовать свои ежегодные ассигнования, чтобы на следующий год получить такую же сумму.

— Мне это дерьмо не нравится, — сказал Энди.

— И должно не нравиться любому мыслящему человеку, — сказал Квинси со спокойной умиротворяющей

улыбкой. — А дело делается. Чего хочет наша разведывательная служба от слабодействующих галлюциногенов? Кто знает? Ни я. Ни ты. Может, сама не знает. Зато замечательно выглядят доклады в закрытых слушаниях комиссий конгресса, когда подходит время для возобновления бюджета... В каждом департаменте у них свои дрессированные собачки. Собачка в Гаррисоне — Уэнлесс из отделения психологии.

— А руководство колледжа не возражает?

— Не будь наивным, дорогой. — Он с удовольствием полностью раскурил трубку, и клубы вонючего дыма расползались по их похожей на крысиную нору комнате. Голос его зазвучал полнозвучно, с переливами, более решительно. — Что хорошо для Уэнлесса — хорошо для отделения психологии Гаррисона, которое на следующий год получит свое собственное помещение, не будет больше тесниться вместе с этими типами — социологами. А что хорошо для психов, хорошо для колледжа в Гаррисоне. И для Огайо.

— Думаешь, это безопасно?

— Они не испытывают препараты на студентах-добровольцах, если это опасно, — сказал Квинси. — Если есть хоть малейшее сомнение, они испытывают сначала на крысах, затем на заключенных. Будь уверен, то, что вольют в тебя, уже вливалось примерно тремстам испытуемым, их реакции тщательно запротоколированы.

— Не нравится мне это дело с ЦРУ.

— Тут Контора.

— Какая разница? — мрачно спросил Энди. Он взглянул на плакат, повешенный Квинси: Никсон был изображен у разбитой старой машины. Никсон ухмылялся и короткими пальцами обеих рук изображал V, означавшее победу. Энди с трудом верилось, что этого человека менее года назад избрали президентом.

— Я просто подумал, тебе не помешают две сотни долларов, только и всего.

— Почему они так много платят? — подозрительно спросил Энди.

Квинси всплеснул руками:

— Энди, это же правительственное мероприятие. Неужели не понимаешь? Два года назад Контора уплатила что-то около трехсот тысяч долларов за исследования взрывающихся велосипедов, чтобы пустить их в серию, — об этом печатали в «Санди таймс». Думаю, еще одна вьетнамская штука, хотя никто точно не знает. Как говорил Фиббер Макги, «в свое время это казалось хорошей идеей». — Квинси быстрым, резким движением выбил трубку. — Для этих парней каждый колледж в Америке — один большой универмаг «Мейси». Купят здесь, поглазеют на витрины там. Но если ты не хочешь...

— Может, и хочу. А ты участвуешь?

Квинси улыбнулся. У его отца была цепь процветающих магазинов по продаже мужской одежды в Огайо и Индиане.

— Я не так уж нуждаюсь в двух сотнях, — сказал он. — И шприцы ненавижу.

— А-а.

— Слушай, я не уговариваю тебя, Боже упаси, просто у тебя слегка голодный вид. В любом случае всего половина шансов, что ты попадешь в подконтрольную группу. Двести монет за вливание воды. И даже, имей в виду, не водопроводной. *Дистиллированной.*

— Можешь устроить?

— Я ухаживаю за одной ассистенткой-выпускницей Уэнлесса, — сказал Квинси. — Они собрали около пятидесяти желающих, в большинстве это те, кто хочет выслужаться перед Сумасшедшим доктором...

— Перестань его так называть, пожалуйста.

— Тогда Уэнлессом, — смеясь сказал Квинси. — Он лично контролирует отсеб лизоблюдов. Моя девочка проследит, чтобы твое заявление попало в нужную папку. А дальше, дорогой, разбирайся сам.

Он подал заявление, когда на доске объявлений в отделении психологии появился призыв к добровольцам. Неделью спустя молодая ассистентка (приятельница Квинси, как понял Энди) позвонила ему по телефону и задала несколько вопросов. Он ответил ей, что его родители умерли, что у него нулевая группа крови, что он никогда не участвовал в экспериментах отделения психологии, что

он в настоящее время действительно является студентом-выпускником в Гаррисоне, для точности — выпускник 69 года. Разумеется, ему уже больше двадцати одного и он юридически правомочен вступать в любые соглашения с государственными организациями и частными лицами.

Неделей позже по внутренней почте он получил письмо с сообщением о приеме и предложением подписать анкету. Пожалуйста, занесите подписанную анкету в комнату 100 шестого мая.

И вот он там, анкета вручена, истребитель сигарет Уэнлесс ушел (он и вправду смахивает на сумасшедшего доктора в фильме о Циклопе), вместе с одиннадцатью другими выпускниками он отвечает на вопросы о своих религиозных убеждениях. Не страдал ли он эпилепсией. Нет. Отец умер внезапно от инфаркта, когда Энди было одиннадцать лет. Мать погибла в автомобильной катастрофе, когда ему было семнадцать, — жуткое, мучительное воспоминание. Единственной близкой родственницей осталась сестра матери тетя Кора; она уже в годах.

Отвечая НЕТ, НЕТ, НЕТ, он двигался вниз по колонке с вопросами. Только на один вопрос ответил ДА. *«Были ли у вас когда-нибудь переломы или серьезные растяжения связок? Если ДА, уточните»*. В нужной графе он нацарапал, что сломал кость левой лодыжки, играя в бейсбол двенадцать лет назад.

Он просматривал свои ответы, двигая кончиком шариковой ручки вверх. В этот момент кто-то дотронулся до его плеча, и девичий голос, мягкий, с небольшой хрипотцой, спросил: «Не дадите ли ручку, если освободилась? В моей кончилась паста». — «Конечно», — сказал он, повернувшись и протягивая ручку. Симпатичная девушка. Высокая. Слегка рыжеватые волосы, восхитительный цвет лица. Одета в нежно-голубой свитер и короткую юбку. Стройные ноги. Без чулок. Будущая жена оценена вскользь.

Он передал ручку — она благодарно улыбнулась. Наклонилась — лампы на потолке медными огоньками отразились в ее волосах, небрежно стянутых сзади широкой белой лентой.

Он отнес анкету ассистентке в глубине комнаты.

— Спасибо, — сказала ассистентка запрограммированным голосом робота. — Комната семьдесят, утром в субботу, в девять часов. Пожалуйста, не опаздывайте.

— Какой пароль? — просипел Энди.

Ассистентка вежливо засмеялась.

Энди вышел из лекционного зала, пошел через вестибюль к большим двойным дверям (за ними наступающее лето зеленило двор, по двору бесцельно слонялись студенты) и тут вспомнил о своей ручке. Он махнул бы на нее рукой: всего-то девятнадцатипятицентовый «Бик», но ему еще предстояло писать перед началом последних экзаменов. Да и девушка симпатичная, может, стоило ее, как говорится, покадрить. У него не было иллюзий ни относительно своей наружности и комплекции — довольно ординарных, — ни по поводу возможного статуса девушки (уже встречается или обручена), но день выдался замечательный, и у него было хорошее настроение. Решил подождать. По крайней мере еще раз глянуть на ее ноги.

Девушка вышла минуты через три-четыре, под мышкой — блокноты и какая-то рукопись. Она действительно была прелестна — Энди рассмотрел, что ноги стоили ожидания: не просто хороши — загляденье!

— А, вы здесь, — улыбаясь сказала она.

— Да, — сказал Энди Макги. — Что вы обо всем этом думаете?

— Не знаю, — сказала она. — Подруга говорит, что это постоянные эксперименты: в прошлом семестре она участвовала в одном из них с таблицами Дж. Б. Райна по передаче мыслей на расстояние, получила пятьдесят долларов, хотя почти ничего не отгадала. Вот я и подумала... — Она завершила мысль пожатием плеч и аккуратно откинула свои медные волосы назад через плечо.

— Я тоже ничего не знаю, — сказал он, беря свою ручку. — Ваша подруга на отделении психологии?

— Да, — ответила она, — и друг мой там. Он в одном из классов доктора Уэнлесса, но не попал в эксперимент: доктор не берет своих учеников.

Друг. Неудивительно, что высокая рыжеволосая красавица имеет друга. Так устроен мир.

— А как вы сюда попали? — спросила она.

— Та же история. Приятель в психотделении. Между прочим, я — Энди. Энди Макги.

— Я — Вики Томлинсон. Меня все это немного беспокоит, Энди Макги. Вдруг начнется какой-нибудь наркотический бред или что-то еще?

— По моему, все довольно безобидно. Даже если это наркотик, что ж... наркотик в лаборатории это не то, что можно подцепить на улице. Мягкого действия, вводится в спокойной обстановке. Может, они будут крутить музыку «Крим» или «Джефферсон эйрплейн». — Энди усмехнулся.

— Что вы знаете о ЛСД? — спросила она с легкой усмешкой, которая ему очень понравилась.

— Крайне мало, — признался он. — Пробовал дважды: впервые два года назад, а раз — в прошлом году. В некотором смысле я почувствовал себя лучше. Он прочистил голову... По крайней мере, мне так показалось. После этого всякой дряни в голове вроде стало меньше. Но я не хотел бы привыкать к нему. Мне не нравится ощущение потери контроля над собой. Можно угостить вас кока-колой?

— Хорошо, — согласилась она, и они вместе пошли к зданию студенческого клуба.

Он купил две бутылки кока-колы, и они провели остаток дня вместе. Вечером выпили по несколько кружек пива в местной забегаловке. Оказалось, она хочет разбежаться с другом и не знает, как вести себя в этих обстоятельствах. Он, видимо, вообразил, что они уже женаты, рассказала она Энди, и категорически запретил ей участвовать в эксперименте Уэнлесса. Именно поэтому она не отказалась, подписала анкету и теперь готова на все, хотя и страшновато.

— Этот Уэнлесс действительно смахивает на сумасшедшего доктора, — сказала она, рисуя пивной кружкой круги на столе.

— Как вам нравится фокус с сигаретами?

Вики хихикнула:

— Довольно странный способ бросить курить, а?

Он спросил, не зайти ли за ней утром в день эксперимента. Она охотно согласилась.

— Хорошо пойти туда вместе с другом, — сказала она и посмотрела на него ясными голубыми глазами. — Знаете, я действительно немного боюсь. Джордж был так... — как это сказать?.. — *непреклонен*.

— Почему? Что он говорил?

— В том-то и дело, — сказала Вики. — Он, по сути, ничего не говорил, кроме того, что не доверяет Уэнлессу и вряд ли кто в отделении доверяет ему, но многие записываются на его опыты, потому что он руководит подготовкой выпускников. К тому же это безопасно: Уэнлесс своих учеников отсеивает.

Он потянулся через стол, коснулся ее руки.

— Как бы то ни было, мы оба, возможно, получим дистиллированную воду, — сказал он. — Не волнуйся, крошка. Все в порядке.

Оказалось, все совсем не в порядке. Совсем.

— Олбани... Аэропорт Олбани, мистер... Эй, мистер, приехали.

Трясущая его рука. Голова болтается на шее. Ужасная головная боль! — Боже! Тупая, стреляющая боль.

— Эй, мистер, мы в аэропорту.

Энди открыл глаза, тут же закрыл перед ослепительным светом ртутного фонаря. Раздался чудовищный, ревущий вой, он нарастал, нарастал, нарастал. Энди содрогнулся от него. В уши словно втыкали стальные вязальные спицы. Самолет. Взлетает. Это дошло сквозь красный туман боли. О да, теперь все это доходит до меня, доктор.

— Мистер? — Таксист казался обеспокоенным. — Мистер, как вы себя чувствуете?

— Голова болит. — Голос его, казалось, звучит откуда-то издалека, погребенный под звуком милосердно затихающего реактивного двигателя. — Который час?

— Почти полночь. Движение замирает. Не говорите, сам скажу. Автобусов не будет, если вы собрались куда-то. Вас не отвезти домой?

Энди попытался вспомнить байку, рассказанную таксисту. Необходимо ее вспомнить, несмотря на головную боль. Стоит ему сказать что-то противоречащее тому, что он говорил раньше, и в голове таксиста возникнет вторичная реакция. Может, она пройдет сама собой, скорее всего пройдет, а может, и нет. Таксист ухватится за какой-то момент, заикнется на нем, подчинится этой мысли, а затем она будет просто разрывать ему мозг. Так уже случилось.

— Моя машина на стоянке, — сказал Энди. — Не беспокойтесь.

— А-а, — таксист облегченно улыбнулся. — Знаете, Глин просто не поверит всему этому. Эй! Не говорите, сам...

— Конечно, поверит. Вы же верите, да?

Водитель расплылся в улыбке:

— У меня крупная купюра для доказательства, мистер. Спасибо.

— Вам спасибо, — сказал Энди. Трудно, но нужно быть вежливым. Трудно, но нужно продолжать. Ради Чарли. Будь он один, давно покончил бы с собой. Человек не приспособлен к такой боли.

— Вы уверены, что в порядке, мистер? У вас ужасно бледный вид.

— Все хорошо, спасибо. — Он стал будить Чарли. — Эй, ребенок. — Не хотел произносить ее имени. Может, зря, но осторожность, подобно дыханию, стала для него естественной. — Проснись, мы приехали.

Чарли что-то забормотала, попыталась увернуться от него.

— Давай, кукляшка. Проснись, малышка.

Веки Чарли, задрожав, поднялись и открыли ясные голубые глаза, унаследованные от матери. Она села, потирая лицо.

— Папочка? Где мы?

— Олбани, малышка, аэропорт. — И, наклонившись поближе к ней, он пробормотал: — Ничего больше не говори.

— Хорошо. — Она улыбнулась водителю такси, тот ответил улыбкой. Она выскользнула из машины, Энди, стараясь не споткнуться, последовал за ней.

— Еще раз спасибо, — сказал таксист. — Послушайте-ка, эй. Вы — замечательный пассажир. Не говорите, сам скажу.

Энди пожал протянутую руку:

— Будьте осторожны.

— Буду. Глин не поверит, что все это — правда.

Таксист влез в машину и отъехал от кромки тротуара, окрашенной желтой краской. Еще один самолет взмывал в воздух, моторы ревели, Энди чувствовал, что его голова раскалывается пополам и готова упасть на тротуар, подобно пустой тыкве. Он споткнулся, и Чарли положила ладони на его руку.

— Ой, папочка, — сказала она. Голос ее доносился издалека.

— Войдем. Я должен присесть.

Они вошли — маленькая девочка в красных брючках, зеленой блузке и крупный сгорбившийся мужчина с растрепанными темными волосами. Какой-то служащий аэропорта посмотрел на них и подумал: это же сущий грех — бугай, бродит после полуночи, судя по всему пьян, как сапожник, с маленькой дочкой, ведущей его, как собака-поводырь, а ведь она давно должна спать. Таких родителей надо стерилизовать, подумал служащий.

Они миновали автоматически открывающиеся двери, и служащий совсем забыл о них, пока минут сорок спустя к бровке тротуара не подъехала зеленая машина, оттуда вышли двое мужчин и заговорили с ним.

Было десять минут первого ночи. В холле аэровокзала толпились ранние пассажиры: военнослужащие, возвращавшиеся из отпусков; суматошные женщины, пасущие потягивающихся невыспавшихся детей; усталые бизнесмены с мешками под глазами; длинноволосые ребята-туристы в больших сапогах, у некоторых рюкзаки за плечами, одна пара с зачехленными теннисными ракетками. Радио объ-

являло прибытие и отправление самолетов, направляло людей туда-сюда, словно какой-то могущественный голос во сне.

Энди и Чарли сидели рядышком перед стойками с привинченными к ним поцарапанными, с вмятинами, выкрашенными в черный цвет телевизорами. Они казались Энди зловещими, футуристическими кобрами. Он опустил два последних четвертака, чтобы их с Чарли не попросили освободить места. Телевизор перед Чарли показывал старый фильм «Новобранцы», а в телевизоре перед Энди Джонни Карсон наигрывал что-то вместе с Санни Боно и Бадди Хэккетом.

— Папочка, я должна это сделать? — спросила Чарли во второй раз. Она почти плакала.

— Малышка, я выдохся, — сказал он. — У нас нет денег. Мы не можем здесь оставаться.

— А те плохие люди приближаются? — спросила она, голос ее упал до шепота.

— Не знаю. — Цок, цок, цок — у него в голове. Уже не черная лошадь; теперь это были почтовые мешки, наполненные острыми обрезками железа; их сбрасывали на него из окна пятого этажа. — Будем исходить из того, что они приближаются.

— Как достать денег?

Он заколебался, потом сказал:

— Ты знаешь.

В ее глазах появились слезы и потекли по щекам.

— Это нехорошо. Нехорошо красть.

— Знаю, — сказал он. — Но и нехорошо нас преследовать. Я тебе это объяснял, Чарли. Или, по крайней мере, пытался объяснить.

— Про большое нехорошо и маленькое нехорошо?

— Да. Большее и меньшее зло.

— У тебя сильно болит голова?

— Довольно сильно, — сказал Энди. Бессмысленно говорить ей, что через час или, возможно, через два голова разболится так, что он не сможет связно мыслить. Зачем запугивать ее больше, чем она уже запугана. Какой смысл говорить ей, что на сей раз он не надеется уйти.

— Я попытаюсь, — сказала она и поднялась с кресла. — Бедный папочка. — Она поцеловала его.

Он закрыл глаза. Телевизор перед ним продолжал играть — отдаленный пузырь звука среди упорно нарастающей боли в голове. Когда он снова открыл глаза, она казалась далекой фигуркой, очень маленькой в красном и зеленом, словно рождественская игрушка, уплывавшая, пританцовывая, среди людей в зале аэропорта.

Боже, пожалуйста, сохрани ее, подумал он. Не дай никому помешать ей или испугать ее больше, чем она уже испугана. Пожалуйста и спасибо, Господи. Договорились?

Он снова закрыл глаза.

Маленькая девочка в красных эластичных брючках и зеленой синтетической блузке. Светлые волосы до плеч. Невыспавшаяся. Очевидно, без взрослых. Она находилась в одном из немногих мест, где маленькая девочка может в одиночку незаметно бродить после полуночи. Она проходила мимо людей, но практически ее никто не замечал. Если бы она плакала, подошел бы дежурный и спросил, не потерялась ли она, знает ли она, на каком самолете летят ее мамочка и папочка, как их зовут, чтобы их разыскать. Но она не плакала, и у нее был такой вид, словно она знала, куда идет.

На самом деле не знала, но ясно представляла, что ищет. Им нужны деньги — именно так сказал папочка. Их догоняют плохие люди, и папочке больно. Когда ему так больно, ему трудно думать. Он должен прилечь и лежать как можно спокойнее. Он должен поспать, пока пройдет боль. А плохие люди, вероятно, приближаются... Люди из Конторы, люди, которые хотят их разлучить, разобрать их на части и посмотреть, что ими движет; посмотреть, нельзя ли их использовать, заставить делать разные штуки.

Она увидела бумажный пакет, торчавший из мусорной корзины, и прихватила его. Потом подошла к тому, что искала, — к телефонам-автоматам.

Чарли стояла, глядя на них, и боялась. Она боялась, ибо папочка постоянно твердил ей, что она не должна делать

этого... с раннего детства это было Плохим поступком. Она не всегда в силах контролировать себя и не делать плохих поступков, из-за которых может поранить себя, кого-нибудь еще, многих людей. Однажды...

...Ох, мамочка, извини, тебе больно.. Бинты, мамин крик... Она закричала, я заставила мамочку кричать, и я никогда снова... Никогда... Потому что это — Плохой поступок...

...в кухне, когда она была маленькой... но думать об этом тяжело. Это был Плохой поступок, потому что, когда ты выпускаешь это на волю, оно добирается повсюду. А это так страшно.

Было еще и разное другое. Посыл, например; папочка так называл это — мысленный посыл. Только ее посыл оказывался гораздо более сильным, чем папочкин, и у нее никогда потом не болела голова. Но иногда после... вспыхивал огонь.

Слово, которым назывался Плохой поступок, звенело в ее голове, пока она стояла, нервно поглядывая на телефонные будки: *пирокинез*. «Ничего, — говорил ей папочка, когда они были еще в Порт-сити и, как дураки, думали, что в безопасности. — Ты — сжигающая огнем, милая. Просто большая зажигалка». Тогда это показалось забавным, она хихикнула, но теперь это совсем не выглядело смешным.

Другая причина, по которой ей не следовало давать свой посыл, — *они* могут обнаружить. Плохие люди из Конторы. «Не знаю, что они сейчас знают о тебе, — говорил ей папочка, — но я не хочу, чтобы они обнаружили что-нибудь еще. Твой посыл — не совсем как мой, малышка. Ты не можешь заставить людей... ну, менять свое мнение, ведь правда?»

«Не-е-е-е...»

«Но ты можешь заставить предметы двигаться. Если же они увидят какую-то закономерность и свяжут ее с тобой, то мы окажемся в еще большем переплете, чем сейчас».

Тут нужно украсть, а кража — тоже Плохой поступок.

Ничего. У папочки болит голова, им нужно попасть в тихое теплое место, пока ему совсем не стало тяжело думать. Чарли шагнула вперед.

Там было около пятнадцати телефонных будок с полукруглыми скользящими дверьми. Быть внутри будки — все равно что в огромнейшей капсуле с телефоном внутри. Чарли видела, проходя мимо будок, — большинство темные. В одну втиснулась толстуха в брючном костюме. Она оживленно разговаривала и улыбалась. А в третьей будке от конца какой-то парень в военной форме сидел на маленьком стульчике при открытой двери, высунув наружу ноги. Он быстро говорил.

— Салли, слушай, я понимаю твои чувства, но я все объясню. Абсолютно. Знаю... Знаю... Дай мне сказать... — Он поднял глаза, увидел, что на него смотрит маленькая девочка, втянул ноги внутрь и задвинул полукруглую дверь — все одним движением, как черепаха, убирающаяся в панцирь.

Спорит со своей подружкой, подумала Чарли. Учит уму-разуму. Никогда не разрешу мальчишке так учить меня.

Эхо гудящего громкоговорителя. Страх, разъедающий сознание. Все лица кажутся чужими. Она чувствовала себя одинокой и очень маленькой, сейчас особенно тоскующей по матери. Она шла на воровство, но имело ли это какое-либо значение? Они украли жизнь ее матери. Хрустя бумажным пакетом, она проскользнула в последнюю телефонную будку, сняла трубку с рычага, притворилась, будто разговаривает — привет, деда, да, мы с папочкой, только что приехали, все в порядке, — и смотрела через стекло, не подглядывает ли кто-нибудь за ней. Никого. Единственным человеком поблизости была стоявшая спиной к Чарли чернокожая женщина: она получала из автомата страховку на полет.

Чарли взглянула на телефонный аппарат и вдруг передала ему приказ, толкнула его.

От усилия она бормотнула что-то и закусила нижнюю губу, ей понравилось, как та скользнула под зубы. Нет, никакой боли она не почувствовала. Ей нравилось вот так

толкать вещи, это обстоятельство тоже пугало ее. А что если ей всерьез понравится это опасное занятие?

Она опять совсем слегка толкнула таксофон — из отверстия для возврата монет вдруг полился серебристый поток. Она попыталась подставить пакет, но не успела — большинство четвертаков, пятаков и десятицентовиков высыпалось на пол. Она наклонилась и, поглядывая через стекло, смела сколько смогла монеток в пакет.

Собрав мелочь, она перешла в следующую будку. В соседней все еще разговаривал военнослужащий. Он снова открыл дверь и курил.

— Сал, клянусь Богом, я это сделал! Спроси хоть своего брата, если мне не веришь! Он...

Чарли плотно задвинула дверь, приглушив слегка ноющий звук его голоса. Ей было всего семь лет, но она чувствовала, когда лгали. Она взглянула на аппарат, и тот отдал свою мелочь. На сей раз девочка точно подставила пакет — монеты посыпались в него с легким мелодичным звоном.

Военнослужащий уже ушел, когда Чарли выскользнула из своей будки и вошла в его. Сиденье все еще было теплым, и в воздухе, несмотря на вентилятор, противно пахло сигаретным дымом.

Деньги прозвенели в пакет, и она двинулась дальше.

Эдди Делгардо сидел в жестком контурном пластиковом кресле, посматривал на потолок и курил. Стерва, думал он. В следующий раз пусть хорошенько подумает, прежде чем откажет ему в постели. Эдди это, и Эдди то, и, Эдди, я никогда не захочу видеть тебя снова, и, Эдди, как ты можешь быть таким жесто-о-ким. Но он уже показал ей за это надоевшее «я-не-хочу-видеть-тебя-снова». Он был в тридцатидневной увольнительной и теперь направлялся в Нью-Йорк поглазеть на виды Большого яблока* и пройти по барам для одиночек. А когда он вернется,

* Яблоко — символ города Нью-Йорка.

Салли сама будет, как большое спелое яблоко, спелое и готовое упасть. Никакое «разве-ты-меня-совсем-не-ува-жаешь» не пройдет с Эдди Делгардо из Марафона, штат Флорида, и если она вправду верит бреду о том, что его стерилизовали, так ей и надо. Пусть бежит, если хочет, к своему захоластному братцу-учителю. Эдди Делгардо будет водить армейский грузовик в Западном Берлине. Он будет...

Течение полувозмущенных, полуприятных мечтаний Эдди было прервано каким-то странным ощущением теплоты, поднимающейся от ног: словно пол внезапно нагрелся на десять градусов. А вместе с этим ощущался какой-то странный, но вроде чем-то знакомый запах... не то чтобы что-то горело... может, что-то тлело.

Он открыл глаза и первое, что увидел, была та девчушка, которая толкалась около телефонных будок, девчушка семи или восьми лет, выглядевшая порядком измученной. Теперь у нее в руках был большой бумажный пакет, она поддерживала его снизу, словно он был полон продуктов или чего-то еще.

Но все дело в его ногах.

Он чувствовал уже не тепло. Он чувствовал жар.

Эдди Делгардо посмотрел вниз и закричал:

— Боже праведный Иисусе!

Ботинки горели.

Эдди вскочил на ноги — головы повернулись в его сторону. Некоторые женщины в страхе завизжали. Двое охранников, болтавших с контролершей у стойки «Алле-гени эйрлайнз», обернулись посмотреть, что там происходит.

Но все это не имело значения для Эдди Делгардо. Мысли о мести напрочь вылетели у него из головы. Его армейские ботинки весело горели. Начинали гореть обшлага зеленых фирменных брюк. Он мчался по залу со шлейфом дыма, словно им выстрелили из катапульты. Ближе всего был женский туалет, и Эдди, обладавший поразительно развитым чувством самосохранения, с ходу протянутыми руками толкнул дверь этого туалета и, не колебавшись, влетел внутрь.

Из кабинки выходила молодая женщина. Придерживая задранную до пояса юбку, она поправляла нижнее белье. Увидев Эдди, полыхавшего, как факел, она издала вопль, многократно усиленный кафельными стенами туалета. Из нескольких занятых кабинок раздалась возгласы «Что там такое?» и «В чем дело?» Эдди ухватил дверь в платную кабинку прежде, чем она захлопнулась, и ворвался внутрь. Он уцепился сверху за обе боковые перегородки, вбросил ноги в унитаз. Раздался шипящий звук, поднялся столб пара.

Влетели двое охранников.

— Стой, эй, ты, там! — закричал один из них. Он вытащил револьвер. — Выходи оттуда, руки на голову!

— Может, подождете, пока я вытащу ноги? — огрызнулся Эдди Делгардо.

Чарли вернулась. Она плакала.

— Что случилось, крошка?

— Я достала деньги, но... у меня опять вырвалось, папочка... там был, был... солдат... я не могла удержаться...

Энди почувствовал приступ страха: сквозь боль в голове и шее он дал себя знать.

— Опять огонь, Чарли?

Она не могла говорить, кивнула. По щекам текли слезы.

— О, Боже, — прошептал Энди и заставил себя встать.

Это окончательно расстроило девочку. Она закрыла лицо руками и, раскачиваясь взад-вперед, беспомощно зарыдала.

У дверей женского туалета собралась толпа. Дверь была открыта настежь, но Энди не мог разглядеть... Затем он увидел. Двое охранников, прежде пробежавших туда, вели крепкого молодца в армейской униформе из туалета к своему отделению. Парень орал на них, и большая часть произносимого была виртуозно непристойной. Брюк ниже колен у него почти не было, а в руках он нес два почерневших предмета, которые раньше, вероятно, были ботинками — с них капала вода. Все трое вошли в отделение, дверь захлопнулась. В зале аэровокзала стоял возбужденный гомон.

Энди сел, обнял Чарли. Думалось с трудом; мысли походили на серебряных рыбок, плавающих в огромном темном море пульсирующей боли. Однако ему необходимо было сделать все возможное. Если они хотят выбраться из этой заварухи, ему нужна помощь Чарли.

— Он в порядке, Чарли. Все в порядке. Они его просто отвели в полицейский участок. Ну так что случилось?

Утирая высыхающие слезы, Чарли рассказала. Услышала разговор солдата по телефону. В связи с этим возникли какие-то беспорядочные мысли, чувство, что он хочет обмануть девушку, с которой разговаривает.

— А затем, когда возвращалась к тебе, я увидела его... и не могла остановиться... это случилось. Просто вырвалось... Я могла ему сделать больно, папочка. Я могла причинить ему сильную боль. Я его подожгла.

— Говори тише, — сказал он, — и слушай меня, Чарли. Думаю, что случилось самое обнадеживающее событие за все последнее время.

— Думаешь? — Она посмотрела на него с откровенным удивлением.

— Говоришь, это вырвалось у тебя, — сказал Энди, подчеркивая каждое слово. — Именно. Но не так, как прежде. Вырвалось лишь совсем немного. Это — опасно, малышка, но... ты же могла сжечь ему волосы. Или даже лицо.

Она в ужасе отшатнулась, представив себе это. Энди снова ласково повернул ее к себе.

— Это происходит подсознательно и направлено на того, кто тебе не нравится, — сказал он. — Но... ты и в правду не повредила этому парню, Чарли. Ты... — Все куда-то исчезло, и осталась одна боль. Разве он продолжал говорить? На какое-то мгновение он перестал сообщать.

Чарли по-прежнему чувствовала, как Плохой поступок вертится у нее в голове, норовя вырваться снова, сотворить что-нибудь еще. Он — как маленький, злобный и довольно глупый зверек. Стоит лишь выпустить его из клетки, чтобы сделать что-нибудь, вроде добывания денег из телефонов, и он может обернуться чем-то совсем ужасным,

...Как с мамочкой на кухне, ох, мам, прости...
прежде чем загонишь его назад. Но сейчас это не имело значения. Сейчас она не будет думать об этом, она не будет думать об

бинты, моя мамочка должна носить бинты, потому что я обожгла ее...

этом совсем. Сейчас важно, что с папой. Он как-то обмяк в кресле перед телевизором, лицо его искажено болью. Он бел, как бумага. Глаза налились кровью.

Ой, папочка, думала она, если бы я могла, я поменялась бы с тобой местами. В тебе сидит что-то, оно причиняет боль, но никогда не вырывается из клетки. Во мне что-то большое, совсем не причиняет мне боли, но, ой, иногда так страшно...

— Я достала деньги, — сказала она. — Я обошла не все телефоны, пакет стал тяжелым, боялась — прорвется. — Она озабоченно взглянула на него. — Что нам делать, папочка? Тебе нужно прилечь.

Энди медленно пригоршнями стал перекладывать мелочь из пакета в карманы своего вельветового пиджака. Он спрашивал себя: кончится ли когда-нибудь сегодняшняя ночь? Ему хотелось поймать другое такси, отправиться в город и попасть в первый попавшийся отель или мотель... Но он боялся. Такси могут выследить. У него сильное ощущение, что зеленая машина где-то поблизости.

Он попытался вспомнить все, что знал об аэропорте Олбани. Прежде всего, это был аэропорт округа Олбани; по существу, он находился не в самом Олбани, а в городке Колони. Район секты трясун — разве дедушка не говорил ему когда-то, что это район трясун? Может, они уже повымерли? А как насчет шоссе? Автострад? Ответ приходил медленно. Была тут одна дорога... какая-то Уэй. Нортуэй или Саутуэй, подумал он.

Открыл глаза, взглянул на Чарли:

— Сможешь идти, детка? Пару миль?

— Конечно. — Она поспала в такси и чувствовала себя сравнительно бодрой. — А ты?

В этом вопрос. Он не знал.

— Попробую, — сказал он. — Мне кажется, мы должны выйти на главную дорогу и поймать машину, малышка.

— Проголосовать? — спросила она.

Он кивнул:

— Выследить уехавшего на попутной машине довольно трудно, Чарли. Если повезет, кто-нибудь подхватит нас, а к утру уже домчит до Буффало. Если нет, мы будем стоять на обочине и голосовать, пока не появится зеленая машина.

— Если так надо, — сказала нерешительно Чарли.

— Давай, — сказал он, — помоги мне.

Он поднялся на ноги — сильнейший удар боли. Покачнулся, закрыл глаза, снова открыл. Люди выглядели нереальными. Цвета казались чересчур яркими. Мимо прошла женщина на высоких каблуках, и каждый их стук по плитам пола походил на звук захлопывающегося стального сейфа.

— Папочка, ты правда сможешь? — Ее голосок звучал слабо, испуганно.

Чарли. Но Чарли выглядела нормально.

— Думаю, смогу, — сказал он. — Пошли.

Они вышли в другую дверь; служащий аэропорта, заметивший их, когда они вылезали из такси, на сей раз был занят разгрузкой чемоданов из грузовика. Он не видел, как они вышли.

— В какую сторону, папочка? — спросила Чарли.

Он посмотрел в обе стороны и увидел Нортуэй, огибающую здание вокзала ниже и справа. Но как попасть туда — вот вопрос. Повсюду тянулись дороги — сверху, снизу, знаки ПРАВЫЙ ПОВОРОТ ЗАПРЕЩЕН, ОСТАНОВКА ПО СИГНАЛУ, ДЕРЖИТЕСЬ ЛЕВее, ПАРКОВКА ЗАПРЕЩЕНА В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ. Огни светофоров, словно встревоженные призраки, мигали в предутренней темноте.

— Думаю, сюда, — сказал он. Они прошли вдоль вокзала по вспомогательной дорожке со знаками ТОЛЬКО ПОГРУЗКА И РАЗГРУЗКА. Тротуар кончился в конце вокзала. Мимо них равнодушно промчался большой сереб-

ристый «мерседес», отраженный блеск ртутных светильников на его поверхности заставил Энди вздрогнуть.

Чарли вопросительно посмотрела на него.

Энди кивнул:

— Идем дальше, в сторону. Тебе не холодно?

— Нет, папочка.

— Слава Богу, ночь теплая. Твоя мама...

Он не мог говорить.

И они ушли в темноту — крупный широкоплечий мужчина и маленькая девочка в красных брючках и зеленой блузке, державшая его за руку, словно поводыр.

Зеленая машина появилась минут пятнадцать спустя и остановилась рядом с желтой кромкой тротуара. Из нее вышли двое — те самые, что преследовали Энди и Чарли до такси в Манхеттене. Водитель остался за рулем.

Подошел охранник аэропорта.

— Здесь стоять нельзя, сэр, — сказал он. — Если вы проедете ту...

— Мне можно, — ответил водитель. Он показал охраннику удостоверение. Тот взглянул на него, посмотрел на водителя, затем на фотокарточку в удостоверении.

— А, — сказал он. — Извините, сэр. Нам что-то нужно знать в связи с этим?

— Ничего, что касалось бы охраны аэропорта, — сказал водитель, — но вы можете помочь. Видели сегодня кого-нибудь из этих двоих? — Он протянул охраннику фотографию Энди, а затем расплывчатую фотографию Чарли. На фото волосы заплетены в косички. Тогда была жива ее мать. — Теперь девочка на год старше, — объяснил водитель. — Волосы у нее короче. Примерно до плеч.

Охранник вглядывался, вертя фотографии в руках.

— Знаете, кажется, я видел эту девочку, — сказал он. — Она светловолосая? По фото трудно сказать...

— Верно, светловолосая.

— Мужчина — ее отец?

— Не спрашивайте, и я не буду вам врать.

Аэропортовский охранник испытывал прилив неприязни к этому нахальному молодцу за рулем непримечательной зеленой машины.

Ему случалось иметь дело с ФБР, ЦРУ и учреждением, которое называли Конторой. Агенты походили друг на друга: откровенно наглые, с начальственными манерами. Они смотрели на человека в синей форме как на игрушечного полицейского. Однако когда пять лет назад тут угнали самолет, именно «игрушечные» полицейские захватили типа, увешанного гранатами, и он находился под охраной «настоящих» полицейских, когда покончил с собой, вскрыв ногтями сонную артерию. Вот так-то, ребята.

— Послушайте... сэр. Я спросил, не отец ли он ей, ища портретного сходства. Эти снимки не дают повода думать так.

— Они, кажется, немного похожи. Различаются цветом волос.

Это я вижу и без тебя, кретин, подумал аэропортовский охранник.

— Я видел их, — сказал он водителю зеленой машины. — Он — крупный мужчина, больше, чем на снимке, вроде больной или что-то подобное.

— Правда? — удовлетворенно сказал водитель.

— Вообще у нас сегодня ночь. Какой-то болван ухитрился поджечь собственные ботинки.

Водитель так и подскочил за рулем:

— Что ты сказал?

Аэропортовский охранник кивнул, довольный, что выражение скуки на лице водителя как рукой сняло. Он не был бы так доволен, скажи ему водитель, что он сию минуту сам напросился на допрос в манхеттенском отделении Конторы. А Эдди Делгардо, вероятно, вышиб бы из него все потроха, потому что вместо посещения баров для одиноких (а также массажных заведений и порнографических магазинчиков на Таймс-сквер) во время яблочных дней своего отпуска ему предстояло провести эти дни одурманенным лекарствами в состоянии полной отключки, рассказывая снова и снова, что случилось до и сразу после того, как загорелись его ботинки.

Другие двое из зеленого автомобиля разговаривали со служащими аэропорта. Один из них нашел служащего, видевшего, как Энди и Чарли вылезали из такси и входили в здание вокзала.

— Они. Я еще подумал: стыдно пьяному мужику таскать с собой маленькую девочку так поздно.

— Может, они сели в самолет? — предположил один из двух мужчин.

— Может и сели, — согласился служащий. — И что думает мать ребенка? Знает ли она, что происходит?

— Сомневаюсь, — сказал мужчина в темно-синем шерстяном костюме. Он говорил убежденно. — Вы не видели, как они ушли?

— Нет, сэр. Насколько я понимаю, они еще где-то тут... если, конечно, не был объявлен их рейс.

Двое быстро обежали главный вестибюль, затем прошли сквозь выход на посадку, держа в руках удостоверения так, чтобы охранники могли их видеть. И встретились у стойки «Юнайтед эйрлайнз».

— Пусто, — сказал первый.

— Думаешь, сели в самолет? — спросил второй в добротном темно-синем шерстяном костюме.

— Не думаю, что у сукина сына больше пятидесяти долларов за душой... а может, и того меньше.

— Проверим?

— Да. Но быстро.

«Юнайтед эйрлайнз». «Аллегени». «Америкэн». «Брэнифф». Местные авиалинии. Никто не видел, как широкоплечий мужчина, выглядевший больным, покупал билеты. Правда, грузчик «Олбани эйрлайнз» вроде видел маленькую девочку в красных брюках и зеленой кофточке. Симпатичные светлые волосы до плеч.

Двое встретились в креслах перед телевизорами, где еще недавно сидели Энди и Чарли.

— Что ты думаешь? — спросил первый.

Агент в шерстяном костюме был явно встревожен.

— Нам следует перекрыть весь район, — сказал он. — Думаю, они идут пешком.

Почти бегом двое направились к зеленой автомашине.

Энди и Чарли шли в темноте вдоль плавного изгиба вспомогательной дорожки аэропорта. Иногда мимо проскакивала автомашина. Был почти час ночи. В миле позади них те двое вновь присоединились к третьему партнеру в зеленой машине. Энди и Чарли брели параллельно Нортуэй, которая находилась внизу справа, освещенная сиянием бестеневых ртутных ламп. Можно спуститься с насыпи и попытаться остановить машину на обочине, но если там появится полицейский, это лишит их даже самой малой надежды на спасение. Энди спрашивал себя, сколько еще нужно идти, прежде чем они подойдут к спуску. Каждый его шаг болезненно отзывался в голове.

— Папочка? Как ты себя чувствуешь?

— Да пока ничего, — сказал он, хотя это было не так. Он не обманывал себя и сомневался, обманывал ли он Чарли.

— Далеко еще?

— Ты устала?

— Нет пока, но, папочка...

Он остановился, тревожно посмотрел на нее.

— В чем дело, Чарли?

— Мне кажется, плохие люди опять где-то рядом, — прошептала она.

— Ладно, — сказал он. — Наверно, лучше сократить путь, малышка. Ты можешь спуститься с этого холма и не упасть?

Она взглянула на откос, покрытый увядшей октябрьской травой.

— Попробую, — сказала она нерешительно.

Он переступил через натянутые тросы ограждения и помог Чарли перелезть. Как случилось в моменты особенно острой боли и напряжения, его мозг попытался уйти в прошлое, избежать стресса. Бывали и хорошие времена, перед тем как тень стала постепенно наползать на их жизнь — сначала только на него и Вики, затем на всех

троих, отнимая понемногу счастье с неумолимостью затмения, постепенно скрывающего луну. То было...

— Папочка! — внезапно закричала Чарли. Она поскользнулась. Трава была сухой, скользкой, обманчивой. Энди потянулся к ее взлетевшей руке, упустил ее и упал сам. Удар при падении на землю вызвал такую боль в голове, что он закричал. И оба они покатались по склону к Нортуэй с мчавшимися по ней автомашинами чересчур быстро, чтобы иметь возможность остановиться, если один из них — он или Чарли — скатится на проезжую часть.

Ассистент затянул резиновый жгут вокруг руки над локтем и сказал: «Сожмите кулак, пожалуйста». Энди сжал. Вена послушно вздулась. Он отвернулся в сторону, почувствовав тошноту. Даже за двести долларов у него не было желания видеть, как воткнут шприц.

Вики Томлинсон лежала на соседней кушетке, одетая в серые брюки и белую кофточку без рукавов. Она натянуто улыбнулась. Он вновь увидел, какие у нее красивые рыжие волосы, как хорошо они гармонируют с ясными голубыми глазами... Затем болезненный укол и пульсация в руке.

— Готово, — успокаивающе сказал ассистент.

— Ничего готового, — ответил Энди. Он волновался.

Они находились наверху, в комнате 70 Джейсон Гирни Холла. Туда из лазарета колледжа притащили дюжину коек. Двенадцать добровольцев лежали на них, привалившись к подушкам с синтетической антиаллергической набивкой, и зарабатывали свои деньги. Доктор Уэнлесс сам не колол, но прохаживался между кушетками с ледяной улыбочкой, находя слово для каждого. *Мы сейчас начнем усыхать*, меланхолически думал Энди.

Когда все собрались, Уэнлесс произнес короткую речь. Сказанное им сводилось к следующему. Не бойтесь. Вы находитесь в надежных руках Современной Науки. Энди не очень-то верил в Современную Науку, которая дала миру водородную бомбу, напалм и лазерное ружье, наряду с вакциной Солка и клиразилом.

Ассистент в это время занимался делом. Зажимал щипцами трубки капельниц.

Раствор состоит из декстрозы и воды, говорил Уэнлесс... Он назвал это раствором Д5У. Ниже зажима торчал кончик трубки. Если Энди вольют «лот шесть», это сделают шприцем с иглой через эту трубку. Если он окажется в контрольной группе, это будет обычный соляной раствор. Орел или решка, как повезет.

Он снова взглянул на Вики.

— Как дела, малышка?

— Хорошо.

Подошел Уэнлесс. Стал между ними, посмотрев сначала на Вики, затем на Энди.

— Немного больно, да? — Он говорил без акцента, во всяком случае без местно-американского, но строил фразы таким образом, что Энди показалось — английский был для него вторым языком.

— Давит, — сказала Вики. — Слегка давит.

— Да? Это пройдет. — Он доброжелательно улыбнулся Энди. В белом халате Уэнлесс казался очень высоким. Очки его выглядели очень маленькими. Маленькие и очень высоко.

Энди спросил:

— Когда мы начнем съезживаться?

Уэнлесс продолжал улыбаться:

— Вы думаете, что съезжитесь?

— Съееееежжусь, — сказал Энди и глуповато ухмыльнулся. Что-то происходило с ним. Боже, он воспарял. Он взлетал.

— Все будет в порядке, — сказал Уэнлесс и улыбнулся во весь рот. Прошел дальше. И снова в путь, как в тумане подумал Энди. Он взглянул на Вики. Какие яркие у нее волосы! Как-то глупо они напомнили ему медную обмотку нового мотора... генератора... прерывателя... легкомысленную женщину...

Он громко засмеялся.

Слегка улыбаясь, словно шутке, ассистент открыл зажим, ввел еще немного раствора в руку Энди и снова ушел. Теперь Энди мог смотреть на капельницу. Она его не

тревожила. Я — сосна, думал он. Видите мои прекрасные иглы? Он снова засмеялся.

Вики улыбалась ему. Боже, она такая красивая. Ему хотелось сказать ей, какая она красивая. Ее волосы похожи на горящую медь.

— Спасибо, — сказала она. — Какой приятный комплимент.

Неужели она сказала это? Или ему померещилось?

Собирая последние остатки сознания, он произнес:

— Вики, я, кажется, слинял на дистиллированной воде.

Она безмятежно сказала:

— Я тоже.

— Приятно, правда?

— Приятно, — согласилась она сонно.

Где-то кто-то плакал. Истерически рыдал. Звук нарастал и затихал какими-то необычными периодами. Он размышлял, как ему показалось, целую вечность. Энди повернул голову — посмотреть на происходящее. Все стало интересным, все находилось в замедленном движении. Замедло — так пишет всегда в своей колонке авангардистский кинокритик из их колледжа. *В этом фильме, как и в других, Антониони достигает самых выразительных эффектов, используя замедлосъемку.* Какое интересное, действительно умное слово; оно напоминает змею, ползущую из холодильника: замедло.

Несколько ассистентов-выпускников замедло бежали по комнате 70 к одной из коек, поставленной около грифельной доски. Парень на кушетке, вроде бы, что-то делал со своими глазами. Да, он определенно что-то творил с глазами, его пальцы были запущены в них, и он, похоже, норовил вырвать глазные яблоки из глазниц. Оттуда замедло текло. Игла замедло выскочила из его руки. Уэнлесс бежал замедло. Глаза у парня на койке теперь выглядели, как расплывшиеся яйца всмятку, хладнокровно заметил Энди. Да, в самом деле.

Затем вокруг кушетки собрались белые халаты, и парнишка исчез из виду. Прямо над ним висела схема. Она показывала полушария головного мозга. Энди некоторое время с интересом смотрел на нее. «Оч-чень ин-тер-р-ре-

сно», — так говорил Арт Джонсон в телепередаче «Обхо-
хочешься».

Из толчеи белых халатов поднялась окровавленная
рука, подобная руке тонущего. Пальцы были в крови, с
них свисали кусочки ткани. Рука хлопнула по плакату,
оставив кровавое пятно в форме большой кляксы. Схема
с чмокающим шумом поползла кверху и навернулась на
валок.

Потом койку подняли (парня, вырвавшего себе глаза,
не было видно) и быстро вынесли из комнаты.

Через несколько минут (часов? дней? лет?) к кушетке
Энди подошел один из ассистентов, осмотрел капельницу,
ввел еще немного «лот шесть» в мозг Энди.

— Как себя чувствуешь, парень? — спросил ассистент,
который, конечно же, не был ни выпускником, ни студен-
том — никем из них не был. Во-первых, этому типу около
тридцати пяти — несколько многовато для студента-выпу-
счника. Во-вторых, этот тип работает на Контору. Энди
вдруг осенило. Казалось абсурдным, но он знал это. А
звали его...

Энди напрягся и нашел имя. Мужчину звали Ральф
Бакстер.

Он улыбнулся. Ральф Бакстер. Здорово сработано.

— Хорошо, — сказал он. — А как тот парень?

— Какой тот парень, Энди?

— Тот, что вырвал себе глаза, — спокойно сказал
Энди.

Ральф Бакстер улыбнулся, похлопал Энди по руке:

— Довольно реальная галлюцинация, а, друг?

— Нет, правда, — отозвалась Вики. — Я тоже видела.

— Вам кажется, что видели, — сказал ассистент, ко-
торый был совсем не ассистент. — Просто вам показало-
сь одно и то же. Там около доски действительно лежал
парень, у него сработала мускульная реакция... нечто
вроде судороги. Никаких выдавленных глаз. Никакой
крови.

Он двинулся дальше.

— Дорогой, разве может показаться одно и то же без
предварительной договоренности? — спросил Энди. Он

ощущал себя жутко умным. Логика была безупречной, неопровержимой. Вроде бы он положил старину Ральфа Бакстера на лопатки.

Ральф с улыбкой оглянулся, убежденный.

— При этом лекарстве такое вполне возможно, — сказал он. — Я сейчас вернусь, хорошо?

— Хорошо Ральф, — сказал Энди.

Ральф остановился и вернулся к койке Энди. Он возвращался замедленно, раздумчиво глядя на Энди. Энди отвечал широкой, дурацкой, обалделой улыбкой. Поймал тебя, старина Ральф. Уложил тебя на лопатки. Внезапно на него навалилась куча сведений о Ральфе Бакстере, целые тонны: ему тридцать пять лет, он шесть лет работает в Конторе, до того два года был в ФБР, он...

...за время своей работы он убил четверых — троих мужчин и одну женщину.

Она работала на «Ассошиэйтед пресс» и знала о...

Дальше было неясно. Да и не имело значения. Внезапно Энди не захотелось знать. Улыбка сошла с его губ. Ральф Бакстер по-прежнему смотрел на него сверху. Энди охватил жуткий страх, запомнившийся с тех пор, как он дважды попробовал ЛСД... Но на этот раз страх был более глубоким, более пугающим. Он не имел представления, откуда может знать такие вещи про Ральфа Бакстера и как вообще узнал его имя, но если он скажет Ральфу, что знает все это, он может исчезнуть из комнаты 70 Джейсон Гирни Холла с той же быстротой, с какой исчез парень, вырвавший себе глаза. Или это действительно была галлюцинация? Сейчас все казалось нереальным.

Ральф продолжал смотреть на него. Понемножку он начал улыбаться.

— Видите? — произнес он мягко. — С «лот шесть» всякие причуды случаются.

Он ушел. Энди медленно, облегченно вздохнул. Он взглянул на Вики, она смотрела на него, глаза у нее были широко открытые, испуганные. *Ей передаются мои эмоции*, думал он. *Как по радио. Щади ее! Помни, что она под действием лекарства, какою бы дрянью оно ни было!*

Он улыбнулся ей, и через мгновение Вики ответила ему неуверенной улыбкой. Она спросила его, что не так. Он ответил, вероятно, все в порядке.

...Но мы же не разговариваем — ее губы не двигаются...

...Разве нет?..

...Вики? Это ты?..

...Это телепатия, Энди? Да?..

Он не знал. Но что-то было. Он опустил веки.

«Эти люди действительно ассистенты-выпускники? — обеспокоено спросила она. — Они не похожи на тех ассистентов. Это действует лекарство, Энди?» — «Не знаю, — сказал он, все еще с закрытыми глазами. — Я не знаю, кто они. Что случилось с тем парнишкой?» — «Тем, которого они унесли?» Он снова открыл глаза и посмотрел на нее, но Вики качала головой. Она не помнила. Энди с удивлением и смятением обнаружил, что он сам едва помнил. Казалось, это произошло годы назад. Схватила судорога того парня, не так ли? Просто свело мускулы, только и всего. Он...

...вырвал себе глаза

Но, в общем, какая разница?

Поднятая рука из толчеи белых халатов, подобно руке тонущего.

Но это произошло давным-давно. Словно в двенадцатом веке.

Окровавленная рука, хлопающая по плакату. Плакат, с чмокающим шумом сворачивающийся на валок. Лучше лежать спокойно. Вики, кажется, снова нервничает.

Внезапно из динамиков в потолке полилась музыка, это оказалось приятно... гораздо приятнее, чем думать о судорогах и вытекающих глазах. Музыка была нежной и в то же время величественной. Позднее Энди решил (проконсультировавшись с Вики), что это был Рахманинов. И с тех пор при звуках музыки Рахманинова на него наплывали неясные, туманные воспоминания о бесконечном, вечном времени в комнате 70 Джейсон Гирни Холла.

Что было реальностью, а что галлюцинацией? Размышления на протяжении двенадцати последующих лет так и

не дали Энди Макги ответа на этот вопрос. Однажды ему показалось, что по комнате летают предметы, словно дует невидимый ветер, — бумажные стаканчики, полотенца, манжетка для измерения давления, смертельно опасный градус из ручек и карандашей. В другой раз, несколько позже (или на самом деле это случилось раньше? Определенной последовательности просто не было) одного из подопытных свела судорога, а затем остановилось сердце. Или это тоже показалось? Были предприняты суматошные попытки оживить его с помощью искусственного дыхания и укола непосредственно в грудную клетку, и наконец, с помощью аппарата, издававшего высокий звук и состоящего из двух черных колпаков с протянутыми от них толстыми проводами. Энди казалось, он помнил, как один из «ассистентов-выпускников» орал: «Качни его! Качни его! Или давай их мне, балда!»

И еще он спал, то будто погружаясь в туман, то выходя из него. Он разговаривал с Вики. Они рассказали друг другу о себе. Энди поведал об автомобильной аварии, в которой погибла его мать, и о том, как он после этого провел год у своей тетки в состоянии нервного шока от горя. Она рассказала ему, что, когда ей было семь лет, парнишка из бюро дежурств, которого вызвали, чтобы присмотреть за ней, пытался ее изнасиловать, а теперь она ужасно боится интимной близости — это было главной причиной разрыва между нею и ее приятелем. Он все время настаивал на постели.

Они рассказывали друг другу подробности, о которых мужчина и женщина не говорят, если незнакомы друг с другом много лет... О которых мужчина и женщина зачастую вообще никогда не говорят, даже в темноте супружеской постели, спустя десятилетия совместной жизни.

Но разговаривали ли они вслух?

Этого Энди никогда не узнал.

Время остановилось, и все же оно прошло.

Мало-помалу он выходил из дремотного состояния. Рахманинов смолк, если вообще он когда-нибудь звучал. Вики мирно спала на койке рядом с ним, сложив руки на

груди, — руки ребенка, который заснул, произнося вечернюю молитву. Энди посмотрел на нее и понял, что в какой-то момент он влюбился. Возникло глубокое и все заполонившее непреодолимое чувство. В этом не было сомнений.

Некоторое время спустя он осмотрелся. Несколько коек пустовало. Человек, быть может, пять из подопытных оставались в комнате. Некоторые спали. Один сидел на кушетке, и ассистент — совершенно нормальный ассистент-выпускник, лет, может, двадцати пяти — задавал ему вопросы и записывал в блокнот. Подопытный, очевидно, сказал что-то смешное, потому что они оба рассмеялись — негромко, осторожно, как смеются, когда рядом кто-то спит.

Энди сел, проверил себя. Самочувствие хорошее. Он попытался улыбнуться — улыбка получилась. Мускулы мирно покоились на местах. Он был бодр и свеж, каждое ощущение остро отточено и помыслы чисты. Точно так же он чувствовал себя, когда ребенком просыпался в субботу утром, зная, что велосипед стоит на подставке в гараже, а впереди у него два полностью свободных дня, праздник, о котором мечталось, где все развлечения бесплатные.

Подошел один из ассистентов-выпускников:

— Как вы себя чувствуете, Энди?

Энди взглянул на него. Это был тот же самый парень, который делал ему вливание. Когда? Год назад? Он провел ладонью по щеке и почувствовал шорох щетины.

— Как Рип ван Винкль, — сказал он.

Ассистент улыбнулся:

— Прошло только сорок восемь часов, а не двадцать лет. Как вы действительно себя чувствуете?

— Хорошо.

— Нормально?

— Что бы это слово ни означало, да. Нормально. Где Ральф?

— Ральф? — Ассистент-выпускник поднял брови.

— Да, Ральф Бакстер. Около тридцати пяти. Высокий парень. Русые волосы.

Ассистент снова улыбнулся:

— Вы его вообразили.

Энди неуверенно посмотрел на ассистента:

— Что я его?

— Вообразили. Выдумали Единственный знакомый мне Ральф, который как-то связан с испытаниями «лот шесть», — представитель «Дартан фармасьютикал» по имени Ральф Стейнхэм. А ему лет пятьдесят пять или около того.

Энди долго молча смотрел на ассистента-выпускника Ральф — иллюзия? Что ж, может и так. Налицо, конечно, все параноидальные элементы наркотического сна; Энди, казалось, помнил, что он считал Ральфа каким-то секретным агентом, который расправился с разного рода людьми. Он слегка улыбнулся. Ассистент улыбнулся в ответ... С излишней готовностью, подумал Энди. Или это тоже паранойя? Конечно, она самая.

Парня, который сидел и разговаривал, когда Энди проснулся, теперь выводили из комнаты, он пил апельсиновый сок из бумажного стаканчика.

Энди осторожно спросил:

— Никто не пострадал, а?

— Пострадал?

— Ну... ни у кого не было спазма, а? Или...

Ассистент обеспокоенно наклонился к нему:

— Слушайте, Энди, надеюсь, вы не будете распространяться о подобных вещах по всему колледжу. Это сорвет исследовательскую программу доктора Уэнлесса. В следующем семестре у нас будет «лот семь» и «восемь», и...

— Так что-нибудь было?

— У одного парнишки возникла мускульная судорога, небольшая, но довольно болезненная, — сказал ассистент. — Она прошла меньше чем через пятнадцать минут без всяких последствий. Однако мы живем теперь буквально во взрывоопасной атмосфере. *Прекратить призыв в армию, запретить корпус резервистов, запретить набор рабочих в «Доукемикл», потому что они делают напалм...* Как-то теряется мера вещей, а я считаю, что мы проводим очень важное исследование.

— Кто был тот парень?

— Вы же знаете, я не могу вам сказать. Но, пожалуйста, помните: вы находились под влиянием легкого галлюциногена. Не смешивайте навеянные лекарством фантазии с реальностью и не распространяйте эту смесь вокруг.

— Мне не разрешат это делать? — спросил Энди.

Ассистент выглядел озадаченным:

— Не знаю, как вам можно помешать. Любая исследовательская программа в колледже зависит от добровольцев. За паршивые двести долларов мы вряд ли можем ждать, что вы подпишете клятву молчания, правда?

Энди почувствовал облегчение. Если этот парень врет, то врет первоклассно. Все было лишь цепью галлюцинаций. На соседней койке зашевелилась Вики.

— Ну как? — спросил улыбаясь ассистент. — Кажется, я вроде бы должен задавать вопросы.

И он их задал. К тому времени, как Энди кончил отвечать, Вики полностью проснулась. Она выглядела отдохнувшей, спокойной, сияющей и улыбалась ему. Вопросы были подробные. Многие Энди сам бы задал себе.

Но почему у него было ощущение, что все они служили лишь прикрытием?

В тот вечер, сидя на кушетке в одном из небольших холлов студенческого клуба, Энди и Вики сравнивали свои галлюцинации.

Она не помнила того, что особенно тревожило его: окровавленную руку, безжизненно взмахнувшую над толчеей белых халатов, хлопнувшую по схеме и исчезнувшую. Энди совсем не помнил того, что живо представляла она: человек с длинными светлыми волосами приставил к кушетке на уровне ее глаз складной столик, расположил на нем ряд больших костей домино и сказал: «Сбейте их, Вики. Сбейте их все». Подчиняясь, она подняла руки, и тут человек осторожно, но твердо снова прижал их к ее груди. «Вам не нужны руки, Вики, — сказал он. — Просто сбейте их». И она взглянула на костяшки домино, и все они повалились одна за другой. Дюжина или около того.

— После этого я почувствовала усталость, — рассказывала она Энди, улыбаясь своей легкой скользящей улыбкой. — И мне показалось, будто мы говорим о Вьетнаме. Я сказала что-то вроде: «Если падет Южный Вьетнам, все они повалятся». Он улыбнулся, похлопал меня по рукам и сказал: «Почему бы вам не поспать немного, Вики? Вы, должно быть, устали». И я заснула. — Она покачала головой. — Сейчас это кажется нереальным. Я, наверно, все это придумала или галлюцинировала в связи с чем-то в прошлом. Ты не помнишь, видел ты его? Высокий парень со светлыми волосами до плеч и небольшим шрамом на подбородке?

Энди покачал головой.

— Не понимаю, как мы могли оба нафантазировать одно и то же, — сказал Энди, — если только они не создали средство, одновременно и телепатическое, и галлюциногенное. Об этом что-то говорили в последние годы... Идея состоит в том, что галлюциногены могут обострить восприятие... — Он пожал плечами, затем улыбнулся. — Карлос Кастанеда*, где вы, когда вы нам нужны?

— А может, мы просто обсуждали одно и то же видение и затем забыли об этом? — спросила Вики.

Он согласился, что такая возможность вполне существует, однако беспокойство не покидало его. Это было, как говорят, удовольствие ниже среднего.

Собравшись с силами, он сказал:

— Единственное, в чем я действительно уверен, так это в том, что я, кажется, влюбляюсь в тебя, Вики.

Она нервно улыбнулась и поцеловала его в уголок рта:

— Очень мило, Энди, но...

— Но ты немного меня боишься. Может, мужчин вообще.

— Может, и боюсь, — сказала она.

— Я прошу только о надежде.

* Карлос Кастанеда — американский антрополог, занимается культурой индейцев и их религиозными верованиями.

— Ты ее получишь, — сказала она. — Ты мне нравишься, Энди. Очень. Но, пожалуйста, помни, что я боюсь. Иногда я просто боюсь. — Она хотела слегка передернуть плечами, но вместо этого сильно вздрогнула.

— Буду помнить, — сказал он, притянув ее к себе, и поцеловал.

Секунду поколебавшись, она сама поцеловала его, крепко держа его руки в своих.

— Папочка! — вскрикнула Чарли.

Мир болезненно вращался перед глазами Энди. Ртутные фонари вдоль Нортуэй оказались внизу, а земля вверх будто стряхивала его с себя. Затем он сел, съехав с нижней части откоса, словно ребенок на санках. Ниже, внизу, беспомощно переворачиваясь, скатывалась Чарли.

Ой, она же летит прямо под колеса машин...

— Чарли, — хрипло закричал он, так, что болью пронзило горло и голову. — Берегись!

И вот она уже внизу припала к земле на обочине, рыдает в режущем глаза свете фар проходящей машины. Через секунду он приземлился рядом с громким шмяканьем, которое отдалось по всему позвоночнику и ударило в голову. Предметы сдвоились перед глазами, строились, а затем постепенно встали на свои места.

Чарли сидела на корточках, закрыв лицо руками.

— Чарли, — сказал он, тронув ее руку. — Все в порядке, малышка.

— Жаль, не попала под машину! — выкрикнула она пронзительным и злым голосом, с такой ненавистью к себе, что у Энди заныло сердце. — Так мне и надо за то, что подожгла того человека!

— Ш-ш-ш, — сказал он. — Чарли, ты не должна больше думать об этом.

Он обнял ее. Мимо проносились машины. Любая могла быть полицейской, а это означало — конец. Хотя в такой ситуации это принесло бы чуть ли не облегчение.

Рыдания затихали. Отчасти она плакала от усталости. То же самое и с ним: усталость довела головную боль до высшей точки, и на него нахлынул совсем ненужный поток

воспоминаний. Если бы только они могли добраться куда-нибудь и прилечь...

— Можешь встать, Чарли?

Она медленно поднялась на ноги, смахнув последние слезинки. Ее лицо в темноте казалось мертвенно-бледной маленькой луной. Глядя на нее, он испытывал острое чувство вины. Ей бы уютно свернуться в постели где-нибудь в доме, за который выплачена почти вся ссуда, с плюшевым медвежонком в объятиях, а на следующее утро отправиться в школу и трудиться там во имя Бога, страны и учебной программы второго класса. Вместо этого она стоит на обочине скоростного шоссе на севере штата Нью-Йорк в час тридцать ночи, чувствуя себя виноватой, ибо унаследовала нечто от отца и матери — нечто, в чем она была виновата не больше, чем в голубизне своих ясных глаз. Как объяснить семилетней девочке, что однажды папочке и мамочке понадобились двести долларов, и люди, с которыми они имели дело, утверждали, что все в порядке, а на самом деле лгали?

— Нужно поймать машину, — сказал Энди, он обнял ее рукой за плечи, то ли стремясь успокоить, то ли ища поддержки. — Доберемся до отеля или мотеля и поспим. Затем подумаем, что делать дальше. Годится?

Чарли безразлично кивнула.

— Хорошо, — сказал он и поднял большой палец. Машины, не обращая никакого внимания, пронеслись мимо, а менее чем в двух милях отсюда двигалась зеленая машина. Энди ничего не знал об этом; его возбужденный мозг возвращался к тому вечеру с Вики в здании студенческого клуба. Она жила в одном из общежитий — в том здании, куда он проводил ее и еще раз на ступеньках прямо перед большими двойными дверьми ощутил сладость ее губ; она неуверенно обнимала его руками за шею, эта девочка, еще такая невинная. Они были молоды, Боже, они были молоды.

Мимо пронеслись машины, каждая воздушная волна вздымала и опускала волосы Чарли, а он вспоминал конец того вечера двенадцать лет назад.

* * *

Проводив Вики до общежития, Энди пересек территорию колледжа и направился к шоссе, где собирался поймать машину и доехать до города. Майский ветер бился в кронах вязов вдоль аллеи, хотя он едва ощущал его дуновение; прямо над ним будто протекала по воздуху невидимая река, лишь самые слабые и отдаленные струи которой касались его.

Путь Энди проходил мимо Джейсон Гирни Холла, и он остановился перед его темным массивом. Вокруг, повинаясь невидимому потоку ветра, танцевали деревья, покрытые молодой листвой. Вдоль его позвоночника пробежал холодок и, казалось, угнездился в животе, вызывая легкий озноб. Он поежился от холода, хотя вечер был теплым. Большая луна, напоминавшая серебряный доллар, плыла между горами облаков; ветер гнал их по этой темной воздушной реке, будто позолоченные шляпки. Лунный свет отражался в окнах зданий, делая их похожими на потухшие неприятные глаза.

Здесь что-то произошло, думал он. Нечто большее, чем нам говорили и во что заставляли поверить. Что же именно?

Мысленным взором он снова видел эту тонущую окровавленную руку. Только на этот раз она ударяла по плакату, оставляя кровавый след в виде запятой, а затем плакат с треском сворачивался.

Он подошел к зданию. Безумие. Они же не пустят в аудиторию после десяти часов. И...

...Я боюсь.

Да, именно это. Чересчур много тревожащих полувоспоминаний. Слишком легко убедить себя: все — выдумка; Вики почти уже готова согласиться с этим. Подопытный, вырывающий себе глаза. Кто-то кричал, что хотел бы умереть, что лучше умереть, чем это, даже если для того понадобится отправиться в ад и гореть там вечным огнем. У кого-то произошла остановка сердца, и его увезли с пугающим профессиональным умением. Скажем прямо, старина Энди, размышление о телепатии тебя не пугает. А пугает мысль, что подобное могло случиться с тобой.

Стуча каблуками, он поднялся к большим двойным дверям и попытался открыть их. За ними был виден пустой вестибюль. Энди постучал, но когда кто-то вышел из тени, он чуть не убежал. Он чуть не убежал, потому что из тени должно было появиться лицо Ральфа Бакстера или высокого мужчины со светлыми волосами и шрамом на подбородке.

Однако человек, подошедший к дверям вестибюля и высунувший сердитую физиономию, был типичным сторожем колледжа: лет шестидесяти двух, с изборожденными морщинами щеками и лбом, с настороженными голубыми глазами, слезившимися от слишком частого общения с бутылкой. На поясе у него висел большой будильник.

— Здание закрыто! — сказал он.

— Знаю, — ответил Энди, — но я сегодня утром участвовал в эксперименте в комнате семьдесят...

— Не имеет значения! По будням здание закрывается в девять! Приходите завтра!

— ...и я забыл там, кажется, часы, — сказал Энди. Часов у него вообще не было. — Что скажете, а? Только быстренько гляну.

— Не могу, — как-то странно, неуверенно сказал сторож.

Ничуть не задумываясь, Энди шепнул:

— Конечно, можете. Я лишь взгляну и тут же уберусь. Вы даже не запомните, что я тут был, да?

Неожиданно странное ощущение: словно он выплеснулся из самого себя и *подтолкнул* этого престарелого охранника, только не руками, а головой. Охранник сделал два-три неуверенных шага назад, выпустив из рук дверь.

Энди вошел, слегка озабоченный. Голову его пронзила острая боль, тут же перешедшая в тупую, которая утихла спустя полчаса.

— Эй, как себя чувствуете? — спросил он охранника.

— А? Конечно, хорошо. — Подозрительность охранника прошла; он одарил Энди дружеской улыбкой. — Поднимайтесь и поищите часы, если хотите. Не торопи-

тесь. Я, возможно, даже и не вспомню, что вы были здесь.

Он побрел прочь.

Энди недоверчиво посмотрел ему вслед, рассеянно потер лоб, словно успокаивая небольшую головную боль. Что он, Боже правый, сделал с этой старой перочной? Но что-то сделал, это уж наверняка.

Он повернулся, направился к лестнице, стал подниматься. Верхний холл был затененный и узкий. Энди охватило неотступное чувство клаустрофобии, и дыхание перехватило будто невидимым ошейником. Здесь, наверху, здание словно вдавалось в поток ветра, и он, тоненько напевая, разгуливал под карнизами. В комнате 70 была пара двойных дверей с матовыми стеклами в верхней части. Энди стоял перед ними, слушая, как гуляет ветер по желобам, водосточным трубам, шурша заржавелыми листьями ушедших лет. Сердце его тяжело стучало.

Он чуть было не ушел. Казалось, лучше ничего не знать, просто забыть обо всем. Но он протянул руку, взялся за одну из дверных ручек, убеждая себя, что беспокоиться нечего, поскольку эта чертова комната заперта, ну и слава Богу.

Однако она не была заперта. Ручка легко повернулась. Дверь открылась.

Пустую комнату освещал колеблющийся лунный свет, он пробился сквозь раскачивавшиеся от ветра ветки старого вяза за окнами. Света было достаточно, чтобы увидеть, что кое-что больше нет. С грифельной доски все было стерто, она вымыта. Схема свернута, как оконная штора, свисало лишь кольцо, за которое тянут. Энди подошел к нему, протянул дрожащую руку, потянул за кольцо вниз.

Мозговые полушария: человеческий мозг расчленен на части и размечен, словно плакат в лавке у мясника. От одного его вида у него снова зашевелились волосы на голове, словно после приема ЛСД. В плакате ничего забавного, он вызывал тошноту, Энди слабо застонал.

Кровавое пятно было на месте; в лунном мерцающем свете оно походило на черную запяточку. Печатное назва-

ние, которое до эксперимента явно читалось CORPUS CALLOSUM*, теперь из-за пятна в виде запятой читалось COR OSUM.

Такая мелочь.

Такого огромного значения.

Он стоял в темноте, смотрел на плакат, и его начало по-настоящему трясти. Насколько это подтверждает реальность остального? Отчасти? Большей частью? Полностью? Или совсем не подтверждает?

Позади он услышал какой-то звук — или это ему показалось? — крадущийся скрип ботинка.

Руки дрогнули, одна из них хлопнула по плакату с таким же отвратительным чмокающим шумом. Под действием пружины плакат скрутился кверху, прогремев в темноте комнаты, похожей сейчас на шахту.

Внезапное постукивание по дальнему окну, покрытому пылью лунного света, — ветка или, может, мертвые пальцы в запекшейся крови: *впустите меня, я тут оставил свои глаза, впустите меня, впустите меня...*

Он плыл в замедленном сне, в замедло сне, все более уверенный, что это тот самый паренек, дух в белом одеянии с сочащимися черными дырами вместо глаз. Сердце стояло у него прямо в горле.

Там никого не было.

Ничего не было.

Но нервы сдали, и когда ветка снова начала неумолимо постукивать, он выбежал, не позаботившись закрыть за собой дверь, пробежал по узкому коридору и неожиданно услышал топот гнавшихся за ним ног — то было эхо, отзвук его собственных быстрых шагов. Он сбежал по ступеням, тяжело дыша, перемахивая через две сразу, и оказался снова в вестибюле. Кровь стучала в висках. Воздух, проходя через гортань, покалывал, словно сухие травинки.

* Мозолистое тело — часть мозга (лат.).

Вахтер исчез. Энди вышел, захлопнув за собой застекленную дверь, и крадучись пошел по тротуару к площади, словно беглец, каким он впоследствии стал.

Через пять дней Энди затащил Вики Томлинсон почти против ее воли в Джейсон Гирни Холл, хотя она решила, что больше не хочет и думать об эксперименте: получила свой чек на двести долларов, взяла на него деньги и хотела забыть, где его получила.

Он убедил ее пойти, проявив красноречие, о котором и не подозревал. Они пошли во время перемены в два пятьдесят; в дремотном майском воздухе с часовни Гарри-сона лился колокольный перезвон.

— Что может случиться при дневном свете? — сказал он, подавляя беспокойство и отказываясь уяснить даже самому себе, чего он, собственно, боится. — Особенно когда вокруг десятки людей.

— Я просто не хочу идти, Энди, — сказала она, но пошла.

Двое или трое ребят выходили из аудитории с книгами под мышкой. В солнечный день окна выглядели более прозаично, чем в бриллиантово-пыльном лунном свете. Вместе с Энди и Вики еще несколько человек вошли в аудиторию на семинар по биологии, начинавшийся в три часа. Один из них стал тихо и серьезно говорить с двумя другими о марше против призыва резервистов, который предстоял в конце недели. На Энди и Вики никто не обратил ни малейшего внимания.

— Ладно, — сказал Энди хрипло и взволнованно. — Посмотри-ка.

Он раскатал схему, потянув за болтающееся кольцо. Перед ними предстал голый мужчина, кожа с него была снята и на каждом органе написано его название. Мускулы были похожи на мотки переплетенных красных ниток. Какой-то остряк назвал его Оскаром-брюзгой.

— Боже! — сказал Энди.

Она схватила его за руку теплой влажной от волнения ладонью.

— Энди, — сказала она. — Пожалуйста, уйдем. Прежде чем нас узнают.

Да, нужно уходить. То, что плакат заменили, испугало его больше, чем что-нибудь другое. Он резко дернул за кольцо, и плакат свернулся вверх. С тем же самым чмокающим шумом.

Другой плакат. Тот же звук. Сейчас, двенадцать лет спустя, он все еще слышал этот звук, когда позволяла головная боль. После того дня он никогда не входил в комнату 70 в Джейсон Гирни Холле, но звук этот хорошо знал.

Частенько слышал его во сне и видел эту взывающую тонущую окровавленную руку.

Зеленая машина прошелестела по подъездной дорожке аэропорта по направлению к Нортуэй. За рулем сидел Норвил Бэйтс. Из приемника приглушенно и спокойно лилась классическая музыка. Теперь его волосы были коротко острижены и зачесаны назад, но небольшой полукруглый шрам на подбородке не изменился — он в детстве порезался разбитой бутылкой кока-колы. Вики, если бы она была еще жива, безусловно узнала бы его.

— Впереди по дороге наш агент, — сказал человек в шерстяном костюме, Джон Мэйо. — Парень — стукач. Он работает и на ОРУ, и на нас.

— Обыкновенная продажная шлюха, — сказал третий, и все трое нервно, возбужденно засмеялись. Они знали, что добыча близка, почти чувствовали запах крови. Третьего звали Орвил Джеймисон, но он предпочитал, чтобы его звали по инициалам — О'Джей, или даже лучше — Живчик. Он подписывал все служебные бумаги этими инициалами. Однажды он даже подписался Живчик, а этот сукин сын Кэп сделал ему замечание. Да не устное, а вписанное в его личное дело.

— Думаете, они на Нортуэй, а? — спросил О'Джей.

Норвил Бэйтс пожал плечами.

— Либо на Нортуэй, либо они направились в Олбани, — сказал он. — Я поручил местному дурню отели в городе, потому что это его город, правильно?

— Правильно, — сказал Джон Мэйо. Они с Норвиллом хорошо ладили. Давно. Со времен комнаты 70 в Джейсон Гирни Холле, а там, дружище, если кто-нибудь спросит, было *страшновато*. Джону не хотелось бы еще раз испытать что-нибудь подобное. Именно он пытался откачать парнишку, у которого случился сердечный приступ. Он служил медиком в начале войны во Вьетнаме и знал, как пользоваться дефибриллятором, по крайней мере, в теории. На практике получилось не так хорошо, и парнишку они потеряли. В тот день двенадцать ребят получили «лот шесть». Двое умерли: парнишка с сердечным приступом и девчонка — она умерла через шесть дней в общегитии, судя по всему, от внезапной закупорки сосудов мозга. Двое других окончательно сошли с ума: тот парень, что ослепил себя, и девочка — ее парализовало от шеи и до ног. Уэнлесс сказал, что это чисто психологическое дело, но кой черт знает? Да, хорошенько поработали в тот день.

— Местный придурок берет с собой жену, — говорил Норвил. — Будто она ищет внуку. Ее сын убежал с девочкой. Какая-то неприятная история с разводом и всякое такое. Она не хочет без нужды сообщать полиции, но опасается, как бы сын не спятил. Если она хорошо сыграет, в городе не найдется ни одного ночного портье, который не сообщит ей, если эти двое снимают у него номер.

— Если хорошо сыграет, — сказал О'Джей. — Никогда не знаешь, чего ждать от этих непрофессионалов.

Джон сказал:

— Мы сворачиваем на ближайшем же пандусе, идет?

— Идет, — сказал Норвил. — Осталось три-четыре минуты.

— Они успели сюда спуститься?

— Успели, если скатились на задницах. Может, схватим, если они голосуют здесь на пандусе. А может, они срезали путь — перешли на другую сторону, на обочину. Будем ездить туда-сюда, пока не нападем на них.

— Куда это ты отправился, голубчик, лезь в машину, — сказал Живчик и засмеялся. Под левой рукой в наплечной

кобуре у него висел «магнум-357». Он называл его «пушкой».

— Если они подхватили попутку, нам дьявольски не повезло, Норв, — сказал Джон.

Норвил пожал плечами.

— Всяко может быть. Сейчас четверть второго. Машин мало — бензин ограничен. Что подумает мистер бизнесмен, когда увидит, что дяденька с ребенком ловят попутку?

— Подумает, что дело — дрянь, — сказал Джон.

— Очень может быть.

Живчик снова засмеялся. В темноте мерцала мигалка, обозначающая въезд с пандуса на Нортуэй. О'Джей взялся за деревянную рукоятку «пушки». На всякий случай.

Мимо них проехал фургон, обдав холодным ветерком... А затем тормозные фонари ярко вспыхнули, и он свернул на обочину примерно в пятидесяти ярдах от них.

— Слава Богу, — тихо сказал Энди. — Дай я поговорю, Чарли.

— Хорошо, папочка. — Голос ее звучал безразлично, под глазами снова появились черные круги. Фургон подавал назад, они шли ему навстречу. Голова Энди была словно медленно надувающийся свинцовый шар.

На боковой стенке изображены сцены из «Тысячи и одной ночи» — калифы, девицы, скрытые под кисейными чадрами, ковер, таинственным образом парящий в воздухе. Ковер, безусловно, должен был быть красным, но в свете ртутных фонарей на шоссе он казался темно-бордового цвета, цвета засыхающей крови.

Энди открыл дверцу, посадил Чарли. Затем влез сам.

— Спасибо, мистер, — сказал он. — Спасли нашу жизнь.

— Пожалуйста, — сказал водитель. — Привет, маленькая незнакомка.

— Привет, — еле слышно ответила Чарли.

Водитель взглянул в боковое зеркальце, двинулся, все ускоряя ход, по обочине и затем въехал на основную магистраль. Когда Энди бросил взгляд через чуть склоненную голову Чарли, его охватило запоздалое чувство вины.

Водитель был молодой человек, как раз из тех, мимо кого Энди всегда проезжал, когда они голосовали на обочине. Крупный, хотя и тощий, с большой черной бородой, которая кудрявилась до груди, в широкополой фетровой шляпе, выглядевшей как реквизит из кинофильма о враждующих деревенских парнях в Кентукки. От сигареты, похоже, самокрутки, что торчала в углу рта, поднималась струйка дыма. Судя по запаху, обычная сигарета, никакого сладковатого запаха конопли.

— Куда двигаешь, дружище? — спросил водитель.

— Во второй отсюда город, — ответил Энди.

— Гастингс Глен?

— Точно.

Водитель кивнул.

— Наверное, бежишь от кого-то.

Чарли напряглась, и Энди успокаивающе положил ей на спину руку и легонько погладил, пока она снова не расслабилась. В голосе водителя он не уловил никакой угрозы.

— Судебный исполнитель в аэропорту, — сказал он.

Водитель усмехнулся — улыбка почти скрылась за его свирепой бородой, — вынул сигарету изо рта и осторожно выпихнул ее через полуоткрытое окно на ветер. Воздушный поток тут же поглотил ее.

— Наверно, что-нибудь, связанное с этой маленькой незнакомкой, — сказал он.

— Не так уж и ошиблись, — сказал Энди.

Водитель замолчал. Энди откинулся, стараясь успокоить головную боль. Она, казалось, застряла на том же нестерпимом до крика уровне. Было ли когда-нибудь так же плохо? Сказать невозможно. Каждый раз, когда она отходила, ему казалось, что хуже быть не могло. Не раньше чем через месяц он снова осмелится пустить в ход свой мысленный посыл. Он знал, что второй город по шоссе находится не так далеко, но сегодня на большее он не способен. Измучен до предела: что делать, подойдет и Гастингс Глен.

— За кого болеешь, дружище? — спросил водитель.

— А?

— Чемпионат. «Священники Сан-Диего» в мировом чемпионате, как тебе нравится?

— Далеко оторвались, — согласился Энди. Его голос шел откуда-то издаleка, подобно звону подводного колокола.

— Тебе неважно, дружище? Ты бледный.

— Голова болит, — сказал Энди. — Мигрень.

— Высокое давление, — сказал водитель. — Усекаю. Остановитесь в отеле? Деньги нужны? Могу ссудить пятерку. Хотел бы и больше, да еду в Калифорнию, нужно экономить. Как Джоулсы в «Гроздьях гнева».

Энди благодарно улыбнулся.

— Думаю, управимся.

— Чудненько. — Он взглянул на задремавшую Чарли. — Симпатичная девчушка, дружище. Присматриваешь за ней?

— Как могу, — сказал Энди.

— Хорошо, — сказал водитель. — Так и запишем.

Гастингс Глен оказался чуть побольше, чем разъезд на дороге: в этот час все светофоры работали как мигалки. Бородатый водитель в деревенской шляпе свернул на боковую дорогу, проехал через спящий городок, а затем по Дороге 40 к мотелю «Грезы» — сооружению из красноватых досок перед полем убранной кукурузы, с розовато-красной неоновой вывеской на фасаде, которая периодически мигала в темноте несуществующим словом СВО О НО. По мере того как Чарли все глубже погружалась в сон, она все больше клонилась влево, пока ее голова не оказалась на затынутом в джинсы бедре водителя. Энди предложил подвинуть ее, но водитель закачал головой.

— Не беспокойся, дружище. Пусть спит.

— Не высадите ли нас чуть подальше? — спросил Энди. Думать было трудно, однако эта предосторожность возникла почти интуитивно.

— Не хочешь, чтобы портье узнал, что вы без машины? — Водитель улыбнулся. — Конечно, дружище. Но в таком месте они и ухом не поведут, даже если привалишь

на самокате. — Колеса фургона давили гравий обочины. — Уверен, что не понадобится пятерка?

— Пожалуй, понадобится, — сказал Энди неуверенно. — Не напишете мне свой адрес? Я перешлю.

Водитель снова усмехнулся.

— Мой адрес — «в пути», — сказал он, доставая бумажник. — Но ты ведь когда-нибудь можешь опять увидеть мое счастливое улыбающееся лицо, правда? Кто знает. Держи пятерку, дружище. — Он вручил купюру Энди, и тот вдруг заплакал — негромко, но заплакал.

— Не надо, дружище, — ласково сказал водитель. Он легонько коснулся шеи Энди. — Жизнь коротка, а боль длится долго, и мы все живем на этой земле, чтобы помогать друг другу. Философия Джима Полсона из комикса в сжатом виде. Береги маленькую незнакомку.

— Обязательно, — сказал Энди, вытирая глаза. Он положил пятидолларовую бумажку в карман своего вельветового пиджака.

— Чарли, малышка? Проснись! Осталось недолго.

Тремя минутами позже полусонная Чарли стояла на земле рядом с ним, а он смотрел, как Джим Полсон проехал вперед к закрытому ресторану, развернулся и направился мимо них к автостраде. Энди поднял руку. Полсон в ответ поднял свою. Старый фургон марки «форд» с арабскими сказками по борту, джиннами, великими визирями и таинственным ковром-самолетом. Будь счастлив в Калифорнии, парень, пожелал Энди, и они с Чарли направились к мотелю «Грезы».

— Ты подожди меня снаружи, чтобы тебя не видели, — сказал Энди. — Хорошо?

— Хорошо, папочка, — сказала она очень сонным голосом.

Он оставил ее у вечнозеленого куста, подошел к двери и позвонил. Спустя примерно минуты две появился человек средних лет в банном халате. Протерев очки, он открыл дверь и впустил Энди, не произнеся ни слова.

— Не могу ли я получить номер в конце левого крыла, — сказал Энди. — Я там припарковался.

— В это время года можете снять западное крыло целиком, — сказал ночной портье и показал в улыбке полный рот желтых вставных зубов. Он дал Энди напечатанную анкету и ручку с рекламой каких-то товаров на ней. Снаружи проехала машина, свет ее фар сначала нарастал, потом уменьшился.

Энди подписался в анкетке как Брюс Розелл. Брюс ехал на «Веге» 1978 года, нью-йоркской, номерной знак ЛМС-240. Мгновение он смотрел на графу ОРГАНИЗАЦИЯ/КОМПАНИЯ и затем по какому-то внезапному наитию (насколько могла позволить его разламывающаяся голова) написал «Объединенная американская компания торговых автоматов». И подчеркнул НАЛИЧНЫМИ в графе о форме оплаты.

Еще одна машина проехала мимо.

Дежурный подписал анкету и убрал ее.

— Итого семнадцать долларов и пятьдесят центов.

— Не возражаете против мелочи? — спросил Энди. — У меня не было возможности обменять в банке деньги, а я таскаю с собой фунтов двадцать мелочи. Не люблю ездить на вызовы по деревенским дорогам.

— Мелочь тратится так же быстро. Не возражаю.

— Спасибо. — Энди полез в боковой карман, пальцами отстранил пятидолларовую бумажку и вытащил полную пригоршню четвертаков, пятаков и десятицентовиков. Он сосчитал четырнадцать долларов, достал еще мелочи и добавил до нужной суммы. Дежурный уложил монеты в аккуратные столбики, потом смахнул их в нужные отделения кассового аппарата.

— Знаете, — сказал он, задвигая ящик и с надеждой глядя на Энди. — Я скошу пять долларов со стоимости вашей комнаты, если вы почините автомат по продаже сигарет. Он уже неделю не работает.

Энди подошел к стоящему в углу автомату, сделал вид, что осматривает его, и затем вернулся.

— Не наша марка, — сказал он.

— О, черт. Ладно. Спокойной ночи, дружище. Лишнее одеяло найдете на полке в шкафу, если понадобится.

— Хорошо.

Энди вышел. Под ногами хрустел, ужасающе громокая в ушах, гравий. Он подошел к вечнозеленому кустарнику, у которого оставил Чарли, но ее там не было.

— Чарли?

Ответа не последовало. Он переложил ключ от номера на длинном зеленом пластиковом шнурке из одной ладони в другую: обе миготом вспотели.

— Чарли?

Ответа по-прежнему не было. Он мысленно вернулся назад, и теперь ему казалось, что проезжавшая машина приостановилась, пока он заполнял регистрационную карточку. Может, то была зеленая машина?!

Сердце начало учащенно биться, вгоняя в череп болевые импульсы. Он пытался сообразить, что же ему делать, если Чарли тут нет, но думать не мог. Очень болела голова. Он...

Из глубины кустарника раздался низкий звук, храп. Звук такой знакомый. Он бросился туда. Галка так и вылетала из-под ботинок. Жесткие вечнозеленые ветви царапали ноги и задирали полы его вельветового пиджака.

Чарли лежала на боку по соседству с лужайкой перед мотелем, коленки чуть не у подбородка, руки — между ними. Спала глубоким сном. Энди постоял с закрытыми глазами какое-то мгновение и разбудил ее, как он надеялся, в последний раз за ночь. Такую длинную, длинную ночь.

Ее ресницы дрогнули, и она взглянула на него.

— Папочка? — спросила она невнятно, все еще в полусне. — Я ушла, как ты сказал, чтобы меня не видели.

— Знаю, малышка, — сказал он. — Знаю, что ушла: Пойдем. Пойдем спать.

Через двадцать минут они лежали в широкой постели номера 16. Чарли спала, ровно дыша. Энди засыпал, лишь равномерный стук в голове не давал уснуть. Да еще вопросы.

Они в бегах уже около года. Представить такое почти невозможно, может, потому, что не всегда было похоже,

что они скрываются, во всяком случае не в Порт-сити, штат Пенсильвания. В Порт-сити Чарли пошла в школу. Как можно считаться в бегах, если ты работаешь, а дочь ходит в первый класс? Их чуть не схватили в Порт-сити, не потому, что те оказались особенно приткими (хотя и чертовски упорными — это здорово пугало Энди), а потому, что Энди совершил роковую ошибку: позволил себе на время забыть, что они с дочкой — беглецы.

Больше этого не случится.

Как близко те? Все еще в Нью-Йорке? Если бы можно было этому поверить: они не записали номера такси, они все еще разыскивают его. Более вероятно, что они в Олбани, ползают по аэропорту, как червяки по куче мясных отходов. Гастингс Глен? Может, к утру. А может, и нет. Не нужно, чтобы параноя брала верх над здравым смыслом.

Я заслуживаю этого! Я заслуживаю, чтобы за мной гнался автомобиль. Я подожгла того человека!

Его собственный голос отвечал: *Могло быть и хуже. Ты могла обжечь его лицо.*

Голоса в комнате с привидениями.

И еще ему пришло в голову. Предполагается, что он приехал на «Веге». Наступит утро, и ночной портье не увидит «Веги», припаркованной у номера 16. Подумает ли он просто, что человек из «Объединенной компании торговых автоматов» уехал? Или начнет выяснять? Энди сейчас ничего поделать не может. Он полностью выжат.

Мне показалось, что он какой-то странный. Выглядел бледным, больным. Платил мелочью. Сказал, что работает в компании торговых автоматов, однако не смог исправить сигаретный автомат в вестибюле.

Голоса в комнате с привидениями.

Он повернулся на бок, прислушиваясь к медленному, ровному дыханию Чарли. Он думал, что они схватили ее, но она лишь забралась дальше в кусты. Чтобы не видели. Чарлин Норма Макги, Чарли со времени... ну, со всегда. *Если они схватят тебя, Чарли, я не знаю, что сделаю.*

* * *

И еще один голос шестилетней давности, голос Квинси, его соседа по комнате в общежитии.

Тогда Чарли был годик, и они, конечно же, знали, что она — не обычный ребенок. Ей исполнилась всего одна неделя, и Вики положила ее в их кровать, потому что, когда ее оставили в детской кроватке, подушка начала... ну, начала тлеть. В ту ночь они навсегда убрали ее кроватку, не разговаривали друг с другом в страхе, страхе таком огромном и необъяснимом, что невозможно было его высказать. Подушка настолько разогрелась, что обожгла ей щечку, и она проплакала всю ночь, несмотря на лекарство, которое Энди нашел в медицинском шкафчике: Ну и сумасшедший же дом был весь первый год, сплошной бессонный страх. Мусорная корзинка загоралась, когда опаздывали давать ей бутылочки с молоком; однажды запылали занавески, и если бы Вики не было в комнате...

В другой раз она упала с лестницы, и это заставило его позвонить Квинси. Она тогда уже ползала и вполне могла, опираясь на руки и коленки, взбираться по ступенькам и таким же образом спускаться. В тот день Энди сидел с ней — Вики пошла с одной из подруг к «Сентерс» за покупками. Она колебалась — идти ли. Энди пришлось чуть ли не выставить ее за дверь. В последнее время она выглядела чересчур замотанной, слишком усталой. В ее глазах было что-то такое, что напоминало ему рассказы времен войны об усталости после боя.

Он читал в гостиной, около лестницы. Чарли ползала вверх и вниз. На ступеньках сидел плюшевый медвежонок. Отцу, конечно, следовало убрать его, но каждый раз, поднимаясь, Чарли обходила его, и Энди успокоился — так же, как его потом ублажала их нормальная жизнь в Порт-сити.

Когда она спускалась в третий раз, то задела ножкой за медвежонка и — бах, трах — слетела вниз, заревев от испуга и негодования. Ступеньки были покрыты ковровой дорожкой. У Чарли не появилось ни малейшей царапины — Бог оберегает пьяниц и малых детей, говаривал

Квинси, — и Энди впервые в тот день подумал о Квинси, но он кинулся к ней, поднял ее, прижал к себе, бормоча какую-то чепуху, пока осматривал ее, ища следы крови или вывихнутый сустав, признак сотрясения. И...

И вдруг он почувствовал, как нечто пронеслось мимо — незримый, невероятный сгусток смерти из головы дочери. Он ощутил его, словно дуновение разогретого воздуха от быстро идущего поезда подземки в летнюю пору, когда стоишь, может быть, чересчур близко к краю платформы. Мягкое беззвучное движение теплого воздуха... и затем игрушку охватил огонь. Медвежонок сделал больно Чарли — Чарли сделает больно медвежонку. Взвилось пламя, и на какую-то долю секунды, пока он обугливался, Энди сквозь марево огня увидел его черные глаза-пуговицы, а огонь лизал уже дорожку на ступеньках, где упал медвежонок.

Энди опустил дочку на пол, побежал за огнетушителем, висевшим на стене рядом с телевизором. Они с Вики не обсуждали, на что способна их дочь: бывали времена, когда Энди хотел поговорить, но Вики не хотела ничего слышать; она избегала этой темы с истерическим упорством, говоря, что ничего ненормального в Чарли нет, *нет ничего ненормального*, — но в доме появились огнетушители — никто ничего не говорил и не обсуждал. Они появились без обсуждений, почти с той же таинственностью, как расцветают одуванчики на стыке весны и лета. Они не обсуждали, на что способна Чарли, но по всему дому висели огнетушители.

Он схватил ближайший из них, ощущая сильный запах тлеющего ковра, и ринулся к лестнице... И все же у него хватило времени вспомнить ту историю, которую он прочитал, будучи ребенком, «Прекрасная жизнь» какого-то парня по имени Джером Биксби. Она рассказывала о маленьком ребенке, который поработил своих родителей с помощью своей сверхъестественной силы, держа их в вечном страхе; это было нескончаемым кошмаром, где за каждым углом подстерегала смерть, и вы не знали... не знали, когда приступ охватит ребенка.

Чарли ревела, сидя на попке у нижней ступеньки.

Энди резко повернул ручку огнетушителя и стал поливать пеной пламя, заглушив его. Он подхватил медвежонка, шерсть которого покрылась точками, пятнами, хлопьями пены, и снес его вниз.

Ненавидя себя, но как-то интуитивно понимая, что сделать это нужно, необходимо провести черту, преподать урок, он почти что прижал медвежонка к испуганному, заплаканному лицу орущей Чарли. *Ох ты, сукин сын, думал в отчаянии он, почему бы тебе не пойти в кухню, не взять нож и не сделать по порезу на каждой ее щеке? Пометить ее таким образом?* И его мысль заклинилась на этом. Шрамы. Да. Именно это он должен сделать. Выжечь шрам в ее душе.

— Тебе нравится, как выглядит медвежонок? — заорал он. Медвежонок почернел, и его тепло в руке было теплом остывающего куска угля. — Тебе нравится, что он обожжен и ты не сможешь с ним больше играть, Чарли?

Чарли ревела благим матом, кожа ее покрылась красными и белыми пятнами, она всхлипывала сквозь слезы:

— Па-а-а-а-а! Медвежонок! Мой медве-е-жо...

— Да, медвежонок, — сказал он сурово. — Он сгорел, Чарли. Ты сожгла медвежонка. А раз ты сожгла медвежонка, ты можешь сжечь и мамочку. Папочку. Больше... *никогда этого не делай!* — Он наклонился к ней, не касаясь ее. — Не делай этого, *потому что это Плохой поступок.*

— Па-а-а-а-а-а-а-а...

Какое еще наказание он мог придумать, чем еще напугать, чем внушить ужас? Поднял ее, обнял, ходил с ней туда-сюда, пока — совсем нескоро — ее рыдания не перешли во всхлипывания и сопение. Когда он посмотрел на нее, она спала, прижавшись щекой к его плечу.

Он положил ее на тахту, направился к телефону и позвонил Квинси.

Квинси не хотел разговаривать. В том 1975 году он служил в большой авиастроительной корпорации, и рождественские открытки, которые он каждый год посылал семье Макги, сообщали, что работает он вице-президентом, ответственным за душевное спокойствие персонала.

Когда у людей, делающих самолеты, возникают проблемы, считается, что им следует идти к Квинси. Квинси должен разрешить их проблемы — чувство отчужденности, утраты веры в себя, может, просто чувство, что работа обесчеловечивает их, — и, вернувшись к конвейеру, они не привернут винтик вместо шпунтика, и потому самолеты не будут разбиваться, и планета будет спасена для демократии. За это Квинси получал тридцать две тысячи долларов в год, на семнадцать тысяч больше, чем Энди. «И мне ничуть не совестно, — писал он. — Считаю это небольшой платой за то, что почти в одиночку держу Америку на плаву».

Таков был Квинси, как всегда ироничный и скорый на шутку. Однако ничего ироничного или шутливого не было в их разговоре, когда Энди позвонил из Огайо, а его дочка спала на тахте и запах сожженного медвежонка и подпаленного ковра бил в нос.

— Я кое-что слышал, — сказал наконец Квинси, когда понял, что Энди не отпустит его просто так. — Иногда люди подслушивают телефоны. Мы живем в эру Уотергейта.

— Я боюсь, — сказал Энди. — Вики испугана. И Чарли испугана тоже. Что ты слышал об этом, Квинси?

— Некогда провели эксперимент, в котором участвовали двенадцать человек, — сказал Квинси. — Около шести лет назад. Помнишь?

— Помню, — угрюмо сказал Энди.

— Немногие из двенадцати остались в живых. Четверо, как я слышал последний раз. Двое поженились.

— Да, — сказал Энди, почувствовав, как внутри нарастает ужас. Осталось только четверо? О чем говорит Квинси?

— Насколько я понимаю, один из них может гнуть ключи и захлопывать двери, не прикасаясь к ним. — Голос Квинси, слабый, прошедший через две тысячи миль по телефонному кабелю через соединительные подстанции, через ретрансляционные пункты и телефонные узлы в Неваде, Айдахо, Колорадо, Айове, через миллион точек, где можно его подслушать.

— Правда, — сказал Энди, пытаясь говорить спокойно. И подумал о Вики, которая иногда включала радио или выключала телевизор, не подходя к ним: Вики, очевидно, даже не сознавала, что делает такое.

— Да, правда, — звучал голос Квинси. — Он — как бы это сказать — документально подтвержденный факт. У него болит голова, если он часто экспериментирует, но он может делать подобные вещи. Его держат в маленькой комнате с дверью, которую он не может открыть, и замком, который он не может согнуть. Они проводят над ним опыты. Он гнет ключи. Он запирает двери. И, насколько я понимаю, он почти безумен.

— О... Боже... — едва слышно произнес Энди.

— Он участвует в усилиях во имя мира, так что ничего страшного, если он сойдет с ума, — продолжал Квинси. — Он сойдет с ума, чтобы двести двадцать миллионов американцев оставались в безопасности, свободными. Понимаешь?

— Да, — прошептал Энди.

— Что сказать о тех двоих, которые поженились? Ничего. Насколько известно, они мирно живут в каком-то тихом среднеамериканском штате вроде Огайо. Возможно, их ежегодно проверяют: не сгибают ли они ключи, не закрывают ли двери, не прикасаясь к ним, не демонстрируют ли маленькие психологические трюки на местном Карнавале в пользу страдающих мускульной дистрофией. Хорошо, что эти люди не могут делать ничего подобного, правда, Энди?

Энди закрыл глаза и вдохнул запах сгоревшей ткани. Иногда Чарли открывала дверцу холодильника, заглядывала туда и отползала. А если Вики в этот момент гладила, стоило ей взглянуть на дверцу — и та сама закрывалась, притом Вики не понимала, что делает нечто необычное. Так случалось иногда. Иногда так не получалось: ей приходилось оставить глажку и закрывать дверцу холодильника самой (или выключать радио, или включать телевизор). Вики не могла сгибать ключи или читать мысли, или висеть в воздухе, или поджигать предметы, или предсказывать будущее. Иногда она могла

закрывать дверь, находясь в другом конце комнаты, — это был верх ее возможностей. Иногда после подобных действий Энди замечал, что она жалуется на головную боль или боли в животе, но он не знал, была ли это непосредственная реакция или какое-то глухое предостережение со стороны ее подсознания. Во время месячных ее способности немного возрастали. Но они были такими незначительными и проявлялись так редко, что Энди считал их нормальными. Что же касается его самого... ну, он мог мысленно подталкивать людей. Какого-то названия этому не существовало; вероятно, ближе всего подходит самогипноз. Часто прибегать к этому он не мог — начинала болеть голова. Большую часть времени он совершенно забывал о своей необычности, а по сути, не был уже нормальным после того дня в комнате 70 в Джейсон Гирни Холле.

Он закрыл глаза и на темном фоне под веками увидел похожее на запятую пятно и несуществующие слова COR OSUM.

— Да, это хорошо, — продолжал Квинси, словно Энди согласился. — А то они могут поместить их в две маленькие комнатки, где они будут, не разгибая спины, работать во имя безопасности и свободы двухсот двадцати миллионов американцев.

— Это хорошо, — согласился Энди.

— Что касается тех двенадцати человек, — сказал Квинси, — они, может, дали тем двенадцати лекарство, действие которого сами не предвидели. Может быть, кто-то — некий сумасшедший доктор — намеренно ввел их в заблуждение. Или, может, он думал, что вводит их в заблуждение, а на самом деле они руководили им. Не имеет значения.

— Не имеет.

— В итоге тем двенадцати дали это снадобье, и оно, возможно, несколько изменило их хромосомы. А может, сильно изменило. Да кто знает? Может, двое из них поженились, решили завести ребеночка, и, может, ребеночек приобрел нечто большее, чем ее глаза и его рот. Не заинтересует ли тех этот ребенок?

— Думаю, заинтересует, — сказал Энди, напуганный до такой степени, что ему трудно было говорить. Он уже решил, что не скажет Вики о разговоре с Квинси.

— Представь — берешь лимон, он замечательен, и берешь пирожное меренгу, тоже замечательное, но, если смешать их, получится... блюдо с совершенно новым вкусом. Уверен, им хотелось бы посмотреть, на что способен этот ребенок. Они только хотели бы заполучить его, посадить в маленькую комнату и посмотреть, не поможет ли он сохранить демократию на планете. И, пожалуй, это все, что я хотел сказать, старина, вот только еще... *Не возникай!*

Голоса в комнате, полной привидений.

Не возникай.

Он повернул голову на подушке и посмотрел на Чарли: она крепко спала. *Чарли, дитя, что нам делать? Куда деться, чтобы нас оставили в покое? Чем все кончится?*

Ответа на вопросы не было.

Наконец он уснул, а в это время неподалеку в темноте сновала зеленая машина все еще в надежде найти крупного широкоплечего мужчину в вельветовом пиджаке и маленькую девочку со светлыми волосами в красных брючках и зеленой блузке.

ЛОНГМОНТ, ВИРДЖИНИЯ: КОНТОРА

Два красивых дома в стиле американского Юга стояли друг против друга на длинной волнистой зеленой лужайке, которую пересекали несколько изящно изгибавшихся велосипедных дорожек и засыпанный гравием двухполосный подъездной путь, шедший из-за холма от главной дороги. Вблизи одного из этих домов находился большой сарай, выкрашенный в ярко-красный цвет с безупречно белой окантовкой. Около второго — конюшня, тоже красная с белой окантовкой. Здесь содержались лошади из числа лучших на Юге. Между сараем и конюшней отражал небо мелкий пруд для уток.

Первые владельцы этих двух домов в 1860-х годах отправились на войну, где были убиты. Все наследники обоих семейств уже умерли. В 1954 году оба владения стали единой государственной собственностью. Здесь разместились Контора.

В девять часов десять минут солнечным октябрьским днем — на завтра после отъезда Энди и Чарли из Нью-Йорка в Олбани на такси — в направлении одного из домов ехал на велосипеде пожилой человек с добродушными блестящими глазами в шерстяной английской спортивной кепке. Позади него за вторым бугром находился контрольный пункт, пропустивший его лишь после проверки электронной системой отпечатка его большого пальца. Пропускной пункт располагался за двойным рядом колючей проволоки. На внешнем ряду высотой в семь футов через каждые шестьдесят футов висели плакаты с надписью: «ОСТОРОЖНО! ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ! ЧЕРЕЗ ЭТУ ОГРАДУ ПРОПУЩЕН ТОК НИЗ-

КОГО НАПРЯЖЕНИЯ!» Днем напряжение действительно было низким. Ночью же собственный генератор поднимал его до смертельных цифр, и каждое утро команда из пяти охранников объезжала ограду на маленьких электрических карах, подбирая обугленных кроликов, кротов, птиц, сурков, изредка скунсов, издававших невыносимую вонь, а то и лося. Дважды зажаренными оказались люди. Расстояние между внешним и внутренним рядами колючей проволоки составляло десять футов. Днем и ночью по этому проходу бегали сторожевые собаки доберманы. Их научили держаться в стороне от смертельно опасной проволоки. На каждом углу всего этого сооружения возвышались сторожевые вышки, построенные из теса и покрашенные в тот же ярко-красный цвет с белой окантовкой. На них дежурили часовые, умевшие обращаться с различным смертоносным оружием. Вся территория просматривалась телекамерами, и передававшиеся ими изображения постоянно проверялись компьютером. Заведение Лонгмонт охранялось надежно.

Пожилой человек крутил педали с улыбкой, обращенной к тем, мимо кого проезжал. Лысый старик в бейсбольной кепке прогуливал тонконогую кобылицу. Он поднял руку:

— Привет, Кэп! Какой чудный день!

— Лучше не бывает, — согласился человек на велосипеде. — Желаю добра, Генри.

Он подъехал к фасаду дома, стоящего севернее, слез с велосипеда, поставил его на упор, глубоко втянул мягкий утренний воздух и бодро поднялся по широким ступеням крыльца между широкими дорическими колоннами.

Открыв дверь, он вошел в просторный вестибюль. За столом сидела молодая рыжеволосая женщина, перед ней лежала книга со статистическими выкладками. Одной рукой она придерживала страницу, которую читала, другая находилась в верхнем ящике стола, слегка касаясь «Смит-Вессона» 38-го калибра.

— Доброе утро, Джози, — сказал пожилой человек.

— Привет, Кэп. Немного опоздали? — Симпатичным девицам такое сходит с рук: сиди за столом Дуэйн, он ей

не спустил бы. Кэп не был сторонником женской эмансипации.

— У меня, дорогая, заедает передача. — Он вставил большой палец в соответствующее отверстие шкафчика: что-то заурчало, на столе у Джози замигал, а затем остался гореть зеленый свет. — Веди себя хорошо.

— Постараюсь, — игриво ответила она и сдвинула колени.

Кэп громко засмеялся и прошел через холл. Она посмотрела вслед, на мгновение подумав, не следовало ли сказать ему, что минут двадцать назад пришел этот противный Уэнлесс. Сам скоро узнает, решила она и вздохнула. Стоит поговорить с таким старым чучелом, как Уэнлесс, и начало хорошего дня испорчено. И еще она подумала, что человеку, вроде Кэпа, занимающему такое ответственное положение, должны доставаться не только сладкие вершки, но и горькие корешки.

Кабинет Кэпа располагался в задней половине дома. Из широкого эркера открывался восхитительный вид на лужайку позади дома, сарай и утиный прудок, частично скрытый за большой ольхой. Посередине лужайки на мини-тракторе-косилке восседал Рич Маккион. Какое-то мгновение Кэп смотрел на него, заложив руки за спину, затем двинулся к кофеварке в углу, налил себе немного кофе в кружку с надписью USN*, добавил туда сухих сливок, сел и нажал на кнопку переговорного устройства.

— Привет, Рэйчел, — сказал он.

— Привет, Кэп. Доктор Уэнлесс...

— Так и знал, — сказал Кэп. — Знал. Я почуял, что эта старая шлюха здесь, едва вошел.

— Сказать ему, что вы сегодня заняты?

— Ничего не говорите, — решительно сказал Кэп. — Пусть проведет в желтой комнате все это прекрасное утро. Если он не решит уйти домой, я, может, и приму его перед ленчем.

* ВМФ США.

— Хорошо, сэр.

Проблема решена, по крайней мере, для Рэйчел, подумал Кэп с мимолетным чувством неприязни. Уэнлесс явно не был ее проблемой. Суть дела в том, что Уэнлесс становится все более обременительным, исчерпав свои возможности приносить пользу и оказывать влияние. Что ж, всегда есть лагерь Мауи. Есть и Рэйнберд.

При этом Кэп внутренне содрогнулся... А его не так-то легко было вогнать в дрожь.

Он опять нажал клавишу переговорного устройства.

— Я снова хочу получить все досье Макги, Рэйчел. А в десять тридцать я еще раз хочу поговорить с Элом Стейновицем. Если Уэнлесс не уйдет, пока я переговорю с Элом, можете послать его ко мне.

— Очень хорошо, Кэп.

Он откинулся в кресле, соединив кончики пальцев, и бросил взгляд на портрет Джорджа Паттона на противоположной стене.

Паттон стоял выпрямившись на верхнем люке танка, словно он считал себя герцогом Уэйном или кем-то еще.

— Жить нелегко, если не умеешь расслабиться, — сказал он портрету Паттона и отхлебнул кофе.

Через десять минут Рэйчел ввезла досье на бесшумной библиотечной тележке. Оно состояло из шести папок документов, сообщений и четырех папок с фотографиями. Там же были записи телефонных разговоров. Телефон Макги прослушивался с 1978 года.

— Спасибо, Рэйчел.

— Пожалуйста. Мистер Стейновиц будет здесь в десять тридцать.

— Разумеется, будет. Уэнлесс еще не умер?

— Боюсь, что нет, — сказала она улыбаясь. — Он просто сидит там и наблюдает, как Генри прогуливает лошадей.

— Терзает свои чертовы сигареты?

Рэйчел, словно школьница, прикрыла рот рукой, хихикнула и кивнула:

— Обработал уже половину пачки.

Кэп что-то проворчал. Рэйчел вышла, а он занялся досье. Сколько раз он листал его за последние одиннадцать месяцев? Десять? Двадцать? Суть его он знал почти наизусть. И если Эл прав, он получит двух оставшихся Макги и посадит их под замок к концу недели. Эта мысль вызвала какое-то острое щекочущее чувство.

Он начал перелистывать досье Макги, то вытаскивая наугад лист, то прочитав какой-нибудь абзац. Это был его метод восстанавливать в памяти положение дел. Его мозг был как бы выключен, но подсознание работало на высоких оборотах. Сейчас ему нужны не детали — необходимо охватить взором все дело, целиком. Как говорят бейсболисты, нужно найти биту.

Вот докладная самого Уэнлесса, Уэнлесса более молодого (увы, все они тогда были моложе), датированная 12 сентября 1968 года. Внимание Кэпа привлекла часть абзаца:

...громадное значение в продолжающемся изучении управляемых парапсихических явлений. Дальнейшие опыты на животных пользы не принесут (см. на обороте п. 1) и, как я подчеркивал на совещании нынешним летом, опыты на заключенных или других людях с отклонениями могут повести к серьезным последствиям, если «лот шесть» обладает хотя бы отчасти предполагаемой силой действия (см. на обороте п. 2). Поэтому я вновь рекомендую...

Ты вновь рекомендуешь, чтобы мы продолжали вливать его в контрольные группы студентов, имея наготове план действий в случае неудачи, думал Кэп. В те времена Уэнлесс не напускал никакого тумана. Действительно никакого. Его девиз в те времена: полный вперед, а отставших к черту. Двенадцать человек подверглись опыту. Двое умерли: один во время опыта и девушка вскоре после. Двое сошли с ума, получив тяжелые увечья: один ослеп, другого разбил паралич на нервной почве, оба находятся в лагере Мауи, где и пробудут до конца своей жалкой жизни. Осталось восемь. Один из них погиб в автомобильной катастрофе в 1972 году: почти наверняка это была не катастрофа, а самоубийство. Другой прыгнул с крыши почты в Кливленде в 1973

году — никаких сомнений относительно него не было, — оставив записку, что «не может больше выносить картин, возникающих у него в голове». Полиция Кливленда вынесла заключение, что это результат ведущей к самоубийству депрессии и паранойи. Кэп и Контора пришли к выводу, что это результат воздействия «лот шесть». Итак, оставалось шестеро.

Позднее, между 1974 и 1977 годами, трое покончили самоубийством, тем самым доведя общую цифру явных самоубийств до четырех, а может, и до пяти. Можно сказать, половина класса. Все четверо, несомненно покончивших с собой, казались нормальными до того момента, как прибегли к револьверу, веревке или прыгнули с большой высоты. Но кто скажет, через что они прошли? Кто действительно знал это?

В итоге осталось трое. Начиная с 1977 года, когда основательно забытый эксперимент, связанный с «лот шесть», опять внезапно стал горячо обсуждаться, за Джеймсом Ричардсоном, ныне живущим в Лос-Анджелесе, установили постоянное скрытое наблюдение. В 1969 году он участвовал в эксперименте с «лот шесть» и во время действия этого препарата демонстрировал тот же потрясающий набор способностей, что и остальные: телекинез, передачу мыслей и — возможно, самое интересное явление из всех, по крайней мере с точки зрения Конторы, — мысленное внушение.

Но, как и другие, по мере прекращения действия препарата, Джеймс Ричардсон утратил эти способности. Собеседования, проведенные в 1971, 1973 и 1975 годах, ничего не показали. Даже Уэнлесс не мог не признать этого, а ведь он был фанатически уверен в препарате «лот шесть». Выборочные данные компьютера (они стали гораздо менее выборочными после того, как началась история с Макги) постоянно показывали, что Ричардсон ни сознательно, ни неосознанно не обладает силой психического внушения. Он окончил колледж в 1971 году, перебрался на Запад, сменив несколько низших руководящих должностей — без всякого мысленного внушения, и теперь работал в «Телемайн корпорейшн».

И вообще он гнусный гомик.

Кэп вздохнул.

Они продолжали наблюдать за Ричардсоном, но Кэп был убежден, что тут они потерпели полное фиаско. Оставались двое — Энди Макги и его жена. Их неожиданный брак не остался незамеченным Конторой и Уэнлессом. Последний начал бомбардировать начальство докладными, предлагая внимательно наблюдать за любым отпрыском этого брака, — можно сказать, начал считать цыплят, не дождавшись осени, — не однажды Кэпа подмывало сказать Уэнлессу, что, по их сведениям, Энди Макги стерилизовался. Тогда этот старый сукин сын заткнулся бы. К тому времени Уэнлесс схлопотал инсульт и стал бесполезен, совсем пустое место, сплошное неудобство.

С «лот шесть» провели лишь один эксперимент. Результаты его оказались такими катастрофическими, что все покрыли тайной — большой, непроницаемой... и весьма дорогостоящей. Сверху поступил приказ установить на неопределенное время мораторий на дальнейшие эксперименты. Уэнлессу предоставилась возможность повопить, подумал Кэп... И он действительно вопил. Однако не было никаких признаков, что русские или какая-то другая мировая держава интересуются психическими эффектами лекарств, и высшее военное начальство решило: несмотря на некоторые положительные результаты, «лот шесть» ничего не дает. Рассматривая отдаленные результаты, один из ученых, работавших над этой идеей, сравнил ее с установкой реактивного мотора на старом «форде». Да, он мчался как ветер, пока не наткнулся на первое же препятствие. «Дайте нам еще десять тысяч лет эволюции, — говорил этот тип, — и мы попытаемся снова».

Часть проблемы состояла в следующем: когда в результате вливания препарата парапсихические силы находились в зените, подопытные сходили с ума. Управлять этим процессом было невозможно. С другой стороны, высшее начальство чуть ли не в штаны накладывало. Скрыть гибель агента или даже случайного свидетеля операции — это одно. Скрыть же смерть студента, у которого инфаркт,

исчезновение двух других, истерию и паранойю у третьих — совсем другое дело. У всех есть друзья и сокурсники даже при том, что одно из условий отбора лиц для проведения опыта — минимальное количество близких родственников. Цена и риск — огромные. Чтобы замолчать это дело, потребовалось семьсот тысяч долларов из секретного фонда и ликвидация по крайней мере одного человека — крестного отца того парня, который вырвал себе глаза. Этот крестный никак не хотел успокоиться. Он норовил добраться до сути. В итоге единственное место, куда он добрался, — дно Балтиморского канала, где, очевидно, и пребывает до сих пор с двумя цементными блоками, привязанными к остаткам ног.

И все же во многом — чертовски во многом — это было дело случая, дело случая.

В итоге эксперимент «лот шесть» положили в долгий ящик, однако ежегодно выделяя на него ассигнования.

Деньги шли на периодическое наблюдение за оставшимися в живых в случае, если выяснится что-то новое: какая-то закономерность.

Наконец она выявилась.

Кэп перелистал папку с фотографиями и нашел черно-белый глянцевоый снимок восемь на двенадцать с изображением девочки. Ее фотографировали три года назад, когда ей было четыре года и она ходила в бесплатный детский сад в Гаррисоне. Снимок был сделан с помощью телеобъектива из-за дверцы хлебного фургона, затем увеличен и скадрирован так, чтобы убрать играющих мальчишек и девчонок и выделить портрет улыбающейся малютки с торчащими косичками и скакалкой в руках.

Кэп некоторое время умиленно смотрел на снимок. У Уэнлесса после инсульта появился страх. Уэнлесс решил, что девчушку надо бы ликвидировать. И хотя Уэнлесс ныне не у дел, внутри организации нашлись люди, согласившиеся с ним. Однако Кэп очень надеялся, что до этого дело не дойдет. У него у самого было трое внучат, двое — в возрасте Чарлин Макги.

Конечно, им придется отнять девочку у отца. Возможно, навсегда. Его же, конечно, после того, как он сыграет

свою роль, почти наверняка ликвидируют. Почти наверняка...

Было четверть одиннадцатого. Он позвонил Рэйчел:

— Эл Стейновиц еще не появился?

— Только что прибыл, сэр.

— Очень хорошо. Пришлите его ко мне, пожалуйста.

— Я хочу, Эл, чтобы вы лично довели операцию до конца.

— Понял, Кэп.

Элберт Стейновиц — маленький человечек с бледно-желтоватым лицом и иссиня-черными волосами. В молодые годы его иногда принимали за актера Виктора Джори. Кэп сталкивался по работе со Стейновицем на протяжении почти восьми лет — они оба пришли сюда из военно-морского флота. Ему всегда казалось, что Эл вот-вот ляжет в больницу и больше не выйдет оттуда. Эл курил всегда и везде, но здесь это не разрешалось. Он ходил медленным величественным шагом, придававшим ему какое-то странное подобие достоинства, а достоинство всегда связано в представлении людей с мужественностью. Кэп, видевший все медицинские карты агентов Первого отдела, знал, что величественная поступь Элберта — липа: он страдал от геморроя и уже дважды делал операцию, от третьей отказался — она могла закончиться свищом до конца жизни. Его величественная походка всегда напоминала Кэпу сказку о русалке, хотевшей стать женщиной, и о цене, которую она заплатила за то, что вместо рыбьего хвоста получила ноги. Кэп предполагал, что ее шаг, вероятно, тоже был величественным.

— Когда сможете быть в Олбани? — спросил он Эла.

— Через час после отъезда отсюда.

— Хорошо. Я вас не задержу. Как там дела?

Элберт зажал свои маленькие желтоватые руки между коленями.

— Нам помогает полиция штата. Все дороги, ведущие из Олбани, перекрыты. Пикеты установлены по концентрическим окружностям с аэропортом Олбани в центре. Радиус — тридцать пять миль.

— Вы исходите из того, что они не поймали попутку.

— Приходится, — сказал Элберт. — Если же их кто-то подобрал и увез за двести миль или больше, то нам, конечно, придется начинать все сначала. Но я уверен, что они внутри этого круга.

— Да? Почему же, Элберт? — Кэп подался вперед. Элберт Стейновиц был, без сомнения, лучшим агентом в Конторе, если не считать Рэйнберда: умен, с прекрасно развитой интуицией и, если требовало дело, безжалостен.

— Отчасти интуиция, — сказал Элберт. — Отчасти данные, полученные от компьютера, в который мы заложили все, что знали о трех последних годах жизни Эндрю Макги. Мы запросили у машины сведения о любых ситуациях, какие могут возникнуть,¹ исходя из его предполагаемых особых способностей.

— У него они есть, Эл, — мягко произнес Кэп. — Вот почему эта операция так чертовски деликатна.

— Да, они есть, — сказал Эл. — Но данные компьютера наводят на мысль, что его возможности пользоваться ими чрезвычайно ограничены. Если он прибегает к ним слишком активно, то заболевает.

— Правильно. На это мы и рассчитываем.

— Он занимался вполне легальным делом в Нью-Йорке, чем-то похожим на группы Дейла Карнеги.

Кэп кивнул. «Поверь в себя» — курс, предназначенный в основном для застенчивых администраторов. Он давал ему и девочке средства на кусок хлеба с маслом, не более.

— Мы опросили его последнюю группу, — сказал Элберт Стейновиц. — Шестнадцать человек — они платили за обучение двумя отдельными взносами: сто долларов при поступлении, сто по ходу занятий, если результат был очевиден. Конечно же, он был очевиден.

Кэп кивнул. Способности Макги очень подходили для того, чтобы вселять в людей уверенность. Он буквально *вталкивал* в них эту уверенность.

Мы заложили в компьютер их ответы на несколько ключевых вопросов. Вопросы были такие: появлялась ли

у вас вера в себя и в результаты курса «Поверь в себя» в какие-то конкретные моменты? Можете ли вы вспомнить рабочие дни сразу после посещения занятий на курсе, когда вы чувствовали себя так, словно в вас вселился тигр? Были ли вы...

— Чувствовали себя, словно тигр? — повторил Кэп. — Боже, вы спрашивали их, чувствовали ли они себя тиграми?

— Слово нам подсказал компьютер.

— Хорошо, продолжайте.

— Третий ключевой вопрос: добились ли вы каких-нибудь конкретных успехов в работе после прохождения курса «Поверь в себя»? На этот вопрос они все могли ответить объективно и точно: люди склонны помнить день, когда они получили надбавку к жалованью или босс похлопал их по плечу. Они отвечали охотно. Мне показалось это даже немного страшноватым, Кэп. Он действительно выполнял свое обещание. Одиннадцать из шестнадцати получили повышение, обратите внимание — одиннадцать. Трое из оставшихся пятерых работают в таких местах, где повышают крайне редко.

— Никто не оспаривает способности Макги, — сказал Кэп. — Уже не оспаривает.

— Хорошо. Продолжим. Курс был шестинедельный. Используя ответы на наши вопросы, компьютер указал четыре ключевые даты... то есть дни, когда Макги, вероятно, добавлял к обычным «хи-хип-ура-вы-можете-это-сделать-если-постараетесь» довольно сильный мысленный посыл. Этими датами были семнадцатое августа, первое сентября, девятнадцатое сентября... и четвертое октября.

— И что это доказывает?

— Ну, он мысленно обработал прошлой ночью того водителя такси. Обработал здорово. Этот парень до сих пор не опомнился. Мы полагаем, что Энди Макги выдохся. Болен. Может, даже не в состоянии двигаться. — Эл в упор посмотрел на Кэпа. — Компьютер показал нам двадцать шесть процентов вероятности его смерти.

— Что?

— Ну, так уже бывало. Он выкладывался до такой степени, что заболел. Эти посылы наносят какой-то ущерб его мозгу... Бог его знает какой. Вероятно, происходят точечные кровоизлияния. Все это может прогрессировать. По подсчету компьютера, чуть выше одного из четырех шансов, что он умер либо от инфаркта, либо, что более вероятно, от инсульта.

— Ему пришлось расходовать свою энергию до того, как он ее восстановил, — сказал Кэп.

Элберт кивнул и вынул из кармана какой-то предмет — в конверте из гибкого прозрачного пластика. Он передал его Кэпу, тот взглянул и возвратил.

— Ну и что это значит? — спросил он.

— Не очень много, — сказал Эл, задумчиво глядя на купюру в пластиковом конверте. — Только то, что этим Макги расплатился за поездку на такси.

— Он доехал в Олбани из Нью-Йорка за один доллар, а? — Кэп снова взял купюру и посмотрел на нее уже с интересом. — Плата наверняка должна была равняться... что за черт! — Он уронил купюру в пластик на стол, словно обжегшись, и сидел, моргая глазами.

— Вы тоже, да? — сказал Эл. — Видели?

— Боже, не пойму, что я видел, — сказал Кэп и потянулся к керамической коробочке, где он держал таблетки от изжоги. — На какое-то мгновение она и мне показалась не похожей на однодолларовую бумажку.

— А теперь похожа?

Кэп уставился на купюру.

— Конечно, похожа. Это же Джордж, все... Боже! — Он откинулся в кресле с такой силой, что чуть не стукнулся головой о панельную обшивку стены, посмотрел на Эла. — Лицо... как будто на мгновение изменилось, надел очки, что ли. Это трюк?

— Чертовски классный трюк, — сказал Эл, забирая назад купюру. — Мне тоже привиделось, хотя это больше не повторяется. Наверное, пригляделся... Хотя убей меня Бог, если знаю, как. Конечно, какая-то дурацкая галлюцинация. Я даже узнал лицо. Это Бен Франклин.

— Вы взяли ее у водителя такси? — спросил Кэй, замороженно глядя на купюру в надежде вновь увидеть смену картинки. Но там был все тот же Джордж Вашингтон.

Эл засмеялся.

— Да, — сказал он. — Мы взяли купюру и выписали ему чек на пятьсот долларов. Ему действительно повезло.

— Почему?

— Бен Франклин не на пятисотдолларовой бумажке, а на сотенной. Очевидно, Макги не знал.

— Дайте-ка взглянуть снова.

Эл протянул долларовую купюру Кэпу, и тот минуты две пристально вглядывался в нее. Когда он уже собирался отдать ее, она на миг снова будто изменилась, стала другой. Но, по крайней мере, на сей раз он был уверен, что все это произошло у него в голове, а не в купюре... на купюре или где-то там еще.

— Скажу вам больше, — сказал Кэй. — Не уверен, что Франклин на купюре в очках. Иначе говоря, это... — Он замолчал, не зная, как закончить свою мысль. В голову пришло нечто чертовски сверхъестественное, и он отбросил его.

— Да, — сказал Эл. — Что бы это ни было, оно постепенно исчезает. Сегодня утром я показал ее, вероятно, шестерым. Двоим показалось, будто мелькнуло что-то, но совсем не то, что видели водитель и девица, с которой он живет.

— Так вы считаете, что его посыл был слишком сильным?

— Да. Он вряд ли в состоянии двигаться после этого. Они могли переночевать в лесу или в каком-то отдаленном мотеле. Могли проникнуть в один из дачных домиков округа. Думаю, они где-то рядом и мы захватим их без особого труда.

— Сколько людей нужно для этого?

— Людей достаточно, — сказал Эл. — С учетом полиции штата, в этом семейном пикнике участвует более семисот человек. В боевой готовности. Они обойдут все дома, постучатся в каждую дверь. Мы уже проверили все

отели и мотели в близлежащем к Олбани районе — более сорока. Теперь прочесываем соседние городки. Мужчина и девочка... их видно, как волдырь на большом пальце. Поймаем. Или одну девочку, если он умер. — Элберт встал. — Мне пора. Хотелось бы присутствовать при завершении операции.

— Конечно. Доставьте их мне, Эл.

— Обязательно, — сказал Элберт и направился к двери.

— Элберт?

Он повернулся — маленький человек с нездоровым желтым лицом.

— Кто же на самом деле на пятисотенной? Вы это проверили?

Элберт Стейновиц улыбнулся.

— Маккинли, — сказал он. — Его убили.

Он вышел, осторожно прикрыв за собой дверь и оставив Кэпа погруженным в раздумье.

Через десять минут Кэп снова нажал на кнопку переговорного устройства.

— Рэйчел, Рэйнберд уже вернулся из Венеции?

— Еще вчера, — сказала Рэйчел, и Кэпу показалось, что он услышал неприязнь даже в тщательно отработанном тоне секретарши-при-боссе.

— Он здесь или на Сэнибеле? — Контора имела свой дом отдыха на острове Сэнибел во Флориде.

Пауза: Рэйчел сверялась с компьютером.

— В Лонгмонте, Кэп. С восемнадцати ноль-ноль вчера. Наверное, отсыпается после полета.

— Пусть кто-нибудь его разбудит, — сказал Кэп. — Я хотел бы видеть его после Уэнлесса... Если, конечно, Уэнлесс все еще здесь.

— Пятнадцать минут назад был.

— Хорошо... Пускай Рэйнберд придет в двенадцать.

— Да, слушаю, сэр.

— Вы хорошая девушка, Рэйчел.

— Спасибо, сэр, — слышно было, что она тронута.

Кэпу она нравилась, очень нравилась.

— Пожалуйста, Рэйчел, пришлите доктора Уэнлесса.

Он откинулся, сцепил руки перед собой и подумал: грехи мои тяжкие.

Доктора Джозефа Уэнлесса сразил инсульт в тот самый день, когда Ричард Никсон объявил об уходе с поста президента, — 8 августа 1974 года. Это было кровоизлияние в мозг средней тяжести, от которого ему не суждено было оправиться окончательно физически, а также и в умственном отношении, считал Кэп. Именно после удара он стал постоянно и навязчиво интересоваться экспериментом с «лот шесть» и его последствиями.

Он вошел в комнату, опираясь на палку, свет из окна скользнул по его круглым очкам без оправы и мутно отразился в них. Левая рука была скрючена. Левый уголок рта был опущен, будто в постоянной леденящей усмешке.

Рэйчел из-за плеча Уэнлесса сочувственно взглянула на Кэпа, и тот кивнул ей, что она может идти. Девушка ушла, тихо закрыв дверь.

— А вот и добрый доктор, — без тени юмора сказал Кэп.

— Как развиваются события? — спросил Уэнлесс, садясь и крикнув.

— Секрет, — сказал Кэп. — Вам это известно, Джо. Чем могу быть полезен сегодня?

— Наблюдал тут возню, — сказал Уэнлесс, не обратив внимания на вопрос Кэпа. — Что еще оставалось делать, пока я бил баклуши все утро.

— Вы пришли, предварительно не договорившись о встрече...

— Вы считаете, что они у вас почти в руках, — сказал Уэнлесс. — Зачем иначе тут этот мясник Стейновиц? Ну, может, так оно и есть. Может быть. Но вы же и раньше так считали, правда?

— Что вам нужно, Джо? — Кэп не любил напоминаний о прошлых провалах. Однажды они почти поймали девочку. Участвовавшие в операции люди не трудоспособны до сих пор и, вероятно, останутся таковыми до конца своих дней.

— Что мне всегда нужно? — спросил Уэнлесс, согнувшись и опираясь на палку. О Боже, подумал Кэп, опять этот старый дурак будет разглагольствовать. — Зачем я остался жить? Чтобы убедить вас ликвидировать их обоих. Ликвидировать Джеймса Ричардсона. Ликвидировать тех, в Мауи. Ликвидировать полностью, капитан Холлистер. Покончить с ними. Стереть с лица земли.

Кэп вздохнул.

Уэнлесс скрюченной рукой показал в сторону тележки и сказал:

— Вы, смотрю, снова листали досье.

— Я помню его почти наизусть, — сказал Кэп и чуть улыбнулся. «Лот шесть» набил ему оскомину за весь прошедший год. Последние два года этот препарат был постоянной темой обсуждений. Так что, пожалуй, Уэнлесс не единственный здесь человек с навязчивой идеей.

Вся разница в том, что мне за это платят. А для Уэнлесса это хобби. И опасное хобби.

— Вот читаете досье, а урок из него извлечь не хотите, — сказал Уэнлесс. — Дайте же мне возможность еще раз обратить вас на путь истины, капитан Холлистер.

Кэп начал было протестовать, но вовремя вспомнил о предстоящем в полдень визите Рэйнберда, и выражение его лица смягчилось, стало спокойным, даже понимающим.

— Хорошо, — сказал он, — валяйте.

— Вы считаете, что я сумасшедший, да? Чокнутый.

— Вы это сказали, не я.

— Напоминаю: я первый предложил программу испытаний с кислотой ДЛТ.

— Иногда я сожалею, что вы это сделали, — сказал Кэп. Когда он закрывал глаза, ему отчетливо представлялся первый доклад Уэнлесса, его предложения на двухстах страницах по поводу препарата, известного как ДЛТ, а среди работавших над ним специалистов как «активатор», впоследствии как «лот шесть». Предшественник Кэпа дал добро первоначальной идее. Этот джентльмен был похоронен шесть лет назад на Арлингтонском кладбище со всеми воинскими почестями.

— Я лишь хочу сказать, что к моему мнению стоит прислушаться, — сказал Уэнлесс. Нынче утром он произносил слова устало, медленно и невнятно. Когда говорил, перекошенный в усмешке рот с левой стороны был неподвижен.

— Слушаю, — сказал Кэп.

— Насколько мне известно, я единственный психолог и врач, которого вы вообще выслушиваете. Ваши люди ослеплены одной идеей и только ею: какое значение этот человек и его девочка могут иметь для безопасности Америки и, возможно, для последующего баланса сил в мире. Анализируя поведение этого Макги, можно сказать, что он своего рода благожелательный Распутин. Он способен...

Уэнлесс продолжал что-то говорить, но Кэп временно отключился. *Благожелательный Распутин*, думал он. Как ни парадоксально звучала эта фраза, она ему понравилась. Его заинтересовало, как отреагировал бы Уэнлесс, если ему сказать, что, согласно подсчету компьютера, один шанс к четырем, что Макги, покидая Нью-Йорк, ликвидировал себя. Вероятно, был бы вне себя от радости. А если бы он показал Уэнлессу эту странную купюру? Его, возможно, хватил бы еще один удар, подумал Кэп и прикрыл рот рукой, чтобы спрятать улыбку.

— Больше всего меня беспокоит девчонка, — говорил Уэнлесс в двенадцатый, тринадцатый, пятидесятый раз. — Макги и Томлинсон женятся... Один шанс из тысячи. Это нужно было предотвратить во что бы то ни стало. И кто мог предположить...

— Тогда вы все выступали за это, — сказал Кэп и добавил сухо: — Не сомневаюсь, что вы согласились бы стать посаженным отцом невесты, если бы вас в то время об этом попросили.

— Никто не предполагал, — пробормотал Уэнлесс. — Лишь инсульт заставил меня прозреть. «Лот шесть» не что иное, как синтетическая копия секрета гипофиза, в конце концов... чрезвычайно сильный болеутолитель-галлюциноген, действия которого мы тогда не понимали, как не понимаем и сейчас. Мы знаем — или, по крайней мере, на

девяносто девять процентов уверены, — что естественный аналог этого состава каким-то образом способствует периодическим проявлениям парапсихических способностей, их время от времени демонстрируют все человеческие существа. Набор этих проявлений удивительно широк: предвидение, телекинез, мысленное внушение, вспышки сверхчеловеческой силы, временный контроль над симпатической нервной системой. Знаете ли вы, что гипофиз внезапно становится сверхактивным при всех экспериментах с биологической обратной связью?

Кэп знал. Уэнлесс говорил ему это тысячу раз. Но отвечать нужды не было. Нынешним утром красноречие Уэнлесса расцвело вовсю. И Кэп готов был слушать... в последний раз. Пусть старик подержится за битую. Для Уэнлесса это последний матч.

— Да, правда, — ответил Уэнлесс самому себе. — Он активен при биологической обратной связи, он активен в состоянии глубокого сна, и люди с поврежденным гипофизом редко спят нормально. Люди с поврежденным гипофизом очень часто подвергаются риску опухолей на мозге и лейкемии. Это — гипофиз, капитан Холлистер: если говорить об эволюции — старейшая эндокринная железа в человеческом организме. В подростковом возрасте она выделяет в кровяной ток свой секрет в количестве, во много раз превосходящем собственный вес. Это чрезвычайно важная железа, чрезвычайно таинственная железа. Если бы я верил в существование человеческой души, капитан Холлистер, я бы сказал, что она находится в гипофизе.

Кэп ухмыльнулся.

— Мы это знаем, — сказал Уэнлесс, — и знаем, что «лот шесть» каким-то образом изменил физическое строение гипофиза лиц, участвовавших в эксперименте. Даже вашего так называемого «тихого» Джеймса Ричардсона. Чрезвычайно важно — из способностей девочки мы можем это вывести, — что он каким-то образом изменяет и хромосомную структуру и что изменения в гипофизе могут привести к подлинной мутации.

— Ей был передан Х-фактор.

— Нет, — сказал Уэнлесс. — Это одна из многих вещей, которые вы не можете понять, капитан Холлистер. Эндрю Макги стал X-фактором после эксперимента. Виктория Томлинсон стала Y-фактором — она тоже изменилась, но не в такой степени, как ее муж. У этой женщины появилась слабая телекинетическая способность. У мужчины возникли среднего уровня способности подчинять психику других. Девочка, однако... Девочка, капитан Холлистер... Что она? По-настоящему мы не знаем. Она — Z-фактор.

— Мы намереваемся это узнать, — мягко сказал Кэп.

Теперь оба уголка рта Уэнлесса кривились в презрительной усмешке.

— Вы намереваетесь узнать, — повторил он. — Да, если будете настойчивы, то, конечно, сможете. Вы слепые, одержимые болваны. — Он на мгновение закрыл глаза и прикрыл их рукой. Кэп спокойно наблюдал за ним.

Уэнлесс сказал:

— Одно вы уже знаете. Она зажигает огонь.

— Да.

— Вы предполагаете, что она унаследовала телекинетическую энергию матери. Во всяком случае, вы это сильно подозреваете.

— Да.

— Когда она была совсем маленьким ребенком, то вовсе не могла контролировать эти... эти таланты — не найду лучшего слова.

— Маленький ребенок не в состоянии контролировать собственный мочевой пузырь, — сказал Кэп, прибегая к одному из примеров, содержащихся в досье. — Но когда ребенок вырастает...

— Да, да, я знаком с подобной аналогией. Но и с более взрослым ребенком могут происходить неожиданности.

Кэп ответил улыбаясь:

— Мы собираемся держать ее в комнате с огнеупорными стенами.

— В камере.

Кэп сказал, все еще улыбаясь:

— Если это вам больше нравится.

— Я предлагаю вам такой вывод, — сказал Уэнлесс. — Она не любит пользоваться своей способностью. Она напугана, и этот страх был внушен ей вполне сознательно. Я приведу аналогичный пример. Ребенок моего брата. В доме были спички. Фредди хотелось играть с ними. Зажигать, а затем гасить. «Здорово, здорово», — говорил он. Брат решил выработать стереотип поведения. Запугать ребенка так, чтобы он никогда больше не играл со спичками. Он сказал ему, что головки спичек из серы и от них его зубы сгниют и выпадут. Что смотреть на горящие спички нельзя — можно ослепнуть. И наконец, он мгновение подержал ладонь Фредди над зажженной спичкой и обжег ее.

— Ваш брат, — пробормотал Кэп, — просто настоящий гений.

— Лучше небольшое красное пятно на руке мальчика, чем ребенок в палате для обожженных весь во влажных повязках с ожогами третьей степени на большей части кожи, — сказал Уэнлесс угрюмо.

— Лучше убирать спички от детей.

— А вы можете убрать от Чарлин Макги ее спички? — спросил Уэнлесс.

Кэп медленно кивнул:

— В этом есть кое-какой резон, но...

— Спросите себя, капитан Холлистер: как тяжело пришлось Эндрю и Виктории Макги, когда их ребенок был совсем крошкой? Опоздали с молочной бутылочкой. Ребенок плачет. Одновременно один из игрушечных зверьков *прямо там, в кроватке рядом с ней* вспыхивает дымным пламенем. Испачкана пеленка. Детка плачет. Через мгновение грязное белье в корзине загорается. У вас есть отчеты, капитан Холлистер, вы знаете, что было в том доме. Огнетушитель и индикатор дыма в каждой комнате. А однажды загорелись ее собственные волосы, капитан Холлистер; родители вошли к ней в комнату и увидели, что она стоит в своей кроватке и плачет, а волосы горят.

— Да, — сказал Кэп, — это, должно быть, заставляло их чертовски нервничать.

— Понимаете, — сказал Уэнлесс, — они учили ее не только проситься на горшок, они учили ее еще не зажигать огонь.

— Противопожарные учения, — задумчиво произнес Кэп.

— А это означает, что, как мой брат у своего сына Фредди, они выработали у нее стереотип поведения. Вы привели эту аналогию, капитан Холлистер, так давайте рассмотрим ее на минуточку. Что такое учить проситься на горшок? Выработать привычку — просто и ясно. — Внезапно голос старика взвился до невероятно высокого, дрожащего дисканта, стал голосом женщины, бранящей ребенка. Кэп наблюдал со смесью удивления и отвращения.

— Ты паршивая девчонка! — кричал Уэнлесс. — Посмотри что наделала! Нехорошо, детка, видишь, как противно? Нехорошо делать в штанишки! Разве взрослые делают в свои штанишки? Делай в горшочек, детка, в *горшочек*.

— Прошу вас... — страдальчески произнес Кэп.

— Так создается стереотип поведения, — сказал Уэнлесс. — Обучить личному туалету — значит обратить внимание ребенка на его собственные отправления таким образом, чтобы он увидел, сравнивая с поведением других, что именно плохо в его поступке. Вы можете спросить, насколько прочно укореняется этот комплекс в ребенке? Тот же вопрос задал себе Ричард Дэмон из Вашингтонского университета и для выяснения его провел эксперимент. Он объявил о наборе пятидесяти добровольцев среди студентов. Накачал их содовой водой и молоком, пока им всем стало невмоготу. Спустя какое-то время он сказал им, что он их отпустит, если они сделают... в штаны.

— Отвратительно, — сказал громко Кэп, чувствуя подступающую тошноту. — Это не опыт, а упражнение в дегенеративности.

— Видите, насколько стереотип поведения укоренен в вашей психике, — тихо сказал Уэнлесс. — Вам не казалось это отвратительным, когда вам было двадцать месяцев. Тогда, если вам хотелось опростаться, вы это делали.

Вы могли описаться на коленях у отца, если сидели там, а вам приспичило. Суть эксперимента Дэмона, капитан Холлистер, состояла в том, что большинство из них сделать в штаны просто не могли. Они понимали, что обычные нормы поведения там неприменимы, по крайней мере, на время эксперимента; каждый находился в отдельном помещении вроде обычной уборной, но целых восемьдесят восемь процентов из них просто не могли этого сделать. Вне зависимости от того, насколько сильно им хотелось, поведенческий комплекс, внушенный им родителями, оказался сильнее.

— Ничего тут нет, кроме пустого любопытства, — отрывисто сказал Кэп.

— Нет, это не любопытство. Я хочу, чтобы вы продумали аналогию между обучением проситься и противопожарным обучением. И одну существенную разницу, которая состоит в качественном скачке между *необходимостью* совершать первое и второе. Если ребенок слишком медленно учится правильно совершать туалет, каковы последствия этого? Небольшие неприятности. В его комнате пахнет, если ее не проветривать. Мамаша прикована к стиральной машине. Приходится вызывать людей для чистки ковра, когда обучение все же закончено, и — самое худшее — у ребенка возникает постоянный зуд, а это может случиться только, если у него очень чувствительная кожа или если мамаша не следит за ним. Однако последствия для ребенка, который может зажигать...

Глаза его блеснули. Левый угол рта усмехался.

— Я высоко оцениваю Макги как родителей, — сказал Уэнлесс. — Каким-то образом им удалось внушить ей, как вести себя с огнем. Насколько понимаю, им пришлось начинать воспитание задолго до того, как родители обычно начинают обучение личной гигиене, может, даже до того, как она начала ползать. «Детка, нельзя! Детка сделала себе больно! Нет, нет, нет! Плохая девочка! Плохая девочка!»

Но ваш компьютер предполагает, что она преодолевает свой комплекс, капитан Холлистер. Для этого у нее все условия. Она дитя, и комплекс еще не затвердел в ней, как

цемент. К тому же с ней отец! Понимаете ли вы значение этого простого факта? Нет, не понимаете. Отец для нее авторитет. Он держит в руках все психические нити каждого физиологического отправления девочки-ребенка, за каждым из них, словно невидимая фигура за ширмой, стоит его авторитет. Для девочки-ребенка он, как Моисей: законы — это его законы, которые она должна выполнять, хотя и не знает, откуда они взялись. Он, вероятно, единственный человек на Земле, который может освободить ее от этой тяжести. Наши комплексы, капитан Холлистер, всегда приносят нам самые большие муки и душевные страдания, когда те, кто наделил нас ими, умирают и уже недоступны для диалога и сострадания.

Кэп взглянул на часы и увидел, что Уэнлесс находится у него почти сорок минут. А казалось, не один час.

— Вы уже заканчиваете? У меня другая встреча...

— Когда комплексы исчезают, они исчезают, подобно плотинам, прорвавшимся после тропического ливня, — спокойно сказал Уэнлесс. — У нас есть одна любвеобильная девица девятнадцати лет. У нее позади — целая куча любовников. До семнадцати была девственницей. Ее отец, священник, постоянно твердил ей, девочке, что секс в замужестве — неизбежное зло, что секс вне замужества — ад и проклятие, что секс и есть яблоко первородного греха. Когда такой комплекс исчезает, он исчезает, словно прорвавшаяся плотина. Сначала появляется одна-другая трещина, маленькие незаметные струйки... А судя по данным вашего компьютера, мы находимся с нашей девочкой именно в такой ситуации. Есть предположение, что она по просьбе отца использовала свои способности, чтобы помочь ему. А затем плотина внезапно рушится, выплескивая миллионы галлонов воды, уничтожая все на своем пути, топя всех встречных-поперечных, навсегда изменяя ландшафт!

Квакающий голос Уэнлесса поднялся от обычного негромкого говора до хриплого стариковского крика, но он звучал скорее жалобно, чем величественно.

— Послушайте, — сказал он Кэпу. — Выслушайте меня хоть раз. Сбросьте с глаз шоры. Сам по себе этот

человек не опасен. У него небольшая сила, так, игрушка, пустяк. И он это понимает. Он не мог с ее помощью заработать миллион долларов. Он не правит странами и народами. Он использовал свою способность, чтобы помочь толстым женщинам похудеть. Он использовал ее, помогая застенчивым администраторам приобрести уверенность. Он не может пользоваться своей способностью часто или с пользой для себя... Какой-то внутренний психологический фактор мешает ему. Но девочка невероятно опасна. Она вместе со своим папочкой спасается бегством ради сохранения жизни. Она очень напугана. Он также напуган, что и его делает опасным. Не самого по себе, а потому что вы заставляете его изменять привычный стереотип поведения девочки. Вы заставляете его учить ее заново оценить ту силу, которой она обладает, заставить ее использовать эту силу.

Уэнлесс тяжело дышал.

Доигрывая сценарий — конец уже был виден, — Кэп спокойно спросил:

— Что вы предлагаете?

— Его нужно уничтожить. Быстро. Прежде чем он сможет разрушить комплекс, который они с женой укоренили в этой девочке. Я считаю, что она тоже должна быть уничтожена. В случае, если ущерб уже нанесен.

— Она же, в конце концов, маленькая девочка, Уэнлесс. Да, она может зажигать огонь. Мы называем это пирокинезом. Вы же представляете все это как Армагеддон*.

— Может, им дело и кончится, — сказал Уэнлесс. — Не допускайте, чтобы ее малый возраст и маленький рост заставили вас забыть о зет-факторе... А именно это вы и делаете. А если предположить, что разжигание огня — только верхушка айсберга? Ей семь. Когда Джону Милтону было семь, он, вероятно, хватал уголек и с трудом пытался вывести свое имя, чтобы мамочка и папочка могли

* Армагеддон — мифологическая битва между силами добра и зла при наступлении конца света.

его прочитать. Он был ребенком. Джон Мильтон вырос и написал «Потерянный рай».

— Ни черта не понимаю, что вы плетете? — отрубил Кэп.

— Я говорю о потенциале уничтожения. Я говорю о способности, связанной с гипофизом, железой, которая в ребенке возраста Чарлин Макги практически дремлет. Что будет, когда девочка превратится в подростка? Железа проснется и за двадцать месяцев станет самой мощной силой в человеческом организме, повелевая всем — от внезапного появления первичных и вторичных половых признаков до увеличения количества зрительного пурпура в глазу. Представьте себе ребенка, способного вызвать ядерный взрыв одним усилием воли.

— Такого бреда я никогда не слышал.

— Да? Тогда разрешите мне от бреда перейти к полному безумию, капитан Холлистер. Предположим, в эту девочку, которая где-то прячется сегодня, заложена некая сила, спящая до поры до времени, но способная однажды расколоть нашу планету надвое, словно фарфоровую тарелку в тире?

Они в молчании посмотрели друг на друга. Внезапно раздался сигнал переговорного устройства.

Через мгновение Кэп наклонился к нему и нажал на кнопку:

— Да, Рэйчел? — Черт его побери, если старик пусть на минуту не убедил его. Уэнлесс похож на мрачного черного ворона, и это — еще одна причина, почему Кэп не любил его. Сам он был жизнелюбцем и если кого не выносил, так это пессимистов.

— Звонят по кодирующему телефону, — сказала Рэйчел. — Из района операции.

— Хорошо, дорогая. Спасибо. Пусть подождут минутки две, хорошо?

— Да, сэр.

Он откинулся в кресле:

— Я вынужден прервать нашу беседу, доктор Уэнлесс. Можете быть уверены: я самым внимательным образом продумаю все, что вы сказали.

— Продумаете? — спросил Уэнлесс. Застывший угол его рта, казалось, цинично ухмылялся.

— Да.

Уэнлесс сказал:

— Девочка... Макги... и этот парень Ричардсон... последние три элемента нерешаемого уравнения, капитан Холлистер. Сотрите их. Действуйте. Девочка очень опасна.

— Я продумаю все, что вы сказали, — повторил Кэп.

— Сделайте это. — Уэнлесс, опираясь на палку, с трудом начал подниматься. Это заняло довольно много времени. Наконец он встал.

— Приближается зима, — сказал он Кэпу. — Старые кости ноют.

— Вы остаетесь на ночь в Лонгмонте?

— Нет, в Вашингтоне.

Кэп колебался, а затем сказал:

— Остановитесь в «Мэйфлауэр». Мне, может, понадобится связаться с вами.

В глазах старика что-то промелькнуло — благодарность? Да, конечно, благодарность.

— Очень хорошо, капитан Холлистер, — сказал он и проковылял, опираясь на палку, к двери — старик, который когда-то открыл ящик Пандоры и теперь хотел расстрелять все, вылетевшее из него, вместо того чтобы пустить в дело.

Когда дверь за ним закрылась, Кэп с облегчением вздохнул и поднял трубку кодирующего телефона.

— Кто говорит?

— Орв Джеймисон, сэр.

— Поймали их, Джеймисон?

— Еще нет, сэр, но мы обнаружили кое-что интересное в аэропорту.

— Что же?

— Все телефонные автоматы пусты. В некоторых из них на полу мы нашли лишь несколько четвертаков и десятицентовиков.

— Взломаны?

— Нет, сэр. Почему и звоню вам. Они не взломаны, а просто пусты. В телефонной компании рвут и мечут.

— Хорошо, Джеймисон.

— Все это ускоряет дело. Мы полагаем, что отец, возможно, оставил девчонку на улице и зарегистрировался в отеле только сам. Как бы то ни было, теперь мы будем искать парня, расплатившегося одной мелочью.

— Если они в мотеле, а не спрятались в каком-нибудь летнем лагере.

— Да, сэр.

— Продолжайте, О'Джей.

— Слушаюсь, сэр. Спасибо. — В голосе Орвила прозвучала глупая радость оттого, что Кэп помнил его прозвище.

Кэп повесил трубку. Минут пять он сидел, закрыв глаза и размышляя. Мягкий осенний свет освещал кабинет, согревал его. Затем он нагнулся и снова вызвал Рэйчел.

— Джон Рэйнберд здесь?

— Да, здесь, сэр.

— Дайте мне еще пяток минут, а затем пришлите его ко мне. Я хочу поговорить с Норвиллом Бэйтсом в районе операции. Он там за главного до прибытия Эла.

— Хорошо, сэр, — сказала Рэйчел с некоторым сомнением в голосе. — Придется говорить по открытой линии. Связь по переносному радиотелефону не очень...

— Ничего, ничего, — нетерпеливо сказал он.

Прошло две минуты. Голос Бэйтса слышался издалека и проходил с шумами. Он был неплохим работником — не очень одарен воображением, но упорен. Именно такой человек нужен Кэпу для осады крепости до приезда Элберта Стейновица. Наконец Норвилл на линии и сообщает, что они начинают прочесывать близлежащие города — Оквилл, Тремонт, Мессалонсет, Гастингс Глен, Лутон.

— Хорошо, Норвилл, порядок, — сказал Кэп. Он думал о словах Уэнлесса: *вы заставляете его менять стереотип и заново обучать девочку*. Он обдумывал сообщение Джеймисона о пустых телефонах. Макги этого не делал. Сделала девочка. И потом, будучи на взводе, подожгла ботинки солдату, возможно, случайно. Уэнлесс был бы

доволен, знай он, что Кэп в итоге собирался воспользоваться половиной его советов — нынешним утром старый козел был на удивление красноречив.

— Ситуация изменилась, — сказал Кэп. — Мы должны ликвидировать большого парня. Полная ликвидация. Понимаете?

— Полная ликвидация, — невозмутимо повторил Норвил. — Слушаюсь, сэр.

— Прекрасно, Норвил, — уже мягко сказал Кэп. Он положил трубку и стал ждать прихода Джона Рэйнберда.

Через секунду дверь открылась, и он явился, очень большой и еще более отвратительный. Этот полуиндеец вел себя настолько тихо, что, сидя за столом, читая или отвечая на письма, можно было не почувствовать присутствия в комнате постороннего. Кэп знал, насколько это редкое качество. Большинство людей ощущает присутствие кого-то другого: Уэнлесс однажды назвал эту способность не шестым чувством, а вторым видением — ощущением, порождаемым какими-то неизмеримо малыми токами от пяти обычных чувств. Но Рэйнберд был неощутим. Ни одно из тончайших чувствительных волоконцев даже не шелохнется. Однажды за рюмкой портвейна в гостиной у Кэпа Эл Стейновиц сказал странную вещь: «Он единственный человек из всех встречавшихся мне, который при ходьбе не колеблет воздух». И Кэп был рад, что Рэйнберд на их стороне, он был единственным из всех встречавшихся — на сей раз не Элу, а ему самому, — кого он боялся.

Рэйнберд — тролль, чудовище, великан-людоед в облике человека. Он не добирал всего лишь двух дюймов до семи футов и зачесывал свои блестящие черные волосы в короткий хвост на затылке. Десять лет назад, когда он во второй раз был во Вьетнаме, прямо перед ним взорвалась мина, и теперь его лицо являло собой ужасное зрелище шрамов и исполосованной кожи. Левого глаза не было. На его месте — впадина. Он не делал пластической операции и не вставлял искусственный глаз, потому что, говорил он, в местах счастливой охоты на том свете его попросят показать боевые раны. Когда он говорил подобные вещи,

было неясно, верить ему или нет, неясно, говорит он серьезно или по каким-то причинам дурачит вас.

Все эти годы Рэйнберд был на редкость хорошим агентом: отчасти потому, что меньше всего он походил на агента, а главным образом оттого, что за маской из голого мяса скрывался живой жестокий ясный ум. Свободно говорил на четырех языках и понимал еще три. Занимался русским по ускоренному методу. Голос его был низким музыкальным голосом образованного человека.

— Добрый день, Кэп.

— Уже полдень? — удивленно спросил Кэп.

Рэйнберд улыбнулся, демонстрируя ряд прекрасных белых зубов — зубов акулы, подумал Кэп.

— С четырнадцатью минутами, — сказал он. — Я отхватил эти электронные часы «Сейко» на черном рынке в Венеции. Потрясающе! Маленькие черные цифирки постоянно меняются. Праздник техники. Я иногда думаю, Кэп, что мы воевали во Вьетнаме не во имя победы, а для демонстрации достижений техники. Мы сражались там во имя производства дешевых электронных часов, игры в пинг-понг через подключение в телевизор, карманного калькулятора. Я смотрю на свои часы по ночам. Они сообщают, что секунда за секундой я приближаюсь к смерти. А это хорошо.

— Садитесь, старина, — сказал Кэп. Как всегда при разговоре с Рэйнбердом, во рту у него было сухо и приходилось удерживать руки, которые норовили сплестись и сцепиться на полированной поверхности стола. И это притом, что, как он считал, Рэйнберду он нравился — если можно сказать, что ему вообще кто-нибудь нравился.

Рэйнберд сел. На нем были старые джинсы и выцветшая рубашка.

— Как Венеция? — спросил Кэп.

— Тонет, — ответил Рэйнберд.

— У меня для вас есть работа, если захотите. Небольшая, но может привести к заданию, которое вы сочтете гораздо интереснее.

— Говорите.

— Сугубо добровольно, — настаивал Кэп. — Вы ведь все еще на отдыхе.

— Говорите, — мягко повторил Рэйнберд, и Кэп ввел его в курс дела.¹ Он провел с Рэйнбердом всего пятнадцать минут, а показалось — час. Когда этот громила вышел, Кэп облегченно вздохнул. Уэнлесс и Рэйнберд в одно утро — такое вышибет из седла на целый день. Но утро миновало, многое сделано, и кто знает, что будет к вечеру. Он позвонил Рэйчел.

— Слушаю, Кэп?

— Я не пойду в кафетерий, дорогая. Принесите мне, пожалуйста, чего-нибудь сюда. Неважно что. Что-нибудь. Спасибо, Рэйчел.

Наконец-то один. Трубка кодирующего телефона покоилась на пузатом аппарате, начиненном микросхемами, микропроцессорами и Бог знает чем еще. Когда телефон зазвонит, это будет Элберт или Норвил, они скажут ему, что в штате Нью-Йорк все кончено: девочка схвачена, отец мертв. Хорошая новость.

Кэп снова закрыл глаза. Мысли и фразы проплывали в голове, словно большие ленивые воздушные змеи. Мысленное внушение. Здешние умники говорят об огромных его возможностях. Представьте себе человека, подобного Макги, поблизости от какого-нибудь государственного деятеля. Скажем, рядом с этим «розовым» Тедом Кеннеди, представьте, как он низким неотразимо убедительным голосом подсказывает ему, что лучший выход — самоубийство. Представьте, такой человек оказывает влияние на руководителей различных подпольных групп. Жаль, что нужно расстаться с ним. Но... что удалось однажды, можно повторить.

Девочка. Слова Уэнлесса: *«Сила, способная однажды расколоть нашу планету надвое, словно фарфоровую тарелку в тире...»* — разумеется, смешны. Уэнлесс спятил, как мальчишка в рассказе Д. Г. Лоуренса, умевший отгадывать победителей на лошадиных бегах. «Лот шесть» оказался для Уэнлесса сильнодействующей кислотой, она проела огромные зияющие дыры в его здравом смысле. Чарли — всего лишь маленькая девочка, а не орудие

судного дня. Им придется повозиться с ней, по крайней мере, пока не удастся установить, что она такое, и решить, чем она может стать. Одного этого достаточно, чтобы вернуться к программе испытаний «лот шесть». Если девочку можно будет убедить направить силы на пользу стране, тем лучше.

Тем будет лучше, думал Кэп.

Кодирующий телефон внезапно издал длинный резкий звук.

У Кэпа забилося сердце — он схватил трубку.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ФЕРМЕ МЭНДЕРСА

Пока Кэп обсуждал будущее Чарли Макги с Элом Стейновицем в Лонгмонте, она сидела, зевая и потягиваясь, на краю кровати в шестнадцатом номере мотеля «Грезы». Яркое утреннее солнце бросало с безупречно голубого осеннего неба в окно косые лучи. При дневном свете все казалось лучше и веселее.

Она посмотрела на папочку, лежащего бесформенной массой под одеялом. Торчал лишь клочок волос. Она улыбнулась. Он всегда делал для нее все, что мог. Если они были голодны, он только надкусывал единственное яблоко и отдавал ей. Когда бодрствовал, он всегда делал для нее все, что мог.

Но когда спал, он натягивал на себя все одеяла.

Она пошла в ванную, стянула трусики, включила душ, попользовалась туалетом, пока нагревалась вода, и затем вошла в душевую кабинку. Ударила горячая вода, и она, улыбаясь, зажмурилась. Ничего в мире нет прекраснее первой минуты под горячим душем.

...Ты плохо себя вела минувшей ночью...

Она нахмурила брови.

...Нет, папочка сказал, нет...

...Зажгла ботинки того парня, плохая девочка, очень плохая, тебе нравится, что медвежонок весь обуглился?

Она нахмурилась еще больше. К беспокойству теперь добавились страх и стыд. Образ ее Мишки полностью никогда даже не возникал; он находился где-то в глубине сознания, и, как это часто случалось, ее вина словно концентрировалась в запахе — запахе чего-то горелого, обуглившегося. Тлеющая обивка, вата. Запах вызывал

туманные видения склонившихся над ней матери и отца: они были гигантами, они были напуганы, они сердились, их голоса громыхали и грохотали, словно валуны в кино, подпрыгивающие и летящие с глухим стуком вниз по склону горы.

...Плохая девочка! Очень плохая! Ты не должна, Чарли! Никогда! Никогда! Никогда!

Сколько ей тогда было лет? Три? Два? Как рано может себя помнить человек? Она спросила однажды папочку, он не знал. Он помнил укус пчелы, а его мама сказала, что это случилось, когда ему было только полтора года.

Ее самые ранние воспоминания: огромные склонившиеся над ней лица, громкие голоса, словно валуны, скатывающиеся вниз по склону, и запах, какой бывает от сгоревшей вафли. Запах от ее волос. Она подожгла собственные волосы, и почти все они выгорели. Именно после этого папочка упомянул слово «помощь» и мамочка стала такая забавная, сначала засмеялась, затем заплакала, затем снова засмеялась, да так громко и странно, что папочка шлепнул ее по лицу. Чарли запомнила это: то был единственный известный ей случай, когда папочка сделал нечто подобное мамочке. Может, нам стоит обратиться за «помощью», сказал папочка. Они находились в ванной, и ее голова была мокрой, потому что папочка сунул ее под душ. О конечно, сказала мамочка, давай, позовем д-ра Уэнлесса, он окажет нам «помощь», сколько угодно помощи, как раньше... а затем смех, плач, смех, еще смех и пощечина.

...Ты была такой ПЛОХОЙ девочкой вчера вечером...

— Нет, — пробормотала она под барабнящий шум душа. — Папочка сказал — нет. Папочка сказал, что могло быть... быть... хуже... лицо того человека.

...ТЫ БЫЛА ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ вчера вечером...

Но им нужна была мелочь из телефонов. Так сказал папочка.

...ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ.

Затем она снова подумала о мамочке, о том времени, когда ей было пять лет, шел шестой... Она не любила вспоминать об этом, но память пришла сама, от памяти

никуда не деться. Случилось это как раз перед тем, как явились плохие люди и сделали мамочке так больно.

...Убили ее, хочешь сказать, убили ее!

Да, правильно, перед тем как убили ее и забрали Чарли. Папочка посадил ее на колени, чтобы почитать ей. Только он взял не такие знакомые рассказы о Винни Пухе, или Тигре, или миссис Жабе, или о «Большом стеклянном лифте Вилли Вонка». Он взял несколько толстых книг без картинок. Она недовольно сморщила нос и попросила Винни Пуха.

«Нет, Чарли, — сказал он. — Я хочу почитать тебе другие истории, и послушай, пожалуйста. Я считаю, что ты уже достаточно взрослая, да и мама считает так же. Эти рассказы, может, немного испугают тебя, но они очень нужные. Это правдивые истории».

Она запомнила названия книг, из которых папочка читал рассказы, потому что они по-настоящему испугали ее. Одна книга называлась «Берегись!». Ее написал человек по имени Чарльз Форт. Книга под названием «Необычнее, чем наука» Фрэнка Эдвардса. Еще книга под названием «Ночная правда». Была еще одна книга, она называлась «Рассказ о пирокинезе, несколько историй болезни», но мамочка не разрешила папочке читать оттуда. «Потом, — сказала мамочка, — когда она подрастет, Энди». И отобрала книгу. К удовольствию Чарли.

Рассказы и вправду пугали. Один — о дяденьке, который заживо сгорел в парке. Другой — о тетеньке, которая сгорела в автомобильном домике-прицепе; ничего больше там не сгорело, только тетенька, да немного обуглилось кресло, в котором она сидела и смотрела телевизор. Отдельные места ей понять было трудно, но запомнился полицейский, сказавший: «Мы не можем объяснить этот смертельный случай. Ничего от жертвы не осталось, кроме зубов и нескольких кусков обугленных костей. Для такого нужна газосварочная установка, а вокруг ничего даже не обгорело. Мы не можем объяснить, почему все это не взлетело в воздух, как ракета».

Третий рассказ был о большом мальчике — лет одиннадцати или двенадцати, — который сгорел на пляже. Его

папа, сам здорово обжегшись, сунул его в воду, но мальчик и там продолжал гореть, пока весь не сгорел. История о девочке-подростке, которая сгорела в исповедальне, когда каялась священнику во всех своих грехах. Чарли все знала о католической исповедальне — ее подружка Дини рассказывала ей. Дини говорила, что нужно поведать священнику обо всем плохом, что ты сделала на протяжении целой недели. Дини сама еще не ходила исповедоваться, потому что не прошла конфирмацию, но брат ее Карл ходил. Карл учился в четвертом классе, и ему пришлось рассказать обо всем, даже о том случае, когда он зашел в комнату матери и съел несколько шоколадок, подаренных ей на день рождения. Если не расскажешь всего священнику, то не омоешься кровью христовой и попадешь в место, где горят в огне.

Смысл всех этих рассказов Чарли уловила. Они ее так напугали, особенно рассказ о девочке в исповедальне, что она заплакала. «Неужели я себя сожгу? — плакала она. — Как тогда, когда была маленькой и сожгла себе волосы? Неужели я сожгу себя до угольков?»

Папочка с мамочкой казались расстроенными. Мамочка побледнела и все время кусала губы, но папочка обнял Чарли за плечи и сказал: «Нет, малышка. Нет, если будешь осторожна и не будешь думать об... этом. Ты иногда делаешь это, когда расстроена или испугана».

«Что это такое? — плакала Чарли. — Скажите мне, что это такое, я ведь даже не знаю, и я никогда не буду этого делать, обещаю!»

Мамочка сказала: «Насколько мы знаем, малышка, это называется пирокинез. Это слово значит, что кто-то может иногда зажигать огонь, лишь только подумав об огне. Обычно это происходит, когда человек расстроен. Некоторые люди, очевидно, обладают этой... ну, способностью на протяжении всей своей жизни и даже не подозревают о ней. А некоторых... ну, эта способность охватывает на мгновение, и они...» Она не смогла договорить.

«Они себя сжигают, — сказал папочка. — Как тогда, когда ты была маленькой и сожгла себе волосы, да. Но ты можешь и должна держать это в узде, Чарли. Ты *должна*.

Видит Бог — это не твоя вина». При этих словах его и мамочкины глаза встретились на мгновение и что-то промелькнуло между ними.

Обняв ее за плечи, он сказал: «Иногда ты ничего не можешь поделать, я знаю. Это нечаянно, это просто печальное происшествие. Когда ты маленькая, заигравшись, забывала пойти в туалет и делала в штанишки, мы называли это «происшествием», помнишь?»

«Я больше так не делаю».

«Конечно, нет. Скоро ты будешь держать в узде и то, другое. А пока, Чарли, ты должна обещать, что *никогда, никогда, никогда*, если сможешь, не будешь выходить из себя, выходить из себя так, что тебе захочется зажечь огонь. А если все-таки ты выйдешь из себя и не сможешь ничего поделать, отбрось *это* от себя. В мусорную корзину или в пепельницу. Постарайся выйти на улицу. Постарайся отбросить это в воду, если она есть поблизости».

«Но никогда не бросай в людей, — сказала мамочка, ее лицо по-прежнему оставалось бледным и серьезным. — Это очень опасно, Чарли. Тогда ты будешь очень плохой девочкой. Потому что, — она с трудом выдавливала из себя слова, — ты так можешь убить человека».

А потом Чарли плакала навзрыд, это были слезы ужаса и раскаяния, ведь обе мамочкины руки — в бинтах, и она понимала, почему папочка читал ей все эти страшные истории. Накануне мамочка не разрешила ей пойти к Дини из-за того, что она не убрала у себя в комнате, Чарли ужасно разозлилась, и тут же появилось это огненное: как и всегда, оно, словно какой-то злобный чертик, появилось ниоткуда, кивая и ухмыляясь, а она так злилась, что толкнула это от себя к мамочке, и мамочкины руки охватил огонь. Все обошлось не так страшно, как могло бы.

...Могло быть хуже, могла попасть в лицо...

Потому что в раковине оказалась мыльная вода для мытья посуды, *не так* страшно, но это был **ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ПОСТУПОК**, и она обещала им обоим, что *никогда, никогда, никогда...*

Теплая вода барабанила по лицу, груди, плечам, окутывая ее теплым покрывалом, коконом, прогоняя воспоминания и тревогу. Ведь папочка сказал ей, что все в порядке. А если папочка говорит, значит, так оно и есть. Он — самый умный человек в мире.

Ее мысли с прошлого перенеслись в сегодняшний день: она подумала о преследователях. Папочка говорил, что они работают на правительство, на какую-то его очень плохую Контору. Эти люди все время гонятся и гонятся за ними. Куда бы они ни забрались, люди из Конторы спустя какое-то время опять тут как тут.

Интересно, понравится им, если я их подожгу? — холодно спросил какой-то внутренний голос, и она зажмурилась с чувством вины и ужаса. Так думать мерзко. Плохо.

Чарли протянула руку, ухватила за кран с надписью ГОРЯЧАЯ, завернула его резким сильным движением. Минуты две она, дрожа и обняв руками свое тельце, стояла под ледяными, колючими струями душа, не позволяя себе выйти из-под них.

За плохие мысли нужно расплачиваться.

Так говорила Дини.

Энди медленно просыпался. До него смутно доходил барабанный шум душа. Сначала он был частью сна: они с дедушкой плывут по Ташморскому озеру, ему восемь лет, он пытается насадить извивающегося червяка на крючок, боясь проткнуть крючком большой палец. Сон был совсем как явь. Он видел старую плетеную корзину для рыбы на корме лодки, красные резиновые заплатки на зеленых сапогах Грэнтера Макги, свою потрепанную бейсбольную рукавицу, которая напоминала ему, что завтра предстоит тренировка «Малой лиги» на стадионе Рузвельта. Но все происходящее — это события сегодняшнего вечера: солнце зашло, но сумерки еще не наступили, на озере так тихо, что видны тучи мошкары над его блестящей, словно хромированной поверхностью. Время от времени мерцают зарницы... а может, это настоящие молнии — накрапывает дождь. Первые капли размером с центовую монету падают

темными кляксами на деревянное дно выцветшей плоскодонки Грэнтера. Над озером слышится таинственный свистящий шум, похожий на...

...Душ... Чарли, наверное, принимает душ.

Он открыл глаза и увидел незнакомый потолок с перекладами. *Где мы?*

Постепенно все вставало на свои места, но на секунду он испытал страх (как во сне, когда падаешь с большой высоты): за последний год они сменили так много мест, так часто чудом избегали опасности, так велико было напряжение. Он с чувством потери вспомнил свой сон, захотел снова оказаться в нем вместе с Грэнтером Макги, умершим двадцать лет назад.

Гастингс Глен. Он был в Гастингс Глене. Они оба были в Гастингс Глене.

Голова болела, но не так, как минувшей ночью, когда бородатый парень высадил их. Боль уменьшилась до равномерной глухой пульсации. Если все пойдет, как бывало прежде, глухие удары к вечеру ослабнут, а к утру совсем исчезнет и еле ощутимая тяжесть.

Душ выключили.

Он сел на кровати, взглянул на часы. Было без четверти одиннадцать.

— Чарли?

Она вошла в спальню, изо всех сил растираясь полотенцем.

— Доброе утро, папочка.

— Доброе утро. Как ты?

— Есть хочется, — сказала она, подошла к стулу, где оставила свои вещи, подняла зеленую блузку. Понюхала. Поморщилась. — Нужно сменить одежду.

— Придется надеть эту, малышка. Сегодня попозже мы тебе что-нибудь достанем.

— Ну а с едой так долго ждать не придется?

— Сядем на попутку и остановимся у первого же кафе.

— Папочка, когда я пошла в школу, ты не разрешил мне ездить с посторонними. — Она была в трусиках и зеленой блузке. Вопросительно смотрела на него.

Энди встал с постели, подошел к ней, обнял за плечи.

— Незнакомый черт порой лучше знакомого, — сказал он. — Понимаешь, что это значит, детка?

Она задумалась. Знакомый черт — это люди из Конторы, сообразила она. Те, что позавчера гнались за ними по нью-йоркской улице. Незнакомый черт...

— Это значит, что не все люди в машинах работают на эту Контору, — сказала она.

Он ответил с улыбкой:

— Правильно, а то, что я говорил раньше, тоже верно, запомни, Чарли: когда попадешь в переплет, иногда приходится делать то, чего не сделаешь в обычных условиях.

Улыбка Чарли увяла. Лицо ее стало серьезным, настоящим.

— Заставлять деньги сыпаться из телефонов?

— Да, — сказал он.

— Это не было плохим поступком?

— Нет. В тех обстоятельствах не было.

— Потому что, попав в переплет, делаешь то, что нужно, чтобы выбраться.

— Да. За некоторыми исключениями.

— Какими исключениями, папочка?

Он взъерошил ей волосы:

— Сейчас неважно, Чарли. Взбодрись.

Но она не смогла взбодриться.

— Я не хотела поджигать того парня! Я не нарочно...

— Разумеется, не нарочно.

Она расцвела в улыбке, так похожей на улыбку Вики.

— Как сегодня голова, папочка?

— Гораздо лучше, спасибо.

— Хорошо. — Она смотрела на него внимательно. — Глаз у тебя смешной.

— Какой глаз?

Указала на левый:

— Вот этот.

— Да? — Он пошел в туалет и протер кружок на запотевшем зеркале.

Он изучал свой глаз, и его добродушное настроение таяло. Правый глаз обычный, серо-зеленый — цвета океана в облачный весенний день. Левый тоже серо-зеленый,

но белок покрыт кровяными прожилками, а зрачок кажется меньше правого. Веко сильно нависало, чего раньше он не замечал.

Внезапно в голове раздался голос Вики. Он звучал так ясно, словно она стояла рядом. *Эти головные боли, они пугают меня, Энди. С тобой тоже что-то происходит, когда ты даешь мысленный посыл, или как ты там его называешь.*

За этой мыслью возник образ воздушного шара, взлетающего все выше... и выше... и выше... и — бах — шар взорвался.

Он стал тщательно исследовать левую половину лица, ощупывая ее кончиками пальцев правой руки, как мужчина из телерекламной заставки, изумленный тем, как гладко он выбрился. Обнаружил три совсем нечувствительные точки — одну под левым глазом, одну на левой щеке и одну как раз под левым виском. Страх, подобно утреннему туману, медленно расползлся по его телу, страх не столько за себя, сколько за Чарли: что случится, если она останется одна...

Она возникла в зеркале, словно по его зову.

— Папочка? — Голос звучал немного испуганно. — Как ты?

— В порядке, — спокойно сказал он. Без волнения, но и не очень уверенно. — Вот думаю, не надо ли мне побриться.

Она прикрыла рот рукой, хихикнула:

— Колючий, как посудный ерш. У-ух. Колючка.

Он загнал ее в спальню и потерся колючей щекой об ее гладкую щечку. Чарли хихикала и отталкивала его.

Пока Энди щекотал дочку отросшей щетиной, Орвил Джеймисон, он же О'Джей, он же Живчик, вместе с другим агентом Конторы Брюсом Куком вылезал из светло-голубого «Шевроле» около закусочной «Гастингс дайнер».

О'Джей остановился на минутку окинуть взглядом Мэйн-стрит с ее пологой площадкой для парковки машин, магазином электротоваров, двумя бензоколонками, апте-

кой, деревянным зданием муниципалитета с прибитой на нем памятной доской в знак какого-то исторического события, на которое все плевать хотели. Мэйн-стрит одновременно являлась отрезком Дороги 40, где не более чем в четырех милях от О'Джея и Брюса Кука находились Макги.

— Взгляни на этот городишко, — с отвращением сказал О'Джей. — Я вырос неподалеку, в Лоувилле. Слышал когда-нибудь о Лоувилле, штат Нью-Йорк?

Брюс Кук покачал головой.

— Это рядом с Ютикой. Там варят пиво «Ютика клаб». День отъезда из Лоувилла был счастливейшим в моей жизни. — О'Джей подлез под куртку, поправил «пушку» в кобуре.

— А вот и Том со Стивом, — сказал Брюс. Напротив через дорогу светло-коричневый «Пейсер» заехал на площадку для парковки в освободившееся от фермерского грузовичка место. Из «Пейсера» вылезли двое в темных костюмах, похожие на банкиров. Дальше по улице, рядом с мигалкой, еще двое из Конторы подошли к какой-то старой карге, которая осеняла перстом школьников, выпавших на перемену. Они показали ей фотографию, та покачала головой. В Гастингс Глене собралось десять агентов Конторы, поддерживающих связь с Норвиллом Бэйтсом, который находился в Олбани в ожидании личного представителя Кэпа — Эла Стейновица.

— Да, Лоувилл, — вздохнул О'Джей. — Надеюсь, к полудню-то захватим этих двух паразитов. Надеюсь, следующее задание будет в Карачи. Или в Исландии. В любом месте, но не на севере штата Нью-Йорк. Слишком близко к Лоувиллу, тошнить начинается.

— Думаешь, к полудню захватим? — спросил Брюс.

О'Джей пожал плечами:

— До захода солнца. Можешь не сомневаться.

Они зашли в закусочную, сели у стойки, заказали кофе. Принесла его молоденькая изящная официантка.

— Давно на работе, сестренка? — спросил ее О'Джей.

— Мне жаль вашу сестренку, — ответила официантка, — если она хоть чуток похожа на вас.

— Не надо так, сестренка, — сказал О'Джей, протянув ей свое удостоверение. Она долго изучала его. За ее спиной какой-то выросший малолетний правонарушитель в мотоциклетной куртке давил на кнопки автомата-проигрывателя «Сиберг».

— С семи часов, — сказала она. — Каждое утро. Может, хотите поговорить с Майком? Он — хозяин. — Она было двинулась, но О'Джей мертвой хваткой схватил ее за руку. Он не любил женщин, насмехавшихся над его внешностью. Почти все женщины — шлюхи, так говорила его мамаша и была права, даже если она и ошибалась во многих других вопросах. Уж конечно, мамаша точно знала бы, что сказать об этой грудастой стерве.

— Разве я сказал, что хочу говорить с хозяином, сестричка?

Она забеспокоилась, а именно это требовалось О'Джею.

— Н-нет.

— Ну и хорошо. Я ведь хочу говорить с тобой, а не с парнем из кухни, где он все утро делает яичницы и рубит котлеты. — О'Джей вынул из кармана фотографию Энди и Чарли, показал, не выпуская из руки ее запястье. — Узнаешь, сестричка? Может, подавала им завтрак сегодня?

— Пустите. Мне больно. — С лица ее сошла вся краска, кроме вульгарной помады, которой она намазалась. Возможно, она из тех, кто подавал команду к овациям во время спортивных состязаний в средней школе, из того сорта девок, которые поднимали Орвила Джеймисона на смех, когда он приглашал их погулять, потому что он возглавлял шахматный клуб, а не играл полузащитником в футбольной команде. Куча дешевых лоувиллских шлюх. Боже, как он ненавидел штат Нью-Йорк. Даже от самого города его воротило.

— Скажи, обслуживала ты их или нет. Тогда отпущу. *Сестричка.*

Она быстро взглянула на снимок:

— Нет! Не видела. Теперь от...

— Ты невнимательно смотришь, *сестричка*. Взгляни-ка еще.

Она снова взглянула и выкрикнула:

— Нет! Нет! Никогда не видела их! Отпустите меня!

Выросший малолетний правонарушитель в кожаной куртке, купленной в магазине удешевленных товаров, неторопливо подплыл и наклонился, держа кулаки в карманах брюк и звеня замками-молниями.

— Даму беспокоите, — сказал он.

Брюс Кук взглянул, не скрывая презрения:

— Смотри, не пришлось бы нам и тебя побеспокоить, порсячья морда.

— Ох, — вздохнул бывший малолетний в кожаной куртке, голос его внезапно стал тихим. Он быстро ретировался, очевидно вспомнив, что на улице его ждут неотложные дела.

Две пожилые дамы за столиком, нервничая, наблюдали маленькую сценку возле стойки. Грузный мужчина в умеренно чистом белом переднике — очевидно, Майк, хозяин — стоял в проеме кухонной двери, также следя за происходящим. В руке он как-то неуверенно держал большой нож для мяса.

— Чего надо, ребята? — спросил он.

— Они из федеральной службы, — нервно сказала официантка. — Они...

— Не обслуживала их? Уверена? — спросил О'Джей. — Сестричка?

— Уверена, — сказала она, чуть не плача.

— Смотри не ошибись. Ошибка может упечь тебя на пять лет в тюрьму, сестричка.

— Уверена, — прошептала она. С нижнего века скатилась слеза и поползла по щеке. — Пожалуйста, отпустите. Мне больно.

О'Джей на какое-то мгновение сжал руку еще сильнее, наслаждаясь ощущением тонкой косточки в ладони и сознанием, что может сжать ее еще сильнее, сломать и... отпустил. В закуской стояла тишина, если не считать голоса Стиви Уандера из «Сиберга», заверявшего посетителей «Гастингс дайнер», что инцидент исчерпан. Пожилые дамы торопливо вышли.

О'Джей поднял чашку с кофе, наклонился над стойкой, вылил кофе на пол и швырнул чашку. Шрапнель из

толстых кусочков фарфора разлетелась в разных направлениях. Официантка плакала навзрыд.

— Дерьмовое варево, — сказал О'Джей.

Хозяин сделал неуверенное движение ножом — лицо О'Джея засияло.

— Давай, друг, — сказал он, посмеиваясь. — Давай. Посмотрим, как у тебя выйдет.

Майк положил нож рядом с тостером и внезапно закричал с отчаянием и гневом:

— Я воевал во Вьетнаме! Мой брат воевал во Вьетнаме! Я напишу нашему конгрессмену! Вот увидите!

О'Джей взглянул на него. Напуганный Майк опустил глаза.

Агенты вышли.

Официантка нагнулась и начала, рыдая, собирать осколки кофейной чашки.

За дверью Брюс спросил:

— Сколько мотелей?

— Три мотеля, шесть кемпингов с домиками для туристов, — сказал О'Джей, глядя на мигалку. Она гипнотизировала его. В Лоувилле его молодости была закусочная с надписью по висящему широкому противню: «ЕСЛИ ВАМ НЕ НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ИЩИТЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ РАСПИСАНИЕ». Сколько раз он порывался сорвать эту надпись со стены и заткнуть ее кому-нибудь в глотку!

— Наши люди проверяют их, — сказал он, направляясь к светло-голубому «Шевроле» из правительственного гаража, построенного и существующего за счет налогоплательщиков. — Скоро узнаем.

Джоном Мэйо был агент по имени Рэй Ноулз. Они двигались по Дороге 40 в сторону мотеля «Грезы». Они ехали на рыжевато-коричневом «Форде» последней модели, и, когда поднимались на холм, заслонявший им вид на мотель, спустило колесо.

— Дерьмовщина, — сказал Джон, как только машину стало подбрасывать и тянуть вправо. — Вот тебе чертова государственная собственность. Чертовы покрывки. — Он съехал на земляную обочину и включил аварийные мигал-

ки. — Ты шагай, — сказал он. — А я заменю проклятое колесо.

— Я помогу, — сказал Рэй. — Это займет не больше пяти минут.

— Нет, шагай. Он должен быть, вроде бы, сразу за холмом.

— Думаешь?

— Да. Я догоню. Если только запаска не спущена. Это меня не удивит.

Мимо проехал громыхающий грузовик фермера. Тот самый, который видели О'Джей и Брюс Кук, когда он проезжал мимо.

Рэй ухмыльнулся:

— Лучше бы не надо. А то писать требование на новую в четырех экземплярах.

Джон оставался серьезным.

— Я что, не знаю? — сказал он угрюмо.

Они подошли к багажнику, и Рэй открыл его. Запасное колесо было в полном порядке.

— Хорошо, — сказал Джон. — Давай.

— В пять минут управимся с этой ерундой.

— Конечно, да те двое не в этом мотеле. Но давай считать, что они там. В конце концов, где-то они должны быть.

— Ну, хорошо.

Джон достал из багажника домкрат и запасное колесо. Рэй Ноулз постоял секунду, затем зашагал вдоль обочины к мотелю «Грезы».

Энди и Чарли стояли сразу за мотелем на обочине автострады 40. Опасения Энди, что кто-нибудь может заметить отсутствие у них автомашины, оказались беспочвенными: женщину в регистратуре ничто не интересовало, кроме портативного телевизора «Хитачи» на стойке. В глубину экрана был засунут миниатюрный Фил Донахью, и женщина восторженно наблюдала за ним. Она смахнула отданный ей Энди ключ в ящик, ни на минуту не отрываясь от экрана.

— Надеюсь, вам понравилось у нас, — сказала она, уплетая из коробки пончики с кокосовым орехом и шоколадом и уже одолев половину.

— Да, замечательно, — сказал Энди и вышел.

Чарли ждала снаружи. Женщина дала ему копию счета, которую он, пока спускался по ступеням, засунул в боковой карман вельветового пиджака. Глухо звенела мелочь из таксофонов Олбани.

— Порядок, папочка? — спросила Чарли, когда они шли к дороге.

— Вроде, да, — сказал он и обнял ее за плечи. Справа от них и позади, сразу за холмом, Рэй Ноулз и Джон Мэйо в эту минуту прокололи шину.

— Куда мы идем, папочка? — спросила Чарли.

— Не знаю, — сказал он.

— Мне это не нравится. Я волнуюсь.

— Думаю, мы их здорово обогнали, — сказал он. — Не беспокойся. Возможно, они все еще ищут таксиста, который привез нас в Олбани.

Но он просто храбрился и знал это. Это понимала, вероятно, и Чарли. Стоя на открытой дороге, он чувствовал себя беззащитным, как беглец в тюремной одежде на карикатуре. Брось, говорил он себе. А то начнешь думать, что они повсюду — за каждым деревом, а за ближайшим холмом — целая шайка. Разве не сказал кто-то, что законченная паранойя и постоянное ощущение опасности — одно и то же?

— Чарли, — начал он.

— Поедем к Грэнтеру, — сказала она.

Он ошеломленно взглянул на нее. И тут же вспомнил сон, как ловил рыбу под дождем, превратившимся в звук душа.

— Почему ты подумала об этом? — спросил он. Грэнтер умер задолго до рождения Чарли. Он всю жизнь прожил в Ташморе, штат Вермонт, в городке чуть западнее границы Нью-Гэмпшира. После смерти Грэнтера участок у озера перешел к матери Энди, а после ее смерти к Энди. Если бы Грэнтер предусмотрительно не оставил небольшой суммы, городские власти давно бы забрали участок за неуплату налогов.

Энди с Вики бывали там раз в году во время летних каникул до рождения Чарли. Участок находился в двадцати милях от ближайшей дороги с двухрядным движением в лесистой малонаселенной местности.

Летом самый разный люд приезжал на Ташморский пруд, который на самом деле был озером, с маленьким городком Брэдфорд на противоположном берегу в штате Нью-Гэмпшир. Но в это время года все летние лагеря уже опустели. Энди даже сомневался, расчищалась ли там дорога зимой.

— Не знаю, — сказала Чарли. — Просто... пришло в голову. Прямо сейчас. — По другую сторону холма Джон Мэйо открывал багажник «Форда», чтобы взять запасное колесо.

— Сегодня утром мне приснился Грэнтер, — медленно сказал Энди. — Подумал о нем впервые за год или больше. Можно сказать, он тоже просто пришел мне на ум.

— Хороший был сон, папочка?

— Да, — сказал он с легкой улыбкой. — Хороший.

— Ну и что же ты думаешь?

— Блестящая идея, — сказал Энди. — Можем отправиться туда, побыть там немного и подумать, что делать дальше. Как выбраться из всего этого. Думаю, пробейся мы в какую-нибудь газету и Расскажи всем нашу историю, они бы отстали.

Старый фермерский грузовичок, громыхая, приближался к ним. Энди поднял большой палец. По другую сторону холма Рэй Ноулз шагал вверх по обочине.

Грузовичок приостановился, оттуда выглянул дядька в круглых очках и бейсбольной кепке.

— А вот и прелестная маленькая мисс, — сказал он, улыбаясь. — Как тебя зовут, крошка?

— Роберта, — тут же ответила Чарли. Роберта ее второе имя.

— Ну что ж, Бобби, куда вы направляетесь нынче утром? — спросил водитель.

— В Вермонт, — сказал Энди. — Сент-Джонсбери. Жена навещала сестру и попала в небольшой переplet.

— Попала, говорите, — сказал фермер и замолчал, искоса поглядывая на Энди умными глазами.

— Роды, — сказал Энди, изобразив широкую улыбку. — Эта получила нового братика. В час сорок сегодня утром.

— Его называли Энди, — сказала Чарли. — Правда, хорошее имя?

— Шикарное, — сказал фермер. — Залезайте, я подвезу вас хотя бы на десяток миль ближе к Сент-Джонсбери.

Они влезли в кабину, и грузовичок с грохотом и скрежетом снова въехал на полотно дороги, держа путь в сторону яркого утреннего солнца. В это время Рэй Ноулз поднялся на холм. Перед ним расстиралось пустое шоссе, ведущее к мотелю «Грезы». За мотелем он увидел, как фермерский грузовик, проезжавший несколько минут назад мимо них, исчезает из виду.

Спешить было некуда.

Фермера звали Мэндерс — Ирв Мэндерс. Он только что отвез полный кузов тыквы в город, где заключил сделку с парнем, заправляющим магазином «Эй энд Пи». Он сказал им, что раньше имел дело с «Ферст Нэшнл», но тамошний парень ничего не понимал в тыквах. Разбогатевший мясник и ничего больше, считал Ирв Мэндерс. Управляющий же «Эй энд Пи» был совсем другое дело. Мэндерс сказал им, что его жена летом заправляет чем-то вроде лавочки для туристов, а он сам выставляет свою продукцию на лотке около дороги, так что они вдвоем зашибают совсем неплохо.

— Не хочу лезть в чужие дела, — говорил Ирв Мэндерс, обращаясь к Энди, — но вам и вашей кнопке не надо бы искать попутку. Ей-богу, не надо. Какой только народ не шастает по дорогам. Там, сзади, в Гастингс Глене есть около аптеки автобусная станция. Ее-то вам и нужно.

— Ну... — сказал Энди. Он был в замешательстве, но Чарли удачно заполнила паузу.

— Папочка без работы, — взволнованно сказала она. — Вот мамочке и пришлось поехать к тете Эм и родить там ребеночка. Тетя Эм не любит папочку. Поэтому мы остались дома. Вот теперь мы едем к мамочке. Правильно, папочка?

— Дело интимное, Бобби, — неуверенно сказал Энди. Ему было неловко. В рассказе Чарли зияли тысячи дыр.

— Можете не продолжать, — сказал Ирв. — Семейные неурядицы. Иногда они ужасны. И знаю, что значит оказаться без денег. Это не стыдно.

Энди прочистил горло, но ничего не сказал: он не знал, что же сказать. Какое-то время они ехали молча.

— Слушайте, почему бы вам не завернуть ко мне домой и не позавтракать по-семейному? — внезапно спросил Ирв.

— О, нет, мы не можем.

— С удовольствием, — сказала Чарли. — Ведь правда, папочка?

Он знал, что обычно интуиция не обманывает Чарли, а он слишком измотан духовно и физически, чтобы противоречить ей. Она прекрасно владеет собой и очень настойчива в достижении цели. Энди не раз спрашивал себя, кто же командует парадом.

— Вы уверены, что удобно... — сказал он.

— Вполне удобно, — ответил Ирв Мэндерс, включив наконец третью скорость. Они громыхали между окрашенными в осенние краски кленами, вязами, тополями. — Рад принять вас.

— Большое спасибо, — сказала Чарли.

— Пожалуйста, мне очень приятно, кнопка, — сказал Ирв. — И жене будет приятно, когда она взглянет на тебя.

Чарли улыбнулась.

Энди потер виски. Пальцами левой руки он ощутил одну из тех точек, где нервы, казалось, отмерли. Ему это не нравилось. Ощущение, что их настигают те люди, не проходило.

Женщина, принявшая у Энди ключи в мотеле «Грезы» не более чем двадцать минут назад, занервничала и наконец забыла о Филе Донахью.

— Вы уверены, что он? — в третий раз спрашивал Рэй Ноулз. Этот маленький, аккуратненький, словно затаив-

ший угрозу человек ей не нравился. Может, он и работал на правительство, но ничего утешительного для Лены Каннингхэм в этом не было. Не нравилось ей узкое лицо, не нравились морщины вокруг холодных голубых глаз, а более всего не нравилось, как он совал ей под нос эту фотографию.

— Да, он, — снова сказала она. — Но никакой девочки с ним не было. Честно, мистер. Мой муж вам скажет то же самое. Он дежурит ночами. Мы почти не видим друг друга, разве что за ужином. Он скажет...

Вернулся второй мужчина, и с возрастающей тревогой Лена увидела у него в одной руке радиотелефон, в другой — большой пистолет.

— Это они, — сказал Джон Мэйо. Он был вне себя от злости и разочарования. — В кровати спали двое. На одной подушке светлые волосы, на другой — черные. Черт бы побрал это спущенное колесо! Все к чертовой матери! В ванной на крючках висят мокрые полотенца! Чертов душ еще капает! Мы разминулись с ними, может, на пять минут, Рэй!

Он засунул пистолет в кобуру под мышкой.

— Я позову мужа, — еле слышно сказала Лена.

— Не беспокойтесь, — сказал Рэй. Он схватил Джона за руку и потащил к выходу. Тот все еще клял спущенное колесо.

— Забудь о колесе, Джон. Ты связался с О'Джеем в городе?

— Я говорил с ним, а он разговаривал с Норвиллом. Норвилл едет сюда из Олбани, он взял с собой Стейновица. Тот приземлился не более десяти минут назад.

— Хорошо. Слушай, Джонни, подумай-ка. Они ведь наверняка ехали на попутке.

— Да, пожалуй. Если только не увели машину.

— Парень — преподаватель английской литературы. Он не сумеет стащить даже конфету с лотка для пожертвований в доме слепых. Итак, они ехали на попутке. Подхватили ее прошлой ночью в Олбани. Либо сегодня утром. Спорю на годовой оклад, что они стояли на дороге и голосовали, пока я взбирался на холм.

— Если бы не спустило колесо... — Глаза Джона за очками в тонкой металлической оправе выглядели несчастными. Он словно видел, как уплывало его повышение по службе.

— К черту колесо! — сказал Рэй. — Кто проехал мимо нас? Когда спустило колесо, кто проезжал мимо?

Джон подумал, прицепляя радиотелефон к поясу.

— Фермерский грузовик, — сказал он.

— Я тоже его помню, — сказал Рэй. Он оглянулся и увидел за окном мотеля крупное круглое лицо Лены Каннингхэм. Она заметила его взгляд, и занавеска сразу же вернулась на место.

— Довольно скрипучий грузовичок, — сказал Рэй. — Если они не свернули с главной дороги, мы должны бы догнать их.

— Тогда двигаем, — сказал Джон. — Мы можем поддерживать связь с Элом и Норвиллом через О'Джея по радиотелефону.

Они быстро сели в машину. Через секунду коричневатый «Форд» выскочил со стоянки, выбрасывая из-под задних колес белую гравийную крошку. Лена Каннингхэм с облегчением смотрела, как они мчались. Теперь держать мотель совсем не то, что было раньше.

Она пошла будить мужа.

В то время как «Форд» с Рэем Ноулзом за рулем и Джоном Мэйо с короткоствольной винтовкой в руках мчался по Дороге 40 со скоростью более семидесяти миль в час, группа из десяти или одиннадцати таких же неприметных машин последней модели после поисков направилась из окрестных районов в Гастингс Глен. Ирв Мэндерс рукой показал левый поворот и свернул с шоссе на разбитую дорогу без всякого указателя, ведущую на северо-восток. Грузовик гремел и кряхтел. По просьбе Мэндерса Чарли спела весь свой репертуар из девяти песен, включая такие шлягеры, как «Счастливого дня рождения», «Этот старик», «Иисус меня любит» и «Кэмптаунские гонки». Последнюю песню подхватили Ирв с Энди.

Дорога вилась и перекатывалась через поросшие деревьями гребни холмов, затем стала спускаться на вспаханную равнину с убранным урожаем. Слева от дороги из зарослей золотарника из-под старого сена выскочила куропатка, Ирв закричал: «Бей ее, Бобби!». Чарли вытянула падец, пропела: «Бам-бам-бам», — и залилась смехом.

Через несколько минут Ирв свернул на грунтовую дорогу, и еще через милю они подъехали к старенькому красно-бело-голубому почтовому ящику с выведенной карандашом на боку надписью «МЭНДЕРС». Дальше Ирв свернул на подъездную с выбитой колеей дорожку длиной почти в полмили.

— Зимой, наверное, приходится платить кучу денег за расчистку, — сказал Энди.

— Сам чищу, — ответил Ирв.

Они подъехали к большому трехэтажному белому дому с ярко-зеленой отделкой.

Энди он показался одним из домов, что начинают жизнь вполне обыкновенно, но с годами становятся совсем чудными. Сзади к дому были пристроены два сарайчика, один скособочился в одну сторону, другой — в противоположную. С южной стороны была пристроена теплица, а с северной, как накрахмаленная юбка, торчала застекленная веранда с занавесками.

За домом стоял красный амбар, знавший лучшие времена, между домом и амбаром то, что жители Новой Англии называют двориком у двери, — плоская и пыльная полоска земли, где квохтали и копошились десятка два цыплят. Когда грузовик приблизился к ним, они разбежались, заверещав и размахивая бесполезными крылышками, мимо чурбана с воткнутым в него топором.

Ирв въехал на грузовичке в амбар, где стоял сладкий запах сена, напомнивший Энди летний Вермонт. Ирв выключил мотор, откуда-то из полумрака амбара послышалось низкое певучее мычание.

— У вас есть корова, — сказала Чарли, и что-то похожее на восхищение отразилось на ее лице. — Я же слышу.

— У нас их три, — сказал Ирв. — Ты слышишь Большуху — очень оригинальное имя, правда, кнопка? Она

считает, что ее надо доить трижды в день. Ты сможешь увидеть ее попозже, если папа разрешит.

— Можно, папочка?

— Думаю, можно, — сказал Энди, мысленно уступая. Они вышли на дорогу, чтобы поймать попутку, а вместо этого их просто умыкнули.

— Заходите, познакомьтесь с женой.

Они пересекли задний дворик, пережидая, пока Чарли пересознается со всеми цыплятами. Дверь отворилась, и на ступени вышла женщина лет сорока пяти. Она прикрыла глаза рукой от солнца.

— Ирв, приехал! Кого привез?

Ирв улыбнулся:

— Ну, кнопку зовут Роберта. Этот парень — ее отец. Я как-то не ухватил его имени, так что не знаю, не родственники ли мы.

Энди шагнул вперед и сказал:

— Я — Фрэнк Бэртон, мэм. Ваш муж пригласил нас с Бобби на ленч, если не возражаете. Рад познакомиться с вами.

— Я тоже, — сказала Чарли, пока интересуясь больше цыплятами, чем женщиной.

— Я Норма Мэндерс, — сказала та. — Заходите. Будьте как дома. — Но Энди перехватил озадаченный взгляд, брошенный в сторону мужа.

Они вошли через прихожую со сложенной там в рост человека поленницей дров в огромную кухню, где господствовали дровяная печь и длинный стол, покрытый клеенкой в черно-красную клетку. В воздухе витал едва уловимый запах фруктов и парафина. Запах консервирования, подумал Энди.

— Фрэнк с кнопкой движутся в Вермонт, — сказал Ирв. — Я подумал, что им не повредит перехватить на дороге горяченького.

— Разумеется, — согласилась она. — А где ваша машина, мистер Бэртон?

— Ну... — начал Энди. Он взглянул на Чарли, но она была не помощница: мелкими шажками она обходила кухню, поглядывая вокруг с откровенным детским любопытством.

— У Фрэнка небольшие неприятности, — сказал Ирв, глядя прямо на жену. — Но не будем об этом. Не сейчас.

— Хорошо, — сказала Норма. У нее было приятное открытое лицо: красивая женщина, привыкшая к тяжелому труду. Руки у нее были красные и огрубевшие. — У меня курица, могу сделать вкусный салат. И много молока. Ты любишь молоко, Роберта?

Чарли не оглянулась. Забыла имя, подумал Энди. О Боже, влипаем все больше.

— Бобби! — позвал он громко.

Теперь она оглянулась, улыбаясь чересчур широко.

— Да, конечно, — сказала она. — Молоко люблю.

Энди заметил, как Ирв предупреждающе взглянул на жену: никаких вопросов, не сейчас. Его охватило отчаяние утопающего. Остаток их выдуманной истории рассыпался прахом. Им ничего не оставалось, кроме как садиться за стол, не зная, что там у Ирва Мэндерса на уме...

— Мы далеко от мотеля? — спросил Джон Мэйо.

Рэй взглянул на счетчик.

— Семнадцать миль, — сказал он и съехал на обочину. — Довольно далеко.

— Но может...

— Нет, если бы нам было суждено схватить их, они давно были бы в наших руках. Нужно вернуться для встречи с другими.

Джон тыльной стороной ладони ударил по приборной доске.

— Они где-то свернули, — сказал он. — Все это чертово колесо! Не везло с самого начала, Рэй. Этот умник и девчонка. Никак не поймает их.

— По-моему, они наши, — сказал Рэй и взял радиотелефон. Он вытащил антенну, выставил ее из окна. — Через полчаса оцепим весь район. Спорю, не успеем мы обойти и десяток домов, как кто-нибудь из здешних узнает грузовик. Темно-зеленый, конца шестидесятых «Интернейшнл харвестер», спереди скребок для чистки снега, деревянные стойки вокруг кузовной платформы для высоких грузов. Думаю, поймает их до темноты.

Через секунду он уже разговаривал с Элом Стейновицем, который приближался к мотелю «Грезы». Эл по очереди спрашивал агентов. Брюс Кук запомнил фермерский грузовик еще в городе. О'Джей тоже. Он стоял перед «Эй энд Пи».

Эл послал их назад в город. Через полчаса стало известно, что грузовик, который почти наверняка остановился и подхватил двух беглецов, принадлежал Ирвингу Мэндерсу, РФД5, Бейлингс-роуд, Гастингс Глен, Нью-Йорк.

Часы показывали чуть больше двенадцати тридцати.

Еда была очень вкусной. Чарли с лошадиным аппетитом поглотила три порции курицы с подливкой, две еще горячие лепешки, изготовленные Нормой Мэндерс, тарелку салата и три огурца домашнего консервирования. Закончили они кусками яблочного пирога с ломтиками сыра. Ирв сказал, что «яблочный пирог без кусочка сыра все равно что поцелуй без объятий». За это жена ласково ткнула его локтем в бок.

Ирв закатил глаза, а Чарли рассмеялась.

У Энди разыгрался такой аппетит, что он сам удивился. Чарли рыгнула и виновато прикрыла рот рукой.

Ирв улыбнулся ей:

— Снаружи места больше, чем внутри, кнопка.

— Если я съем еще что-нибудь, то лопну, — ответила Чарли. — Именно так моя мама когда-то... то есть именно так она всегда говорит.

Энди устало улыбнулся.

— Норма, — сказал Ирв, вставая, — почему бы вам с Бобби не пойти и не покормить цыплят?

— На столе еще кавардак, — сказала Норма.

— Я уберу, — ответил Ирв. — Надо поговорить с Фрэнком.

— Не хочешь покормить цыплят, милая? — спросила Норма у Чарли.

— Конечно, хочу. — Ее глаза блестели.

— Тогда пойдем. У тебя есть курточка? А то немного похолодало.

— Э... — Чарли взглянула на Энди.

— Можешь надеть мой свитер, — сказала Норма. Она снова переглянулась с Ирвом. — Закатай немного рукава, и будет как раз.

— Хорошо.

Норма принесла из прихожей старую выцветшую телогрейку и выношенный белый свитер, Чарли утонула в нем, даже закатав три или четыре раза рукава.

— Они не клюются? — с опаской спросила Чарли.

— Только зерна клюют, милочка.

Они вышли. Дверь за ними закрылась. Чарли продолжала щебетать. Энди посмотрел на Ирва Мэндерса, Ирв ответил ему спокойным взглядом.

— Хотите пива, Фрэнк?

— Я не Фрэнк, — сказал Энди. — Думаю, вы это знаете.

— Кажется, да. Как вас величать?

Энди сказал:

— Чем меньше вам известно, тем лучше для вас.

— Ну что ж, — сказал Ирв. — Буду звать вас просто Фрэнк.

Они слышали во дворе приглушенные радостные вскрики Чарли. Норма что-то сказала — Чарли согласилась.

— Пожалуй, я выпил бы пива, — сказал Энди.

— Сейчас.

Ирв достал из холодильника две банки «Ютика клаба», открыл их, поставил одну на стол перед Энди, другую — перед собой. Снял передник с крючка рядом с мойкой и надел его. Передник был красно-желтый с оборкой по краю, но Ирв почему-то не выглядел в нем глупо.

— Помочь? — спросил Энди.

— Нет, я знаю, куда что класть, — сказал Ирв. — Во всяком случае, почти все. Она каждую неделю делает перестановку. Нет женщины, которая хотела бы, чтобы мужчина разбирался в ее кухонных делах. Конечно, они рады, когда поможешь, но любят, чтобы их спрашивали, куда положить кастрюлю или мочалку.

Энди, вспомнив себя кухонным мальчиком при Вики, улыбнулся и кивнул.

— Не люблю вмешиваться в чужие дела, — сказал Ирв, наливая воду в мойку и добавляя туда жидкого мыла. — Я фермер, и, как уже говорил вам, жена держит маленький магазинчик сувениров у пересечения Бейлингс-роуд с шоссе на Олбани. Мы живем здесь почти двадцать лет.

Он взглянул на Энди.

— Я сразу же понял, увидев вас у дороги: тут что-то не так. Взрослый мужчина и маленькая девочка совсем не такая пара, какие обычно ловят попутку. Понимаете, что я имею в виду?

Энди кивнул и глотнул пива.

— При этом мне показалось, что вы вышли из «Грез», но у вас не было чемоданов, даже ручной сумки для вещей. Я поэтому собирался проехать мимо, потом остановился. Почему? Одно дело — совать нос в чужие дела, другое — закрыть глаза, когда видишь, что людям чертовски плохо.

— Показалось, что нам чертовски плохо?

— Тогда — да, — сказал Ирв, — но не теперь. — Он осторожно мыл старые разнокалиберные тарелки и уставлял их в сушилку. — Теперь просто не знаю, кто вы и что вы. Поначалу я подумал: это вас разыскивали те двое полицейских. — Он увидел, как Энди изменился в лице и быстро поставил на стол банку с пивом. — Видимо, вас, — мягко сказал он. — А я надеялся, что нет.

— Какие полицейские? — хрипло спросил Энди.

— Они перекрыли все дороги к Олбани, — сказал Ирв. — Если бы мы проехали еще шесть миль по сороковой дороге, то наскочили бы на один из пикетов прямо на пересечении Сороковой и Девятой.

— Почему же вы не поехали туда? — спросил Энди. — Были бы вне игры.

Ирв собрался мыть кастрюли, но приостановился, ища что-то в шкафчике над мойкой:

— О чем это я? Не могу найти эту мочалку... А, вот она... Почему не отправился по дороге прямо к полицейским? Скажем, хотел удовлетворить свое естественное любопытство.

— У вас есть вопросы?

— Куча, — сказал Ирв. — Взрослый мужчина и маленькая девочка ловят попутку, девочка без сумки, без единой вещички для ночевки, за ними гонится полиция. У меня явилась мысль. Не такая уж нереальная — естественная: подумалось, папуля хотел, чтобы кнопку отдали на воспитание ему, а у него ничего не вышло. И он ее похитил.

— По-моему, это маловероятно.

— Частенько так бывает, Фрэнк. Я подумал, что мамуле это не понравилось и она напустила на папулю полицию. Пикеты на дорогах устраивают при больших грабежах... или при краже детей.

— Она — моя дочка, но мать не напускала на нас полицию, — сказал Энди. — Ее мать умерла год назад.

— Ну, я и так уже почти похерил свою идею, — сказал Ирв. — Не нужно быть сыщиком, чтобы увидеть, насколько вы близки: не похоже, что вы увели ее силком.

Энди промолчал.

— А вот вам моя проблема, — сказал Ирв. — Я подсадил вас, подумав, что девочка нуждается в помощи. Теперь не знаю, что и думать. Вы не кажетесь мне уголовником. Но вы с девочкой назвались фальшивыми именами, рассказываете историю, которая разваливается как картонный домик, и вы кажетесь больным, Фрэнк. Выглядите совсем больным, но держитесь на ногах. Вот мои вопросы. Если хоть на что-то ответите, и то хорошо.

— Мы приехали в Олбани из Нью-Йорка, сегодня рано утром на попутке добрались до Гастингс Глена, — сказал Энди. — Жаль, что они здесь, но я это знал. Чарли знала тоже. — Он упомянул имя Чарли, это было ошибкой, но в данной ситуации, вроде бы, уже не имело значения.

— Что им нужно от вас, Фрэнк?

Энди надолго задумался — встретился с честными серыми глазами Ирва — и сказал:

— Вы были в городе, так ведь? Видели там чужаков? Они одеты в такие аккуратненькие, прямо из магазина, костюмы, которые почти сразу же забываются, едва парни исчезают с глаз. Они ездят на машинах последних моделей, которые как бы растворяются в окружающей среде.

Теперь задумался Ирв.

— В «Эй энд Пи» была такая пара, — сказал он. — Разговаривали с Хельгой. Это одна из кассирш. Вроде бы, показывали ей что-то.

— Вероятно, наши фотографии, — сказал Энди. — Это правительственные агенты. Они работают заодно с полицией, Ирв. Точнее, полиция работает на них. Полицейские не знают, почему нас ищут.

— О каком правительственном учреждении вы говорите? ФБР?

— Нет. О Конторе.

— О чем? Это отделение ЦРУ? — Ирв смотрел явно недоверчиво.

— Ничего общего с ЦРУ, — сказал Энди. — Контора, иначе АНР — Агентство научной разведки. Года три назад я прочитал в статье, что в начале шестидесятых какой-то умник назвал АНР Конторой после того, как появился научно-фантастический рассказ «Оружейные конторы Иштара». Фамилия автора, кажется, ван Фогт, да это не имеет значения. Она вроде бы должна заниматься научными разработками у нас в стране, которые могут быть использованы сейчас или в будущем для нужд национальной безопасности. Так сказано в ее уставе. Общественное мнение связывает ее в основном с финансированием исследований в области энергии — электромагнитной и термоядерной. На самом деле у нее гораздо более широкие задачи. Мы с Чарли оказались частью эксперимента, проведенного давным-давно, еще до рождения Чарли. Ее мать также участвовала в нем. Ее убили. Убила эта самая Контора.

Ирв сидел молча. Он выпустил воду из мойки, вытер руки, подошел к столу и стал вытирать клеенку. Энди снял свою банку с пивом.

— Вот так прямо не скажу, что верю вам, — вымолвил наконец Ирв. — Учитывая многое, что тайно творилось у нас в стране, а потом выплыло. Ребята из ЦРУ поили людей напитками с добавками ЛСД, какого-то агента ФБР обвинили в убийстве участников маршей в защиту гражданских прав, деньги в бумажных мешках и все такое прочее. Не

скажу прямо — не верю. Скажу, что вы меня пока не убедили.

— Не думаю, что теперь им нужен я, — сказал Энди. — Может, и был нужен когда-то. Но цель изменилась. Они охотятся за Чарли.

— Хотите сказать, что правительство страны в интересах национальной безопасности разыскивает первоклашку или второклашку?

— Чарли не просто второклашка, — сказал Энди. — Ее матери и мне влили препарат под кодированным названием «лот шесть». До сих пор не знаю точно, что это такое. Насколько я понимаю, какая-то вытяжка из желез. Она изменила мои хромосомы и хромосомы девушки, на которой я потом женился. Мы передали эти хромосомы Чарли, и они перемешались как-то совершенно по-новому. Если она передаст их своим детям, ее, очевидно, будут называть мутантом. Если по каким-то причинам она не сможет их передать — может быть, она бесплодна в результате действия препарата, — ее, очевидно, будут называть пустышкой. Как бы то ни было, они ее ищут, хотят изучить, посмотреть, почему она способна делать то, что делает. Я даже думаю, что они хотят использовать ее в качестве аргумента для возобновления программы, связанной с «лот шесть».

— А что она может делать? — спросил Ирв.

Сквозь кухонное окно они видели, как Норма и Чарли выходят из амбара. Белый свитер болтался на Чарли, край его касался икр. Щеки ее горели, она что то говорила Норме, которая улыбалась и кивала головой.

Энди сказал негромко:

— Она может зажигать огонь.

— Ну, это и я могу, — сказал Ирв. Он снова сел и с особой настороженностью взглянул на Энди. Так смотрят на людей, подозревая, что они ненормальные.

— Ей достаточно подумать об этом, — сказал Энди. — Есть название — пирокинез. Это особая способность, как телепатия, телекинез или предчувствие — у Чарли есть задатки и этого, — но пирокинез встречается гораздо реже... и он более опасен. Она очень боится его. И

правильно делает, потому что не всегда может держать его под контролем. Она способна поджечь ваш дом, амбар, палисадник, сконцентрировавшись на этом. Может запалить вашу трубку, — Энди слабо улыбнулся, — если только, зажигая ее, она не запалит ваш дом, амбар и палисадник.

Ирв закончил пиво и сказал:

— Мне кажется, вам следует позвать полицию и сдать ся им, Фрэнк. Вам нужна помощь.

— Все это звучит довольно бредово, правда?

— Да, — грустно сказал Ирв. — Такого бреда я еще никогда не слышал. Он напряженно сидел на краешке стула, и Энди подумал: «Он ждет, что при первом же удобном случае я выкину какой-нибудь безумный фортель».

— Полагаю, теперь звать не надо, — сказал Энди. — Они скоро появятся. Пусть лучше полиция. По крайней мере, попав в руки полиции, не перестанешь быть человеком, как у этих...

Ирв хотел ответить, но дверь открылась. Вошли Норма и Чарли. Лицо девочки сияло, глаза блестели.

— Папочка! — сказала она. — Папочка, я кормила...

И осеклась. Со щек исчез румянец, она переводила пристальный взгляд с Ирва Мэндерса на отца, снова на Ирва. Вместо радости на лице появилось страдание. *Именно так она выглядела вчера вечером, подумал Энди. Именно так она выглядела вчера, когда я увел ее из школы. И все это продолжается, и где выход, где хэппи энд?*

— Ты рассказал, — проговорила она. — О, папочка, зачем ты рассказал.

Норма шагнула вперед и обняла Чарли за плечи.

— Ирв, что тут происходит?

— Не знаю, — сказал Ирв. — О чем, по-твоему, он рассказал, Бобби?

— Это не мое имя, — сказала она. В глазах сверкнули слезы. — Вы знаете, меня зовут по-другому.

— Чарли, — сказал Энди. — Мистер Мэндерс почувствовал неуязку. Я рассказал ему, но он мне не поверил. Подумай — и поймешь почему...

— Ничего не понимаю... — закричала было Чарли. И вдруг смолкла, склонила голову набок, словно прислушиваясь, хотя никто другой ничего не слышал. Они видели, как с лица Чарли сбежала краска, словно из кувшина вылились цветную жидкость.

— В чем дело, милочка? — спросила Норма, бросив на Ирва обеспокоенный взгляд.

— Они едут, папочка, — прошептала Чарли. Глаза ее налились страхом. — Они едут за нами.

Они съехались у пересечения Сороковой и проселочной дороги без номера, там, где свернул Ирв, — на городских картах Гастингс Глена она была помечена как Олд Бейлингс-роуд. Эл Стейновиц наконец догнал своих людей и быстро, решительно взял бразды правления в свои руки. В пяти машинах их было шестнадцать. На пути к дому Мэндерса они казались мчащейся похоронной процессией.

Норвил Бэйтс с искренним облегчением передал Элу руководство и ответственность за операцию и спросил о местной полиции и полиции штата, которые были привлечены к участию в погоне.

— Пока мы их ни о чем не информируем, — сказал Эл. — Если схватим, то скажем полицейским, что они могут снять пикеты. Если же нет — прикажем им стягиваться к центру, сжимая кольцо. Но, между нами, если мы не управимся с помощью шестнадцати человек, нам вообще не сладить с ними, Норв.

Норв почувствовал легкий упрек и больше ничего не сказал. Он знал — лучше всего захватить беглецов без постороннего вмешательства, ведь с Эндрю Макги произойдет несчастный случай, как только они его поймают. Несчастный случай со смертельным исходом. А если вокруг не будет полицейских, дело пойдет куда быстрее.

На мгновение впереди вспыхнули тормозные огни автомобиля О'Джея, затем машина свернула на грунтовую дорогу. Остальные следовали за ней.

— Ничего не понимаю, — сказала Норма. — Бобби... Чарли... Успокойся!

— Вы не поймете, — сказала Чарли высоким, сдавленным голосом. Глядя на нее, Ирв занервничал. В глазах у девочки застыл испуг, как у попавшего в западню зайца. Она вырвалась из рук Нормы и бросилась к отцу. Тот положил ей руки на плечи.

— Они хотят убить тебя, папочка, я знаю, — сказала она.

— Что?

— Убить тебя, — повторила она. В ее широко раскрытых глазах стоял ужас. — Мы должны бежать. Мы должны... — твердила девочка, как безумная.

Жарко. Здесь слишком жарко.

Он глянул влево. На стене между печью и мойкой висел термометр, таких полно в любом каталоге, высылающем покупки по почте. В его нижней части ухмылялся и почесывал бровь маленький красный человечек с вилами. Под его раздвоенными копытцами было написано: «ВАМ ДОСТАТОЧНО ТЕПЛО?»

Ртутный столбик в термометре — этот обвиняющий красный палец — медленно поднимался.

— Да, да, они этого хотят, хотят, — сказала она. — Убить тебя, убить тебя, как они убили мамочку, забрать меня, я не хочу, не хочу этого, я не позволю...

— Чарли! Думаешь, что делаешь!

Ее глаза стали чуть осмысленнее. Ирв с женой придвинулись друг к другу.

— Ирв... что?..

Но Ирв перехватил взгляд Энди на термометр и... поверил. Было действительно жарко. Так жарко, что прошибал пот. Столбик в термометре поднялся выше отметки девяносто градусов*.

— Господи Иисусе, — сказал Ирв охрипшим голосом. — Это она так сделала, Фрэнк?

Энди не ответил. Руки его по-прежнему лежали на плечах Чарли. Он заглянул ей в глаза:

* По Фаренгейту.

— Чарли... ты думаешь, уже поздно? Ты это чувствуешь?

— Да, — сказала она. В ее лице не было ни кровинки. — Они уже едут по проселку. Ой, папочка, я боюсь.

— Ты можешь их остановить, Чарли, — спокойно сказал он. Они встретились взглядами. — Да, — сказал он.

— Но... папочка... это же плохой поступок. Я знаю, что плохой. Я могу ведь убить их.

— Да, — сказал он. — Сейчас мы перед выбором — убить или быть убитыми. Видно, дело дошло до этого.

— И это не плохой поступок? — ее голос был едва слышен.

— Да, — сказал Энди. — Плохой. Никогда не обманывай себя на этот счет. И не делай этого, если не сможешь остановиться, Чарли. Даже ради меня.

Они посмотрели друг другу в глаза: усталые, в кровавых прожилках глаза Энди и широко раскрытые, словно под гипнозом, глаза Чарли.

— Если я сделаю... что-нибудь... ты меня и тогда будешь любить? — произнесла она.

Вопрос будто повис в воздухе между ними.

— Чарли, — сказал он, — я всегда буду тебя любить. Независимо ни от чего.

Ирв от окна прошел к ним через комнату.

— Кажется, я должен извиниться перед вами, — сказал он. — На дороге целая вереница машин. Хотите, я останусь с вами? У меня есть охотничье ружье. — Но вид у него был испуганный, почти больной.

— Ружье не потребуется, — сказала Чарли.

Она вывернулась из-под рук отца, двинулась к двери; в белом вязаном свитере Нормы Мэндерс она казалась совсем малюткой. Вышла из комнаты.

Еще через секунду Энди пришел в себя и ринулся следом за ней. В животе был холод, словно он проглотил в три глотка большой брикет мороженого.

Мэндерсы стояли не двигаясь. Энди последний раз взглянул на озадаченное, испуганное лицо Ирва, и в голове промелькнула шальная мысль: *это тебе урок не подсаживать попутчиков.*

Они с Чарли выскочили на крыльцо и увидели, как первая машина свернула на подъездную дорожку. Цыплята верещали и подпрыгивали. В амбаре снова замычала Большая, зовя кого-нибудь подоить ее. Над холмистыми перелесками и коричневыми осенними полями, окружающими городок в северной части штата Нью-Йорк, стояло неяркое октябрьское солнце. Почти год они в бегах. Энди не без удивления почувствовал странное, смешанное с ужасом облегчение. Он где-то слышал, что в состоянии отчаяния даже заяц, пока его не разорвали, в последнюю минуту иногда огрызается на собак, повинаясь древнему инстинкту сопротивления.

Что бы ни случилось, хорошо, что они больше не бегут. Он стал рядом с Чарли, ее волосы сверкали в солнечном свете.

— Ой, папочка, — простила она. — Я едва стою.

Он рукой обнял ее за плечи, сильно прижав к себе.

Первая машина остановилась перед двориком, из нее вышли двое.

— Нужно вывести его с крыльца, — сказал Энди. Он опустил Чарли на траву за палисадником. Одна сторона дома уже горела, языки пламени медленно двигались к крыльцу, подобно большим светлякам.

— Проваливайте, — сказала Норма резко. — Не трогайте его.

— Дом горит, — сказал Энди. — Я помогу.

— Проваливайте! Вы и так достаточно натворили!

— Перестань, Норма! — Ирв взглянул на нее. — Он ни в чем не виноват. Заткнись.

Она взглянула на него, словно собиралась еще что-то сказать, но поджала губы.

— Помогите встать, — сказал Ирв. — Ноги как ватные. Вроде я обмочился. Неудивительно. Один из этих сукиных сынов подстрелил меня. Не знаю какой. Дайте руку, Фрэнк.

— Я — Энди, — сказал тот, обхватив Ирва рукой. Ирв медленно поднялся. — Я не сержусь на вашу хозяйку. Лучше бы вы проехали мимо нас сегодня утром.

— Если бы пришлось решать снова, я поступил бы так же, — сказал Ирв. — Эти паразиты с оружием заявили на мою землю. Паразиты, сукины дети, штатные правительственные сутенеры и... о-о-о-у-у-о-ох, Боже!

— Ирв?! — закричала Норма.

— Молчи, женщина. Это я ударился. Давайте, Фрэнк, Энди или как там вас зовут. Становится жарко.

И действительно, жар усиливался. Едва Энди стащил Ирва по ступенькам во дворик, как порыв ветра метнул сноп искр на крыльцо. Чурбан для рубки превратился в обгорелый пень. От цыплят, подожженных Чарли, ничего не осталось, кроме обугленных костей и странного плотного пепла, перьев, что ли? Они не поджарились, их кремировали.

— Посадите меня у амбара, — задыхаясь, произнес Ирв. — Хочу поговорить с вами.

— Вам нужен врач, — сказал Энди.

— Найдется врач. Что с девочкой?

— В обмороке. — Он посадил Ирва на землю, прислонив его к амбарной двери. Ирв поднял глаза. Лицо его чуть ожило, губы постепенно розовели. Он вспотел. Позади полыхал большой белый фермерский дом, стоявший на Бейлингс-роуд с 1868 года.

— Негоже, чтобы человеческое существо могло делать подобные вещи, — сказал Ирв.

— Похоже, что так, — сказал Энди и перевел взгляд с Ирва на окаменевшее, неумолимое лицо Нормы Мэндерс. — Но ведь и негоже человеческим существам страдать церебральным параличом, дистрофией мускулов, лейкемией. А дети этим болеют.

— Она ничего не сказала, — кивнул Ирв на Норму. — Порядок.

Не отрывая взгляда от Нормы, Энди сказал:

— Чарли не более чудовище, чем ребенок с аппаратом искусственного дыхания или из интерната для отстающих детей.

— Извините мою резкость, — ответила Норма и отвела взгляд от Энди. — Мы вместе с ней кормили цыплят во дворе. Я видела, как она гладила корову. Но, мистер, мой дом горит, и люди мертвы.

— Мне очень жаль...

— Дом застрахован, Норма, — сказал Ирв, взяв ее за руку здоровой рукой.

— Но это не вернет посуду моей мамы, которая досталась ей еще от бабушки, — сказала Норма. — И мой секретер, картины — мы купили их в прошлом году в июле на художественной выставке в Скенектеди. — Слеза выкатилась из одного глаза — она смахнула ее рукавом. — А все, все письма, которые ты писал мне из армии...

— Ваша кнопка придет в себя? — спросил Ирв.

— Не знаю.

— Так слушайте. Вот что вы можете сделать, если хотите. За амбаром стоит старый джип «Виллис»...

— Нет, Ирв, не лезь больше в это дело!

Он повернулся, посмотрел на жену. Лицо его было серым, морщинистым, потным. Позади горел их дом. Треск лопающейся черепицы напоминал звук жарящихся в очаге рождественских каштанов.

— Явились на нашу землю без ордера, без официальной бумаги и хотели увезти их, — сказал он, — людей, которых я лично пригласил, как делается в любой цивилизованной стране с нормальными законами. Один из этих типов подстрелил меня, другой пытался застрелить Энди. Промажнулся не больше чем на четверть дюйма. — Энди вспомнил первый оглушительный выстрел и щепку, отлетевшую от столба крыльца. Поежился. — Явились сюда и натворили дел. Как хочешь, чтобы я поступил, Норма? Сидел сиднем и передал их этим из секретной службы, если они посмеют снова сунуться сюда?

— Нет, — хрипло произнесла она. — Нет, наверно, нет.

— Вы не должны... — начал Энди.

— Должен, — отрезал Ирв. — А когда они вернутся... Они вернутся, Энди?

— О, да. Они вернутся. Вы, Ирв, купили акции активно действующего предприятия.

Ирв глухо засмеялся:

— Хорошо, порядок. Когда они появятся здесь, единственное, что мне известно, — вы взяли мой «Виллис». Больше не знаю ничего. И счастливого пути.

— Спасибо, — сказал Энди.

— Поторопитесь, — сказал Ирв. — До города далеко, но там наверняка увидели дым. Приедут пожарные. Вы сказали мне, что направляетесь с кнопкой в Вермонт. Это-то хоть правда?

— Да, — сказал Энди.

Слева раздался стон:

— Папочка... — Чарли уже сидела. Красные брючки и зеленая блузка испачкались. Лицо было белое, в глазах — страх и недоумение. — Папочка, что горит? Я чувствую, что-то горит. Это я натворила? *Что там горит?*

Энди подошел, поднял ее.

— Все в порядке, — сказал он, подумав: зачем обманывать детей, так говоря, коль и они, и взрослые прекрасно знают, где правда. — Все хорошо. Как себя чувствуешь, малышок?

Через его плечо Чарли видела горящие машины, скрюченное тело в саду и дом Мэндерсов, над которым полыхал огонь.

Крыльцо тоже было в пламени. Ветер относил от них дым и жар, но запах бензина и горячей черепицы бил в нос.

— Что я наделала... — шепнула Чарли. Лицо ее начало подергиваться — вот-вот опять заплачет.

— Кнопка! — строго сказал Ирв.

Она взглянула мимо него.

— Я, — простионала она.

— Опустите ее, я хочу поговорить с ней.

Энди перенес Чарли к амбарной двери, на которую опирался Ирв, опустил ее на землю.

— Послушай, кнопка, — сказал Ирв. — Эти люди хотели убить твоего папулю. Ты знала это раньше меня, раньше отца, хотя, черт бы побрал меня, если я понимаю, как ты узнала. Правильно я говорю?

— Да, — сказала Чарли. В ее запавших глазах по-прежнему стояло страдание. — Но вы не понимаете... Я не могла... не могла сдержаться. Оно вырвалось из меня во все стороны. Я сожгла цыплят... чуть не сожгла папу. — Страдающие глаза налились слезами — она беспомощно разрыдалась.

— С папой все в порядке, — сказал Ирв. Энди промолчал. Он вспомнил это внезапное ощущение, как бы внутри тепловой капсулы.

— Я никогда больше не стану так делать, — сказала она. — Никогда.

— Хорошо, — сказал Энди и положил руку ей на плечо. — Хорошо, Чарли.

— Никогда, — повторила она.

— Не говори так, кнопка, — сказал Ирв, поглядывая на нее. — Не ограничивай себя. Ты поступишь, как будет нужно. Сделаешь, как сумеешь. И это все, за что ты можешь ручаться. По-моему, одно из любимых занятий Господа Бога — заставлять действовать тех, кто говорит «никогда». Совершать поступки. Понимаешь меня?

— Нет, — прошептала Чарли.

— Потом поймешь, — сказал Ирв и посмотрел на Чарли с таким состраданием, что Энди охватил прилив тоски и страха.

Затем Ирв взглянул на жену:

— Норма, подай мне вон ту палку, у твоей ноги.

Норма подала палку, вложила ему в руку, опять сказала, чтобы не напрягался, отдохнул. Поэтому один лишь Энди слышал, как Чарли повторила «никогда», затаив дыхание, почти неслышно, словно тайную клятву.

— Смотрите, Энди, — сказал Ирв, проведя палкой прямую линию по пыли. — Это — проселочная дорога, мы по ней приехали. Бейлингс-роуд. Если вы проедете четверть мили к северу, справа будет лесная дорога. Обычный автомобиль по ней не пройдет, но «Виллис» должен, если не дадите ему заглухнуть и будете умело жать на сцепление. В двух местах покажется, что дорога кончилась, но продолжайте двигаться — она появится снова. Ее нет на картах, понимаете? Ни на одной.

Энди кивнул, наблюдая, как палка прочерчивает лесную дорогу.

— Она уведет вас на двадцать миль к востоку, и если вы не застрянете и не собьетесь, то выедете на дорогу Сто

пятьдесят пять около Хоуг корнерс. Повернете налево — к северу — и примерно через милю по Сто пятьдесят пятой встретится другая лесная дорога. Она идет низиной, по болоту, нетвердая такая. «Виллис» должен проехать, а может, и нет. Я не ездил по ней лет пять. Она, как мне известно, ведет к Вермонту и, наверное, единственная не будет заблокирована. Эта вторая дорога выведет вас на шоссе Двадцать два, к северу от Черри-плейн, к югу от границы с Вермонтом. К тому времени худшее будет позади — хотя, полагаю, они всюду сообщили вашу фамилию и показали фотографии по телевизору. Но мы желаем вам самого лучшего. Правда, Норма?

— Да, — сказала Норма, это прозвучало как вздох. Она посмотрела на Чарли. — Ты спасла жизнь своему папе, малышка. Запомни это.

— Правда? — спросила Чарли. Голос ее был так безжизнен, что Норма немного испугалась, но Чарли попыталась изобразить подобие улыбки, и Норма облегченно улыбнулась в ответ.

— Ключи в «Виллисе» и... — Он нагнул голову, прислушиваясь. — Слышите?

Отдаленные звуки сирены, то низкие, то высокие, несомненно приближались.

— Это пожарные, — сказал Ирв. — Если едете, то поскорее.

— Давай, Чарли, — позвал Энди. Она подошла, глядя на него красными от слез глазами. Слабая улыбка исчезла, как неяркое солнце в тучах, но Энди обрадовался и тому, что она вообще появилась. Ее лицо было лицом человека, чудом оставшегося в живых, потрясенное, ошеломленное. В это мгновение Энди пожалел, что не обладает ее даром: он бы знал, против кого использовать его.

Он сказал:

— Спасибо вам, Ирв.

— Извините, — тихо промолвила Чарли. — За дом, за цыплят и... за все другое.

— Не твоя вина, кнопка, — сказал Ирв. — Они сами напросились. Береги папулю.

— Хорошо, — пообещала она.

Энди взял ее за руку и повел за амбар, где под легким навесом стоял «Виллис».

Пожарные сирены звучали уже рядом, когда он завел его и проехал по лужайке к дороге. Дом превратился в пылающий ад. Чарли не могла смотреть на него. Последний раз Энди увидел Мэндерсов в зеркальце заднего вида. Ирв прислонился к амбару, кусок белой юбки, которым была обмотана его раненая рука, покраснел, рядом с мужем стояла Норма. Здоровой рукой он обнял ее. Энди махнул — в ответ Ирв чуть приподнял раненую руку. Норма не пошевелилась, думая, вероятно, о материнской посуде, своем секретере, любовных письмах — о том, чего не оплачивают и никогда не оплатят страховые деньги.

Они нашли первую лесную дорогу именно там, где сказал Ирв Мэндерс. Энди переключил сцепление на все четыре колеса и свернул на нее.

— Держись, Чарли, — сказал он. — Поболтает.

Чарли держалась. Лицо ее было белым, бескровным. Энди нервничал, глядя на нее. *Домик, думал он. Домик Грэнтера Макги на берегу Ташморского пруда, вернее, озера. Если бы мы смогли добраться туда и отдохнуть. Она восстановит силы — потом подумаем, что делать дальше.*

Подумаем завтра. Утро вечера мудренее.

«Виллис» с рычанием нырнул по дороге, оказавшейся тропой для двухколесной повозки; посредине рос кустарник и даже низкорослые сосенки. Этот лес раскорчевывали лет десять назад, и Энди усомнился, ездил ли кто-нибудь тут с тех пор, кроме случайного охотника. Через шесть миль дорога действительно кончилась, Энди пришлось дважды останавливаться, чтобы сдвинуть упавшие деревья. После второго раза, чувствуя боль в голове и в сердце, разогнувшись, он увидел задумчиво смотревшую на него большую олениху. На секунду она задержалась, затем исчезла в глубине леса, вильнув белым хвостом. Энди взглянул на Чарли, увидел, как та изумленно смотрит вслед животному... и приободрился. Немного дальше снова появилась колея, и около трех часов дня они выехали к

двухрядной дороге с твердым покрытием, которая и была дорогой 152.

Расцарапанный, грязный, едва способный двигаться из-за поврежденной лодыжки Орвил Джеймисон сидел на обочине Бейлингс-роуд в полумиле от фермы Мэндерсов и говорил в портативный радиотелефон. Его слова передавались на временный командный пункт в фургоне, стоявшем на главной улице Гастингс Глена. Фургон был оборудован радио со встроенным шифрующим устройством и мощным передатчиком. Сообщение О'Джея было зашифровано, усилено и отправлено в Нью-Йорк, где его перехватила ретрансляционная станция, послав дальше в Лонгмонт, штат Вирджиния, а там Кэп сидел и слушал в своем кабинете.

Лицо Кэпа не было таким просветленным и самодовольным, как утром, когда он ехал в офис на велосипеде. Сообщению О'Джея трудно было поверить: они знали, что девочка чем-то обладает, некоторой способностью, но этот рассказ о неожиданной бойне и разгроме был как молния среди ясного неба, по крайней мере, для Кэпа. Четверо или шестеро его людей мертвы, другие в страхе убежали в лес, полдюжины машин пылают, дом сгорает дотла; ранен посторонний человек, который того гляди начнет рассказывать всем и каждому, что банда неофашистов без ордера на арест явилась к порогу его дома и пыталась захватить мужчину с девочкой, которых он пригласил на ленч.

После доклада О'Джея (хотя тот продолжал говорить, почти в истерике повторяя одно и то же) Кэп положил трубку, плотнее устроился в своем вращающемся кресле и попытался поразмыслить. Подумал, что ни одна тайная операция со времен Залива Свиней на Кубе не кончалась таким сокрушительным провалом — и это на американской земле.

В кабинете царил полумрак, солнце ушло на другую сторону здания, и появились густые тени, но света он не включал. Рэйчел вызвала его по переговорному устройству, он резко сказал ей, что не желает разговаривать ни с кем. Без всяких исключений.

Он почувствовал себя старым.

В памяти возникли слова Уэнлесса: «Я говорю о *разрушительном потенциале*». Теперь это был не просто вопрос о потенциале. Но мы ее поймает, думал он, тупо глядя в другой конец комнаты. *Да, мы обязательно ее поймает.*

Он вызвал Рэйчел.

— Свяжите меня с Орвиллом Джеймисоном, как только он сможет прилететь сюда, — сказал он. — И с генералом Брэкманом в Вашингтоне. Разговор чрезвычайной важности. В штате Нью-Йорк сложилась потенциально щекотливая ситуация. Срочно сообщите ему.

— Слушаюсь, сэр, — почтительно сказала Рэйчел.

— В девятнадцать ноль-ноль созовите всех шестерых заместителей директора. Также разговор чрезвычайной важности. Я хочу также поговорить с шефом полиции штата там, в Нью-Йорке. — Они участвовали в прочесывании, и Кэп хотел им это напомнить. Если Контору начнут обливать грязью, он позаботится, чтобы и полиция получила свою долю. Он намеревался, однако, подчеркнуть, что если они будут выступать единым фронтом, то все смогут выйти из этой ситуации в довольно приличном виде.

Поколебавшись, он сказал:

— И когда позвонит Джон Рэйнберд, скажите, что мне нужно поговорить с ним. Для него есть новое задание.

— Да, сэр.

Кэп отпустил клавишу переговорного устройства, откинулся в кресле, разглядывая тени.

— Ничего непоправимого не случилось, — сказал он в сторону теней. Это был девиз его жизни — не напечатанный на свитке тонкого полотна, не вывешенный на стенке, не выгравированный на медной настольной дощечке, а запечатленный в его сердце как безусловная истина.

Ничего непоправимого. До сегодняшнего вечера, до сообщения О'Джея он этому верил. Именно эта философия проложила дорогу наверх сыну бедного пенсильванского шахтера. Он верил в нее и сейчас, хотя эта вера на мгновение заколебалась. Если говорить о Мэндерсе и его жене, то у них, вероятно, есть родственники, разбросанные от Новой Англии до Калифорнии, и каждый из них может

стать потенциальным рычагом давления. Здесь, в Лонгмонте, хватало сверхсекретных досье, чтобы любое слушание в конгрессе, касающееся методов Конторы, было бы... ну, трудно услышать. Автомобили и даже агенты — всего лишь винтики, хотя пройдет немало времени, пока он привыкнет к мысли о смерти Стейновица. Кто заменит Эла? Этот ребенок вместе с папашей заплатит, пусть не за все, хотя бы за него. Кэп позаботится об этом.

Но девочка... Как обуздать девочку?

Есть разные способы. Разные методы.

«Дело Макги» все еще лежало на тележке. Он поднялся, подошел к ней и стал нервно листать папку. Интересно, думал он, где в эту минуту находится Джон Рэйнберд?

ВАШИНГТОН

В ту минуту, когда Кэп Холлистер мельком подумал о Джоне Рэйнберде, тот сидел в номере отеля «Мэйфлауэр», смотря телевизионную игру под названием «Кто сообразительней». Сидел в кресле голый, сдвинув ноги. Он ждал наступления темноты. Стемнеет — он будет ждать ночи. Наступит ночь — он будет ждать рассвета. Рассветет, почти замрет жизнь в отеле — он перестанет ждать, поднимется в номер 1217 и убьет доктора Уэнлесса. Затем опять спустится сюда, продумает, что рассказал Уэнлесс перед смертью, а когда взойдет солнце — он немного поспит.

Джон Рэйнберд был миролюбивым человеком. Он был в мире почти со всеми — с Кэпом, Конторой, Соединенными Штатами. В мире с Богом, сатаной и Вселенной. И если он до сих пор не был в мире с самим собой, то лишь оттого, что миссия его пока не окончилась... За его спиной много удачных дел — на нем немало почетных шрамов. Неважно, что люди отворачиваются от него со страхом и отвращением. Неважно, что он потерял глаз во Вьетнаме. Сколько ему платят — также неважно. Большую часть денег он тратил на ботинки. Он очень любил ботинки. (Его отца похоронили босым. Кто-то украл мокасины, приготовленные для похорон).

Если не считать ботинок, Джон Рэйнберд интересовался двумя проблемами. Одна из них — смерть. Его собственная смерть, разумеется. Он готовился к ее неизбежности не менее двадцати лет. Иметь дело со смертью — единственное постоянное занятие, в котором он преуспел. Становясь старше, он интересовался смертью все больше и больше,

подобно художнику, все более интересующемуся интенсивностью и уровнем света, писателю, занятому характерами и оттенками смысла, которые он познает на ощупь, словно слепой, читающий по шрифту Брайля. Его больше всего интересовал уход... сам отлет души... уход из тела, из того, что люди считают жизнью, и переход в какое-то другое состояние. Что ты должен чувствовать, когда уходишь навсегда? Кажется ли это сном, от которого ты очнешься? Ждет ли там дьявол из христианской религии, готовый проткнуть твою вопящую душу вилами и потащить ее в ад, словно кусок мяса на вертеле? Ощущаешь ли ты радость? Знаешь ли ты, что уходишь? Что видят глаза умирающих?

Рэйнберд надеялся, что получит возможность узнать все сам. В его профессии смерть зачастую наступала быстро и неожиданно. Мгновенно. Он надеялся, что у него будет время подготовиться к собственной смерти и все прочувствовать. В последнее время он внимательно, с надеждой найти тайну в глазах, всматривался в лица людей, которых убивал.

Смерть очень интересовала его.

Его также интересовала маленькая девочка, которая так заботила всех. Эта Чарлина Макги. Как считал Кэп, Джон Рэйнберд имел смутное представление о семействе Макги и ничего не знал о «лот шесть». На самом деле Рэйнберд знал почти столько же, сколько сам Кэп, — что определенно обрекло бы его на ликвидацию, догадайся Кэп об этом. Они подозревали, что девочка наделена способностью или потенциальной способностью излучать энергию. А может быть, у нее еще куча других способностей. Он хотел бы встретиться с девочкой, посмотреть, что это за способности. Знал он также о том, что Макги обладал, по словам Кэпа, «потенциальной силой внушения», но это не волновало Джона Рэйнберда. Он еще не встречал человека, способного внушить что-нибудь ему самому.

«Кто сообразительней» кончилась. Начались неинтересные новости. Джон Рэйнберд сидел, ничего не ел, не пил, не курил, очищенный и опустошенный, ожидая, когда подойдет время для убийства.

Несколько ранее в тот день Кэп беспокойно размышлял о том, как бесшумно двигается Рэйнберд. Доктор Уэнлесс его не услышал. Он очнулся от глубокого сна, потому что чей-то палец щекотал его под носом. Проснулся и увидел склонившееся над кроватью чудовище из кошмара. Один глаз мягко поблескивал в свете лампы из ванной, которую Уэнлесс всегда оставлял гореть, ночуя вне дома. На месте второго глаза зияла дыра.

Уэнлесс открыл было рот, чтобы закричать, но Джон Рэйнберд одной рукой зажал ему нос, а другой закрыл рот. Уэнлесс задержался.

— Ш-ш-ш, — сказал Рэйнберд. Он произнес это умиротворенно и снисходительно, как говорит мать ребенку, меняя пеленки.

Уэнлесс задержался сильнее.

— Хотите жить — не шевелитесь и молчите, — сказал Рэйнберд.

Уэнлесс взглянул на него, изогнулся разок и затих.

— Будете вести себя смирно? — спросил Рэйнберд.

Уэнлесс кивнул. Лицо его наливалось кровью.

Рэйнберд убрал руки — Уэнлесс стал хрипло хватать воздух.

Из одной ноздри вытекала тонкая струйка крови.

— Кто... вы... Кэп... послал вас?

— Рэйнберд, — угрожающе сказал он. — Да. Кэп послал меня.

В темноте глаза Уэнлесса казались громадными. Он облилиз губы. Лежа в постели со сбитыми вокруг костлявых коленей простынями, он выглядел самым старым ребенком в мире.

— У меня есть деньги, — быстро зашептал он. — Счет в швейцарском банке. Куча денег. Все ваши. Рта не раскрою. Клянусь Богом.

— Не нужны ваши деньги, доктор Уэнлесс, — сказал Рэйнберд.

Уэнлесс уставился на него, левый угол рта опустился в чудовищной ухмылке, левое веко закрыло глаз и дрожало.

— Если хотите остаться живым после восхода солнца, — сказал Рэйнберд, — побеседуйте со мной, доктор Уэнлесс. Прочитайте мне лекцию. Семинар для одного. Я буду внимательным, хорошим слушателем. И награжу вас жизнью, которую вы проведете вдали от глаз Кэпа и Конторы. Понимаете?

— Да, — хрипло отозвался Уэнлесс.

— Согласны?

— Да... но что?..

Рэйнберд положил два пальца на губы доктора Уэнлесса, и тот мигом умолк. Его костлявая грудь быстро поднялась и опускалась.

— Я произнесу два слова, — сказал Рэйнберд, — и вы начнете свою лекцию. Включите в нее все, что знаете, все, о чем подозреваете, все ваши теоретизирования. Вы готовы услышать эти два слова, доктор Уэнлесс?

— Да, — кивнул доктор Уэнлесс.

— Чарлина Макги, — сказал Рэйнберд, и доктор Уэнлесс заговорил. Сначала он медленно выдавливал слова, затем они полились быстрее. Он рассказал всю историю испытаний «лот шесть» и того, главного эксперимента. Многое из рассказанного Рэйнберд знал, но Уэнлесс добавил кое-что новое. Профессор повторил всю проповедь, прочитанную в то утро Кэпу. Рэйнберд внимательно слушал, иногда хмурясь, слегка похлопывая руками, хихикая над метафорой Уэнлесса относительно обучения туалету. Это поощрило Уэнлесса говорить быстрее; когда же он, как все старики, начал повторяться, Рэйнберд снова наклонился и снова одной рукой зажал ему нос, а другой закрыл рот.

— Извините, — сказал Рэйнберд.

Уэнлесс извинялся и бился, как рыба, под тяжестью Рэйнберда. Тот надавил сильнее. Когда Уэнлесс стал затихать, Рэйнберд быстро убрал руку, зажимавшую нос. Свистящее дыхание доктора походило на шум воздуха, вырывающегося из шины, проколотой большим гвоздем. Глаза вращались в орбитах, как у перепуганной лошади. И все же в них трудно было что-нибудь разглядеть. Рэйнберд схватил доктора Уэнлесса за воротник пижамы

и сдвинул на край постели, чтобы свет из ванны светил ему прямо в лицо.

И снова зажал доктору нос.

Мужчина, если перекрыть доступ воздуха в легкие и он лежит без движения, иногда может прожить до девяти минут без необратимых последствий для мозга; женщина, при несколько большем объеме легких и немного лучшей системе выделения углекислого газа, может протянуть десять или двенадцать минут. Конечно, борьба и страх значительно сокращают время выживания.

Доктор Уэнлесс бился сорок секунд, затем его попытки спастись ослабели. Он бессильно бил руками по гранитной маске, заменявшей Джону Рэйнберду лицо. Приглушенно барабанил пятками по ковру на полу. Пустил слюну в мозолистую ладонь Рэйнберда.

И настал тот самый момент.

Рэйнберд наклонился вперед, с детским нетерпением изучая глаза Уэнлесса.

Но было все то же, всегда одно и то же. Из глаз, казалось, исчез страх, вместо него в них появилась озадаченность, не удивление, не понимание опасности или благоговейный страх — просто озадаченность. На какое-то мгновение два озадаченных глаза уставились на единственный Джона Рэйнберда, и Рэйнберд знал, что эти глаза видят его. Неясно, все более расплывчато, по мере того, как доктор уходил все дальше и дальше, но его видели. Затем ничего не осталось, кроме остекленевшего взгляда. Доктор Джозеф Уэнлесс больше не находился в отеле «Мэйфлауэр». Рэйнберд сидел на кровати рядом с куклой человеческого роста.

Он был неподвижен, одна рука все еще закрывала рот куклы, другая крепко зажимала ей ноздри. Полная уверенность не помешает — пусть пройдет еще минут десять.

Он думал о том, что рассказал ему Уэнлесс о Чарлине Макги. Возможно ли, чтобы ребенок обладал такой силой? Он полагал, что это возможно. В Калькутте он видел, как человек прокалывал себя ножами — ноги, живот, грудь, шею, — затем вытаскивал ножи, не оставляя ран. Оказалось, что это возможно. И, конечно... интересно.

Он думал обо всем этом, но поймал себя на мысли: что почувствуешь, убивая ребенка? Сознательно он никогда этого не делал (хотя однажды подложил бомбу в самолет, бомба взорвалась, убив шестьдесят семь человек на борту, и возможно, среди них были дети, но это не одно и то же — то было безлично). Его профессия не часто требовала убийства детей. Контора, в конце концов, не террористическая организация, как бы ни хотелось некоторым, скажем, некоторым слюнтяям в конгрессе, считать так.

Они, в конце концов, — научное учреждение.

Может, с ребенком все будет по-другому? В конце может появиться другое выражение в глазах, что-то другое, а не озадаченность, опустошающая и — да, да — так печальная его.

Возможно, в смерти ребенка он отчасти откроет для себя то, что ему так хочется знать.

Именно такого ребенка, как эта Чарлина Макги.

— Моя жизнь, как прямая дорога в пустыне, — негромко сказал Джон Рэйнберд. Он внимательно посмотрел в мутные голубые кусочки мрамора, бывшие недавно глазами доктора Уэнлесса. — Но твоя жизнь никуда больше не ведет, мой друг... мой добрый друг.

Он поцеловал Уэнлесса сначала в одну щеку, потом в другую. Затем втащил на кровать и набросил на него простыню. Она опустилась мягко, словно парашют, и облегла его торчащий, теперь уже неподвижный нос.

Рэйнберд вышел.

Ночью он думал о девочке, способной якобы возжигать пламя. Он много думал о ней. Ему хотелось знать, где она находится, что думает, какие видит сны. Он испытывал к ней подобие нежности, стремление защитить ее.

Минуло шесть часов утра — он засыпал, уверенный: девочка будет его.

ТАШМОР, ШТАТ ВЕРМОНТ

Энди и Чарли Макги добрались до коттеджа у Ташморского озера спустя два дня после пожара на ферме Мэндерсов. Начать с того, что «Виллис» был далеко не в лучшей форме, а поездка по грязи через лесные дороги, указанные им Ирвом, не принесла ему пользы.

Наступила ночь бесконечного дня, начавшегося в Гастингс Глене. Они были менее чем в двадцати ярдах от конца второй и худшей из двух лесных дорог. Перед ними, скрытая густыми зарослями кустарника, лежала дорога 22. Они не видели дороги, но время от времени слышали шелест и шум пролетавших мимо автомашин и грузовиков. Ночь они провели в «Виллисе», обнявшись, чтобы было теплее. И двинулись вновь в путь на следующее утро — вчерашнее утро — вскоре после пяти, когда дневной свет был всего лишь блеклой белой полоской на востоке.

Чарли — бледная, вялая, измученная — не спросила отца, что случится, если пикеты на дорогах передвинуты дальше на восток. Если пикеты передвинуты, их поймут, и на этом все кончится. Не вставал и вопрос о том, чтобы бросить «Виллис». Чарли не могла идти, не мог идти и он.

Поэтому Энди выехал на шоссе, и весь этот октябрьский день они вертелись по второстепенным дорогам под белым небом, которое грозилось дождем, но так и не пролило его. Чарли много спала. Энди беспокоился, что она спит нездоровым сном, стараясь убежать от случившегося с ними, вместо того чтобы попытаться приспособиться к происшедшему.

Дважды останавливался он у придорожных кафе, покупал котлеты с жареным картофелем. Во второй раз он воспользовался пятидолларовой бумажкой, которую дал ему водитель фургона Джим Полсон. Мелочь из телефонов была почти израсходована. Он, вероятно, выронил часть монет из карманов в то сумасшедшее утро у Мэндерсов, но не мог этого вспомнить. Кое-что еще исчезло: за ночь ушли пугающие омертвевшие пятна на лице. Он ничего не имел против их исчезновения.

Большая часть котлет и картофеля, купленных для Чарли, осталась несъеденной.

Прошлым вечером они остановились на площадке отдыха у шоссе через час после наступления темноты. Никого не было. Стояла осень, и сезон кочевья индейцев прошел до следующего года. Грубо сработанное объявление выжженными по дереву буквами гласило: «НОЧЕВКА ЗАПРЕЩЕНА, КОСТРОВ НЕ РАЗВОДИТЬ, ПРИВЯЖИТЕ СОБАКУ, МУСОР НЕ БРОСАТЬ — ШТРАФ — 500 ДОЛЛАРОВ».

— Тоже мне чистюли, — пробормотал Энди и проехал на «Виллисе» в дальний конец усыпанной гравием площадки к рощице на берегу узкого журчащего ручья. Они с Чарли вышли из машины и, не сговариваясь, направились к воде. Небо затянули облака. Но было не холодно. Звезды не просматривались, и ночь казалась очень темной. Присели, прислушались к говору ручейка. Он взял руку Чарли, тут она заплакала: громкие захлебывающиеся рыдания, казалось, готовы были разорвать ее.

Он обнял ее и побаюкал.

— Чарли, — пробормотал он. — Чарли, Чарли, не надо. Не плачь.

— Пожалуйста, не заставляй меня делать это снова, папочка, — рыдала она. — Если ты прикажешь мне сделать это, я сделаю и потом убью себя, так что, пожалуйста... пожалуйста... никогда...

— Я люблю тебя, — шепнул он. — Успокойся и перестань болтать о самоубийстве. Это сумасшедшие разговоры.

— Нет, — сказала она. — Не разговоры. Обещай, папочка.

Он долго думал и затем медленно произнес:

— Не знаю, смогу ли, Чарли. Но обещаю — постараюсь. Этого достаточно?

Ее тревожное молчание служило красноречивым ответом.

— Я тоже боюсь, — сказал он мягко. — Отцы тоже пугаются. Поверь мне.

Эту ночь они снова провели в кабине «Виллиса». К шести утра снова были в пути. Облака стали рассеиваться, и к десяти часам наступил безупречный день бабьего лета. Вскоре после пересечения границы штата Вермонт они увидели в садах людей, взбирающихся на лестницы, словно на мачты, и грузовики, наполненные плетеными корзинами с яблоками.

В одиннадцать тридцать они свернули с дороги 34 на узкую грунтовую дорогу с надписью «частное владение», и Энди вздохнул с облегчением. Они добрались до Грэнтера Макги. Они были на месте.

Медленно проехали примерно полторы мили к озеру. Осенние листья, красные и золотые, перелетали через дорогу перед тупым носом джипа. Когда сквозь деревья засверкала вода, дорога раздвоилась. Поперек более узкой колеи висела тяжелая металлическая цепь, а на цепи — желтая табличка со ржавыми пятнами: «ПРОХОДА НЕТ ПО УКАЗАНИЮ ШЕРИФА ОКРУГА». Большая часть ржавых пятен образовалась вокруг шести или восьми углублений в металле, и Энди предположил, что летом какой-то отдыхавший здесь парнишка в течение нескольких минут развеивал скуку, хлопая по табличке из револьвера 22-го калибра. Но это было давным-давно.

Он вылез из «Виллиса», достал из кармана кольцо с ключами. На кольце висела бирка из кожи с почти стершимися его инициалами Э. МкГ. Этот кусочек кожи Вики подарила ему на Рождество — Рождество накануне рождения Чарли.

Он постоял какое-то мгновение перед цепью, глядя на кожаную бирку, затем на сами ключи. Их было около двух десятков. Забавная штука эти ключи: по ним, имеющим

тенденцию скапливаться на кольце, можно проследить жизнь. Некоторые люди, безусловно, более организованные, чем он, просто выбрасывали старые ключи; те же организованные люди каждые шесть месяцев имели привычку проверять и очищать свои бумажники. Энди никогда не делал ни того, ни другого.

Вот ключ, который открывал дверь в восточном крыле Принс Холла в Гаррисоне — там был его кабинет. Вот ключ от самого кабинета. От кабинета английского отделения. Вот ключ от дома в Гаррисоне, который он видел в последний раз в день, когда Контора убила его жену и похитила дочь. Откуда еще два или три ключа, он даже не мог вспомнить. Да, ключи — забавная штука.

Воспоминания затуманились. Внезапно он почувствовал, что скучает по Вики, тоскует по ней, как не тосковал с тех первых мрачных недель его бегства с Чарли. Он так устал, так напуган и переполнен гневом. Если бы он мог выстроить всех сотрудников Конторы здесь, вдоль грэнте-ровской дороги, и если бы кто-нибудь дал ему в руки автомат Томсона...

— Папочка? — беспокоился голосок Чарли. — Не можешь найти ключ?

— Нашел, нашел, — сказал он. Маленький ключ от замка фирмы «Йейл», на котором он выцарапал своим карманным ножом Т. О., то есть Ташморское озеро, висел среди других. Последний раз они были здесь в год рождения Чарли, и теперь Энди пришлось немного пошевелить ключом, прежде чем заржавевший механизм сработал. Затем замок открылся, и Энди положил цепь на ковер из опавших листьев.

«Виллис» проехал по дорожке, и Энди вновь навесил замок на цепь. Он с удовольствием отметил, что дорога в плохом состоянии. Когда они приезжали сюда регулярно каждое лето, жили по три-четыре недели, он всегда находил пару дней, чтобы привести дорогу в порядок — доставал гравий с камнедробилки Сэма Мура и укладывал его в особенно разъезженные колеи, обрезал ветки кустарника и приглашал самого Сэма приезжать со старым дреггером разравнивать дорогу.

Другой, более широкий конец развилки вел к поселку из двух дюжин летних домиков и коттеджей, вытянувшегося вдоль берега. Эти люди имели свою Дорожную ассоциацию, ежегодные сборы, августовские членские собрания и все такое прочее (хотя собрания членов, по сути, служили всего лишь поводом, чтобы хорошенько нагрузиться спиртным накануне Дня труда и закрыть еще один летний сезон). Зато на этом конце дороги владение Грэнтера было единственным, потому что Грэнтер скупил всю эту землю за сущий пустяк в разгар депрессии.

В былые времена у них был семейный автомобиль, «Форд-универсал». Энди сомневался, что тот старый автомобиль проехал бы по этой теперешней дороге — ведь даже «Виллис» с высокими осями раз или два сел на «Пузо». Энди это не огорчало: значит, здесь никто не бывал.

— А тут будет электричество, папочка? — спросила Чарли.

— Нет, — сказал он, — и телефона не будет. Нам не стоит включать свет, крошка. Это все равно что выставить объявление: «А МЫ ЗДЕСЬ!» Но есть керосиновые лампы и две бочки с солядкой для кухонной печки. Если, конечно, все не разворовано. — Это его несколько беспокоило. Со времени их последнего приезда сюда цена солярки поднялась настолько, что кража себя оправдала бы.

— А будет... — начала Чарли.

— Вот черт, — сказал Энди. Он резко нажал на тормоз. Впереди поперек дороги лежало дерево — большая старая береза, сваленная какой-то зимней бурей. — Пожалуй, отсюда мы пойдем пешком. Здесь около мили, не больше. Пешком одолеем. — Потом надо будет прийти сюда с лучковой пилой Грэнтера и перепилить дерево. Ему не хотелось оставлять здесь «Виллис» Ирва. Это было бы чересчур заметно.

Взъерошил ей волосы:

— Пошли.

Они вылезли из «Виллиса», Чарли легко пролезла под деревом, Энди же осторожно перелез через него, стараясь не ободраться. Они шли — листья приятно шуршали под

ногами, а лес был полон осенних запахов. С одного дерева на них внимательно смотрела белочка, наблюдая за каждым движением. И вот снова сквозь деревья — голубые проблески.

— Что ты хотела сказать, когда мы подъехали к дереву? — спросил Энди.

— Надолго ли хватит топлива? А если мы будем зимовать?

— Для начала там достаточно. Я еще смогу нарубить дров. А ты соберешь много хвороста.

Через десять минут дорога перешла в лужайку на берегу Ташморского озера, и они были на месте. Какое-то мгновение стояли тихо. Энди не знал, что чувствовала Чарли, но перед ним пронеслись такие пронзительные воспоминания, для которых даже слово «ностальгия» казалось малозначащим. К воспоминаниям примешалось сновидение трехдневной давности — лодка, извивающийся червяк, даже заплатки из шины на сапогах Грэнтера.

Пятикомнатный коттедж был построен из дерева, фундамент сложен из небольших валунов, терраса была обращена к озеру, каменный пирс вдавался в воду. Если не считать опавших листьев и деревьев, не переживших трех зим, место это почти не изменилось. Ему едва не почудилось, что сам Грэнтер выходит навстречу, одетый в одну из своих зелено-черных клетчатых рубаш, приветливо машет ему, зовет его, спрашивает, обзавелся ли он лицензией для ловли рыбы, потому что коричневая форель еще хорошо клюет в сумерках.

Место хорошее, безопасное. Вдалеке, на другом берегу Ташморского озера, в лучах солнца серо-зеленым светом переливались сосны. «Глупые деревья, — сказал однажды Грэнтер, — даже не знают разницы между летом и зимой». Единственным признаком цивилизации на противоположной стороне маячила брэдфордская городская пристань. Никто не додумался построить там торговый центр или увеселительный парк. А тут ветер по-прежнему разговаривал с деревьями. Позеленелая черепица на крыше выглядела замшелой, а сосновые иголки все еще плавали в уголках водостоков и в дере-

вянном сточном желобе. Энди бывал здесь мальчишкой, и Грэнтер учил его нанизывать приманку на крючок. У него была здесь собственная комната, обитая панелями из хорошего клена, здесь на узкой кровати ему снились мальчишеские сны и он просыпался от звука плескавшейся у пирса воды. Он бывал здесь и взрослым мужчиной, спал со своей женой на двуспальной кровати, когда-то принадлежавшей Грэнтеру и его жене — этой молчаливой, несколько мрачной женщине, состоявшей членом Американского общества атеистов и умевшей указать, если ее спрашивали, на тридцать вопиющих несуразностей в Библии короля Иакова либо на смехотворную нелепость Теории Вселенной как часовой пружины, произнося все это с убийственно неопровержимой логикой убежденного в своей правоте проповедника.

— Вспоминаешь маму, да? — спросила Чарли жалким, несчастным голосом.

— Да, — сказал он. — Мне ее не хватает.

— Мне тоже, — сказала Чарли. — Вам тут было хорошо, да?

— Хорошо, — согласился он. — Пошли, Чарли.

Она приостановилась, глядя на него.

— Папочка, когда-нибудь у нас будет снова все хорошо? Я смогу ходить в школу, и вообще?

Он хотел было соврать, но ложь плохой ответ.

— Не знаю, — сказал он. Попытался улыбнуться, но улыбка не вышла — не сумел даже убедительно растянуть губы. — Не знаю, Чарли.

Инструменты Грэнтера были по-прежнему аккуратно разложены в мастерской при сарае для лодки, и Энди нашел то, на что не осмеливался особенно надеяться: две почти полные поленицы дров, аккуратно нарубленных и вылежавшихся в отсеке под лодочным сараем. Большую их часть он когда-то наколот сам, они лежали накрытые рваным, грязным брезентом, который он сам на них набросил. С двумя поленицами всю зиму не протянуть, но когда он распилит упавшие вокруг деревья и березу там, на дороге, они будут обеспечены дровами.

Он пошел к упавшему дереву с лучковой пилой и распилил его так, чтобы «Виллис» мог проехать. К этому времени почти стемнело, он устал и проголодался. Кладовую с продуктами также никто не потревожил: если хулиганы и воры и промышляли последние шесть зим, то орудовали они у более заселенного южного берега. Пять полок были набиты консервированными супами «Кэмпбелл», сардинами «Ваймэн», тушенкой «Динти Мур» и всевозможными овощными консервами. На полу стояла наполовину пустая коробка с собачьими консервами «Райвл» — наследство старой собаки Грэнтера Бимбо, — но Энди не думал, что до них дойдет очередь.

Пока Чарли рассматривала книжки на полках большой гостиной, Энди из кладовой спустился по ступеням в маленький погребок, чиркнул спичкой по одной из балок, сунул палец в дырку от сучка в доске — досками были обиты стены этой маленькой комнатки с земляным полом — и потянул за эту доску. Она подалась, Энди заглянул внутрь и ухмыльнулся. Внутри затянутого паутиной углубления стояли четыре керамических кувшина, наполненных чистой, слегка маслянистой жидкостью — стопроцентным самогоном — Грэнтер называл его «удар ослиного копыта».

Спичка обожгла пальцы Энди. Он погасил ее и зажег вторую. Подобно суровым старым проповедникам из Новой Англии, прямым потомком которых была Гульда Макги, она не любила, не понимала и не терпела простых, слегка глуповатых мужских радостей. Она была атеисткой-пуританкой; своим маленьким секретом Грэнтер поделился с Энди за год до смерти.

Кроме спирта здесь стояла коробка с фишками для покера. Энди вытащил ее и просунул пальцы в прорезь в крышке. Раздался хруст, он вытащил тонкую пачку купюр — несколько десяти-, пяти- и однодолларовых бумажек. Всего, наверно, долларов восемьдесят. Покер был слабостью Грэнтера, а эти деньги он называл «своей заначкой».

Вторая спичка обожгла ему пальцы, Энди загасил ее. В темноте он положил назад покерные фишки и деньги.

Хорошо, что они есть. Он задвинул доску на место и пошел назад через кладовку.

— Хочешь томатного супа? — спросил он Чарли. Чудо из чудес — она нашла на одной из полок все книги о Винни Пухе и сейчас блуждала где-то в Чудесном Лесу с Пухом и осликом Иа-Иа.

— Конечно, — сказала она, не глядя на него.

Он сварил в большой кастрюле томатный суп, открыл по коробке сардин. Зажег одну из керосиновых ламп, прежде тщательно задернув занавески, поставил лампу на середину обеденного стола. Они сели за стол и ели, почти не разговаривая. Затем он зажег сигарету, раскурив ее над вытяжным стеклом лампы. В бабушкином комоде Чарли обнаружила ящичек для игральных карт: там лежали восемь или девять колод, в каждой из которых отсутствовал либо валет, либо двойка, либо еще что-то. Она провела остаток вечера, раскладывая их и играя с ними, пока Энди обходил поселок.

Укладывая ее спать, он спросил, как она себя чувствует.

— В безопасности, — сказала она без колебаний. — Спокойной ночи, папочка.

Если Чарли было хорошо, значит, хорошо и ему. Он посидел с ней немного, но она быстро заснула, и он ушел, оставив дверь приоткрытой, чтобы услышать, если ночью ее что-то потревожит.

Перед тем как лечь спать, Энди снова пошел в погребок, достал один из кувшинчиков с прозрачным самогоном, налил себе немного в стакан и вышел через раздвижную дверь на веранду. Он сел в один из шезлонгов (пахнуло прелью — у него мелькнула мысль, можно ли устранить этот запах) и стал смотреть на темное, будто дышащее озеро. Было немного зябко, но два маленьких глотка «удара ослиного копыта» запросто избавили его от холода. Впервые с начала жуткой погони на Третьей авеню он тоже чувствовал себя в безопасности и отдыхал.

Он курил и смотрел на тот берег Ташморского озера.

В безопасности и отдыхая, не впервые после Нью-Йорка. Впервые с тех пор, как Контора вновь вторглась в их

жизнь тем ужасным августовским днем четырнадцать месяцев назад. С тех пор они либо бежали, либо прятались, так или иначе отдыха не было.

Он вспомнил разговор с Квинси по телефону и запах тлеющего ковра. Энди — в Огайо, Квинси — в Калифорнии, которую в своих редких письмах он называл Волшебным Королевством Землетрясений. *«Да, это хорошо, — говорил Квинси. — А то они могут поместить их в две миленькие комнатки, где они будут, не разгибая спины, работать во имя безопасности и свободы двухсот двадцати миллионов американцев... Уверен, что они хотели бы только заполучить этого ребеночка и посадить в маленькую комнату и посмотреть, не поможет ли он сохранить демократию на планете. И пожалуй, это все, что я хотел сказать, старина, только еще... не возникай».*

Ему казалось, что тогда он испугался. На самом деле он еще не знал, что такое испуг. Испуг — это когда приходишь домой и находишь жену мертвой с вырванными ногтями. Они вырвали ей ногти, чтобы она сказала, где Чарли. Два дня и две ночи Чарли гостила в доме своей подружки Терри Дугэн. Через месяц или около того Макги собирались пригласить Терри такое же время пожить у них в доме. Вики назвала это Великим обменом 1980 года.

Сейчас, сидя на веранде и покуривая, Энди мог восстановить в памяти все случившееся, а тогда для него все сплелось в клубок печали, ужаса и гнева: только слепой счастливый случай (а может, нечто большее, чем случай) позволил ему догнать этих людей.

За ними следили, за всей семьей. Продолжительное время. Когда Чарли не пришла домой из летнего однодневного лагеря вечером в среду, не появилась в четверг днем и вечером, они, должно быть, решили, что Энди и Вики догадались о слежке. Вместо того чтобы поискать и обнаружить Чарли у подруги не более чем в двух милях от дома, они решили, что родители спрятали ребенка, ушли в подполье.

Ошибка была немыслимо глупой и не первой на счету Конторы, как отмечала статья, которую Энди читал в

«Роллинг стоун», Контора была замешана в кровопролитии, связанном с захватом самолета террористами из некоей «Красной бригады» (захват удалось предотвратить ценой шестидесяти жертв), в продаже героина мафии в обмен за информацию о кубино-американских группах в Майами...

Зная о таких громадных проколах в работе Конторы, нетрудно было понять, как агенты, следившие за семьей Макги, ухитрились принять двухдневное пребывание ребенка у подружки за бегство. Как сказал бы Квинси (а может, он это и говорил), если бы более чем тысяче самых умелых агентов Конторы пришлось идти работать в частный сектор, они перешли бы на пособия по безработице до истечения испытательного срока.

Глупейшие ошибки совершили обе стороны, размышлял Энди. По прошествии времени горечь при этой мысли несколько уменьшилась, но в свое время она была настолько остра, что кровь бросалась в голову. Он был напуган намеками Квинси по телефону в тот день, когда Чарли споткнулась и упала с лестницы, но напуган, очевидно, недостаточно, иначе они бы действительно скрылись.

Он понял слишком поздно, что человеческий мозг легко поддается гипнозу, если жизнь человека или его семьи выходит из колеи, и попадает в страну лихорадочной фантазии, похожей на шестидесятиминутные сериалы по телевидению или двухчасовые сеансы в местном кинотеатре.

Тогда, после разговора с Квинси, его стало иногда охватывать странное ощущение, словно его обкладывают со всех сторон. Подслушивают телефон? Какие-то люди следят за ним? Возможность того, что семью заберут и запрут в подвалах какого-то государственного комплекса? При этом Энди почему-то хотелось глупо улыбаться и просто наблюдать, как все это назревает, вести себя интеллигентно и разумно, не обращая внимания на собственное подсознание...

Над Ташморским озером что-то внезапно зашумело, взлетела и устремилась на запад в ночь стая уток. Светил месяц, бросая мутный серебристый свет на их крылья. Энди

зажег новую сигарету. Он курил слишком много, вскоре он окажется без курева: осталось четыре или пять сигарет.

Да, он подозревал, что телефон прослушивался. Странный двойной щелчок после того, как снимешь трубку и скажешь «алло». Один или два раза, когда он разговаривал со студентом, просившим о встрече, или с коллегой, связь таинственно прерывалась. Он подозревал, что в доме могут быть установлены «жучки», но никогда не искал их (а разве он мог найти?). Несколько раз подозревал — нет, не сомневался: за ними следят.

Они жили в районе Гаррисона под названием Лейклэнд, а Лейклэнд являл собой типичный пригород. Вечером, подвыпив, можно часами кружить вокруг шести или восьми кварталов, отыскивая свой дом. Соседи работали на заводе счетных машин компании ИБМ за городом, на предприятии «Полупроводники Огайо» в самом городе или преподавали в колледже. Если провести по линейке две линии через таблицу доходов средних семей: нижнюю — вдоль восемнадцати с половиной тысяч и верхнюю — где-то у тридцати, то почти все обитавшие в Лейклэнде попадут в графу между ними.

Людей постепенно узнаешь. Киваешь на улице миссис Бэкон, после смерти мужа заключившей новый брак с водкой (по ней и видно: медовый месяц в таком браке наглядно отразился на ее лице и фигуре). Приветственно машешь двум девицам с белым «Ягуаром», которые снимают дом на углу Джасмин-стрит и Лейклэнд-авеню, подумав: интересно, как может выглядеть ночка в их обществе. Рассуждаешь о бейсболе с мистером Хэммондом на Лорел-лэйн, он, разговаривая, не перестает подрезать живую изгородь. Мистер Хэммонд — клерк из фирмы ИБМ, родился в Атланте и был ярым болельщиком команды «Атлантские молодцы». Он терпеть не мог «Большой красной машины» из Цинциннати, что совсем не сближало его с соседями. На это Хэммонд плевал. Он просто ждал, когда ИБМ вручит ему документы на получение пенсии.

Не в мистере Хэммонде дело. Не в миссис Бэкон и не в двух спелых ягодах из белого «Ягуара» с тусклой

красной грунтовкой вокруг фар. Дело в том, что в мозгу по прошествии времени подсознательно формируется стереотип: «группа принадлежащих к Лейклэнду».

Однако в месяцы, предшествовавшие убийству Вики и похищению Чарли из дома Дугэнов, вокруг толклись люди, не принадлежавшие к этой группе. Энди игнорировал их, убеждая себя, что глупо тревожить Вики только потому, что разговор с Квинси нагнал на него безумного страха.

Люди в светло-сером фургоне. Мужчина с рыжими волосами, которого однажды вечером он видел за рулем «Матадора», а потом, другим вечером, две недели спустя, за рулем «Плимута» и опять через десять дней — на заднем сиденье серого фургона. В дом приходило чересчур много коммивояжеров. Иногда вечерами, вернувшись домой с работы или вместе с Чарли с последней диснеевской картины, он чувствовал, что у них кто-то побывал, что вещи чуть-чуть сдвинуты с места.

Чувство, что за тобой следят.

Его глупейшая ошибка: он не мог поверить, что все это пойдет дальше слежки. И сейчас он не был уверен, что они тогда запаниковали. Они могли заранее замышлять похищение, схватить его и Чарли, убить сравнительно бесполезную им Вики: и вправду, кому нужен слабосильный экстрасенс, чей самый крупный трюк — не сходя с места, закрыть дверь холодильника? Тем не менее вся эта возня отдавала неосторожностью и спешкой, и он поневоле думал, что внезапное исчезновение Чарли ускорило события. Исчезни Энди, они, может быть, выжидали бы. Но исчезла Чарли, а именно она интересовала их по-настоящему. Теперь Энди в этом не сомневался.

Он поднялся, потянулся, прислушиваясь, как хрустят спинные позвонки. Пора спать, пора перестать тревожить эти старые болезненные воспоминания. Он не должен всю оставшуюся жизнь винить себя в смерти Вики. Да и остаток жизни, может, не так уж долог. Энди Макги не забыл выстрела на крыльце Ирва Мэндерса. Они хотели избавиться от него. Им нужна только Чарли.

Он лег в кровать и довольно быстро заснул. Спал беспокойно. Снова и снова видел, как огненный язык пробежал через вытоптанный дворик, как он раздвоился и охватил колдовским кольцом чурбан для колки дров, видел, как цыплята вспыхивали, словно зажигательные бомбочки. Во сне он чувствовал, как вокруг него все разрастается и разрастается капсула с жаром.

Она сказала, что больше не будет ничего поджигать.

Может быть, так оно и лучше.

За окном холодная октябрьская луна освещала Ташморское озеро, Брэдфорд в штате Нью-Гэмпшир и там, за озером, остальную часть Новой Англии. Южнее она же освещала Лонгмонт, штат Вирджиния.

Порой у Энди Макги бывали необыкновенно яркие предчувствия. Со времени эксперимента в Джейсон Гирни Холле. Были они неким проявлением способности предвидения или не были, он не знал, но приучился доверять им, когда они появлялись.

В тот августовский день 1980 года около полудня у него появилось плохое предчувствие.

Был час ленча в Бакей рум, факультетской комнате отдыха на верхнем этаже студенческого клуба. Он мог бы даже точно указать минуту: вместе с Ивом О'Брайаном, Биллом Уоллэсом и Доном Грабовски он ел цыпленка с рисом под соусом. Все они были его друзья с факультета английского языка и литературы. Как всегда, кто-то рассказал смешную историю, на этот раз польскую, специально для Дона, который коллекционировал польские шутки. Все смеялись, и вдруг тоненький, очень тихий голосок заговорил в голове Энди.

...Дома что-то не в порядке...

И все. Но этого было достаточно. Предчувствие назревало почти так же, как головные боли после чересчур сильного посыла. Только это шло не от головы: казалось, все его эмоции, словно пряжа, медленно стягиваются в клубок, и какого-то рассерженного кота выпускают играть в нитях его нервной системы, запутывать их.

Ему стало плохо. Цыпленок в соусе потерял прежнюю привлекательность. Живот светло, сердце быстро застучало, как от сильного испуга. Затем внезапно стали пульсировать пальцы правой руки, словно он прищемил их дверью.

Он быстро встал. Холодный пот на лбу.

— Знаете, мне что-то нездоровится, — сказал он. — Билл, можешь провести мое занятие в час?

— С подающими надежды поэтами? Конечно. Нет проблем. Что с тобой?

— Не знаю. Может, съел что-то.

— Выглядишь бледновато, — сказал Дон Грабовски. — Загляни в медпункт, Энди.

— Да, да, — сказал Энди.

Он ушел, вовсе не собираясь идти в медпункт. Было четверть первого, университетский городок в полудреме плыл через последнюю неделю летнего семестра к экзаменационной сессии. Уходя, он поднял руку, прощаясь с Ивом, Биллом и Доном. С того дня он никого из них больше не видел.

Остановился на нижнем этаже клуба, вошел в телефонную будку, позвонил домой. Никто не отвечал. Совсем необязательно должны ответить: Чарли у Дугэнов, Вики, возможно, в магазине, в парикмахерской, у Тэмми Апмор или даже, может быть, обедает с Эйлин Бэкон. Тем не менее его нервы натянулись еще сильнее. Казалось, они стонали.

Он вышел из здания клуба и почти побежал к автомашине на стоянке у Принс Холла. Поехал через город в Лейклэнд. Вел машину неуверенно, дергаясь. Проскакивал на красный свет, ехал вплотную к впереди идущим машинам и чуть было не сбил хиппи на «Олимпии». Хиппи покрутил пальцем у виска. Энди не обратил внимания. Бешено колотилось сердце, словно он принял хорошую дозу наркотика.

Они жили на Конифер-плейс*. В Лейклэнде большинство улиц, как во многих пригородных районах, построено-

* Хвойная улица (англ.).

ных в пятидесятые годы, носило названия деревьев или кустарников. В знойный августовский полдень улица казалась странно пустынной. Это лишь усиливало предчувствие катастрофы. Машин у обочин было немного, и улица казалась шире. Даже немногие игравшие тут и там детишки не могли развеять это ощущение безлюдности: большинство ребят либо обедали дома, либо играли на детских площадках. С сумкой на колесиках прошла миссис Флинн с Лорел-лэйн; ее живот, обтянутый эластичными брюками цвета авокадо, был крупным и тугим, как большой мяч. Вдоль всей улицы лениво вращались поливальные установки, разбрызгивая воду на лужайки и рождая радужные переливы в воздухе.

Энди въехал правыми колесами на тротуар и так резко нажал на тормоза, что моментально сработал автоматический запор на ремне безопасности, а нос машины клюнул вниз. Он выключил мотор, оставив рукоятку коробки передач во включенном положении, чего никогда не делал, и двинулся по потрескавшейся бетонной дорожке, которую всегда хотел подправить, но как-то руки не доходили. Каблуки бессмысленно клацали. Он заметил, что жалюзи в большом окне гостиной («Панорамное окно на всю стену», — сказал агент по продаже недвижимости, продавший им дом. — «Тут вы имеете панорамное окно на всю стену».) опущены, отчего дом казался безлюдным и таинственным — ему это не понравилось. Разве обычно она опускала жалюзи? Может быть, от жары? Он не знал. Он понял, что многого не знал о том, что она делает в его отсутствие.

Он взялся за шарик дверной ручки, но тот не повернулся, проскользнув по пальцам. Неужели она заперла дверь после его ухода? Не верилось. Не похоже на Вики. Его беспокойство — нет, теперь это был уже страх — увеличилось. И все же в какой-то момент (впоследствии он даже себе не признавался), в какой-то краткий миг у него не было ничего, кроме желания уйти от этой запертой двери. Просто смыться. Не думая о Вики, Чарли или слабых оправданиях, которые появились бы потом.

Просто бежать.

Вместо этого он пошарил в карманах, ища ключи.

Нервничая, он уронил их и наклонился подобрать — ключи от машины, ключ от восточного крыла Принс Холла, потемневший ключ, открывавший цепь, которую он протягивал через дорогу к дому Грэнтера, уезжая в конце лета. Ключи имеют тенденцию странным образом накапливаться.

Найдя в связке ключ от дома, он отпер дверь. Вошел и закрыл ее за собой. В гостиной стоял какой-то болезненный желтый полумрак. Было жарко. И очень тихо. О, Боже, как тихо.

— Вики?

Никакого ответа. Значит, ее здесь не было. Надела свои туфли-«шлепанцы», как она их называла, и ушла за покупками или в гости. Однако она не сделала ни того, ни другого. Он в этом не сомневался. А его рука, его правая рука... Почему так пульсируют пальцы?

— Вики?

Он прошел на кухню. Там стоял столик с пластмассовым верхом и три стула. Обычно они с Вики и Чарли завтракали на кухне. Один стул лежал на боку, как мертвая собака. Солонка опрокинута, соль рассыпана по поверхности стола. Не осознавая, что делает, Энди ухватил щепотку большим и указательным пальцами левой руки, бросил через левое плечо, бормоча под нос, как это делали когда-то отец и дед: «Соль, соль, беда и боль, ступай прочь, голову не морочь».

На электроплите стояла кастрюля с супом. Она была холодная. Пустая банка из-под супа стояла на стойке. Обед для нее одной. Но где же она?

— Вики! — крикнул он с лестницы. Внизу темно. Там бельевая и комната отдыха — они занимали весь подвал дома.

Никакого ответа.

Он снова оглядел кухню. Чисто, убрано. Два рисунка Чарли, сделанные в Воскресной библейской школе, куда она ходила в июле, держатся на холодильнике маленькими магнитными присосками в виде овощей. Счета за электри-

чество и телефон, насаженные на спицу с написанным через ее подставку девизом: «ЭТИ ОПЛАЧИВАЙ ПОСЛЕДНИМИ». Все было на своем месте, и для всего было свое место.

За исключением перевернутого стула. За исключением просыпанной соли.

Во рту у него совсем пересохло.

Энди поднялся наверх, осмотрел комнату Чарли, их комнату, гостевую. Ничего. Он прошел назад через кухню, зажег свет на лестнице и спустился вниз. Стиральная машина «Мэйтэг» стояла с открытой дверцей. Сушилка уставилась на него стеклянным глазом иллюминатора. Между стиральной машиной и сушилкой на стене висел кусок ткани, купленный Вики; на нем написано: «Любонька, мы выстираны и выжаты». Он вошел в комнату отдыха, стал нащупывать выключатель, перебирая пальцами по стене в какой-то глупой уверенности, что в любой момент незнакомые холодные пальцы накроют его руки и помогут найти выключатель. Наконец он нащупал пластину выключателя — на потолке засветились флюоресцентные трубки.

Это была хорошая комната. Он провел в ней немало времени, что-нибудь мастера и про себя улыбаясь: в итоге он стал как раз тем, чем, будучи студентом, обещал никогда не становиться. Они вдвоем проводили тут немало времени. В стену был встроен телевизор, стоял стол для пинг-понга, большая доска для игры в трик-трак. У стены — прислоненные доски для других игр; на низком столике, который Вики смастерила из амбарных досок, лежало несколько фолиантов, целую стену занимали книги в мягких обложках, на других стенах в рамках висело несколько квадратиков, связанных Вики из овечьей шерсти: она шутя говорила, что у нее прекрасно получаются отдельные квадраты, но не хватает усидчивости связать целиком это чертово одеяло. На детской книжной полке стояли книжки Чарли, тщательно подобранные в алфавитном порядке, этому научил ее Энди однажды в скучный снежный вечер две зимы назад, и это до сих пор ее восхищало.

Хорошая комната.

Пустая комната.

Он пытался расслабиться. Предвидение, предчувствие или как там хотите называйте его, оказалось неверным. Просто она ушла. Он выключил свет и вернулся в комнату для стирки белья.

Стиральная машина, купленная у соседа при распродаже за шестьдесят долларов, стояла с открытым люком. Он бессознательно закрыл ее, точно так же, как бросил через плечо щепотку просыпанной соли. На стеклянном окошке стиральной машины была кровь. Немного. Три или четыре капельки. Но это была кровь.

Энди стоял, уставившись на нее. Здесь было холодно, слишком холодно, как в морге. Он взглянул на пол. И на полу была кровь. Она даже не высохла. Из его горла вырвался еле слышный звук, стонущий шепот.

Он стал осматривать комнату для стирки, которая была просто-напросто небольшим альковом с белыми оштукатуренными стенами. Открыл корзинку для белья. Пусто, если не считать одного носка. Заглянул в ящик под мойкой. Ничего, кроме моющих средств. Посмотрел под лестницей. Ничего, кроме паутины и пластмассовой ноги от одной из старых кукол Чарли — эта оторванная конечность терпеливо валялась тут Бог знает сколько времени в ожидании, пока ее найдут.

Он открыл дверь чуланчика между стиральной машиной и сушилкой, оттуда, грохоча, вывалилась гладильная доска, за которой лежала Вики Томлинсон со связанными ногами, так что коленки оказались чуть ниже подбородка, с открытыми глазами, остекленевшими и мертвыми, с засунутой в рот тряпкой. В воздухе стоял густой и вызывающий тошноту запах политуры для мебели.

Он издал низкий захлебывающийся звук и отшатнулся. Взмахнул руками, словно желая отогнать ужасное видение, одной из них зацепил панель управления сушилки, и та ожила. Внутри нее начало вращаться и щелкать белье. Энди вскрикнул. А затем побежал. Он взбежал по лестнице, споткнулся, заворачивая за угол в кухню, растянулся плашмя, ударился лбом о линолеум. Сел, тяжело дыша.

Все вернулось, вспомнилось. Все вернулось в замедленном движении, словно повтор в передаче футбольного матча, когда вы видите, как полузащитник упускает мяч или как перехватывают верный гол. Впоследствии это преследовало его во сне. Открывающаяся дверь, с грохотом выпадающая напомнимшая ему гильотину гладильная доска, его жена, втиснутая в чулан, где стояла эта доска, с тряпкой во рту, тряпкой для полировки мебели. Все вернулось как-то сразу, он понял, что сейчас закричит, сунул руку в рот и прикусил ее, а вырвавшийся звук походил на приглушенный вой. Он снова прикусил руку и как-то разрядился и успокоился. Это было ложное спокойствие от потрясения, но им стоило воспользоваться. Бесформенный страх и неясный ужас исчезли. Дрожь в правой руке прекратилась. Мысль, овладевшая им, была такой же холодной, как и наступившее спокойствие: мысль была о ЧАРЛИ.

Он поднялся, направился было к телефону, но затем повернул назад к лестнице. Он постоял мгновение наверху, кусая губы и собираясь с духом, затем спустился вниз. Барабан сушилки по-прежнему вращался. Внутри не было ничего, кроме его джинсов, их большая медная пуговица на поясе издавала щелкающий, звенящий звук, по мере того как они вращались и падали, вращались и падали. Энди выключил сушилку, заглянул в чулан для гладильной доски.

— Вики, — сказал он нежно.

Она, его жена, смотрела на него мертвыми глазами. Он ходил с ней, держал ее за руку, обнимал ее в ночной темноте. Ему вспомнился вечер, когда она перепила на факультетской вечеринке и он поддерживал ей голову, пока ее рвало. Вспомнился день, когда он мыл автомобиль и пошел к гаражу за коробкой с полировочной пастой, а она схватила шланг, подбежала к нему сзади и засунула ему шланг в штаны. Он вспомнил свадьбу — как он поцеловал ее на глазах у всех, наслаждаясь этим поцелуем, ее губами, сочными, мягкими губами.

— Вики, — снова сказал он, и у него вырвался долгий дрожащий вздох.

Он вытащил ее и вынул тряпку изо рта. Ее голова безжизненно склонилась к плечу. Он увидел, что кровь вытекла из ее правой руки, на которой было вырвано несколько ногтей. Небольшая струйка текла из носа, но больше нигде крови не было видно. Ее шея была сломана одним сильным ударом.

— Вики, — прошептал он.

Чарли — прозвучало, как эхо, в его сознании.

В холодном спокойствии, которое теперь наполняло его, он понимал, что Чарли стала самым главным, главным в его жизни. Угрызения совести — это все потом.

Он вернулся в комнату отдыха, на сей раз не позаботившись зажечь свет. На противоположной стороне комнаты рядом со столом для пинг-понга стояла кушетка с покрывалом. Он взял его, вернулся в бельевую и прикрыл им Вики. Ее неподвижная фигурка под покрывалом почти что загипнотизировала его. Неужели она никогда не будет двигаться? Возможно ли это?

Он приоткрыл ее лицо и поцеловал в губы. Они были холодными.

Они вырвали у нее ногти, думал он изумленно. Боже мой, они вырвали у нее ногти!

Он знал почему. Они хотели знать, где находится Чарли. Они каким-то образом потеряли след, когда она пошла к Терри Дугэн, вместо того чтобы вернуться домой после дневного лагеря. Они запаниковали, и период слежки кончился. Вики была мертва — так они запланировали или по причине излишнего усердия какого-то деятеля Конторы. Энди встал рядом с Вики на колени, подумав: возможно, в страхе она сделала нечто более впечатляющее, чем закрывание двери холодильника через комнату. Могла отодвинуть одного из них или сбить с ног. Жаль, подумал он, что она не была в состоянии швырнуть их об стену со скоростью пятьдесят миль в час.

Могло быть и так, предположил он, что они знали достаточно, чтобы занервничать. Возможно, им были даны конкретные инструкции: *«Женщина опасна. Если она делает нечто — безразлично что — способное поставить операцию под угрозу, избавьтесь от нее. Немедленно».*

А может, они просто не любили оставлять свидетелей. В конце концов на карту поставлено нечто большее, чем их доля из долларов налогоплательщиков.

Но кровь. Он теперь будет думать о крови, которая даже не высохла, когда он обнаружил ее, а лишь загустела. Они ушли незадолго до его прихода.

В голове настойчиво билась мысль: *Чарли!*

Он снова поцеловал жену и сказал: «Вики, я вернусь».

Но он никогда больше не увидел Вики.

Он поднялся наверх к телефону, нашел номер Дугэнов в телефонной книжке Вики, набрал его и услышал голос Джоан Дугэн.

— Привет, Джоан... — сказал он, потрясенье помогло: он говорил абсолютно спокойным будничным голосом. — Можно поговорить с Чарли?

— Чарли? — в голосе миссис Дугэн послышалось сомнение. — Так ведь она ушла с двумя нашими друзьями. Этими учителями. А... Что-нибудь не так?

Внутри него что-то поднялось — затем упало. Может, сердце? Не стоит пугать эту милую женщину, он видел ее раза четыре или пять. Ему это не поможет. Не поможет и Чарли.

— Вот, черт, — сказал он. — Я надеялся еще застать ее у вас. Когда они ушли?

Голос миссис Дугэн слегка отдалился:

— Терри, когда ушла Чарли?

Детский голос что-то пропел. Он не расслышал что. Ладони его вспотели.

— Она говорит, минут пятнадцать назад. — Она говорила извиняющимся тоном. — Я стирала, и у меня нет ручных часов. Один из них спустился и говорил со мной. Ведь все в порядке, правда, мистер Макги? Он выглядел таким порядочным...

У него появилось сумасшедшее желание засмеяться и сказать: *Вы стирали? То же делала и моя жена. Я нашел ее затиснутой в чулан за гладильную доску. Сегодня вам повезло, Джоан.*

Он сказал:

— Хорошо. Интересно, куда они направились?

Вопрос был передан Терри, которая сказала, что не знает. Прекрасно, подумал Энди. Жизнь моей дочери в руках другой шестилетней девочки.

Он схватился за соломинку.

— Мне надо пойти за угол, на рынок, — сказал он миссис Дугэн. — Не спросите ли вы Терри, была у них автомашина или фургон? На тот случай, если я увижу их.

На этот раз он услышал Терри:

— Фургон. Они уехали в сером фургоне, таком, как у отца Дэвида Пасиоко.

— Спасибо, — сказал он. Миссис Дугэн ответила, что не стоит благодарности. У него снова появилось намерение на сей раз закричать ей по телефону: *«Моя жена мертва! Моя жена мертва! И почему вы стирали белье, когда моя дочь садилась в серый фургон с двумя незнакомыми мужчинами?!»*

Вместо этого он повесил трубку и вышел на улицу. На голову обрушился такой жар, что он даже зашатался. Неужели так же было жарко, когда он пришел сюда? Сейчас, казалось, пекло сильнее. Приходил почтальон. Из почтового ящика торчал рекламный листок фирмы «Вулко», которого не было раньше. Почтальон приходил, пока он находился внизу, баюкая свою мертвую жену, бедную мертвую Вики: они вырвали у нее ногти, это забавно — гораздо забавнее, чем ключи, имеющие тенденцию накапливаться. Ты пытался увильнуть, ты пытался защититься с одной стороны, однако правда о смерти проникала совершенно с другой. Смерть — как футбольный игрок, думал он. Смерть — это Франко Харрис или Сэм Каннингхэм, или Джо Грин. Она сбивает тебя с ног в гуще свалки.

Давай, двигайся, подумал он. Упущено пятнадцать минут — не так много. След еще не остыл. Немного, если только Терри Дугэн знает разницу между пятнадцатью минутами и получасом или двумя часами. Ну да ладно. Двигай.

И он двинулся. Он вернулся к своему «Универсалу», который двумя колесами стоял на тротуаре. Открыл левую дверцу и обернулся на свой аккуратный пригородный дом,

за который половина была уже выплачена. Банк предоставлял возможность «отдыха от уплаты» два месяца в году, если вы в этом нуждались. Энди никогда не «отдыхал». Он посмотрел на дом, дремавший под солнцем, и снова в глаза ему бросился красный рекламный листок «Вулко», торчащий из почтового ящика, и — *раз!* — он снова подумал о смерти, в глазах у него помутилось, зубы сжались.

Он сел в машину, поехал в сторону улицы, где жила Терри Дугэн, ничего не ожидая и логически не рассчитывая, а просто в слепой надежде увидеть их. Своего дома на Конифер-плейс в Лейклэнде он не видел с тех пор.

Машину он вел теперь увереннее. Зная самое плохое, он вел машину значительно увереннее. Он включил радио — там Боб Сигер пел «Все то же».

Он мчался по Лейклэнду с максимальной скоростью. В какой-то ужасный момент название улицы выскочило из головы, но затем вспомнилось. Дугэны жили на Блассмор-плейс. Они с Вики шутили по этому поводу: Блассмор-плейс, где дома проектировал Билл Блас. При этом воспоминании он слегка улыбнулся, но — *раз!* — он снова вспомнил: она мертва, и это опять потрясло его.

Он приехал туда через десять минут. Блассмор-плейс заканчивалась тупиком. Выезда для серого фургона там не было, лишь витая ограда, обозначающая границу неполной средней школы имени Джона Гленна.

Энди остановил машину на пересечении Блассмор-плейс и Риджент-стрит. На углу стоял дом, покрашенный в зеленый и белый цвета. На газоне вращался разбрызгиватель. Перед домом двое детишек, девочка и мальчик лет около десяти, по очереди катались на доске с роликами. Девочка была в шортах, обе коленки украшали ссадины.

Он вышел к ним из машины. Они внимательно с ног до головы оглядели его.

— Привет, — сказал он. — Ищу дочку. Она проехала тут примерно полчаса назад в сером фургоне. Она была с... ну, с моими приятелями. Вы видели, как проезжал серый фургон?

Мальчик неопределенно пожал плечами.

Девочка сказала:

— Вы беспокоитесь о ней, мистер?

— Ты видела фургон, да? — вежливо спросил Энди, направив в ее сторону очень легкий посыл. Сильный произвел бы обратное действие. Тогда она увидела бы, как фургон уехал в любом направлении, какое ему хотелось бы, включая небеса.

— Да, я видела фургон, — сказала она, вскочила на доску с роликами, покатила в сторону гидранта на углу и там спрыгнула. — Он поехал вон туда. — Она указала в другую сторону Блассмор-плейс, через две или три улицы пересекающуюся с Карлайл-авеню, одной из главных улиц Гаррисона. Энди так и предполагал, что они направились туда, но лучше знать наверняка.

— Спасибо, — сказал он и сел в машину.

— Вы беспокоитесь о ней? — повторила девочка.

— Да, немного, — сказал Энди.

Он развернулся и проехал три квартала по Блассмор-плейс до пересечения с Карлайл-авеню. Это было безнадежно, абсолютно безнадежно. Он почувствовал прилив паники, пока несильной, но скоро она охватит его целиком. Отогнал ее, попытался сконцентрироваться на том, чтобы проследить их путь как можно дальше. Если придется прибегнуть к мысленному посылу — прибегнет. Он может давать много небольших вспомогательных посылов, не боясь разболеться. Энди благодарил Бога, что ему все лето не пришлось пользоваться своим талантом — или проклятием, если угодно. Он был полностью заряжен и готов к действию, чего бы это ни стоило.

Четырехполосная Карлайл-авеню в этом месте регулировалась светофором. Справа от него — мойка для машин, слева — заброшенная закусочная. Через улицу — заправочная «Экксон» и магазин фототоваров «Майк». Если они повернули налево, значит, направились в центр города. Направо — они двинулись в сторону аэропорта и шоссе Интерстейт-80.

Энди заехал на мойку. Выскочил парень с невероятной копной жестких рыжих волос, ниспадающих на воротник грязно-зеленого халата. Он ел мороженое на палочке.

— Ничего не выйдет, — сказал он прежде, чем Энди раскрыл рот. — Мойку рвануло около часа назад. Мы закрыты.

— Мне не нужна мойка, — сказал Энди. — Я ищу серый фургон, который проехал через перекресток, может, полчаса назад. В нем была моя дочка, и я немного беспокоюсь за нее.

— Думаешь, кто-то мог ее украсть? — Он продолжал есть свое мороженое.

— Нет, — сказал Энди. — Ты видел фургон?

— Серый фургон? Эй, парень, ты представляешь, сколько машин проходит здесь в течение часа? Загруженная улица, парень. Карлайл очень загруженная улица.

Энди показал большим пальцем через плечо:

— Он выехал с Блассмор-плейс. Там не так много машин. — Он приготовился мысленно слегка подтолкнуть, но этого не понадобилось. Глаза парня внезапно заблестели. Он переломил мороженое надвое и втянул в себя кусок единым засосом.

— Да, конечно, — сказал он. — Видел его. Скажу тебе, почему заметил. Он заехал на нашу площадку, чтобы миновать светофор. Мне-то наплевать, но хозяина это чертовски раздражает. Сегодня, правда, это не имеет значения, раз душ заклинило. У него сегодня есть отчего раздражаться.

— Фургон направился в сторону аэропорта?

Парень кивнул, бросил одну из половинок палочки назад через плечо и приступил к оставшемуся куску.

— Надеюсь, найдешь свою девочку, парень. Если хочешь мой бесплатный совет, следует позвать полицейских, коли так беспокоишься.

— Не думаю, что это принесет пользу, — сказал Энди. — В данных обстоятельствах.

Он снова сел в машину, пересек площадку и повернул на Карлайл-авеню. Теперь он двигался на запад. Район этот забит бензозаправочными станциями, мойками машин, закусочными на скорую руку, площадками по продаже подержанных автомашин. Кинотеатр рекламировал сразу два фильма: «ТРУПОРУБЫ» и «КРОВАВЫЕ ТОРГ-

ОВЦЫ СМЕРТЬЮ». Он посмотрел на плакат и услышал грохот выпадающей из чулана, подобно гильотине, гладильной доски. Тошнота подступила к горлу.

Он проехал под знаком, объявлявшим, что при желании вы можете проехать по И-80 еще полторы мили на запад. Тут же был меньший знак с изображенным на нем самолетом. Ну что ж, сюда он доехал. А дальше?

Внезапно он въехал на стоянку при закусочной «Шейкиз пицца». Вряд ли стоило останавливаться и спрашивать. Ведь парень на мойке машин сказал, что Карлайл — загруженная улица. Он мог мысленно давить на людей до тех пор, пока его собственные мозги не потекут из ушей, а в итоге — путаница. Как бы то ни было, они поехали либо в аэропорт, либо на магистраль. Он был уверен в этом. Либо луковичка, либо репка.

Никогда в жизни он не пытался намеренно вызывать предчувствия. Он просто принимал их как дар, когда они приходили, и обычно действовал соответственно. Теперь же он склонился пониже на водительском сиденье «Универсала», кончиками пальцев слегка касаясь висков, и попытался что-то представить. Мотор работал на холостых оборотах, радио было по-прежнему включено. Группа «Роллинг Стоунс» пела «Танцуй, сестричка, танцуй».

Чарли, думал он. Она пошла к Терри со своей одежкой, запиханной в ранец, который она носила почти повсюду. Возможно, это могло обмануть их. Когда он видел ее в последний раз, на ней были джинсы и бледно-розовая курточка. Волосы, как всегда заплетены в косички. Беззаботное «до свиданья, папочка», поцелуй, и... святой Боже, где же ты теперь, Чарли?

Предчувствие не возникло.

Не страшно. Посиди еще. Послушай «Стоунс». «Шейкиз пицца». Можешь выбрать любую пиццу, либо с тонкой корочкой, либо хрустящую. Как говорил Грэнтер Макги, ты платишь деньги и выбираешь. «Стоунсы», убеждающие сестричку танцевать, танцевать, танцевать. Квинси, говорящий, что они посадят ее в комнату, чтобы двести двадцать миллионов американцев были в безопасности и

свободны. Вики. У них с Вики поначалу возникли проблемы с интимной близостью. Она боялась до смерти. Называя меня Снегурочкой, говорила она сквозь слезы после первого раза, когда блин вышел комом. Но каким-то образом эксперимент с «лот шесть» помог в этом — общность, которую они испытывали, по-своему была похожа на близость. Все же приходилось трудно. Каждый раз понемножку. Нежность. Слезы. Вики начинала было отзываться, затем замирала, выкрикивая, не надо, больно, не надо, Энди, перестань! И все же этот эксперимент с «лот шесть», пережитое вместе позволили ему продолжать попытки, подобно медвежатнику, который знает, что возможность вскрыть сейф существует всегда. А затем наступила ночь, когда все получилось. Потом наступила ночь, когда все было хорошо. Танцуй, сестричка, танцуй. Он присутствовал при рождении Чарли. Быстрые легкие роды.

Ничего не приходило. Надежда убывала, и не было никакого намека на предчувствие. Аэропорт или магистраль? Луковичка или репка?

«Стоунсы» кончили петь. Вступили «Братья Дуби», желавшие знать, где бы ты была сейчас без любви. Энди не знал. Солнце лупило немилосердно. Разметочные линии на стоянке «Шейкиз» были наложены недавно. Они казались очень белыми и жесткими на черном фоне покрытия. Стоянка более чем на три четверти была заполнена. Время ленча. Сыта ли Чарли? Покормят ли они ее? Быть может...

...Быть может, они остановятся по необходимости, знаете, в одной из этих станций вдоль автострады — ведь они не могут ехать...

Куда? Не могут ехать куда?

...не могут ехать до Вирджинии, не остановившись передохнуть, так ведь? Я имею в виду, что маленькой девочке нужно остановиться и сделать свои делишки, верно?

Он выпрямился, ощущая огромное, но какое-то тупое чувство удовлетворения. Вот оно и пришло, вот так, просто. Значит, не аэропорт — его первая догадка, если он вообще догадывался. Не аэропорт — автострада. Он не

был уверен абсолютно, что его предчувствие правильно, но он доверял ему. К тому же это лучше, чем не иметь никакой цели.

Он проехал на «Универсале» по свежепокрашенной стрелке, указывающей выезд, и повернул направо, снова на Карлайл. Через десять минут он мчался по автострате в восточном направлении, сунув билет за проезд в потрепанный, испещренный пометками том «Потерянного рая» на соседнем сиденье. А спустя еще десять минут Гаррисон, штат Огайо, остался позади. Путь лежал на восток. Через четырнадцать месяцев он приведет его в Ташмор, штат Вирджиния.

Спокойствие не оставляло его. Он включил радио погромче, так лучше. Песня шла за песней, но он узнавал лишь старые, потому что перестал слушать поп-музыку три или четыре года назад. Без особой причины, просто так получилось. Они все-таки оторвались, но царившая в нем спокойная рассудительность подсказывала своей холодной логикой: оторвались не так уже далеко. Его ждут неприятности, если он будет выжимать по полосе для объезда семьдесят миль в час.

Он сбросил скорость до чуть больше шестидесяти, рассчитывая, что люди, захватившие Чарли, не захотят нарушать ограничение скорости в пятьдесят пять миль. Они могут сунуть свои удостоверения любому полицейскому, который остановит их за превышение скорости, это правда, но в то же время им придется трудновато, объясняя присутствие в машине зареванной шестилетней девочки. Это может их задержать, и уж конечно, вызовет неудовольствие со стороны тех, кто дергает за ниточки в этом представлении.

Они могли дать ей какой-то наркотик и спрятать ее, — шептал его разум. — Тогда, если их остановят за скорость в семьдесят, даже в восемьдесят миль, им достаточно показать удостоверения и они продолжат путь. Неужели полицейский штата Огайо будет досматривать машину, принадлежащую Конторе?

Эти мысли одолевали Энди, пока мимо проплывала восточная часть штата Огайо. Во-первых, они могут побо-

яться дать ей наркотик. Это рискованно, когда речь идет о ребенке, если вы не специалист... к тому же они совсем не знают, как именно это снадобье может подействовать на способности, которые они должны исследовать. Во-вторых, полицейский может все же осмотреть фургон или, по крайней мере, задержать их на обочине, пока будет проверять подлинность удостоверений. В-третьих, чего ради им мчаться как угорелым? Они не знают, что за ними кто-то гонится. Еще нет и часа дня. Предполагалось, что Энди пробудет в колледже до двух часов. Люди из Конторы не ожидали, что он вернется домой раньше двух двадцати или около того, и рассчитывали на период спокойствия от двадцати минут до двух часов, прежде чем будет поднята тревога. Зачем в таком случае спешить?

Энди нажал на скорость.

Прошло сорок минут, потом пятьдесят. Казалось, больше. Он немного вспотел; сквозь искусственный лед спокойствия и шока стало пробиваться волнение. Действительно ли фургон где-то впереди, или он всего лишь принимает желаемое за действительное? Машины на шоссе все время перестраивались. Он увидел два серых фургона. Ни один не походил на тот, круживший по Лейклэнду. Один вел пожилой человек с развевающимися седыми волосами. Другой был полон шпаны, курившей наркотики. Водитель поймал внимательный взгляд Энди и покачал коротко стриженной головой. Девушка рядом с ним подняла средний палец, нежно поцеловала его и ткнула в сторону Энди. Они отстали.

У него начала болеть голова. Машин было много, солнце палило. Каждая хромированная часть каждой машины пускала ему в глаза солнечные стрелы. Он проехал знак «ПЛОЩАДКА ОТДЫХА ЧЕРЕЗ ОДНУ МИЛЮ».

Он ехал по полосе для обгона. Затем включил правый указатель и перестроился в обычный ряд. Снизил скорость до сорока пяти миль, затем до сорока. Мимо промчался маленький спортивный автомобиль, водитель раздраженно погудел, обгоняя.

«ПЛОЩАДКА ОТДЫХА» — объявил знак. Это была не станция обслуживания, а просто заезд с покатой стоян-

кой, фонтанчиком с водой и туалетами. Там стояло четыре или пять машин и один серый фургон. Тот самый серый фургон. Он был почти уверен в этом. Сердце заколотилось. Он заехал, круто вывернув колеса, так что шины издали низкий воющий звук.

Он медленно въезжал на площадку по направлению к фургону, поглядывая по сторонам и стараясь охватить всю картину разом. За каждым из двух столиков для пикника сидели семьи. Одна собиралась уезжать: мамаша складывала остатки еды в ярко-оранжевый пластиковый мешок, папаша с двумя детьми подбирали мусор и относили его в урну. За другим столом молодая пара ела сэндвичи и картофельный салат. Между ними в переносном креслице спал ребенок. На ребенке был комбинезон со множеством танцующих слонов. В траве между двумя большими раскидистыми вязами перекусывали две девицы. Никаких признаков Чарли или двух мужчин, достаточно молодых и крепких, чтобы принадлежать Конторе.

Энди выключил мотор. Теперь он чувствовал, как стук сердца отдается в глазных яблоках. Фургон казался пустым.

Из женского туалета появилась пожилая дама и медленно двинулась к старому «Бискейну» цвета красного бургундского вина. Мужчина примерно ее же возраста вылез из-за руля, обошел машину со стороны капота, открыл дверцу и посадил даму. Затем он вернулся, завел «Бискейн» — из выхлопной трубы вырвался большой клуб маслянистого голубого дыма — и выехал с площадки.

Дверь мужского туалета открылась, оттуда вышла Чарли. Справа и слева от нее шли двое мужчин лет по тридцать, в спортивных куртках, расстегнутых рубашках и темных шерстяных брюках. Судя по лицу, Чарли казалась отрешенной и подавленной. Она посмотрела сначала на одного, затем на другого мужчину, потом снова на первого. У Энди внутри все дрожало. На спине у нее был ранец. Они направились к фургону. Чарли обратилась к одному из мужчин — тот покачал головой. Она обратилась к другому. Он пожал плечами, сказал что-то своему напар-

нику через голову Чарли. Другой кивнул. Они повернули назад и пошли к питьевому фонтанчику.

Сердце Энди стучало как никогда. Волнение все больше охватывало его. Он был испуган, здорово испуган. Но гнев в нем нарастал, ярость накапливалась. Вот те двое, убившие его жену и похитившие дочку. И если они не пребывали в мире с Господом Богом, пусть пеняют на себя.

Двое мужчин шли с Чарли к фонтанчику для питья, спиной к нему. Энди вылез из машины, зашел за фургон.

Семейство из четырех, закончившее трапезу, подошло к своему новому «Форду», село в него, и машина задом выехала на дорогу. Мамаша без всякого любопытства взглянула на Энди, как смотрят люди друг на друга в дальних поездках на американских автострадах. Они уехали, продемонстрировав мичиганский номерной знак. На площадке для отдыха остались три машины, серый фургон и «Универсал» Энди. Одна из машин принадлежала девицам. Еще два человека прохаживались неподалеку, а один находился внутри справочной будки: засунув руки в задние карманы джинсов, он рассматривал карту дороги И-80.

Энди не имел точного представления, что ему делать.

Чарли кончила пить. Один из сопровождавших наклонился к фонтанчику и сделал глоток. Затем они двинулись к фургону. Чарли казалась испуганной, очень напуганной. Она недавно плакала. Энди попытался, не зная зачем, открыть дверь фургона, но бесполезно, она была заперта.

Неожиданно он вышел из-за фургона.

Они среагировали мгновенно. Энди видел, что они узнали его сразу же, прежде чем на лице Чарли появилась радость, сменившая выражение отрешенности, испуга и потрясения.

— Папочка! — пронзительно закричала она, заставив молодую пару с ребеночком оглянуться. Одна из девиц подвязами, поставив руку козырьком, посмотрела, что происходит.

Чарли рванулась было к нему, но один из сопровождавших схватил ее за плечо и притянул к себе, чуть не сорвав

с нее ранец. В одно мгновение у него в руке оказался револьвер. Он вытащил его откуда-то из-под спортивной куртки, словно иллюзионист в дурном трюке. Он приставил револьвер к виску Чарли.

Другой начал не спеша отходить от Чарли, двигаясь в сторону Энди, держа руку в кармане куртки, но его манипуляции были менее удачными: вытащить револьвер не удавалось.

— Отойдите от фургона, если не хотите зла дочери, — сказал тот, что с револьвером.

— Папочка! — снова крикнула Чарли.

Энди медленно двинулся прочь от фургона. Другой тип, не по возрасту облысевший, наконец вытащил револьвер. Он направил его на Энди с расстояния менее чем пять футов.

— Искренне советую вам не двигаться, — сказал он негромко. — Этот кольт-сорокапятка хорошо дырявит.

Молодой парень с женой и ребенком поднялся из-за столика. На нем были очки без оправы, он казался суровым.

— Что тут происходит? — спросил он назидательным и строгим тоном преподавателя колледжа.

Спутник Чарли повернулся в его сторону. Дуло револьвера медленно отодвинулось от нее, так, чтобы молодой человек мог его увидеть.

— Именем закона, — сказал он. — Стойте на месте, все в порядке.

Жена молодого человека схватила мужа за руку и потянула в сторону.

Энди посмотрел на лысеющего агента и сказал низким, приятным голосом:

— Этот револьвер жжет вам руку.

Лысый озадаченно взглянул на него. Затем вдруг вскрикнул и уронил револьвер. Тот ударился об асфальт и выстрелил. Лысый тряс рукой, приплясывая. На ладони появились белесые пузыри ожогов, вздувавшиеся, словно хлебное тесто.

Тип, державший Чарли, уставился на своего партнера и на какое-то мгновение отвел револьвер от ее маленькой головки.

— Вы ослепли, — сказал ему Энди и направил сильный мысленный посыл. Жуткая боль охватила голову.

Мужчина вдруг закричал, отпустил Чарли и поднял руки к глазам.

— Чарли, — негромко позвал Энди. Дочка подбежала к нему, обхватила его колени дрожащими руками. Мужчина из будки выскочил посмотреть, что происходит.

Лысый, тряся обожженной рукой, двинулся к Энди и Чарли. Лицо его было перекошено.

— Спите, — повелительно сказал Энди и снова направил мысленный посыл. Лысый упал, как срубленный столб, ударившись лбом об асфальт. Молодая жена строгого мужчины застонала.

Теперь у Энди вовсе болела голова, но отчасти он был рад, что сейчас лето и ему до сего времени не приходилось прибегать к мысленному посылу даже для помощи нерадивым студентам, без всяких причин не сдавшим экзаменов еще в мае. Энди был полон энергии — однако полон или нет, лишь один Господь Бог ведал, как ему придется рассчитывать за то, что он творит в этот жаркий летний день.

Ослепший, шатаясь, ходил по газону и кричал, закрыв лицо руками. Он наткнулся на зеленую урну с надписью: «Выбрасывайте мусор в отведенные для него места», перевернул ее и упал в кучу бутербродных оберток, окурков, пустых пивных банок и бутылок из-под содовой.

— Ой, папочка, как я испугалась, — сказала Чарли и заплакала.

— Вот там наша машина, видишь? — услышал Энди свой голос. — Залезай в нее, я сейчас приду.

— А мамочка там?

— Нет, залезай скорей, Чарли. — Он не мог сейчас этим заниматься. Ему нужно было что-то делать со свидетелями.

— Это что еще за чертовщина? — спросил, недоумевая, мужчина, вышедший из справочной будки.

— Мои глаза, — прокричал тип, приставлявший пистолет к голове Чарли. — Мои *глаза, глаза*. Что ты сделал с ними, сукин сын? — Он поднялся. К руке прилипла

обертка от бутерброда. Нетвердым шагом он шел к справочной будке, но мужчина в джинсах опять вбежал в нее.

— Иди, Чарли.

— Папочка, а ты придешь?

— Да, сейчас приду. Давай иди.

Чарли пошла, размахивая белокурыми косичками. Ее ранец по-прежнему висел криво.

Энди прошел мимо спящего агента Конторы, подумал, не взять ли его пистолет, но решил — ни к чему. Он приблизился к молодым за столиком для пикников. «Не выходи за рамки, — говорил он себе. — Спокойно. По-немножку. Чтобы не вызвать последствия. Главное — не сделать этим людям вреда».

Молодая женщина резко выхватила своего ребенка из креслица, разбудив его. Дитя заревело.

— Не подходите ко мне, сумасшедший! — крикнула она.

Энди посмотрел на мужчину и его жену.

— Все это не имеет большого значения, — проговорил он и направил мысленный посыл. Снова боль, подобно пауку, пробралась в затылок... и застряла там.

Молодой человек посмотрел с облегчением:

— Ну, слава Богу.

Его жена слегка улыбнулась. Посыл не оказал на нее особого влияния: разыграли ее материнские чувства.

— Красивый ребенок, — похвалил малыша Энди. — Мальчик.

Ослепший споткнулся о поребрик, устремился вперед и ударился головой о косяк двери красного «Пинто», принадлежавшего, по всей вероятности, двум девицам. Он взвыл. С виска заструилась кровь.

— Я ослеп, — выкрикивал он.

Легкая улыбка женщины стала лучезарной:

— Да, мальчик, — ответила она, — Майкл.

— Привет, Майкл, — поздоровался с малышом Энди, проведя рукой по его редким волосенкам.

— Не знаю, чего он плачет, — сказала молодая женщина. — Он только что спокойно спал. Наверное, голодный.

— Точно, голодный, — сказал ее муж.

— Извините. — Энди направился к справочной будке. Нельзя терять ни минуты.

В этот придорожный бедлам вот-вот мог заглянуть кто-нибудь еще.

— Что это такое, парень? — спросил мужчина в джинсах. — Грабеж?

— Не-а, ничего особенного не случилось, — ответил Энди и снова направил мысленный посыл. Голова тяжело загудела, в висках запульсировало.

— Ой, — сказал парень, — я просто хотел разобраться, как доехать до Чагрин фоллс. Извините меня. — С этими словами он снова залез в справочную будку.

Девицы бежали к ограждению, отделявшему площадку от участка какого-то фермера. Они смотрели на Энди широко раскрытыми глазами. Ослепший ходил кругами, неподвижно вытянув перед собой руки. Он изрыгал проклятья и стонал.

Энди медленно направился к девицам, выставив ладони и показывая, что в руках у него ничего нет. Заговорил с ними. Одна из девиц о чем-то спросила его, он ответил. Вскоре обе закивали и облегченно заулыбались. Энди помахал им рукой, они махнули ему в ответ. Затем он быстро прошел через газон к машине. На лбу выступил холодный пот, в желудке все переворачивалось. Он молил Бога лишь о том, чтобы никто не заехал сюда, прежде чем они с Чарли не скроются, ибо энергии у него не осталось. Он полностью обессилел. Сел за руль, включил зажигание.

— Папочка! — Чарли бросилась к нему и уткнулась в грудь. Он на секунду обнял ее и выехал с площадки. Каждый поворот головы вызывал мучительную боль. Черная лошадь. Этот образ всегда возникал при головной боли после посылки. Он выпустил черную лошадь из темного стойла подсознания, и теперь она снова начнет топтаться в извилинах его мозга. Нужно куда-то заехать и прилечь. Быстро. Он не сможет долго вести машину.

— Черная лошадь, — произнес он заплетающимся языком. Она приближается. Нет... нет. Не приближается, она

уже здесь. Цок... цок... цок... Да, она уже здесь. Ее ничто не остановит.

— Папочка, смотри! — закричала Чарли.

Ослепший агент ковылял наперерез их машине. Энди затормозил. Слепой начал барабанить по крышке капота и звать на помощь. Справа от них молодая мать дала грудь ребеночку. Муж читал книжку в бумажной обложке. Парень из справочной будки подошел к двум девицам из красного «Пинто» — вероятно, в надежде на какое-нибудь необычное приключение, о котором он мог бы написать в раздел «Форум» журнала «Пентхауз». Растянувшись на асфальте, спал лысый.

Другой оперативник продолжал барабанить по капоту.

— Помогите! — кричал он. — Я ослеп! Сволочь эта мне что-то с глазами сделала!

— Папочка, — простонала Чарли.

Мгновение — и он почти решил нажать педаль газа до упора. В ноющей голове Энди даже послышался визг колесных покрышек, глухой стук при переезде через тело. Этот человек похитил Чарли и приставлял пистолет к ее голове. Возможно, именно он затыкал рот Вики кляпом, чтобы она не могла кричать, когда ей вырывали ногти. Хорошо бы его убить... но чем тогда Энди будет отличаться от них?

Вместо этого он дал гудок, вызвавший новый приступ острой боли в голове. Ослепший отшатнулся от машины, словно его ужалили. Энди резко вывернул руль, и машина проехала мимо. Последнее, что Энди увидел в зеркало заднего вида при выезде с площадки — ослепший сидит на асфальте, лицо его искажено гневом и страхом, а молодая мать безмятежно поднимает маленького Майкла к плечу, чтобы он срыгнул после кормления.

Не глядя, он влился в поток автомашин, бегущих по автостраде. Раздался гудок, шины пронзительно завизжали. Массивный «Линкольн» обогнал «Универсал», его водитель погрозил им кулаком.

— Папочка, тебе плохо?

— Сейчас будет хорошо, — ответил Энди. Казалось, голос доносился откуда-то издалека. — Чарли, посмотри по билету, где кончается оплаченный участок дороги.

Очертания идущих впереди машин стали неясными. Они двоились, троились в его глазах, возвращались на свое место и опять распадались на фрагменты, как в калейдоскопе. От хромированных частей всюду отражалось солнце.

— Застегни ремень, Чарли.

Следующий съезд с дороги был в Хаммерсмите, через двадцать миль. Каким-то чудом ему удалось дотянуть до него. Позже он думал, что лишь присутствие рядом Чарли, ее надежда на него помогли ему удержаться на дороге. Точно так же, как мысль, что он нужен Чарли, помогла ему пройти все последующие испытания. Он нужен Чарли Макги, родителям которой когда-то понадобились две сотни долларов.

Рядом со съездом в Хаммерсмите находился мотель «Бест вестерн». Энди удалось получить в нем номер. Он сказал, что ему нужна комната, не выходящая окнами на автостраду, и назвал вымышленным именем.

— Они будут охотиться за нами, Чарли, — сказал он, — а мне нужно поспать. Но только дотемна, больше времени у нас нет... совсем нет. Разбуди меня, как только стемнеет.

Она что-то сказала, но он уже валился с ног. Все вокруг него слилось в одну серую точку, а затем и точка исчезла, все кануло во тьму, куда не проникала даже боль. Боли не было, не было и снов. Жарким августовским вечером в семь пятнадцать, когда Чарли разбудила его, в комнате было душно, его одежда стала влажной от пота. Чарли пыталась включить кондиционер, но не знала, как это сделать.

— Все в порядке, — сказал он, быстро опустил ноги на пол и приложил руки к вискам, сжимая голову, чтобы она не раскололась.

— Ну как, папочка, сейчас тебе лучше? — спросила Чарли с тревогой в голосе.

— Немножко, — ответил он. Ему действительно стало лучше... но только чуть-чуть. — Скоро где-нибудь остановимся и перекусим. Это мне поможет.

— А куда мы едем?

Он помотал головой. У него оставались только те деньги, которые он взял с собой, уезжая утром из дома, — около семнадцати долларов. Были еще кредитные карточки «Мастер Чардж» и «Виза», но за место в мотеле он предпочел заплатить двумя двадцатидолларовыми купюрами из дальнего кармашка бумажника (*мои деньги на черный день, говорил он иногда про них Вики, говорил он это шутя, но какой зловещей правдой обернулась эта шутка*). Использовать карточки значило бы выставить плакат: «К БЕГЛОМУ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КОЛЛЕДЖА И ЕГО ДОЧЕРИ — СЮДА». За семнадцать долларов можно будет поесть котлет и полностью заправить бензобак. После этого они окажутся на мели.

— Не знаю, Чарли, — ответил Энди. — Куда-нибудь.

— А когда мы маму заберем?

Энди взглянул на нее. Головная боль опять усилилась. Он вспомнил о пятнах крови на полу и на иллюминаторе стиральной машины. Он вспомнил запах политуры «Пледж».

— Чарли... — Больше он ничего не мог сказать, да и не надо было ничего говорить.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами. Поднесла руку к дрожащим губам.

— Ой, нет, папочка... пожалуйста, скажи, что нет.

— Чарли...

— *Ну скажи, что нет!* — закричала она.

— Чарли, те люди, которые...

— Ну скажи, что с ней все в порядке, все в порядке, все в порядке!

А в комнате, в комнате было жарко, душно, вентиляция не работала — духота стояла невыносимая, голова болела, пот струйками стекал по лицу, но теперь это был уже не холодный пот, а горячий, как масло, горячий...

— Нет, — повторяла Чарли, мотая головой, — нет, нет, нет, нет, нет. — Косички прыгали из стороны в сторону, и у Энди возникло нелепое и неуместное воспоминание, как они с Вики впервые взяли Чарли в парк, покататься на карусели...

Дело было не в кондиционере.

— Чарли! — крикнул он. — Чарли, ванная! Вода!

Она закричала и оглянулась на открытую дверь ванной. Там что-то внезапно вспыхнуло, как будто перегорела лампочка. Лейка душа сорвалась со стены и с грохотом упала в ванну. Несколько голубых кафельных плиток разбилось на мелкие кусочки.

Он с трудом удержал рыдающую Чарли, чтобы она не упала.

— Папочка, прости, прости...

— Не волнуйся, — сказал он с дрожью в голосе и обнял ее. Прозрачный дымок поднимался от расплавленного кра-на. Все глянцевые поверхности мгновенно потрескались. Ванная комната имела такой вид, будто ее целиком протасили через печь для обжига кирпича. Полотенца дымились.

— Не волнуйся, — говорил он, держа ее на руках и покачивая. — Чарли, не волнуйся, все будет хорошо, все устроится, обещаю.

— Хочу к маме, — всхлипывала Чарли.

Энди кивнул. Он тоже хотел к Вики. Он прижал Чарли к себе и почувствовал запах озона, каленого фарфора, тлеющих полотенец мотеля «Бест вестерн». Чарли чуть не сожгла их обоих.

— Все будет нормально, — сказал Энди, покачивая Чарли. Он не особенно сам тому верил, но это звучало как своего рода литания; как заунывное чтение псалтыря; это был голос взрослого, склонившегося над темным колодцем десятилетий и подбадривающего испуганного ребенка на его дне; это были слова, которые родители говорят, когда у детей что-то не ладится; это был слабый свет ночника, который не мог прогнать чудище из шкафа, но все-таки удерживал его на каком-то расстоянии; это был бессильный голос, но он должен был звучать.

— Все будет нормально, — говорил он ей, не особенно сам тому веря и зная, как знает в глубине души всякий взрослый, что в действительности-то ничего никогда не бывает до конца нормально. — Все будет нормально.

Энди плакал. Он не мог сдержаться. Слезы лились потоком, и он изо всех сил прижимал к себе дочку.

— Чарли, клянусь, все как-нибудь образуется.

Зима в Ташморе как будто оправдала призрачную надежду, за которую он с отчаяния ухватился тогда, в мотеле «Грезы».

Не то чтобы все было совсем безоблачно. Схватив после Рождества простуду, Чарли сопливилась до самого апреля. У нее даже начинался сильный жар. Энди давал ей по полтаблетки аспирина и уже решил, что если к исходу третьего дня температуру не удастся сбить, он понесет ее через озеро в Брэдфорд к врачу, чем бы это ни грозило. Но жар прошел, хотя простуда досаждала ей еще долго. В марте Энди угораздило обморозиться, а перед тем он чуть не спалил дом, переложив в печку дров, — ударили морозы, дико завывал ветер, и среди ночи Чарли, на этот раз именно Чарли, первой почувствовала во сне, как раскалился воздух.

Четырнадцатого декабря они отпраздновали его день рождения, а двадцать четвертого марта — день рождения Чарли. Ей исполнилось восемь лет, и порой Энди ловил себя на том, что не узнает собственной дочери. Куда делась маленькая девочка, не достававшая ему до локтя? Волосы у нее отросли, и она теперь заплетала их, чтобы они не лезли в глаза. Будущая красотка. Даже припухший нос ее не портил.

Они остались без машины. «Виллис» Ирва Мэндерса превратился в глыбу льда еще в январе — Энди подозревал, что полетел блок цилиндров. Изо дня в день, больше для порядка, он запускал мотор, прекрасно сознавая, что после Нового года ни на каких колесах из дедовых владений им не выбраться. Снегу намело выше колена, он лежал девственно-нетронутый, если не считать следов белки, бурундуков, постоянного гостя енота или случайного оленя — нюх безошибочно приводил их к мусорному баку.

В сарайчике за домом нашлись допотопные широкие лыжи, целых три пары, но ни одна не подошла Чарли. Оно и к лучшему. Дома спокойнее. Бог с ним, с насморком, но по крайней мере можно не бояться температуры.

Под верстаком, на котором Грэнтер, орудуя фуганком, когда-то делал ставни и двери, он наткнулся на картонную

коробку из-под туалетной бумаги, где лежали старые запыленные лыжные ботинки, расползавшиеся по швам от ветхости. Энди смазал их маслом, помял, надел — сколько же в них надо натолкать газет, чтобы они стали по ноге! Забавно, ничего не скажешь, но было в этом и что-то пугающее. Зима выдалась долгая, и, частенько вспоминая деда, он спрашивал себя, как старик поступил бы в этой передрыге.

Раз пять-шесть за зиму он становился на лыжи, затыкал крепления (никаких тут тебе пружинных зажимов, сплошная неразбериха из тесемок, скоб и колец) и проделывал путь через ледяную пустыню Ташморского озера — к Брэдфордской пристани. Отсюда извилистая дорожка вела в город, хорошо упрятанный среди холмов в двух милях восточнее озера.

Он всегда выходил до рассвета, с рюкзаком Грэнтера за плечами, и возвращался не раньше трех пополудни. Однажды он едва спасся от разыгравшегося бурана; еще немного, и он начал бы кружить по льду, тычась во все стороны, точно слепой котенок. Когда он добрался до дому, Чарли дала волю слезам — ее рыдания перешли в затаенной приступ этого проклятого кашля.

Он совершал вылазки в Брэдфорд, чтобы купить еду и одежду. Какое-то время он продержался на заначке Грэнтера, позже совершал набеги на более внушительные владения у дальней оконечности Ташморского озера. Хвататься тут было нечем, но иначе им бы не выжить. Дома, на которых он останавливал свой выбор, стоили тысяч по восемьдесят — что их владельцам, рассуждал он, какие-нибудь тридцать-сорок долларов в конфетной коробке... где, как правило, он и находил деньги. Еще одной его жертвой за зиму стала цистерна с горючим, обнаруженная на задах большого современного коттеджа с неожиданным названием «ДОМ ВВЕРХ ДНОМ». Из этой цистерны он позаимствовал около сорока галлонов.

Он был не в восторге от своих вылазок в Брэдфорд. Он был не в восторге оттого, что старики, гревшие косточки вокруг пузатой печки вблизи прилавка, судачат о незнакомце, что живет в одном из домишек по ту сторону озера.

Слухами земля полнится, а Конторе хватит и полсловечка, чтобы протянуть ниточку от деда и его дома в Ташморе, штат Вермонт, к самому Энди. Но что ему было делать? Есть-то надо, не сидеть же всю зиму на сардинах в масле. Он не мог оставить Чарли без фруктов и поливитаминов и хоть какой-то одежды. Все, что на ней было, это грязная блузка, красные брючки и трусики. В доме не нашлось ни микстуры от кашля — так, несколько сомнительных бутылочек, ни овощей, ни даже запаса спичек, что его совсем добило. Дома, на которые он совершил набеги, все были с каминами, но лишь однажды он разжился коробком спичек.

Конечно, свет не сошелся клином на Брэдфорде, чуть подальше тоже виднелись дома и коттеджи, однако там почти каждый участок прочесывался местной полицией. И почти на каждой дороге был хотя бы один дом, где люди жили круглый год.

В брэдфордском магазинчике он купил все необходимое, включая три пары теплых брюк и три шерстяные рубашки для Чарли — размер он прикинул на глазок. Нижнего белья для девочек не было, пришлось ей довольствоваться шортами, к тому же длинными. Чарли так и не решила, дуться ей по этому поводу или потешаться.

Шесть миль туда-обратно на лыжах Грэнтера одновременно радовали и тяготили Энди. Он не любил оставлять Чарли одну, и не потому, что не доверял ей, просто в нем поселился страх — вернусь, а ее нет в доме... или нет в живых. Старые дедовы — ботинки натирали ноги до волдырей, сколько бы носков он ни надевал. Стоило ему ускорить шаг, как начиналась головная боль, и сразу вспоминались онемевшие точки на лице и мозг представлялся отработанной проводкой, так долго служившей верой и правдой, что кое-где от изоляции остались одни лохмотья. А случись с ним удар посреди этого чертова озера, околеет он тут, как собака, — что будет с Чарли?

Но благодаря этим вылазкам он многое обдумал. В тишине голова прояснялась. Ташморское озеро было неширокое — вся его лыжная трасса от западного берега до восточного меньше мили, — но сильно вытянутое в длину.

Устав бороться с сугробами, которые к февралю выросли до метра с лишком, он иногда останавливался на полдороге и обводил взглядом окрестности. В такие минуты озеро напоминало коридор, уложенный ослепительно-белым кафелем, — стерильно чистый, гладкий, без начала и конца. Озеро обступали посыпанные сахарной пудрой сосны. Над головой была безжалостная в своей слепящей голубизне твердь либо вдруг надвигалась безлика белая пелена, предвестница снегопада. Каркнет вдали ворона, глухо хрустнет лед — и снова ни звука. Он весь подбирался во время этих переходов. Тело становилось горячим и влажным под слоем белья, и до чего приятно было вытирать трудовой пот, выступавший на лбу! Он почти забыл это чувство, читая лекции в Ейтсе и Уильямсе и проверяя контрольные работы.

Тишина и физическая нагрузка прочищали мозг, и он снова и снова обдумывал свое положение. Пора действовать — давно пора, ну да поезд ушел. Они решили перезимовать в доме у деда, но это не значило, что погоня кончилась. Достаточно вспомнить, как он всякий раз поеживался под колючими взглядами стариков, сидевших у печки. Его и Чарли загнали в угол, и надо как-то выбираться.

И еще это чувство протеста: творится произвол, беззаконие. Свободный мир, нечего сказать, если можно ворваться в семью, убить жену, похитить ребенка, а теперь отлавливать их, как кроликов в загоне.

Опять он возвращался к мысли — дать знать об этой истории какому-нибудь влиятельному лицу или лицам, с тем чтобы пошли круги по воде. Он молчал, поскольку никак не мог освободиться, во всяком случае до конца, от странного гипноза — того самого гипноза, жертвой которого стала Вики. Он не хотел, чтобы из дочери сделали уродца для дешевого балагана. Он не хотел, чтобы на ней ставили опыты для ее ли блага, для блага ли страны. И тем не менее он продолжал себя обманывать. Даже после того, как его жену с кляпом во рту запихнули под гладильную доску, он продолжал себя обманывать, убеждать в том, что рано или поздно их оставят в покое. *Сыграем понарошку,*

так это называлось в детстве. А потом я тебе верну денежку.

Только сейчас они не дети, и игра ведется не понарошку, так что потом ни ему, ни Чарли никто и ничего не вернет. Игра идет всерьез.

В тишине ему постепенно открывались горькие истины. В известном смысле Чарли действительно была уродцем, вроде талидомидных детей* шестидесятых годов или девочек, чьи матери принимали диэтилстилбестрол** по рекомендации врачей, которым было невдомек, что через четырнадцать-шестнадцать лет у этих девочек разовьются вагинальные опухоли. Чарли тоже неповинная жертва, но факт остается фактом. Только ее инаковость, ее... уродство — скрытое. То, что она учинила на ферме Мэндерсов, ужаснуло Энди, ужаснуло и потрясло, с тех пор его преследовала мысль, как далеко простираются ее возможности, есть ли у них потолок? За этот год, пока они по-заячьи заматали следы, Энди проштудировал достаточно книг по парапсихологии, чтобы уяснить — и пирокинез, и телекинез связывают с работой каких-то малоизученных желез внутренней секреции. Он также узнал, что оба дара взаимообусловлены и что чаще всего ими бывали отмечены девочки немногим старше Чарли.

Из-за нее, семилетней, погибла ферма Мэндерсов. Сейчас ей восемь лет. А что будет, когда ей исполнится двенадцать и она вступит в пору отрочества? Может быть, ничего. А может быть... Она обещала никогда больше не пускать в ход свое оружие — ну а если ее вынудят? Или оно сработает произвольно? Что, если она во сне начнет все поджигать в результате возрастных изменений организма? Что, если Контора отзовет своих ищеек... а Чарли выкрадут другие, иностранные?

Вопросы, вопросы.

* Талидомид — транквилизатор, вызывал нарушения в развитии плода.

**

Диэтилстилбестрол — в 1979 г. запрещен как канцероген.

Энди искал на них ответы во время своих лыжных переходов и поневоле пришел к выводу, что Чарли, видимо, не избежать того или иного заточения — хотя бы для ее собственной безопасности. Видимо, придется с этим примириться, как примиряется человек, страдающий дистрофией мышц, с электростимулятором или талидомидные дети — с диковинными протезами внутренних органов.

И был еще один вопрос — его собственное будущее. Не имеющее лицо, кровоизлияние в глаз... все это не сбросишь со счетов. Кому охота думать, что его смертный приговор уже подписан и число проставлено, и Энди в общем-то тоже так не думал, но он понимал: два-три по-настоящему сильных посылы могут его доконать, да и без них отпущенный ему срок, вероятно, успел существенно сократиться. Надо позаботиться о безопасности Чарли.

Не передоверяя это Конторе.

Только не камера-одиночка. Этого он не допустит.

Он долго ломал себе голову и наконец принял выстраданное решение.

Энди написал шесть писем. Они мало чем отличались друг от друга. Два письма были адресованы сенаторам от штата Огайо. Третье — женщине, члену палаты представителей от округа, куда входил Гаррисон. Еще одно предназначалось для «Нью-Йорк таймс». А также для чикагской «Трибюн». И для толедской «Блэйд». Во всех шести письмах рассказывалось об их злоключениях, начиная с эксперимента в Джейсон Гирни Холле и кончая их вынужденным затворничеством на берегу Ташморского озера.

Поставив последнюю точку, он дал Чарли прочесть одно из писем. Почти час — медленно, слово за словом — она вникала в смысл. Впервые ей открывались все перипетии этой истории.

— Ты их пошлешь почтой? — спросила она, дочитав.

— Да, — сказал он. — Завтра. Последний раз рискну перейти озеро.

Наконец-то повеяло весной. Лед был крепок, но уже потрескивал под ногами, и кто знает, сколько он еще продержится.

— И что будет, папа?

Он пожал плечами:

— Трудно сказать. Может быть, если все попадет в газету, эти люди угомонятся.

Чарли серьезно покивала головой:

— Надо было сразу написать.

— Пожалуй. — Он знал, о чем она сейчас думает: октябрь, бушующее пламя на ферме Мэндерсов. — Даже наверняка. Но у меня, Чарли, голова была занята другим. Куда бежать. А когда бежишь, не соображаешь... во всяком случае, плохо соображаешь. Я все надеялся, что они угомонятся и оставят нас в покое. Непростительная ошибка с моей стороны.

— А они не заберут меня? — спросила Чарли. — От тебя? Правда, папа, мы будем вместе?

— Правда, — сказал он, умалчивая о том, что, как и она, смутно представляет себе, чем эти письма обернутся для них обоих. Так далеко он не заглядывал.

— Это самое главное. А поджигать я ничего больше не стану.

— Вот и умница. — Он провел по ее волосам. Внезапно горло перехватило от предчувствия беды, и вдруг он вспомнил то, что случилось неподалеку отсюда, о чем не вспоминал многие годы. Отец и дед взяли его на охоту, Энди начал клянчить у деда ружье, и тот отдал ему свой дробовик. Энди заприметил белку и уже собрался стрелять. Отец начал было возмущаться, но дед как-то странно, с улыбкой глянул на него, и он осекся.

Энди прицелился, как учил его Грэнтер, после чего не рванул спуск, а плавно потянул на себя (опять же как его учили) — раздался выстрел. Белка перекувырнулась, точно игрушечная, а Энди, весь дрожа от возбуждения, сунул деду ружье и ринулся к добыче. То, что он увидел вблизи, оглушило его. Вблизи белка перестала быть игрушечной. Он не убил ее. Он ее подранил. Она умирала в лужице крови, и в ее черных глазках стояла невыразимая мука. Вокруг уже копошились насекомые, смекнувшие, к чему идет дело.

В горле у Энди стал комок: в девять лет он впервые ощутил презрение к себе, его тошнотворный привкус. Он

смотрел и не мог оторваться от окровавленного комочка, видя краем глаза еще две тени, спиной чувствуя стоящих сзади отца и деда: три поколения Макги над трупом белки в лесах Вермонта. Дед тихо произнес за его спиной: *Ну вот ты и сделал это, Энди. Понравилось?* В ответ хлынули слезы, обжигающие слезы, с которыми прорвалось наружу потрясение от открытия — сделанного не воротишь. Он стал повторять, что никогда больше не убьет живую тварь. Христом Богом поклялся.

А поджигать я ничего больше не стану, сказала Чарли, а у него в ушах снова стояли дедушкины слова, произнесенные после того, как он, Энди, убил белку и перед Богом поклялся, что это не повторится. *Никогда так не говори, Энди. Бог любит, когда человек нарушает клятву. Это сразу ставит его на место и показывает, чего он стоит.* Примерно то же Мэндерс сказал Чарли.

Энди бросил взгляд на Чарли, медленно, но верно одолевавшую серию про мальчика Бомбу, дитя джунглей, книжку за книжкой, которые она раскопала на чердаке. Над ней вились пылинки в луче света, а она безмятежно сидела в стареньком кресле-качалке, на том самом месте, где сживала ее бабка, ставившая в ногах рабочую корзину со штопкой, и он с трудом поборол в себе желание сказать дочери: подави, подави в зародыше свой дар, пока это в твоих силах, ты не готова к чудовищному искушению... если у тебя есть винтовка, рано или поздно ты из нее выстрелишь.

Бог любит, когда человек нарушает клятву.

Никто не видел, как Энди опускал письма в ящик, никто, кроме Чарли Пейсона, человека пришлого, перебравшегося в Брэдфорд в ноябре прошлого года и с тех пор пытавшегося вдохнуть жизнь в захиревшую лавку «Галантерейных новинок». Этот Пейсон, коротышка с печальными глазами, как-то пытался зазвать Энди на рюмочку, когда тот в очередной раз наведился в городок. Здесь все сходило на том, что, если за лето дела Пейсона не поправятся, к середине сентября в витрине «Галантерейных новинок» появится табличка «ПРОДАЕТСЯ» или

«СДАЮ В АРЕНДУ». Жаль будет человека, малый он вроде ничего, а угодил как кур в ощи́п. Золотые дни Брэ́дфорда миновали.

Энди приближался к магазинчику — лыжи он воткнул в снег, одолев подъем, что начинался сразу от берега. Старики не без интереса наблюдали за ним в окно. Об Энди за зиму успели почесать языки. По общему мнению, он скрывался — то ли от кредиторов, то ли от алиментов. А может, от гнева бывшей супруги, у которой он увел ребенка; а то зачем бы ему детские вещи? Полагали также, что отец с ребенком самочинно заняли один из домов по ту сторону озера, где и зимуют. Никто не спешил поделиться этими догадками с местным констеблем, который жил в Брэ́дфорде без году неделя, каких-то двенадцать лет, а уже считал тут себя хозяином. Незнакомец поселился за озером, в штате Вермонт. А старики, гревшиеся у печки в магазинчике Джейка Роули, не очень-то жаловали вермонтские порядки — этот подоходный налог или взять питейный закон... дальше ехать некуда! Пусть вермонтцы сами в своих делах разбираются — таково было единодушное, пусть и не высказанное всем миром заключение.

— ОтходилсЯ он по льду-то, — заметил один из стариков. Он откусил от конфеты-суфле и заработал деснами.

— А он сюда на подводных крыльях, — отозвался другой, вызвав общий смех.

— Он свои лыжи, поди, в другую сторону навострил, — веско сказал Джейк, глядя на приближающуюся фигуру. Энди был в старом пальто Грэнтера, на голове синяя трикотажная повязка, чтоб уши не мерзли, и вдруг в памяти Джейка что-то забрезжило — наверное, уловил семейное сходство, — забрезжило и погасло. — Как таять начнет, так сразу слиняет. И тот, кого он там прячет, с ним вместе.

Энди остановился на крыльце, снял рюкзак и вытащил оттуда несколько писем.

Потом он вошел в магазин. Посетители углубились в изучение своих ногтей, часов, а также издававшей виды печки. Кто-то извлек из кармана дорожный носовой

платок, этакую голубую простыню, и от души высморкался.

Энди огляделся.

— Доброе утро, джентльмены.

— И вам тоже, — ответил за всех Джейк Роули. — Чем могу служить?

— Вы марки продаете?

— Пока что правительство мне это доверяет.

— Тогда, пожалуйста, шесть пятнадцатицентовых.

Джейк оторвал марки от блока, лежавшего в числе прочих в потрепанном кляссере.

— Еще чего-нибудь?

Энди улыбнулся, думая о своем. Сегодня десятое марта. Не говоря ни слова, он подошел к вертушке подле кофемолки и выбрал большую в завитушках поздравительную открытку: ДОЧУРКЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. Он расплатился.

— Благодарю, — сказал Джейк, повернув ручку кассы.

— Не за что, — ответил Энди и вышел из магазина. Все видели, как он поправил на голове повязку, как наклеил марки на конверты. Из ноздрей у него вырывался пар. Все видели, как он завернул за угол, где стоял почтовый ящик, но ни один из них не присягнул бы на суде, что он опустил письма. Когда он вновь оказался в поле зрения, он уже закидывал рюкзак за спину.

— Пошел, — прокомментировал кто-то из стариков.

— Приличный человек, — сказал Джейк, и на этом тема себя исчерпала. Переключились на другие.

Чарльз Пейсон стоял в дверях своей лавки, которая не принесла ему за год и трех сотен, и смотрел Энди вслед. Уж он-то, Пейсон, мог бы присягнуть в суде, что письма были опущены: все это время он стоял на пороге и своими глазами видел, как письма провалились в ящик.

Когда Энди скрылся из виду, Пейсон вошел внутрь, обогнул прилавок, где лежали хлопущки вперемежку с грошовыми леденцами и пузырящейся жвачкой, открыл вторую дверь и оказался в жилой комнате. Телефон у него был со специальной глушилкой, что исключало подслуши-

вание. Пейсон набрал виргинский номер, чтобы запросить инструкции.

В Брэдфорде, штат Нью-Гэмпшир (как, между прочим, и в Ташморе, штат Вермонт), нет своей почты: городки-то крошечные. Ближайшее к Брэдфорду почтовое отделение находится в Теллере. В час пятнадцать того же дня, десятого марта, к магазину Джейка Роули подкатил почтовый фургончик, и почтальон опорожнил ящик, соседствовавший до 1970 года с бензоколонкой. Вся корреспонденция состояла из шести писем Энди и открытки, которую пятидесятилетняя девица Шерли Дивайн адресовала своей сестре в местечко Тампа во Флориде. Как раз в это время на том берегу озера Энди Макги отсыпался, а Чарли Макги лепила снеговика.

Почтальон Роберт Эверетт бросил мешок с корреспонденцией на заднее сиденье бело-голубого фургона и отбыл в Уильямс, еще один городишко, обслуживаемый теллерским отделением связи. На середине улицы, Главного проспекта, как ее в шутку называли жители Уильямса, он развернулся обратно, на Теллер, где часа в три почту рассортируют и отправят дальше. Проехав пять миль, он увидел, что дорогу перегородил бежевый «Шевроле каприс». Эверетт приткнулся к снежному бордюру и вылез из кабины, чтобы предложить свои услуги.

Из машины вышли двое. Показав удостоверения, они объяснили, что им от него нужно.

— Да вы что? — У Эверетта вырвался нервный смешок, как будто ему предложили открыть сегодня пляжный сезон на Ташморском озере.

— Если вы думаете, что мы не те, за кого себя выдаем... — начал один из них. Это был Орвил Джеймисон по кличке О'Джей, а еще Живчик. Ему было безразлично, выяснять ли отношения с этим сумчатым болваном, выполнять ли другие какие приказы, только бы подальше от девчонки, этого исчадия ада.

— Нет, я верю, очень даже верю, — заторопился Роберт Эверетт. Он испугался, как пугается каждый, столкнувшись нос к носу с монолитом верховной власти, — вот она,

серая глыба, в которой вдруг проступили конкретные черты лица. Однако Эверетт был тверд. — Но я везу почту. Почту Соединенных Штатов Америки. Понимаете?

— Речь идет о национальной безопасности, — сказал О'Джей. После провала в Гастингс Глене вокруг фермы Мэндерсов было поставлено оцепление. Когда ферма сгорела, всю местность тщательно прочесали. В результате к О'Джею вернулась его «пушка», которая в настоящий момент приятно согревала левый бок.

— Очень может быть, но это ничего не меняет, — возразил Эверетт.

О'Джей расстегнул пижонскую меховую куртку так, чтобы видна была «пушка». Зрачки у Эверетта расширились. О'Джей усмехнулся:

— Достать?

Все это было как сон. Эверетт предпринял последнюю попытку:

— А вы знаете, что есть статья за ограбление почты? Ливенвортская тюрьма в Канзасе обеспечена.

— Это ты обсудишь со своим почтмейстером, — вмешался второй, молчавший все это время. — А теперь кончай базар, понял? Где мешок с почтой?

Эверетт отдал ему скудный улов после Брэдфорда и Уильямса. Они открыли мешок прямо на дороге и деловито просмотрели содержимое. Роберт Эверетт испытывал возмущение и какое-то болезненное чувство стыда. Они не имеют права так поступать, даже если там секреты ядерного оружия. Они не имеют права вскрывать почту Соединенных Штатов Америки вот так, посреди дороги. Нелепо сравнивать, но это все равно как если бы кто-то вломился к нему в дом и начал раздевать его жену.

— Вам еще за это будет, — сказал он сдавленным голосом. — Вот увидите.

— Нашел, — сказал второй тип О'Джею. Он протянул ему шесть писем, надписанных одним и тем же аккуратным почерком. Роберт Эверетт сразу узнал их. Почтовый ящик возле магазина в Брэдфорде. О'Джей сунул письма в карман, и они оба направились к «Шевроле». Открытый мешок с почтой остался лежать на дороге.

— Вам еще за это будет! — выкрикнул Эверетт дрожащим голосом.

О'Джей бросил на ходу, не оборачиваясь:

— Прежде чем трепать языком, поговори с почтмейстером. Если, конечно, не хочешь, чтобы накрылась твоя пенсия.

Они уехали. Эверетт провожал их взглядом — его мутило от бессильной ярости и страха. Наконец он подобрал мешок и зашвырнул его на заднее сиденье.

— Ограбили, — сказал он и с удивлением почувствовал, как наворачиваются слезы. — Ограбили, о Господи, меня ограбили, ограбили...

Он гнал в Теллер, насколько позволяли раскисшие дороги. Он последовал совету и поговорил с почтмейстером. Эверетт пробыл у Билла Кобхема добрый час. Временами из-за двери доносились их возбужденные голоса.

Кобхему было пятьдесят шесть. Он проработал в почтовом ведомстве тридцать пять лет, и никогда еще на него не нагоняли такого страха. В конце концов он сумел заразить им своего подчиненного. И Эверетт ни словом не обмолвился, даже собственной жене, о том, как его ограбили среди бела дня где-то между Брэдфордом и Уильямсом. Но и забыть об этом он не смог, как не смог до конца жизни избавиться от чувства возмущения и стыда... и еще разочарования.

К половине третьего Чарли закончила своего снеговика, а Энди немного отоспался. Орвил Джеймисон и его новый напарник Джордж Седака находились на борту самолета. Через четыре часа, когда Энди с Чарли, вымыв после ужина посуду, сели играть в пятьсот одно, письма легли на стол Кэпа Холлистера.

КЭП И РЭЙНБЕРД

Двадцать четвертого марта, в день рождения Чарли Макги, Кап Холлистер сидел за своим рабочим столом, чувствуя, как в нем нарастает непонятное беспокойство. Впрочем, причина для беспокойства была вполне понятна: через час придет Джон Рэйнберд, а это все равно, что увидеть самого дьявола. Еще неизвестно, что хуже. Правда, дьявол никогда не нарушает договоров, если верить его рекламе, а Рэйнберд совершенно неуправляем, — Кэп давно подозревал это. После соответствующего инструктажа Джон Рэйнберд превращался в рядового убийцу, а убийцы рано или поздно обращают оружие против себя. Смерть Рэйнберда — это, конечно, будет нечто из ряда вон. Интересно, что он знает об операции против Макги? Разумеется, только то, что ему сообщили... и тем не менее какой-то червь точил Кэпа. Не в первый раз он подумал: а не устроить ли громиле-индейцу автомобильную катастрофу по завершении операции? Выражаясь на забываемом языке отца Кэпа, Рэйнберд из тех психов, которые, если надо, объявят крысиный помет черной икрой.

Он вздохнул. Ветер швырял в стекла холодные капли дождя. По кабинету, такому светлому и уютному летом, разгуливали зловещие тени. И без того тошно — глаза мозолит «Дело Макги», лежащее по левую руку на библиотечной тележке. Зима состарила его: он уже не тот бодрячок, что подъехал на велосипеде к своей штаб-квартире тем памятным октябрьским днем, когда Макги в очередной раз улизнули, оставив за собой пожарище. На его лице, еще недавно почти гладком, залегли глубокие борозды. Он докатился до того, что стал носить бифокаль-

ные очки — «совсем как старик», и первые полтора месяца у него кружилась голова, пока он к ним не привык. Это были мелочи, внешняя, так сказать, символика, лишь подтверждавшая, что все пошло кувырком. Он растравлял, изводил себя из-за этих пустяков, хотя воспитание и профессиональная подготовка приучили его не изводиться даже по серьезному поводу, когда объяснение лежало на поверхности.

Эта девчонка, черт бы ее подрал, словно наводила на него порчу: за зиму умерли от рака обе женщины, к которым он был по-настоящему привязан после смерти матери: его жена Джорджия — через три дня после Рождества, и его секретарша Рэйчел — всего месяц назад.

Увы, он знал, что дни Джорджии сочтены; операция на груди, сделанная за четырнадцать месяцев до смерти, лишь приостановила развитие болезни. А вот смерть Рэйчел явилась жестоким сюрпризом. Когда уже все шло к концу, ему припомнилось (задним числом всегда видны наши непростительные промахи), сколько он отпустил шуточек по поводу ее худобы и как она их парировала.

Все, что у него теперь осталось, это Контора — надолго ли? Скрытый недуг, своего рода раковая болезнь, поразил самого Кэпа. Как его назвать? Рак самоуверенности? Что-то в этом роде. Когда подобная болезнь заражала высокопоставленных чиновников, исход обычно бывал фатальным. Никсон, Ланс, Хэлмс... все жертвы рака, поразившего их самоуверенность.

Он раскрыл «Дело Макги» и достал оттуда свежий материал — шесть писем, которые Энди отправил две недели назад. Он пролистал их, не читая. В сущности, везде одно и то же, он знал их почти наизусть. Под письмами лежали стопкой глянцевые фотографии, сделанные Чарльзом Пейсоном и другими агентами в окрестностях Ташмора. Вот Энди идет по главной улице Брэдфорда. Вот он расплачивается в магазине. Энди с Чарли у лодочного сарая, а на заднем плане — снежный горб мэндерсовского «Виллиса». Вот Чарли съезжает на картонке с отполированной до блеска горы, из-под вязаной шапочки, которая

ей великовата, выбиваются волосы, а ее отец, руки в боки, хохочет наверху, закинув голову. Кэп частенько смотрел на эту фотографию долгим оценивающим взглядом, а когда откладывал, вдруг с удивлением замечал, что рука у него дрожит. Скорей бы заполучить их.

Он встал и подошел к окну. Что-то сегодня не видать Рича Маккиона с его газонокосилкой. Оляха стояла, как голый скелет. Зеркало пруда напоминало гигантскую отполированную доску, соединившую два строения. Дел у Конторы, и весьма важных, в эти дни хватало — так сказать, разнообразное меню, можно было бы устроить хороший шведский стол, но Кэпа интересовало только одно — Энди Макги и его дочь Чарлин.

Провал на ферме Мэндерсов чувствительно ударил по престижу Конторы. Сама Контора устояла, и он, Кэп, тоже, однако лавина недовольства пришла в движение и грозила вот-вот обрушиться на их головы. В эпицентре оказался вопрос о просчетах в планировании «операции Макги» с момента устранения матери и похищения — пусть кратковременного — дочери. Сколько на них свалилось шишек из-за того, что какой-то преподаватель колледжа, даже в армии-то не служивший, увел дочь из-под носа у двух профессионалов, причем один остался на всю жизнь помешанным, а второй полгода пролежал в коме. Проку от него уже никакого: достаточно ему услышать «спи!», как он валится трупом и может продрыхнуть часа четыре, а то и весь день. Глупо до смешного.

Досталось им и за то, что все это время Макги считал на один ход дальше. На его фоне Контора выглядела бледно. Все они выглядели дураками.

Но больше всего взгрили за ферму Мэндерсов, из-за которой от них могло мокрого места не остаться. Кап знал, что сразу поползли слухи. Были слухи и докладные, а может быть, даже показания свидетелей в какой-нибудь сверхсекретной комиссии Конгресса. *Тоже выискался второй Гувер. Как будто не было печального опыта с Кубой... ну да где ему помнить, закопался в досье этих Макги. У него, между прочим, недавно жена умерла. Бедняга. Это его подкосило. В истории с Макги он, конечно, дал*

маху — сплошная цепь ошибок. Надо думать, человек помоложе...

Нет, они не понимают, с чем имеют дело. Даже не догадываются. Раз за разом он убеждался: все отрицают простейший факт, что девчонка владеет даром пирокинеза — сжигает взглядом. Что ни докладная о причине пожара на ферме Мэндерсов, то какая-нибудь ахиня: утечка бензина, женщина разбила керосиновую лампу, самовозгорание горючей смеси... И ведь так писали даже очевидцы.

До чего дошло — Кэп пожалел, что рядом нет Уэнлесса. Тот все понимал. Он бы рассказал Уэнлессу про эту... преступную слепоту.

Он вернулся за рабочий стол. Только не играй сам с собой в прятки — если под тебя начнут копать, пиши пропало. Это тот же рак. Можно оттянуть конец, сунув им в нос свои бывшие заслуги, и Кэп сунул — все, что накопилось за десять лет, — чтобы только удержаться в седле в эту трудную зиму; можно добиться короткой ремиссии. Но рано или поздно тебе крышка. Если сидеть и не рыпаться, рассуждал Кэп, продержишься на этом месте до июля; если же хорошо окопаться и дать бой, то, глядишь, и до ноября. Правда, в результате таких боев Контора может затрещать по всем швам, а ему бы не хотелось этого. Не разрушать же то, на что ты ухлопал полжизни. Надо будет — разрушишь... Он был настроен идти до конца.

Он удержался у власти главным образом потому, что они быстро напали на след Макги. Кэп поспешил присвоить себе все лавры, укрепляя тем самым свои позиции, в действительности же операцию провернул компьютер.

Они достаточно долго занимались этой семейкой, чтобы распахать поле вдоль и поперек. В компьютер были заложены данные более чем на двухсот родственников и четырехсот друзей, чьи корни так или иначе переплелись с корнями генеалогического древа Макги — Томлинсон. Связи прослеживались вплоть до таких персонажей, как ближайшая подружка Вики в первом классе начальной школы — девочка по имени Кэти Смит, ныне миссис

Фрэнк Уорси, проживающая в Кабрале, штат Калифорния, и, скорее всего, давно забывшая, кто такая Вики Томлинсон.

В компьютер заложили информацию о последнем местопребывании семьи Макги, и тот, переварив ее, отрыгнул возможные варианты. Первым в списке стоял покойный дед Энди, житель Вермонта, чей дом на берегу Ташморского озера принадлежал теперь внуку. Семья Макги бывала там летом, к тому же лесными дорогами от фермы Мэндерсов до того места не так уж далеко. Компьютер полагал, что, если Энди с Чарли предпочтут «знакомый пейзаж», им окажется Ташмор.

Не прошло и недели, а Кэп уже знал, что они во владениях Грэнтера. Дом был взят под наблюдение. С учетом вероятного появления Макги в Брэдфорде — понадобятся же им мало-мальски необходимые вещи — была приобретена лавка «Галантерейные новинки».

А пока наблюдение, ничего больше. Все снимки — телеобъективом из идеальных укрытий. С Кэпа хватило одного пожара.

Чего проще без шума взять Энди во время перехода через озеро. А пристрелить их обоих не сложнее, чем сфотографировать Чарли, съезжающую с ледяной горки. Но Кэп имел виды на девчонку, а без отца, решил он, им ее не приручить.

Но вот беглецы обнаружены, главная забота теперь — чтобы у Макги не развязался язык. Кэп и без компьютера понимал, что страх в конце концов вынудит Энди искать помощи. До происшествия на ферме Мэндерсов утечку информации можно было приостановить или даже проигнорировать. Если же сейчас вмешается пресса, тут завертятся совсем другие колесики. Кэпа бросало в жар от одной мысли, какую бомбу изготовила бы из этой начинки «Нью-Йорк таймс».

Пожар поверг Контору в замешательство, тут-то Энди и мог беспрепятственно отослать свои письма. Но, очевидно, Макги сами пребывали в замешательстве. И упустили верный шанс дать о себе знать письменно или устно, по телефону... кстати, еще неизвестно, был бы им от этого

прок. Мозги сейчас у всех с вывихом, а газетчики — эти гребут под себя. Им подавай красивую упаковку. Что-нибудь из жизни Марш или Бу, Сюзанны или Шерил*. Тут верняк.

А теперь они в западне. Всю зиму Кэп перебирал варианты. Он занимался этим даже на похоронах жены. И под конец выработал план действий, который сейчас предстояло осуществить. Их человек в Брэдфорде, Пейсон, сообщал, что вот-вот вскроется лед на Ташморском озере. Вдобавок Макги отправил письма и ждет ответа со дня на день — если уже не заподозрил, что его письма не дошли до адресатов. Того и гляди снимутся с места, а это не входило в планы Кэпа.

Под стопкой фотографий, в голубой папке с грифом «совершенно секретно», лежал доклад — больше трехсот машинописных страниц. Одиннадцать специалистов под руководством доктора Патрика Хокстеттера, практикующего психолога и психотерапевта, подготовили совместное заключение и обрисовали перспективы. Хокстеттера Кэп ставил в первую десятку наиболее светлых голов из тех, что находились в распоряжении Конторы. За восемьсот тысяч долларов, в которые доклад обошелся налогоплательщикам, он обязан иметь светлую голову. Листая доклад, Кэп думал о том, чтобы сказал по этому поводу Уэнлесс, незабвенный певец конца света.

В докладе Кэп нашел подтверждение своим интуитивным догадкам: Энди надо взять живым. В основе всех выкладок команды Хокстеттера лежала мысль, что скрытые возможности человека не могут проявиться без его желания... ключевым словом тут была *воля*.

Девочка могла потерять контроль над своими возможностями (очевидно, они не сводятся к одному пирокинезу), не совладать с собственной волей, но лишь она сама, подчеркивалось в фундаментальном исследовании, решала, пустить ли ей в ход заветное оружие, — как это

* Марго Хемингуэй, Бу Деррик, Сюзанна Саммерс, Шерил Тигс — американские киноактрисы.

произошло на ферме Мэндерсов, когда она увидела, что агенты Конторы хотят убить ее отца.

Он бегло просмотрел отчеты об эксперименте с «лот шесть». Все записи и выкладки компьютера говорили об одном: первотолчком является воля.

Исходя из этого, Хокстеттер и его коллеги перебрали все мыслимые транквилизаторы, прежде чем остановиться на торазине для Энди и новом препарате, оразине, для девочки. Тот, кто мог продрасть сквозь семьдесят страниц словесных джунглей, оказывался перед простым выводом: транквилизаторы погрузят подопытных в сомнамбулическое блаженное состояние. Лишенные воли, они не смогут сделать выбор между молоком и горячим шоколадом, не говоря уже о том, чтобы устраивать пожары или внушать людям, что они ослепли.

Энди Макги можно было постоянно держать на наркотиках. Толку от него все равно никакого, так, пустышка, отработанный пар — об этом говорили и доклад, и интуиция Кэпа. Их интересовала девчонка. Дайте мне шесть месяцев, думал Кэп, и я справлюсь. Я вам в точности изображу, что творится в этой удивительной головке. А там уж ни палата представителей, ни подкомиссии Сената не устоят перед соблазном химического воздействия на психику, открывающего для военных невиданные перспективы, даже если эта девчонка способна выдать половину того, что подозревал в ней Уэнлесс.

Но открывались и другие горизонты. О них умалчивала голубая папка, ибо есть тайны, слишком взрывоопасные даже для грифа «совершенно секретно». Всего неделю назад Хокстеттер, у которого все больше захватывало дух от панорамы, возникшей перед ним и его учеными коллегами, намекнул об этом вскользь.

— Фактор «зет»... — сказал он Кэпу. — Вы не задумывались над тем, как все может повернуться, если выяснится, что девочка не бесплодна?

Кэп задумывался, хотя и не сказал об этом Хокстеттеру. Тут возникал интересный, чреватый любыми неожиданностями вопрос, связанный с евгеникой... с евгеникой, а попутно с нацизмом и теорией высших рас — короче, с

тем, против чего американцы воевали во вторую мировую войну. Но одно дело пробурить философскую скважину, из которой фонтанирует всякая муть («Вы хотите узурпировать божественную власть»), и другое — представить лабораторные доказательства, что потомство участников эксперимента «лот шесть» может стать живыми факелами, левитаторами, телепатами и еще Бог знает кем. Чего стоят идеалы, когда появляются вполне земные контрдоводы? Допустим, таковые нашлись, что тогда? Фермы по разведению новых видов? На первый взгляд — безумие, но Кэп не считал это столь уж невероятным. Тут ключ ко всему. И к всеобщему миру, и к мировому господству — а в чем, собственно, разница, если убрать кривые зеркала риторики и высоких слов?

Тут тебе червей не на одну рыбалку. Перспектива на десятки лет. Кэп понимал — в его распоряжении не более шести месяцев; не так уж мало, чтобы заложить основы: сделать топографическую съемку местности, прежде чем ее избороздят шоссейные и железные дороги. Это будет его подарок отечеству и всему миру. В сравнении с этим жизнь какого-то беглого преподавателя колледжа и его оборвашки дочери — все равно что пыль на ветру.

Разумеется, нельзя постоянно держать девчонку на транквилизаторах, если они ждут от тестов серьезного результата, — что ж, имея заложником отца, они смогут оказать на нее давление. Ну а захотят устроить проверочку ему, сработает обратный принцип. Простейшая система рычагов. Как говорил Архимед, дайте мне рычаг, и я переверну мир.

Загудел селектор.

— Джон Рэйнберд в приемной, — доложила новая секретарша. В ее обычно бесстрастном казенном голосе мелькнули высокие нотки, выдававшие испуг.

Тут я тебя понимаю, малышка, подумал Кэп.

— Пригласите его, пожалуйста.

Рэйнберд не меняется.

Он не спеша вошел. Потертая кожаная куртка, выцветшая клетчатая рубашка. Ободренные рыжие башмаки вы-

глядывают из-под линялых узких джинсов. Огромная голова подпирает потолок. И эта развороченная пустая глазница, заставившая Кэпа внутренне содрогнуться.

— Кэп, — сказал он, опускаясь на стул, — что-то я засиделся в пустыне.

— Дом в Флэгстаффе, — сказал Кэп. — Слышал, как же. И о вашей коллекции обуви тоже.

Джон Рэйнберд не мигая буравил его здоровым глазом.

— А вы все ходите в своих старых дерьмодавах, — добавил Кэп.

Рэйнберд скривил губы в улыбке, продолжая молчать. Вновь беспокойство овладело Кэпом, и он еще раз спросил себя, насколько Рэйнберд посвящен в планы и почему вопрос этот не дает ему покоя.

— У меня есть работа для вас, — сказал он.

— Отлично. Та, что я хочу?

Кэп озадаченно взглянул на него, подумал, затем сказал:

— Думаю, да.

— Что от меня потребуется?

Кэп рассказал в общих чертах, каким образом Энди и Чарли попадут в Лонгмонт. Он был краток.

— Не промахнетесь? — спросил он, закончив.

— Я никогда не промахиваюсь. Да и план хорош. Все будет в порядке.

— Мне очень лестно слышать ваше одобрение, — сказал Кэп. Предполагалась легкая ирония, а на поверку вылезло раздражение. Черт бы его побрал со всеми потрохами.

— Я спущу курок, — сказал Рэйнберд. — Но при одном условии.

Кап встал, навалившись на стол, который был завален бумагами из «Дела Макги», и весь подался к Рэйнберду.

— Нет, — сказал он. — Здесь условия ставлю я.

— Один раз сделаете исключение, — возразил Рэйнберд. — Я думаю, вам это не составит труда.

— Повторяю: нет. — Сердце заколотилось в груди у Кэпа, и он не мог понять, от страха или от бешенства. — Вам объяснить? Во главе агентства и всех служб стою я. А

вы находитесь в моем подчинении. Кажется, армия должна была приучить вас к понятию «старший по званию».

— Да, — улыбнулся Рэйнберд. — Я даже кой-кому из них свернул шею. Один раз, кстати, по приказу Конторы. По вашему приказу, Кэп.

— Это что, угроза? — выкрикнул Кэп. Он чувствовал, надо взять себя в руки, но ничего не мог с собой поделать. — Угроза, дьявол вас раздери? Я вижу, вы совсем рехнулись! Мне достаточно нажать кнопку, и вы не выйдете из этого здания! А спустить курок охотники найдутся...

— Но чтобы попасть, вам нужен вот этот уродливый циклоп с его метким глазом, — вставил Рэйнберд, не повышая тона. — Вы думаете, Кэп, они у вас в кулаке, но кулак пустой. Кто-то там наверху не дает вам овладеть добычей. Не дает посадить их в дьявольскую шкатулку. Вы и раньше думали, что они у вас в кулаке. — Он показал на гору материалов, что высилась на тележке, а потом на голубую папку. — Я все это прочел. И доклад Хокстеттера тоже.

— Черта с два! — вырвалось у Кэпа, но он видел по лицу Рэйнберда, что тот говорит правду. Прочел. Исхитрился. Но кто дал ему материалы? Кэп был вне себя. Кто?

— Представьте, — сказал Рэйнберд. — Все само плывет ко мне в руки. Отдают не задумываясь. Лицо у меня, наверно, такое... располагающее. — Он еще больше осклабился, и его улыбка вдруг стала хищной. Здоровый зрачок бегал в своей орбите.

— К чему вы это? — спросил Кэп. Он был бы не прочь выпить стакан воды.

— К тому, что я много гулял в Аризоне и принимался, что за ветер подул в вашу сторону... неприятный ветер, Кап, — из солончаков. У меня было время почитать и поразмыслить. Вот я и мыслю себе, что, кроме меня, больше некому доставить сюда эту парочку. И, кроме меня, некому больше обработать девочку, когда она окажется здесь. Тут ни торазин, ни оразин, ни это ваше пухлое досье не помогут. Дело тоньше, чем вам представляется.

Кто это говорил — Рэйнберд? Призрак Уэнлесса? Кэпа обуял такой страх и бешенство, что он лишился дара речи.

— Я все сделаю, — звучал мягкий голос. — Я доставлю их сюда, а вы проведете свои тесты. — Так отец дает разрешение ребенку поиграть с новой игрушкой. — Одно условие: вы отдаете мне девочку после всех экспериментов.

— Вы сумасшедший, — прошептал Кэп.

— Само собой, — улыбнулся Рэйнберд. — Как и вы. Опасный сумасшедший. Сидите и мечтаете подчинить себе силу, которая выше человеческого разума. Силу, которая принадлежит одним богам... да еще этой девочке.

— Я могу стереть вас с лица земли. Прямо сейчас. Думаете, меня что-нибудь остановит?

— Остановит, — сказал Рэйнберд. — Если я исчезну, через месяц по всей стране прокатится такая волна гадливости и негодования, что Уотергейт покажется невинной шалостью. Остановит. Если я исчезну, через полтора месяца Контору прикроют, а через полгода вам инкриминируют в суде такие преступления, что вы угодите за решетку до конца своих дней. — Он опять улыбнулся, обнажая кривые редкие зубы. — Я знаю, что говорю, Кэп. Я ведь давно ковыряюсь на этой грязной, вонючей делянке, так что урожай будет тот еще, можете не сомневаться.

Кэп попробовал рассмеяться. Смех застрял у него где-то в горле.

— Больше десяти лет я таскал в свое дупло орешки и всякую всячину, — безмятежно продолжал Рэйнберд, — как любой зверек, переживший хоть один раз голодную зиму. У меня, Кэп, такой винегрет из снимков, магнитофонных записей, ксерокопий документов, что у нашей старой подружки миссис Общественности глаза на лоб полезут.

— Это невозможно, — выдавил из себя Кэп, уже понимая, что тут не блеф, уже чувствуя, как холодная незримая рука давит ему на грудь.

— Очень даже возможно, — успокоил его Рэйнберд. — Последние три года ко мне бесперебойно текут данные вашей ЭВМ, я в любой момент могу влезть в ее память. В режиме с разделением времени, разумеется, что стоит денег, и немалых, но мне это по карману. Приличный заработок, удачно помещенный капитал. Кэп, перед вами — вернее, сбоку от вас, хотя так будет менее поэтично — живой пример американского свободного предпринимательства в действии.

— Нет, — выдавил из себя Кэп.

— Да, — сказал Рэйнберд. — Вы знаете меня как Джона Рэйнберда, но Управление по переосвоению земных недр — это тоже я. Можете проверить. Мой личный код AXON. Проверьте на основном терминале. Лифт рядом, туда-обратно. Я подожду. — Рэйнберд положил нону на ногу, правая брючина задралась, и выглянул лопнувший шов на ботинке. Этот человек, если надо, будет ждать вечность.

Кэп лихорадочно соображал.

— Работали в режиме с разделением времени... ну, допустим. Но влезть в память...

— Поговорите с доктором Нофтцигером. — Рэйнберд был сама предупредительность. — Спросите у него, сколько существует способов потоптаться в памяти, если у тебя есть к машине доступ. Два года назад двенадцатилетний пострел, неплохо, видимо, соображавший, влез в память ЭВМ вычислительного центра американского Конгресса. Кстати, я знаю ваш шифр доступа, Кэп. В этом году BROW. В прошлом был RASP. По-моему, тот более подходящий*.

Кэп таращился на Рэйнберда. Его мозг напоминал трехъярусный цирк. Первый ярус размышлял о том, что Джон Рэйнберд никогда не бывал таким разговорчивым. Второй ярус пытался примириться с мыслью, что этот маньяк посвящен во все тайны Конторы. Третий ярус

* Игра слов на аббревиатуре: brow — зд. олух, gasp (жарг.) — употреблять (кого-то).

раздумывал над китайским проклятьем, на редкость невинным, пока не дашь себе труда в него вдуматься: *Чтоб вы жили в эпоху перемен*. Последние полтора года составили такую эпоху. Он чувствовал, еще одна перемена лишит его остатков разума.

Вдруг он снова вспомнил Уэнлесса — и ужас придавил его. Ему почудилось, будто он превра... да, превращается в Уэнлесса. Демоны, повсюду демоны, а он бессилен отогнать их, даже позвать на помощь.

— Чего вы хотите, Рэйнберд?

— Я уже сказал, Кэп. Ничего, кроме вашего слова, что мое знакомство с Чарлин Макги не кончится выстрелом, а только с него начнется. Я хочу... — Его здоровый глаз потемнел, подернулся поволокой, взгляд стал отрешенным. — Я хочу познать ее.

У Кэпа отвисла челюсть.

Внезапно сообразив, Рэйнберд презрительно покачал головой.

— Не в *этом* смысле. Не в библейском. Но я узнаю ее ближе. Мы станем с ней друзьями, Кэп. Если она и вправду такая могущественная, мы станем с ней большими друзьями.

Кэп издал какой-то странный звук: смехом это трудно было назвать, скорее взвизгом.

Лицо Рэйнберда продолжало изображать откровенное презрение.

— Ну да, вы считаете это невозможным. Еще бы — монстр. И руки в крови, пролитой по вашему приказу. И все же так будет, Кэп. У девочки два года не было друзей. Только отец. Для вас она, Кэп, все одно, что я. В этом ваша главная ошибка. Для вас она тоже монстр. Правда, полезный. Наверно, это потому, что вы белый. Белому везде мерещатся монстры. Ему даже собственный отросток кажется монстром. — Рэйнберд рассмеялся.

Понемногу Кэп начал приходить в себя, к нему вернулась способность рассуждать здраво.

— Зачем мне идти вам навстречу, даже если правда все, что вы сказали? Вам ведь недолго осталось жить, и мы оба это знаем. Двадцать лет вы охотитесь за своей смертью.

Остальное не в счет, в порядке хобби. И вы на нее вот-вот напоретесь. А это развяжет нам руки. Так зачем, спрашивается, давать вам желанную игрушку?

— Возможно, вы правы. Возможно, и охочусь за своей смертью... признаться, не ждал от вас, Кэп, такого цветистого оборота. Пожалуй, вас недостаточно воспитывали в страхе Божиим.

— Ну уж вы-то, во всяком случае, не Бог, — заметил Кэп.

Рэйнберд усмехнулся:

— Ну да, дьявол, я понимаю. Вот что я вам скажу: если бы я всерьез охотился за своей смертью, я бы ее давно нашел. Может, я играл с ней, как кот с мышью? Только я не собираюсь угробить вас, Кэп, или Контору, или американскую контрразведку. Слава Богу, не вчера родился. Просто мне нужна эта девочка. А вам наверняка понадобится я. Мне может оказаться по силам то, перед чем спасуют все наркотики Хокстеттера.

— А дальше что?

— Когда мы закроем «Дело Макги», Управление по переосвоению земных недр прекратит свое существование. Ваш Нофтцигер сможет сменить все шифры в машине. А мы с вами, Кэп, слетаем в Аризону. Пообедаем в Флэгстаффе, в моем любимом ресторане, потом пешком пройдемся ко мне и за домом, в пустыне, запалим костер, на котором поджарим шашлычок из разных бумаг, фотографий и магнитофонных пленок. Если захотите, я даже покажу вам свою коллекцию обуви.

Кэп думал. Рэйнберд не торопил его с ответом.

Наконец Кэп сказал:

— Хокстеттер и его коллеги считают, что может уйти года два на то, чтобы девчонка сломалась. Все будет зависеть от того, насколько силен в ней защитный императив.

— А вам больше четырех-шести месяцев не продержаться.

Кэп неопределенно повел плечами.

Указательным пальцем Рэйнберд свернул нос на сторону, скособочился и стал похож на страшилу из сказки.

— Ничего, Кэп, постараемся, чтобы вы подольше продержались в седле. Мы с вами повязаны, много чего нам довелось вместе похоронить — и в переносном смысле, и в прямом. А насчет двух лет он загнул. Мы свое возьмем, и вы, и я.

Кэп обдумывал. Он чувствовал себя старым и усталым, а главное — беспомощным.

— Похоже, вы своего добились, — сказал он.

— Отлично, — мгновенно отреагировал Рэйнберд. — Что если я буду приходить к ней как уборщик? Человек, далекий от вашей братии. Это для нее важно. И, конечно же, она никогда не узнает, что стрелял я. Стоит ли рисковать? Так рисковать?

— К чему все это? — спросил Кэп после долгой паузы. — К чему эти безумные ходы?

— Безумные? — невозмутимо переспросил Рэйнберд. Он встал, чтобы взять одну из фотографий со стола у Кэпа. Это была та фотография, где смеющаяся Чарли съезжала на картонке с ледяной горы. — Все мы, Кэп, запасаем на зиму орехи и всякую всячину, работа такая. Гувер это делал. И все шефы ЦРУ. Да и вы тоже, не то сидели бы уже на пенсии. Я начал обеспечивать прикрытие своим тылам задолго до рождения Чарлин Макги.

— Но зачем вам девчонка?

Рэйнберд долго не отвечал. Он смотрел на фотографию внимательно, почти любовно. Он погладил ее.

— Она очень красивая, — сказал он. — И совсем юная. Но в ней заложен этот ваш фактор «зет». Дар богов. Мы с ней сойдемся. — Взгляд его затуманился. — Сойдемся, и очень коротко.

В ЗАПАДНЕ

Двадцать седьмого марта Энди Макги внезапно решил, что дальше оставаться в Ташморе им нельзя. Пошла третья неделя с тех пор, как он отправил письма, — и ни ответа, ни привета. Это безмолвие, окружавшее владения Грэнтера, действовало ему на нервы. Да, конечно, во всех шести случаях его могли принять за чокнутого... но что-то он в это не верил.

Верил он в другое, в то, что подсказывало ему шестое чувство: его письма каким-то образом попали не по адресу.

А это значило, что им известно, где скрываются он и Чарли.

— Мы уходим, — сказал он дочери. — Давай собираться.

Она посмотрела на него — этот ее пристальный, немного испуганный взгляд — и ничего не сказала. Не спросила, куда они теперь и что будут делать, и от этого ему еще больше стало не по себе. В одном из стенных шкафов нашлись два стареньких чемодана в наклейках от бывлых путешествий — Гранд-Рапидс, Ниагарский водопад, Майами Бич, и они сложили в них самое необходимое.

В окна било ослепительно яркое утреннее солнце. Водостоки захлебывались талой водой. Прошлой ночью он почти не спал, слушая, как вскрывается побуревший лед с запредельно-высоким загадочным звуком, раскалывается и медленно движется к горловине озера, откуда течет на восток через Нью-Гэмпшир и весь Мэн славная Хэнкок-ривер, делаясь чем дальше, тем грязнее и зловоннее, пока ее, на глазах разлагающуюся, с шумом не вырвет в Атлантику. Звук был такой, словно долго звенел хрусталь

или вели и вели скрипичным смычком на самой высокой ноте — бесконечно протяжное з-з-и-и-и-н-н, задевавшее нервные окончания и заставлявшее их согласно вибрировать. Он никогда раньше не бывал в здешних местах во время ледохода и сомневался, что когда-нибудь вновь захочет побывать. Слышалось нечто потустороннее в этом звуке, отражавшемся от вечнозеленых окрестных холмов — приземистой выщербленной чащи.

Он почувствовал — опять они подкрадываются, точно силуэт монстра из повторяющегося ночного кошмара. На следующий день после дня рождения Чарли, телепаясь в очередной раз на неудобных дедовых лыжах, он наткнулся на следы сапог, что вели к высокой сосне. Возле сосны человек снял их и воткнул задниками в снег, оставив две вмятины. Особенно натоптано было в месте, где он снова надел свои сапоги (или «мокроступы», по терминологии Грэнтера, почему-то питавшего к ним странную неприязнь). Под деревом Энди нашел шесть окурков с надписью «Вэнтедж» и смятый желтый коробок из-под кодаковской цветной пленки. Встревоженный не на шутку, он сбросил лыжи и полез на дерево. Где-то на середине он вдруг замер: прямо перед ним, на расстоянии мили, виднелся домик Грэнтера. Отсюда он казался маленьким и необитаемым. Но если телеобъективом...

Он ни слова не сказал дочери о своей находке.

Вот и упакованы чемоданы. А Чарли все молчит, словно обвиняет его. Наконец он не выдержал:

— Доедем на попутке до Берлина, а там сядем на автобус — и в Нью-Йорк. И сразу в редакцию «Таймс»...

— Но ведь ты написал им, папа.

— Они могли не получить мое письмо, малыш.

Секунду-другую она молча смотрела на него.

— Ты думаешь, они его перехватили?

— Ну что ты, я... — Он не нашелся, что ответить, и сказал просто: — Не знаю.

Чарли молча опустила на корточки, закрыла чемодан и принялась воевать с защелками, которые никак не желали подчиняться.

— Я тебе помогу, малыш.

— Я сама! — закричала она и расплакалась.

— Ну что ты, Чарленок, — начал он ее успокаивать. — Не надо, малышка. Скоро все это кончится.

— Неправда. — Слезы пуще прежнего хлынули из глаз. — Никогда... никогда это не кончится!

Их было двенадцать человек. Они окружили дом Грэнтера Макги еще прошлой ночью. Каждый занял свою позицию. На них были маскхалаты в бело-зеленых разводах. Ни одному из них не довелось пережить потрясение на ферме Мэндерсов, и ни один не имел при себе оружия, за исключением Джона Рэйнберда, у которого была винтовка, и Дона Джулза, прихватившего пистолет 22-го калибра.

— Мне не нужны паникеры, — сказал Рэйнберд Кэпу. — После предыдущей операции Джеймисон до сих пор ходит так, будто у него полные штаны.

И никакого оружия, заявил он. Не хватает только, чтобы все кончилось двумя трупами. Он сам отобрал агентов и поручил Дону Джулзу взять на себя Энди. Джулзу было за тридцать; это был коренастый и молчаливый тугодум. Свое дело он знал. Рэйнберд не раз брал его с собой и имел возможность в этом убедиться. Молчаливник действовал быстро и четко. В критические моменты он не путался под ногами.

— В течение дня Макги обязательно выйдет проветриться, — сказал Рэйнберд на коротком инструктаже. — Скорее всего, девочка тоже, но Макги обязательно. Если он выходит один, я его снимаю одним выстрелом, а Джулз быстро и без шума оттаскивает в сторону. То же самое, если девочка выходит одна. Если они выходят вдвоем, я беру девочку, Джулз берет Макги. Вы все только на подхвате, ясно? — здоровый глаз Рэйнберда слепил их, как фара. — На всякий пожарный. Конечно, если дойдет до пожара, вы все рванете к озеру тушить самих себя. Вас берут на тот случай, один из ста, когда вы сможете пригодиться. И, конечно, чтобы засвидетельствовать, как я сел в калошу... если я сяду.

Шутку встретили жиденькими смешками.

Рэйнберд предостерегающе поднял палец.

— Но если один из вас чихнет не вовремя и спугнет их, я лично позабочусь, чтобы он сдох на дне ямы в самых диких джунглях Южной Америки. Вы знаете, я слов на ветер не бросаю. Итак, в этом спектакле вы на подхвате. Запомните.

Позднее, когда все собрались прорепетировать «в декорациях» — таковыми послужил Богом забытый мотель в Сент-Джонсбери, Рэйнберд отвел в сторону Дона Джулза.

— Ты читал досье на Макги? — сказал он.

Джулз курил «Кэмел».

— Читал.

— Ты понял, что значит мысленное внушение?

— Понял.

— Понял, что произошло с двумя нашими в Огайо? Когда они пытались увести его дочь?

— Я видел Джорджа Уэринга в деле, — невозмутимо ответил Джулз. — У него вода сама закипала, хоть чай заваривай.

— Этот Макги может выкинуть что-нибудь и похлеще. Я просто хочу внести ясность. Сделать все надо молниеносно.

— Сделаем.

— Учти, он всю зиму копил силы. Если он успеет послать импульс, считай, тихая палата на ближайшие три года тебе обеспечена. Объявишь себя птичкой или там репой...

— Ладно.

— Что ладно?

— Сделаем, Джон. Не бери в голову.

— Они могут выйти вдвоем, — настойчиво продолжал Рэйнберд. — Они тебя не увидят, ты будешь сбоку от крыльца. Подожди, пока я сниму девочку. Отец бросится к ней. Ты зайдешь со спины. Целься в шею.

— Ясно.

— Смотри не промажь!

Джулз едва заметно улыбнулся и сделал затяжку.

— Не промажу.

* * *

Чемоданы стояли наготове. Чарли надела парку поверх лыжного комбинезона. Энди застегнул молнию на куртке, взял чемоданы. На душе было скверно. Что-то свербило. Холодок предвидения.

— Ты тоже чувствуешь? — спросила Чарли. Ее личико было бледным, ничего не выражающим.

Энди через силу кивнул.

— Что же делать, папа?

— Будем надеяться, что мы почувствовали опасность раньше времени, — ответил он, хотя так не думал. — Что нам еще остается?

— Что нам еще остается? — отозвалась она эхом.

Она подошла к нему и привстала на цыпочки, чтобы он взял ее на руки; он и забыл, когда такое было в последний раз... года два назад, не меньше. Как же бежит время, как быстро растут наши дети прямо на глазах, устрашающе быстро.

Он поставил чемоданы, поднял ее, прижал к себе. Она поцеловала его в щеку и тоже прижалась.

— Ну что, ты готова? — спросил он, опуская ее на пол.

— Готова, — сникла Чарли. Глаза у нее были на мокром месте. — Папа... я не стану ничего зажигать. Даже если они не дадут нам уйти.

— Ну что ж, — сказал он, — и не надо. Я все понимаю, Чарленок.

— Папа... я люблю тебя.

Он кивнул.

— Я тебя тоже люблю, малыш.

Энди распахнул дверь. В первую секунду свет ослепил его. Но потом глаза попривыкли, и все стало на свои места: утро, солнце, тающий снег. Справа пронзительно голубели рваные лоскуты воды среди льдин Ташморского озера. Перед ними стеной стояли сосны. Сквозь просвет едва виднелся ближайший дом с зеленой кровлей, освободившейся наконец от снега.

Лес затаился, и Энди ощутил новый прилив беспокойства. Каждое утро, с тех пор как началась оттепель, их встречала трелью какая-то пичуга — где она сегодня? Не слышать... одна капель звенит. Господи, ну что стоило

Грэнтеру протянуть телефонный кабель! Энди чуть не выкрикнул что было мочи: Кто здесь? Но он сдержался — и без того Чарли напугана.

— Вроде, все в порядке, — сказал он вслух. — Они до нас еще не добрались... если вообще хотят добраться.

— Вот и хорошо, — произнесла она бесцветным голосом.

— Тогда пришпорим лошадок, малыш, — сказал Энди и в сотый раз подумал: *А что нам остается?* И еще подумал о том, как же он их ненавидит.

Чарли направилась к выходу; она прошла мимо сушилки, заполненной перемытой после завтрака посудой. Весь дом блестел как новенький; каждая вещь лежала на своем месте. Дед был бы доволен.

Энди обнял дочь за плечи и еще раз прижал к себе. Затем поднял чемоданы, и они шагнули навстречу холодноватому весеннему солнцу.

Джон Рэйнберд находился от них в ста пятидесяти ярдах — на высокой ели. На ногах у него были «кошки», страховочный пояс надежно крепил его к дереву. Когда дверь распахнулась, он вскинул винтовку; приклад жестко уперся в плечо. И сразу пришли тепло и покой — словно на плечи набросили плед. Потеряв глаз, он стал видеть далекие предметы несколько размытыми, но в минуты предельной концентрации, вроде теперешней, зрение полностью возвращалось к нему и отмечало каждую мелочь — загубленный глаз, казалось, на миг оживал.

Расстояние было пустячным, и если бы в стволе сидела обычная пуля, он бы себе стоял и поплевывал, — но с этой штуковиной риск возрастал раз в десять. В стволе винтовки, специально для него переделанной, находилась стрела с ампулой оразина в наконечнике, и кто мог дать гарантию, что стрела не отклонится от курса и вообще долетит. По счастью, день был безветренный.

Если есть на то воля Великого Духа и моих предков, молился про себя Рэйнберд, пусть пошлют они твердость моей руке и зоркость глазу и да будет мой выстрел точным.

Показался отец, и дочь с ним рядом — значит, Джулз входит в игру. Телескопические линзы увеличивали девочку до гигантских размеров; на фоне посеревших досок ее парка выделялась сочным голубым пятном. Рэйнберд успел заметить чемоданы в руках Макги: еще немного, и не на кого было бы устраивать засаду.

Девочка не подняла капюшона и молнию застегнула лишь наполовину, распахнутый ворот открывал горло. И тут ему опять повезло — день выдался довольно теплый.

Он подвел палец к спусковому крючку и нашел переключателем оптического прицела ямку на шее.

Если есть на то воля.

Он нажал на спуск. Послышалось глухое — *пфам!* — и из ствола выполз кренделек дыма.

Они уже готовы были спуститься с крыльца, когда Чарли вдруг остановилась, издав горлом какой-то сдавленный звук. Энди бросил чемоданы. Он ничего не услышал, но случилось что-то страшное. С ней, с Чарли.

— Чарли? Чарли?

Он весь обратился в зрение. Она застыла как статуя, невероятно красивая среди сверкающей белизны. Невероятно маленькая. И вдруг до него дошло. Это было так чудовищно, так непоправимо, что сразу не укладывалось в голову.

У Чарли из горла, пониже хрящика, торчала длинная игла. Рукой в варежке Чарли судорожно нашарила иглу, но не сумела вынуть, а только вывернула кверху под острым углом. Из ранки побежала струйка крови. Она образовала узор на воротнике рубашки и слегка окрасила искусственный мех, там, где была вшита молния.

— *Чарли!* — закричал он. У нее уже закатывались глаза, она клонилась назад, когда он подхватил ее. Он бережно опустил Чарли на крыльцо, продолжая повторять ее имя. Стрела поблескивала на солнце. Чарли вся обмякла, как мертвая. Прижимая ее к себе и баюкая, он прочесывал взглядом лес, весь залитый светом и словно покинутый птицами и людьми.

— Кто это сделал? — выкрикнул он. — Кто? Выйди, я должен тебя увидеть!

Из-за крыльца вынырнул Дон Джулз. Он двигался бесшумно в своих теннисных тапочках. Он держал наготове пистолет 22-го калибра.

— Кто застрелил мою дочь? — крикнул Энди. Горло саднило, но не от крика. Он прижимал к себе безнадежно обмякшее, бескостное тело в голубой парке на меху. Он извлек двумя пальцами стрелу — вновь струйка крови.

Отнести ее в дом, мелькнуло в голове. Надо отнести ее в дом.

Джулз приблизился и выстрелил ему сзади в шею — так актер Бут выстрелил когда-то в президента*. На мгновение Энди привстал, еще крепче прижимая к себе Чарли. И тут же рухнул на нее ничком.

Джулз убедился, что Макги без сознания, и помахал своим, прятаншимся в лесу.

— Делов-то, — буркнул он. Рэйнберд уже бежал к дому, утопая в вязкой мартовской каше. — Делов-то. А разговору было!

* Речь идет об Аврааме Линкольне.

СВЕТ ГАСНЕТ

Первым звеном в цепи событий, что привели к небывалым по размаху разрушениям и человеческим жертвам, явилась летняя гроза, во время которой отказали оба генератора.

Гроза разразилась девятнадцатого августа, спустя почти пять месяцев после боевой операции во владениях Грэнтера в Вермонте. Десять дней парило. А тут, как перевалило за полдень, сгустились грозовые тучи; впрочем, никто из сотрудников, работавших в двух красивых, построенных еще до гражданской войны особняках, чьи фасады разделяло широкое зеленое полотно газона с ухоженными клумбами, никто не принял всерьез грозного предупреждения — ни садовники, оседлавшие свои газонокосилки, ни женщина-оператор, которая обслуживала ЭВМ подразделения А-Е (а также автоматизированную линию подачи горячего кофе) и которая, пользуясь обеденным перерывом, вывела из конюшни красавицу лошадь и пустила ее в галоп по идеальной дорожке для верховой езды, ни, тем более, Кэп — он осилил богатырский бутерброд в своем кондиционированном офисе и снова взялся за бюджет предстоящего года — что ему до этой парилки за окном?

В тот день, вероятно, лишь один человек из всей Конторы — Рэйнберд — за версту почуял грозу, оправдывая таким образом свое имя*. Он подъехал к стоянке машин в двенадцать тридцать, хотя отметить перед на-

* Рейнберд (букв.) — птица, предвещающая дождь.

чалом работы он должен был в час. С утра ломило суставы и ныла искромсанная пустая глазница — не иначе к дождю.

Он приехал на стареньком облезлом «рыдване» с наклейкой «D» на ветровом стекле. Он был в белом халате уборщика. Перед тем как выйти из машины, он закрыл глаз узорчатой повязкой. Он носил ее только в рабочие часы — ради девочки. Повязка смущала его. Она напоминала ему о потерянном глазе.

Огороженный со всех сторон паркинг был поделен на четыре сектора. Личная машина Рэйнберда, новенький желтый «Кадиллак», заправленный дизельным топливом, имел наклейку «A» на стекле. Что означало: стоянка для важных персон; она находилась под окнами особняка, расположенного южнее. Подземный переход и лифты соединяли стоянку для важных персон непосредственно с вычислительным центром и помещениями для экстренных совещаний, обширной библиотекой, залами для периодики и — с этого можно было начать — приемной; за безликой табличкой скрывался целый комплекс лабораторий и примыкающих к ним помещений, где содержались Чарли Макги и ее отец.

Стоянка «B» — для служащих второго эшелона — была чуть подальше. Еще дальше находилась стоянка «C» — для секретарш, механиков, электриков — словом, для технического персонала. Стоянка «D» предназначалась для безликой массы — для тех, кто, как говорил Рэйнберд, на подхвате. Эта стоянка, с ее богатой и пестрой коллекцией развалин детройтского происхождения, находилась совсем на отшибе, отсюда было уже рукой подать до Джексон-Плейнс, где еженедельно устраивались гонки на фургонах для скота.

«Вот где развели бюрократию», — подумал Рэйнберд, запирая свой «рыдван»; он задрал голову, чтобы убедиться — тучи сгущаются. Грозы не миновать. Часам к четырем ливанет, решил он.

Он направился к сборному домику из гофрированного железа, предусмотрительно упрятанному среди высоких сосен: здесь отмечались служащие пятой и шестой — низших — категорий. Халат Рэйнберда развевался. Мимо

проехал садовник на одной из полутора десятков газонокосилок, находившихся в ведении отдела озеленения. Над машиной парил веселенький цветастый зонтик от солнца. Садовник, казалось, не замечал Рэйнберда — тоже отголосок бюрократических порядков. Для работников четвертой категории тот, кто принадлежал к пятой, превращался в человека-невидимку. Даже обезображенное лицо Рэйнберда почти не обращало на себя внимания — как во всяком правительственном агентстве, в Конторе работало достаточно ветеранов, внешность которых была «в полном порядке». Американскому правительству незачем было учиться у фирмы «Макс Фактор» косметическим ухищрениям. Существовал один критерий: ветеран с явным увечьем — протез вместо руки, инвалидное кресло, обезображенное лицо — стоил трех «нормальных» ветеранов. Рэйнберд знал людей с душой и мыслями, изуродованными не меньше, чем его лицо во время той вьетнамской прогулки в веселой компании, людей, которые бы с радостью пошли хоть разносчиками в «Питтли-Виттли»*. А их не брали — вид не тот. Жалости к ним Рэйнберд не испытывал. Все это его скорее забавляло.

Он был уверен на все сто, что те, с кем он сейчас непосредственно работает, не узнавали в нем агента и хиттера**. Кем он был для них еще семнадцать недель тому назад? Неразличимый силуэт в желтом «Кадиллаке» с поляризованным ветровым стеклом и наклейкой «А».

— Вам не кажется, что вас несколько занесло? — сказал ему как-то Кэп. — У девчонки нет никаких контактов с садовниками или стенографистками. Вы видите один на один.

Рэйнберд покачал головой:

— Достаточно малейшей осечки. Случайно оброненной фразы, что добрый дядя уборщик с изувеченным лицом ставит свою машину на стоянке для важных персон, а после переодевается в рабочий халат в душевой для технического

* Сеть забегаловок, где можно быстро перекусить.

**

Хиттер — профессиональный убийца.

персонала. Я пытаюсь создать атмосферу доверия, основанного на том, что мы с ней оба чужаки или, если хотите, уроды, которых гноят в американской охране.

Кэпа покорило: он не любил дешевой иронии по поводу методов Конторы, тем более что во всей этой истории методы действительно были крайними.

— Великолепно придумано, ничего не скажешь, — уколол его Кэп.

Крыть было нечем, потому что ничего великолепного, в сущности, из этой придумки пока не вышло. Девочка даже спички, и той не зажгла. И с ее отцом дело обстояло не лучше — ни малейшего проблеска дара внушения, если таковой вообще сохранился. Они все больше сомневались в этом.

Рэйнберда тянуло к девочке. В первый год своего пребывания в Конторе он прослушал ряд курсов, которые тщетно было бы искать в программе колледжа, — прослушивание телефонов, угон машин, тайный обыск и еще несколько в том же духе. Но по-настоящему его увлек один курс — взламывание сейфов, — прочитанный ветераном своего дела по фамилии Дж. М. Раммаден. Последнего доставили прямиком из исправительного заведения в Атланте, с тем чтобы он обучил своему искусству новобранцев Конторы. Раммадена называли лучшим специалистом в этой области, что, по мнению Рэйнберда, соответствовало действительности, хотя на сегодняшний день, полагал Рэйнберд, он едва ли в чем уступил бы своему учителю.

Раммаден, который умер три года назад (Рэйнберд, кстати, послал цветы на его похороны — вот где комедия!), рассказал им целую сагу про скидморские замки, про сувальдные замки и цилиндровые, про предохранительную защелку, которая намертво заблокирует запирающий механизм, стоит только сбить шифровой циферблат молотком или зубилом; рассказал им про отмычки и подгонку ключей, про неожиданное применение гранита, про то, как можно сделать слепок ключа с помощью обмылка, и как делать нитроглицериновую ванну, и как снимать слой за слоем заднюю стенку сейфа.

Рэйнберд внимал Дж. М. Раммадену с холодной и циничной заинтересованностью. Однажды Раммаден сказал, что с сейфами, как с женщинами: просто надо иметь время и необходимый инструмент. Бывают, сказал он, крепкие орешки, бывают хрупкие, но нет таких, которые нельзя было бы разгрызть.

Девочка оказалась крепким орешком.

Поначалу им пришлось кормить Чарли внутривенно, иначе она уморила бы себя голодом. Постепенно до нее дошло, что, отказываясь от еды, она не выигрывает ничего, кроме синяков на локтевых сгибах, и тогда она стала есть — без всякого желания, просто потому, что эта процедура менее болезненная.

Ей приносили книжки, и кое-что она прочитывала — пролистывала, во всяком случае; иногда она включала цветной телевизор — дисплей — и через несколько минут выключала. В июне она просмотрела целый фильм — картину местного производства по мотивам «Черной красавицы»* и еще раза два прокрутила «Удивительный мир Диснея». Больше ничего. В еженедельных докладных замечало выражение «спорадическая афазия».

Рэйнберд заглянул в медицинский справочник и сразу все понял — возможно, даже лучше самих врачей, недаром он воевал. Иногда девочке не хватало слов. Ее это не удручало; она стояла посреди комнаты и беззвучно шевелила губами. А иногда у нее вдруг вылетало не то слово: «Что-то мне не нравится это платье. Лучше бы соломенное». Случалось, она себя мимоходом поправляла: «Я имела в виду *зеленое*», но чаще всего оговорка оставалась незамеченной.

Справочник определял афазию как забывчивость, вызванную нарушением мозговой деятельности. Врачи, наблюдавшие Чарли, бросились химичить. Оразин заменили валиумом — никакого улучшения. Соединили валиум с оразином — эффект оказался неожиданным: Чарли начала плакать, слезы лились и лились, пока не прекраща-

* «Черная красавица» — детская книжка о лошади.

лось действие препарата. Опробовали какое-то новое средство — комбинацию транквилизатора и легкого галлюциногена, — и поначалу дело пошло на лад. Но неожиданно она покрылась сыпью, стала заикаться. В конце концов вернулись к оразину и усилили наблюдение на тот случай, если афазия будет прогрессировать.

Горы бумаги были исписаны по поводу ее неустойчивой психики, а также того, что психиатры окрестили «конфликтной установкой на пожар» — проще сказать, противоречие между требованием отца: «Не делай этого!» и настойчивыми просьбами сотрудников Конторы: «Сделай...» И вдобавок чувство вины в связи с происшествием на ферме Мэндерсов.

Рэйнберд все это отмел с порога. Дело не в наркотиках и не в том, что ее держат под замком и глаз с нее не спускают, и не в разлуке с отцом.

Она крепкий орешек, вот и все объяснение.

В какой-то момент она решила, что не будет с ними сотрудничать ни при каких обстоятельствах. И баста. Инцидент исчерпан. Психиатры будут показывать ей свои картинки до посинения, будут колдовать над лекарствами и прятать в бороды тяжелые вздохи — как, дескать, непросто должным образом накачать восьмилетнюю девочку. Стопка отчетов на столе у Кэпа будет расти, сводя его с ума.

А Чарли Макги будет стоять на своем.

Рэйнберд предвидел это так же ясно, как грозу сегодня утром. И восхищался девочкой. По ее прихоти вся свора крутится волчком, пытаюсь поймать свой хвост, и если ждать у моря погоды, они будут крутиться до дня Благодарения, а то и до Рождества. Но бесконечно так продолжаться не может, это-то и тревожило Джона Рэйнберда.

Раммаден, ас-взломщик, рассказал им как-то занятную историю про двух воров: пронюхав, что из-за снежных заносов инкассаторская машина не смогла забрать недельную выручку, они проникли в супермаркет в пятницу вечером. Замок у сейфа оказался цилиндрическим. Они попытались рассверлить шифровой циферблат — не удалось. Попытались снять слой за слоем заднюю стенку, но

и уголка не сумели отогнуть. Кончилось тем, что они взорвали сейф. Результат превзошел все ожидания. Сейф открылся... даже больше, чем нужно, если судить по его содержимому. От денег остались только обгорелые клочки, какие можно увидеть на прилавке среди нумизматических раритетов.

— Все дело в том, — закончил Раммаден своим сухим свистящим голосом, — что эти двое не победили сейф. Вся штука в том, чтобы победить сейф. А победить его, значит, унести его содержимое в целостности и сохранности, уловили суть? Они переложили начинки, и плакали денежки. Они свалили дурака, и сейф победил их.

Рэйнберд уловил суть.

Шестьдесят с лишним выпускников колледжей занимались девочкой, а в конечном счете все сводилось к одному — вскрыть сейф. Пытаясь рассверлить шифр Чарли, они прибегли к наркотикам, целая футбольная команда психиатров потела над «конфликтной установкой на пожар», и все это не стоило ломаного гроша, потому что они упорно тщились снять заднюю стенку сейфа.

Рэйнберд вошел в сборный домик, вытащил из ящика свою регистрационную карточку и отметил время прихода. Т. В. Нортон, начальник смены, оторвался от книги в бумажной обложке.

— Зря ты так рано, парень. Сверхурочных не получишь.

— А вдруг? — сказал Рэйнберд.

— Никаких вдруг. — Нортон смотрел на него с вызовом, преисполненный мрачной уверенности в своей почти божественной непогрешимости, что так часто отличает мелкого чиновника.

Рэйнберд потупился и подошел к доске объявлений. Вчера команда уборщиков выиграла в кегельбане. Кто-то продавал «2 хорошие б/у стиральные машины». Официальное предписание гласило, что «все рабочие, прежде чем выйти отсюда, должны вымыть руки».

— Похоже, будет дождь, — сказал Рэйнберд, стоя спиной к Нортону.

— Не болтай ерунду, индеец, — отозвался тот. — И вообще двигай отсюда. Меньше народу, больше кислороду.

— Да, босс, — согласился Рэйнберд. — Я только отметить.

— В следующий раз отмечайся, когда положено.

— Да, босс, — снова согласился Рэйнберд, уже идя к выходу и мельком бросив взгляд на розоватую шею Нортон, на мягкую складочку под самой скулой. Интересно, успеешь ты крикнуть, босс? Успеешь ты крикнуть, если я воткну указательный палец в это место? Как вертел в кусок мяса. Что скажешь... босс?

Он вышел в волглый зной. Тучи, провисшие под тяжестью влаги, успели подползти ближе. Гроза намечалась нешуточная. Проворчал гром, пока в отдалении.

Вот и особняк. Сейчас Рэйнберд зайдет с бокового входа, минует помещение бывшей кладовки и спустится лифтом на четыре этажа: сегодня ему предстоит вымыть и натереть полы в квартирке Чарли: хорошая возможность понаблюдать за девочкой. Нельзя сказать, чтобы она наотрез отказывалась с ним разговаривать, нет. Просто она, черт возьми, держала его на расстоянии. А он пытался снять заднюю стенку сейфа на свой манер: если только она засмеется, разок посмеется с ним вместе над шуточкой в адрес Конторы — это все равно что отогнуть уголок сейфа. И тогда он подденет его зубилом. Одна улыбка. И тогда они сроднятся, образуют партию, что собралась на свой тайный съезд. Двое против всех.

Но пока он так и не сумел выжать из нее хотя бы улыбку, и одно это приводило Рэйнберда в несказанное восхищение.

Рэйнберд просунул свою карточку в специальную прорезь, после чего отправился выпить кофе в буфет для obsługi. Кофе ему не хотелось, но еще оставалось время. Нельзя быть таким нетерпеливым, вот уже и Нортон обратил внимание.

Он налил себе горячей бурды и осмотрелся, куда бы сесть. Слава Богу, пусто — ни одного болвана. Он уселся на разошедший продавленный диван неопределенно-грязного цвета и стал потягивать кофе. Его изуродованное лицо (кстати, у Чарли оно вызвало лишь мимолетный интерес)

было спокойным и бесстрастным. Только мозг усиленно работал, анализируя сложившуюся ситуацию.

Все, кто имел дело с Чарли, напоминали ему раммаденовских горе-взломщиков в супермаркете. Сейчас они натянули мягкие перчаточки, но сделали это не из любви к девочке. Рано или поздно они поймут, что от мягких перчаток мало проку и, исчерпав «слабые» меры воздействия, решат взорвать сейф. Если до этого дойдет, рассуждал Рэйнберд, то, выражаясь языком Раммадена, почти наверняка «плакали денежки».

Ему уже встретилась фраза «легкая шокотерапия» в отчетах двух врачей — одним из них был Пиншо, к чьим рекомендациям прислушивался Хокстеттер. Ему уже довелось случайно прочесть медицинское заключение, написанное на таком дремучем жаргоне, что, казалось, имеешь дело с иностранным языком. После перевода отчетливо проступала тактика выкручивания рук: ребенок сломается, если увидит, как мучают папу. Рэйнберд держался иного мнения: если она увидит, как ее папа под током танцует польку и волосы у него дыбом, она не моргнув глазом вернется к себе, разобьет стакан и проглотит осколки.

Но попробуй скажи им это. Подобно ФБР и ЦРУ, Контора в который уже раз убедится, что «плакали денежки». Не можешь добиться своего под видом иностранной помощи — пошли десант с ручными пулеметами и напалмом, и пусть прихлопнут сукиного сына. Или начини цианистым калием сигары. Верх сумасшествия, но попробуй скажи им это. Им одно подавай — РЕЗУЛЬТАТЫ — в мерцании и блеске, точно это сказочная гора жетонов на игорном столе в Лас-Вегасе. Но вот результат достигнут, «плакали денежки»: никому не нужные зеленые клочки просеиваются меж пальцев, а они стоят и недоумевают — что за чертовщина?

Потянулись другие уборщики; они перебрасывались анекдотами, хлопали друг друга по плечу, кто-то хвалился, как он вчера сбил все кегли двумя шарами, другой — что первым же шаром, говорили о женщинах, машинах, о выпивке. Обычный треп, какой был, есть и будет до скончания мира — аллилуйя, аминь. Они обходили Рэйн-

берда стороной. Рэйнберда здесь недолюбливали. Он не посещал кегельбана, не говорил о своей машине, и лицо у него было такое, точно у киномонстра, сотворенного Франкенштейном. При нем всем становилось не по себе. Того, кто решился бы хлопнуть его по плечу, он бы в порошок стер.

Рэйнберд достал кисет с «Ред Мэном», бумагу для закрутки, свернул сигаретку. Он сидел и дымил и ждал, когда придет время спуститься к девочке.

Вообще говоря, уже много лет он не был в такой отличной форме, на таком подъеме. Спасибо Чарли. В каком-то смысле, сама того не ведая, она ненадолго вернула ему интерес к жизни — а он был человеком обостренных чувств и какой-то тайной надежды, другими словами, жизнеспособным. Она крепкий орешек — тем лучше. Тем приятнее после долгих усилий добраться до ядрышка; он заставит ее исполнить для них гвоздь программы — пусть потешатся, а когда она отработает номер, он ее задушит, глядя ей в глаза, ища в них искру сопонимания и особый знак, который она, быть может, даст ему перед тем, как уйти в неизвестность.

А до тех пор он будет жить.

Он раздавил сигарету и встал, готовый приступить к работе.

Когда отказала энергосистема, Энди Макги смотрел по телевизору «Клуб РВ». «РВ» значило «Ревнителю Всевышнего». Могло создаться впечатление, что передачу «Клуб РВ» транслируют по этому каналу круглосуточно. Наверное, это было не так, но Энди, живший вне времени, потерял способность к нормальному восприятию.

Он располнел. В редкие минуты отрезвления он ловил свое отражение в зеркале, и сразу вспоминался Элвис Пресли, которого под конец разнесло. А иногда он сравнивал себя с кастрированным котом, огрузневшим и ленивым.

Нет, он еще не был тучным, однако к тому шло. Когда они с Чарли останавливались в мотеле «Грезы» в Гастингс Глене, он весил семьдесят три килограмма. Сейчас пере-

валило за восемьдесят пять. Щеки налились, наметился второй подбородок, а также округлости, чьих обладателей его школьный учитель гимнастики презрительно называл «сисястыми». И явно обозначилось брюшко. Кормили здесь на убой, а двигался он мало — поди подвигайся, когда тебя накачивают торазином. Почти все время он жил как в дурмане, поэтому ожирение его не волновало. Время от времени затевалась очередная серия бесплодных тестов, и тогда они на сутки приводили его в чувство; после медицинского освидетельствования и одобрительного «отзыва» ЭЭГ его препровождали в кабинет, выкрашенный белой краской и обшитый пробковыми панелями.

Тесты начали еще в апреле, пригласив добровольцев. Энди поставили задачу и предупредили, что если он перестарается — например, поразит человека слепотой, — ему несдобровать. Подразумевалось: не ему одному. Эту угрозу Энди не воспринял всерьез. Делая ставку на Чарли, они не посмеют ее тронуть. Что до него самого, то он проходил у них вторым номером.

Тестирование проводил доктор Герман Пиншо. На вид ему было под сорок, впрочем, вида-то он как раз и не имел, одна беспричинная улыбка. Улыбка эта иногда нервировала Энди. Бывало, к нему заглядывал мужчина постарше — доктор Хокстеттер, но в основном он имел дело с Пиншо.

Перед первым тестом Пиншо предупредил его, что в кабинете на столе будет бутылочка с виноградным сиропом и этикеткой ЧЕРНИЛА, подставка с авторучкой, блокнот, графин с водой и два стакана. Пиншо предупредил его — испытуемый в полной уверенности, что в бутылочке чернила. Так вот, они будут весьма признательны Энди, если он «толкнет» испытуемого, чтобы тот налил себе воды из графина, добавил в стакан «чернил» и все это залпом выпил.

— Блестяще, — сказал Энди. Сам он чувствовал себя далеко не блестяще — целые сутки ему не давали торазина.

— Уж это точно, — согласился Пиншо. — Ну как, сделаете?

— А зачем?

— Небольшое вознаграждение. Приятный сюрприз.

— Не будешь, мышка, артачиться — получишь сыр. Так, что ли?

Пиншо пожал плечами, снисходительно улыбаясь. Костюм сидел на нем элегантно до отвращения: не иначе как от «Брукс бразерс».

— Так, — сказал Энди, — все понял. И почему стоит напоить беднягу чернилами?

— Ну, во-первых, получите свои таблетки.

У него вдруг встал комок в горле. Неужели я так пристрастился к торазину, подумал он, и если да, то как — психологически или физиологически?

— Скажите, Пиншо, что же, давить на пациента вас побуждает клятва Гиппократа?

Пиншо пожал плечами, продолжая снисходительно улыбаться.

— Кроме того, вам разрешат небольшую прогулку, — сказал он. — По-моему, вы изъявляли такое желание?

Изъявлял. Жил он вполне прилично — насколько приличной может быть жизнь в клетке. За ним числились три комнаты и ванная, в его распоряжении был кабельный цветной телевизор с дополнительными каналами, по которым каждую неделю давали фильмы, только вышедшие на экраны. В светлой голове одного из этих «жевунов»* — возможно, то была голова самого Пиншо — родилось предложение не отбирать у него брючный ремень и не заставлять есть пластмассовой ложкой и писать разноцветными мелками. Вздумай он покончить с собой, его не остановишь. Ему достаточно перенапрячь свой мозг, чтобы тот взорвался, как перекачанная шина.

К его услугам были все удобства, вплоть до высокочастотной духовки в кухоньке. На стенах ярких тонов висели неплохие эстампы, на полу в гостиной лежал мохнатый ковер. Но с таким же успехом покрытую глазурью ко-

* Жевуны — сказочные персонажи из «Волшебника Изумрудного города».

ровью лепешку можно выдавать за свадебный торт; достаточно сказать, что все двери в этой очаровательной квартире без ручек. Зато дверных глазков было в избытке. Даже в ванной комнате. Энди подозревал, что каждый его шаг здесь не просто прослеживается, но и просматривается на мониторе, а если к тому же аппаратура у них работает в инфракрасном режиме, они тебя даже ночью не оставят в покое.

Он не был подвержен клаустрофобии, но слишком уж долго держали его взаперти. Это его подавляло при всей наркотической эйфории. Правда, подавленность не шла дальше протяжных вздохов и приступов апатии. Да, он заговаривал о прогулках. Ему хотелось снова увидеть солнце и зеленую траву.

— Вы правы, Пиншо, — выдавил он из себя, — я действительно изъявлял такое желание.

Но дело кончилось ничем.

Поначалу Дик Олбрайт нервничал, явно ожидая от Энди любого подвоха: или на голову поставит, или заставит кудахтать, или отмочит еще какую-нибудь штуку. Как выяснилось, Олбрайт был ярым поклонником футбола. Энди стал его расспрашивать про последний сезон — кто встретился в финале, как сложилась игра, кому достался суперкубок.

Олбрайт оттаял. Завелся на двадцать минут про все перипетии чемпионата, и от его нервозности скоро не осталось и следа. Он дошел в своем рассказе до похабного судейства в финальном матче, что позволило «Петам»*. Выиграть у «Дельфинов», когда Энди сказал ему: «У вас, наверное, во рту пересохло. Налейте себе воды».

Олбрайт встретился с ним взглядом.

— И правда пересохло. Слушайте, я тут болтаю, а тесты... Все к черту испортил, да?

— Не думаю, — сказал Энди, наблюдая, как он наливает воду из графина.

— А вы? — спросил Олбрайт.

* Петы — шутовское прозвище ирландцев.

— Пока не хочется, — сказал Энди и вдруг дал ему сильный посыл со словами: — А теперь добавьте немного чернил.

— Добавить *чернил*? Вы в своем уме?

С лица Пиншо и после теста не сходила улыбка, однако результаты его обескуражили. Здорово обескуражили. И Энди тоже был обескуражен. Когда он дал посыл Олбрайту, у него не возникло никакого побочного ощущения, столь же странного, сколь уже привычного — будто его силы удваиваются. И никакой головной боли. Он старался, как мог, внушить Олбрайту, что нет более здорового поступка, чем выпить чернила, и получил более чем здравый ответ: вы псих. Что и говорить, этот дар принес ему немало мучений, но сейчас от одной мысли, что дар утрачен, его охватила паника.

— Зачем вам прятать свои способности? — спросил его Пиншо. Он закурил «Честерфилд» и одарил Энди неизменной улыбкой. — Я вас не понимаю. Что вы этим выигрываете?

— Еще раз повторяю, я ничего не прятал. И никого не дурачил. Я старался изо всех сил. А толку никакого. — Скорей бы дали таблетку! Он был подавлен и издерган. Цвета казались нестерпимо яркими, свет — резким, голоса — пронзительными. Одно спасение — таблетки. После таблеток его бесплодная ярость при мысли о случившемся, его тоска по Чарли и страх за нее — все куда-то отступало, делалось терпимым.

— И рад бы поверить вам, да не могу, — улыбнулся Пиншо. — Подумайте, Энди. Никто ведь не просит, чтобы вы заставили человека броситься в пропасть или пустить себе пулю в лоб. Видимо, не так уж вы и рветесь на прогулку.

Он поднялся, давая понять, что уходит.

— Послушайте, — в голосе Энди прорвалось отчаяние, — мне бы таблетку...

— Вот как? — Пиншо изобразил удивление. — Разве я не сказал, что уменьшил вам дозу? А вдруг всему виной торазин? — он так и лучился. — Вот если к вам вернутся ваши способности...

— Поймите, тут сошлись два обстоятельства, — начал Энди. — Во-первых, он был как на иголках, ожидая подвоха. Во-вторых, с интеллектом у него слабовато. На стариков и людей с низким уровнем интеллекта воздействовать гораздо труднее. Развитой человек — дело другое.

— Вы это серьезно? — спросил Пиншо.

— Вполне.

— Тогда почему бы вам не заставить меня принести сию минуту эту злосчастную таблетку? Мой интеллектуальный показатель куда выше среднего.

Энди попытался... никакого эффекта.

В конце концов ему разрешили прогулки и дозу увеличили, предварительно убедившись, что он их в самом деле не разыгрывает, наоборот, предпринимает отчаянные попытки, но его импульсы ни на кого не действуют. Независимо друг от друга у Энди и у доктора Пиншо зародилось подозрение, что он просто-напросто израсходовал свой талант, растратил его, пока они с Чарли были в бегах: Нью-Йорк, аэропорт Олбани, Гастингс Глен... Зародилось у них обоих и другое подозрение — возможно, тут психологический барьер. Сам Энди склонялся к тому, что либо способности безвозвратно утрачены, либо включился защитный механизм и мозг отказывается дать ход тому, что может убить его. Он еще не забыл, как немеют щеки и шея, как лопаются глазные сосудики.

В любом случае налицо было одно — дырка от бублика. Поняв, что слава первооткрывателя, заполучившего неопровержимые лабораторные данные о даре внушения, ускользает от него, Пиншо стал все реже заглядывать к своему подопечному.

Тесты продолжались весь май и июнь; сначала Энди имел дело с добровольцами, позже — с ничего не подозревающими подопытными кроликами. Пиншо признал, что это не совсем этично, но ведь и первые опыты с ЛСД, добавил он, не всегда были этичны. Поставив знак равенства между тем злом и этим, Пиншо, видимо, без труда успокоил свою совесть. А впрочем, рассуждал Энди, какая разница: все равно я ни на что не способен.

Правда, месяц назад, сразу после Дня независимости, они начали испытывать его дар на животных. Энди было возразил, что внушить что-либо животному еще менее реально, чем безмозглому человеку, но Пиншо и его команда пропустили это мимо ушей: им нужна была видимость деятельности. И теперь раз в неделю Энди принимал в кабинете собаку, или кошку, или обезьянку, что сильно смахивало на театр абсурда. Он вспоминал таксиста, принявшего долларовую бумажку за пятисотенную. Вспоминал робких служащих, которых он встряхнул, чтобы они обрели почву под ногами. А еще раньше, в Порт-сити, Пенсильвания, он организовал программу для желающих похудеть: желали этого в основном одинокие домохозяйки, имевшие слабость к тортикам из полуфабриката, пепси-коле и любым сэндвичам — лишь бы что-нибудь повкуснее между ломтями хлеба; это как-то скрашивало безрадостную жизнь. Большинство этих женщин уже сами настроились скинуть лишний вес, оставалось их подтолкнуть самую малость. Что он и делал. Еще Энди думал о том, как он обошелся с двумя молодчиками из Конторы, похитившими Чарли.

Сейчас бы он не смог повторить ничего подобного. Дай Бог вспомнить, что он при этом чувствовал. А тут сиди не сиди — ничего не высидишь; собаки лизали ему руку, кошки мурлыкали, обезьяны глубокомысленно почесывали зады, иногда вдруг обнажая клыкастый рот в апокалиптической ухмылке, до жути напоминавшей улыбку Пиншо, — короче, животные вели себя, как им и подобает. По окончании теста Энди уводили обратно в квартиру без дверных ручек, и на кухонном столе его ждала голубая таблетка на блюдечке, и мало-помалу нервозность и мрачные мысли оставляли его. Он входил в норму. И садился смотреть по специальному каналу новый фильм с Клинтом Иствудом... или, на худой конец, «Клуб РВ». В эти минуты он как-то забывал, что утратил свой дар и превратился в никчемного человека.

Впоследствии Джон Рэйнберд пришел к убеждению, что нарочно подгадать такую карту едва ли было возможно...

хотя, будь на плечах у этих модных душеведов голова, а не кочан капусты, они бы эту карту подгадали. На деле же все решила счастливая случайность — свет погас, что позволило ему, Рэйнберду, наконец-то поддеть зубилом краешек психологической брони, в которую заковалась Чарли Макги. Счастливая случайность и его сверхъестественное наитие.

Он вошел к Чарли в половине четвертого, когда гроза только-только начиналась. Он толкал перед собой тележку, как это делают коридорные в гостинице или мотеле. На тележке были чистые простыни и наволочки, политура для мебели, жидкость для чистки ковров. А также ведро и швабра. К тележке крепился пылесос.

Чарли сидела в позе лотоса на полу возле кушетки в своем голубом трико. Она подолгу так сидела. Кто-то другой принял бы это за наркотический транс, только не Рэйнберд. Девочке, правда, еще давали таблетки, но теперешние дозы были скорее символическими. Все психологи с досадой подтвердили: слова Чарли о том, что она не станет больше ничего поджигать, — не пустая угроза. Ее сразу посадили на наркотики, боясь, как бы она не устроила пожар, чтобы сбежать, но, похоже, это не входит в ее намерения... если у нее вообще есть какие-то намерения.

— Привет, подружка, — сказал Рэйнберд и отсоединил пылесос.

Она взглянула на него, но ничего не ответила. Когда заработал пылесос, она грациозно поднялась с пола и ушла в ванную. Дверь за ней закрылась.

Рэйнберд принялся чистить ковер. В голове у него не было четкого плана. Какой тут план? Лови на ходу любой намек, малейшее движение и, зацепившись за него, устремляйся вперед. Он не переставал восхищаться девочкой. Ее папаша расползлся как студень, что на языке врачей выражалось терминами «подавленность» и «распад личности», «мысленный эскепизм» и «утрата чувства реальности», ну а проще говоря, он сломался, и на нем смело можно было ставить крест. А вот девочка, та не сдалась. Она просто ушла в свою раковину. Оставаясь один на один

с Чарли Макги, Рэйнберд вновь становился настоящим индейцем, не позволяющим себе расслабиться ни на минуту.

Он скреб ковер пылесосом и ждал — может быть, она к нему выйдет. Пожалуй, в последнее время она стала чаще выходить из ванной комнаты. Поначалу она отсиживалась там, пока дверь за ним не закрывалась. Теперь иногда выглядывает, наблюдает за его работой. Может, и сегодня выглянет. А может, нет. Он будет ждать. И ловить малейший намек.

Чарли только притворила дверь в ванную. Запереться не было возможности. До прихода уборщика она осваивала несложные упражнения, вычитанные из книги. Сейчас уборщик наводит там порядок. До чего холодное это сиденье. И свет от люминесцентных ламп, отраженный в зеркале, тоже делает все вокруг неправдоподобно белым и холодным.

Сначала вместе с ней жила «добрая тетя» лет сорока пяти. Она должна была заменить ей маму, но «добрую тетю» выдавал жесткий взгляд. Ее зеленые глаза посверкивали, как льдинки. Они убили мою маму, сказала себе Чарли, а вместо нее присылают неизвестно кого. Она заявила, что не хочет жить ни с какой «мамой». Ее заявление вызвало улыбки. Тогда Чарли поставила условие этому Хокстеттеру: если он уберет зеленоглазую, она будет отвечать на его вопросы. Чарли перестала разговаривать и не проронила ни звука, пока не избавилась от «мамы» и ее леденящих глаз. Она хотела жить с одним человеком, папой, — а не с ним, так ни с кем.

Во всех отношениях пять месяцев, что она провела здесь (эту цифру ей назвали, сама она потеряла ощущение времени), казались ей сном. Еда не имела вкуса. Все дни были на одно лицо, а человеческие лица безликими, они всплывали и выплывали как бы вне туловища, точно воздушные шары. Она и себе самой порой казалась воздушным шаром. Летит и летит. Разве только в глубине души гнездилась уверенность: так мне и надо. Я убийца. Я нарушила первейшую из заповедей и теперь попаду в ад.

Чарли думала об этом по ночам, когда приглушенный свет заливал спальню, и тотчас появлялись призраки. Бегущие люди с огненным ореолом вокруг головы. Взрывающиеся машины. Цыплята, поджаренные заживо. И запах гари, всегда вызывающий в памяти другой запах — тлеющей набивки плюшевого медвежонка.

И ей это нравилось.

То-то и оно. В том-то и беда. Чем дальше, тем больше ей это нравилось; чем дальше, тем сильнее ощущала она свое могущество, этот живой источник, набирающий и набирающий силу. Это ощущение казалось ей похожим на сноп света: чем дальше, тем шире и шире... Мучительно трудно бывает остановиться.

Даже дух захватывало.

И поэтому она остановится сейчас. Умрет здесь, но зажигать ничего не станет. Вероятно, она даже хотела умереть. Умереть во сне — ведь это совсем не страшно.

В ее сознании запечатлелись только два человека — Хокстеттер и этот уборщик, наводивший каждый день порядок в ее жилище. Зачем так часто, спросила она его однажды, когда здесь и так чисто.

Джон — так его звали — вытащил из заднего кармана старенький замусоленный блокнот, а из нагрудного кармана грошовую шариковую ручку. Вслух он сказал: «Работа, подружка, у меня такая». А в блокноте написал: «Куда денешься, когда они тут все дерьмо?»

Она чуть не прыснула, однако вовремя вспомнила про людей с огненным ореолом вокруг головы и про запах человеческого мяса, напоминающий запах тлеющего плюшевого медвежонка. Смеяться опасно. Поэтому она сделала вид, что не разглядела записку или не поняла ее. С лицом у этого уборщика было что-то жуткое. Один глаз закрывала повязка. Ей стало жаль его, она уже собиралась спросить, из-за чего это — автомобильная авария или другое несчастье, но тут же подумала, что это еще опаснее, чем прыснуть от фразы в блокноте. Она не смогла бы этого объяснить, просто интуитивно чувствовала каждой клеточкой.

Вообще он производил приятное впечатление при всей своей страхолюдной внешности, с которой, кстати, вполне

мог бы поспорить Чак Эберхардт, ее сверстник из Гарри-сона. Когда Чаку было три года, он опрокинул на себя сковородку с кипящим жиром, и это едва не стоило ему жизни. Мальчишки потом дразнили Чака Шкваркой и Франкенштейном, чем доводили его до слез. Это было гадко. Никому и в голову не приходило, что такое может случиться с каждым. В три-то года головенка маленькая и умишко соответственный.

Исковерканное лицо Джона ее не пугало. Её пугало лицо Хокстеттера, хотя оно ничем не выделялось — только что глазами. Глаза у него были еще ужаснее, чем у «доброй тети». Они впивались в тебя. Хокстеттер уговаривал Чарли поджечь что-нибудь. Клещом вцепился. Он приводил ее в кабинет, где иногда лежали скомканные газеты, стояли стеклянные плошки с горючей смесью или что-то в этом роде. Он расспрашивал ее о том о сем и сюсюкал, а кончалось всегда одним: Чарли, подожги это.

С Хокстеттером ей было страшно. Она чувствовала, что у него в запасе много разных... разных

хитростей

хитростей, и с их помощью он заставит ее что-нибудь поджечь. Нет, она не будет. Но страх подсказывал, что будет. Хокстеттер ни перед чем не остановится, для него все средства хороши. Однажды во сне она превратила его в живой факел и в ужасе проснулась, зажимая обеими руками рот, чтобы не закричать.

Как-то раз, желая оттянуть неизбежный финал, она спросила у Хокстеттера, когда ей разрешат увидеться с папой. Она бы давно спросила, если бы наперед не знала ответ. Но тут она была особенно усталая и подавленная, и вопрос вырвался сам собой.

— Чарли, ты же знаешь, что я тебе отвечу. — Хокстеттер показал на стол в нише. Там на металлическом подносе лежала горкой деревянная стружка. — Подожди это, и я сразу отведу тебя к отцу. Ты можешь увидеть его хоть через две минуты.

Взгляд у Хокстеттера был холодный, цепкий, а рот растягивался в эдакой свойской улыбочке. — Ну что, по рукам?

— Дайте спички, — сказала Чарли, чувствуя, как подкатывают слезы. — Дайте спички, и я подожгу.

— Ты можешь это сделать одним усилием воли. Разве не так?

— Нет. Не так. А если даже могу, все равно не буду. Нельзя.

Свойская улыбочка Хокстеттера увяла, зато в глазах изобразилось участие.

— Чарли, зачем ты себя мучаешь? Ты ведь хочешь увидеть папу? И он тебя тоже. Он просил тебе передать, что поджигать можно.

И тут слезы прорвались. Она плакала долго, навзрыд; еще бы ей не хотелось его увидеть, да она каждую минуту думала о нем, тосковала, мечтала оказаться под защитой его надежных рук. Хокстеттер смотрел, как она плачет, и в его взгляде не было ни теплоты, ни симпатии, ни даже сожаления. Зато было другое — расчет. О, как она его ненавидела!

С тех пор прошло три недели. Она упрямо молчала о своем желании повидаться с отцом, хотя Хокстеттер без конца заводил одну пластинку: про то, как ее папе одиноко, и что он разрешает ей поджигать, и — это добило Чарли — что она папу, наверное, больше не любит... так он сказал Хокстеттеру.

Она вспоминала все это, глядя на свое бледное личико в зеркале и прислушиваясь к ровному гудению пылесоса. Когда Джон покончит с ковром, он перестелет белье. Потом вытрет пыль. Потом уйдет. Лучше бы он не уходил — ей вдруг так захотелось услышать его голос!

Раньше она отсиживалась в ванной до его ухода; был случай, когда он выключил пылесос, постучал к ней в дверь и обеспокоенно спросил:

— Подружка? Ты как там? Может, тебе плохо, а?

В его голосе было столько доброты — простой, безыскусной, от которой ее здесь давно отучили, — что она с большим трудом придала своему голосу твердость, ибо в горле уже стоял комок:

— Нет... все хорошо.

Пока она гадала, пойдет ли он дальше, попытается ли влезть к ней в душу, как это делали другие, он отошел от

двери и снова включил свой пылесос. Она даже была немного разочарована.

В другой раз она вышла из ванной комнаты, когда Джон мыл пол, и тут он сказал, не подымая головы:

— Осторожно, пол мокрый. Смотри не расшибись.

Всего несколько слов, но как они ее растрогали — его заботливость, грубоватая, без затей, шла не от ума — от сердца.

В последнее время она все чаще выходила из своего укрытия, чтобы понаблюдать за ним. Понаблюдать... и послушать. Изредка он спрашивал ее о чем-нибудь, но его вопросы не таили в себе угрозы. И все-таки она предпочитала не отвечать — принцип есть принцип. Однако Джона это не смущало. Он себе продолжал говорить: об успехах в кегельбане, о своей собаке, о сломавшемся телевизоре, который ему теперь долго не починить, потому что даже маленькая трубочка стоит бешеные деньги.

Он, должно быть, совсем одинокий. За такого некрасивого кто замуж пойдет? Она любила слушать его — это был ее тайный выход во внешний мир. Его низкий с распевом голос звучал убаюкивающе. Ни одной резкой или требовательной ноты, не то что у Хокстеттера. Не хочешь — не отвечай.

Она поднялась с сиденья, подошла к двери... и тут погас свет. Она остановилась в недоумении, напрягая слух. Не иначе какая-то уловка. Пылесос прощально взвыл, и сразу раздался голос Джона:

— Что за чертовщина?

Свет зажегся. Но Чарли не трогалась с места. Опять загудел пылесос. Послышались приближающиеся шаги и голос Джона:

— У тебя там тоже свет гас?

— Да.

— Гроза, видать.

— Гроза?

— Все небо обложило, когда я шел на работу. Здоровенные такие тучи.

Все небо обложило. Там, на воле. Вот бы сейчас на волю, на тучи бы посмотреть. Втянуть носом воздух,

какой-то особенный перед летней грозой. Парной, влажный. И все вокруг та...

Опять погас свет.

Пылесос отгудел свое. Тьма была крошечная. Единственной реальностью для Чарли служила дверь, найденная на ощупь. Чарли собиралась с мыслями, трогая верхнюю губу кончиком языка.

— Подружка?

Она не отвечала. Уловка? Он сказал — гроза. И она поверила. Она верила Джону. Удивительное, неслыханное дело: после всего, что произошло, она еще могла кому-то верить.

— Подружка?

На этот раз в его голосе звучал... испуг.

Как будто ее собственный страх перед темнотой, едва успевший заявить о себе, отозвался в нем с удвоенной силой.

— Что случилось, Джон?

Она открыла дверь и выставила перед собой руки. Она еще не рискнула шагнуть вперед, боясь споткнуться о пылесос.

— Да что же это? — сейчас в его голосе зазвенели панические нотки. Ей стало не по себе. — Почему нет света?

— Погас, — объяснила она. — Вы говорили... гроза...

— Я не могу в темноте. — Тут были ужас и наивная попытка самооправдания. — Тебе это не понять. Но я не могу... Мне надо выбраться... — Она слышала, как он бросился наугад к выходу и вдруг упал с оглушительным грохотом — по-видимому, опрокинул кофейный столик. Раздался жалобный вопль, от которого ей еще больше стало не по себе.

— Джон? Джон! Вы не ушиблись?

— Мне надо выбраться! — закричал он. — Скажи им, чтобы они меня выпустили!

— Что с вами?

Долго не было никакого ответа. Затем она услышала сдавленные звуки и поняла, что он плачет.

— Помоги мне!

Чарли в нерешительности стояла на пороге. Ее подозрительность уступила место сочувствию, но не до конца — что-то ее по-прежнему настораживало.

— Помогите... кто-нибудь... — бормотал он, бормотал так тихо, словно и не рассчитывал быть услышанным, тем более спасенным. Это решило дело. Медленно, выставив перед собой руки, она двинулась на его голос.

Рэйнберд, услышав ее шаги, невольно усмехнулся — жестко, злорадно — и тотчас прикрыл рот ладонью — на случай, если свет вдруг опять вспыхнет.

— Джон?

Стараясь изобразить в голосе неподдельную муку, он выдавил сквозь усмешку:

— Прости, подружка. Просто я... Это темнота... Я не могу в темноте. После того, как они держали меня в яме.

— Кто?

— Конговцы.

Она была уже совсем рядом. Он согнал с лица ухмылку, вживаясь в роль. *Страх. Тебе страшно с тех пор, как вьетконговцы посадили тебя однажды в темную яму и держали там... а перед этим один из них снес тебе пол-лица... и сейчас ты нуждаешься в друге.*

Отчасти роль была невыдуманной. Оставалось лишь убедить девочку в том, что его волнение — как бы не упустить счастливый случай — объясняется ничем иным, как отчаянным страхом. И все-таки было страшно — страшно завалить роль. В сравнении с этим выстрел ампулой оразина казался детской забавой. Она ведь чует за версту. По лицу его градом катился пот.

— Кто это — конговцы? — спросила она почти над ухом у Рэйнберда. Ее рука скользнула по его лицу и тут же попала в тиски. Чарли охнула.

— Эй, не бойся, — прошептал он. — Я только...

— Вы... больно! Вы делаете мне больно.

Вот! Этого он и добивался. Судя по тону, она тоже боится, боится темноты и его боится... но и тревожится за него. Пусть почувствует, что он хватается за соломинку.

— Прости, подружка. — Он ослабил хватку, но руку не выпустил. — А ты можешь... сесть рядом?

— Ну конечно.

Она почти неслышно уселась на пол, он же чуть не подпрыгнул от радости. Кто-то — далеко-далеко — что-то кричал неизвестно кому.

— Выпустите нас! — завопил Рэйнберд. — Выпустите нас! Выпустите! Эй, вы там, слышите!

— Ну что вы, что вы, — занервничала Чарли. — С нами все в порядке... разве не так?

Его мозг, эта идеально отлаженная машина, заработал с невероятной скоростью, сочиняя сценарий с заглядом на три-четыре реплики вперед, чтобы обезопасить себя, но в то же время не запороть блестяще начатую импровизацию. Больше всего сейчас его волновало, насколько он может рассчитывать, как долго продержится темнота. Он настраивал себя на худший вариант. Что ж, он успел поддеть зубилом самый краешек. А там уж как Бог даст.

— Да вроде, — согласился он. — Все из-за этой темени. Хоть бы одна спичка, мать ее так... Ой, извини, подружка. С языка сорвалось.

— Ничего, — успокоила его Чарли. — Папа тоже иногда выражается. Один раз чинил в гараже мою коляску и ударил себя молотком по пальцу и тоже сказал это... раз шесть, наверно. И не только это. — Никогда еще она не бывала с Рэйнбердом столь разговорчивой. — А они скоро откроют?

— Не раньше чем врубят ток, — ответил он убитым голосом, хотя в душе ликовал. — У них тут все двери, подружка, с электрическими замками. Если вырубить ток, замок намертво защелкивается. Они, дьявол их... они держат тебя в настоящей камере. С виду такая уютненькая квартирка, а на самом деле тюрьма.

— Я знаю, — сказала она тихо. Он продолжал сжимать ее руку, но Чарли уже не протестовала. — Только не надо громко. Я думаю, они подслушивают.

Они! Горячая волна торжества захлестнула Рэйнберда. Он и забыл, когда последний раз испытывал такое. *Они.* Сама сказала — *они!*

Чувствуя, как поддается броня, в которую заковалась Чарли Макги, он бессознательно стиснул ее руку.

— Прости, подружка, — сказал он, слегка разжимая пальцы. — Что подслушивают, уж это точно. Только не сейчас, когда нет тока. Все, я больше не могу... пусть меня выпустят! — Он весь дрожал.

— Кто это — конговцы?

— А ты не знаешь?.. Ну да, ты еще маленькая. Война, подружка. Война во Вьетнаме. Вьетконговцы — они были плохие. Жили в джунглях. И носили такие черные... Ну, вроде пижамы. Ты ведь знаешь про вьетнамскую войну?

Она знала... Смутно.

— Наш патруль напоролся на засаду, — начал он. Это была правда, но дальше дороги Рэйнберда и правды расходились. Стоило ли смущать девочку такой деталью, что все они закосели — салаги накурились камбоджийской марихуаны, а их лейтенантик, выпускник Вест-Пойнта, уже балансировавший на грани безумия, вконец одурел от пейота, который он жевал, не переставая. Однажды Рэйнберд сам видел, как этот лейтенантик разрядил обойму в живот беременной женщины и оттуда полетели куски шестимесячного ребенка; позже лейтенантик объяснил им, что это называется «аборт по-вест-пойнтски». И вот их патрульная команда возвращалась на базу и напоролась на засаду, только в засаде сидели свои же ребята, закосевшие на порядок выше, так что четверых патрульных уложили на месте. Не стоит, решил Рэйнберд, посвящать девочку в эти подробности, равно как и в то, что мина, разукрасившая ему половину лица, была изготовлена в Мэриленде.

— Спаслись удалось шестерым, — продолжал он. — Мы рванули оттуда. Через джунгли. И меня, видно, понесло не в ту сторону. В ту, не в ту... В такой кретинской войне, когда даже нет линии фронта, кто знает, где она, та сторона? Я отстал от своих. Все пытался отыскать знакомые ориентиры, и вдруг — минное поле. Результат на лице.

— Бедненький, — сказала Чарли.

— Когда я очнулся, я уже был у них в руках, — продолжал Рэйнберд, углубляясь в дебри легендарного острова под названием Чистый Вымысел. На самом деле

он пришел в сознание в сайгонском армейском госпитале с капельницей. — Они сказали, что не будут меня лечить, пока я не отвечу на их вопросы.

Теперь не торопись. Два-три правильных хода, и партия за тобой.

Он возвысил голос, придав ему оттенок горечи и какой-то растерянности перед людской жестокостью.

— Допросы, с утра до вечера допросы. Передвижение частей... развертывание стрелковых подразделений... про-виант... их интересовало все. Они не давали мне передышки. Буквально тянули из меня жилы.

— А вы? — с горячностью спросила Чарли. Сердце у него радостно забилося.

— Я объяснял им, что ничего не знаю, что мне нечего сказать, что я обыкновенный салага со скаткой за плечами, да просто бирка с номером. А они не верят. А у меня все лицо... такая боль... Я на коленях ползал, просил дать мне морфия... потом, говорят... ответишь — будет морфий. И в хороший госпиталь отправим... как ответишь.

Пришел черед Чарли стиснуть ему руку. Она вспомнила глаза Хокстеттера, показывающего ей на металлический поднос, где высится горка деревянной стружки. *Ты же знаешь, что я тебе отвечаю... Подожди это, и я сразу отведу тебя к отцу. Ты можешь увидеть его хоть через две минуты.* Ее сердце заныло от жалости к этому человеку с израненным лицом, к этому взрослому мужчине, который боялся темноты. Как она понимала все, что ему довелось пережить. Ей была знакома эта боль. По лицу потекли слезы — она беззвучно оплакивала его в темноте... его и немножко себя. То были невыплаканные за пять месяцев слезы. В них смешались боль и гнев — за Джона Рэйнберда, за отца, за маму, за себя. Эти слезы обжигали.

Она плакала беззвучно, но у Рэйнберда были не уши, а радары, и ему опять пришлось подавить ухмылку. Что и говорить, ловко он поддел броню. Есть простые замки, есть с секретом, но нет таких, к которым нельзя было бы подобрать отмычку.

— Они мне так и не поверили. Они бросили меня в яму, а там темень даже днем. Места — только повернуться, я

ползал, натыкаясь на обрубки корней... иногда сверху пробивалась полоска света. Кто-то подходил к яме — комендант, что ли, — все спрашивал: надумал отвечать на вопросы? Он говорил, что я стал похож на дохлую рыбу. Что у меня гниет лицо, что то же самое скоро будет с мозгом и тогда я сойду с ума и умру. Он все спрашивал: не соскучился по солнышку? Я просил его... умолял... матерью своей клялся, что ничего не знаю, а они — ржут. Потом закладывали яму досками и землей присыпали. Живьем замуровывали. Темень была... как сейчас...

Он задохнулся, и Чарли еще крепче стиснула его руку, давая понять, что она рядом.

— В этой яме был еще лаз метра на два. Я залезал туда, чтобы... ну, сама понимаешь. Вонь была такая — я думал, концы отдам, задохнусь от запаха собственного дерь... — Он застонал. — Прости. Недетская это история.

— Ничего. Рассказывайте, если вам от этого легче.

Он поколебался и решил добавить последний штрих:

— Я просидел там пять месяцев, пока меня не обменяли.

— А что же вы ели?

— Они швыряли мне гнилой рис. Иногда пауков. Живых. Огромные такие пауки древесные, кажется. Я гонялся за ними впотьмах, убивал их и ел.

— Фу, гадость какая!

— Они превратили меня в зверя, — сказал он и замолчал, тяжело переводя дыхание. — Тебе тут, конечно, живется получше, подружка, но, в сущности, это одно и то же. Мышеловка. Как думаешь, дадут они наконец свет?

Она долго не отвечала, и у него екнуло сердце — не перегнул ли он палку. Затем Чарли сказала:

— Неважно. Главное, мы вместе.

— Это точно, — согласился он и вдруг словно спохватился: — Ты ведь не скажешь им ничего, правда? За такие разговорчики они меня вышвырнут в два счета. А я держусь за эту работу. С таким лицом хорошую работу найти непросто.

— Не скажу.

Еще немножко поддалась броня. Теперь у них был общий секрет.

Он обнимал ее. Он пытался представить, как обеими руками сожмет эту шейку. Вот главная его цель, остальное мур — эти их тесты и прочие игрушки. *Она...* а там, глядишь, и он сам. Она ему нравилась все больше и больше. Это уже было похоже на любовь. Придет день, и он проводит ее за последнюю черту и будет жадно искать ответ в ее глазах. А если они дадут ему знак, которого он так долго ждал... возможно, он последует за ней. Да. Возможно, в этот мрак крошечный они отправятся вместе.

А там, за дверью, прокатывались волны общего смятения — то где-то далеко, то совсем рядом.

Рэйнберд мысленно поплевал на руки и с новыми силами принялся за дело.

У Энди и в мыслях не было, что его не могут выволить по одной простой причине: с выходом из строя электросети автоматически заклинило двери. Потеряв всякое представление о времени, доведенный паническим страхом до полубоморочного состояния, он был уверен, что загорелось здание, уже, казалось, чувствовал запах дыма. Между тем небо расчистилось; дело шло к сумеркам.

И вдруг он мысленно увидел Чарли, увидел так ясно, будто она стояла перед ним.

Она в опасности, Чарли в опасности.

Это было озарение, впервые за многие месяцы; в последний раз с ним это случилось в день их бегства из Ташмора. Он давно распрощался с мыслью, что такое еще возможно, как и со своим даром внушения, и вот тебе раз: никогда раньше озарения не бывали столь отчетливыми, даже в день убийства Вики.

Так, может, и дар внушения не оставил его? Не исчез бесследно, а лишь дремлет до поры?

Чарли в опасности!

Что за опасность?

Он не знал. Но мысль о дочери, страх за нее мгновенно воссоздали среди непроглядной черноты ее образ до мельчайших деталей. И эта вторая Чарли — те же широко посаженные голубые глаза, те же распущенные русые волосы — разбудила в нем чувство вины... хотя вина —

слишком мягко сказано, — его охватил ужас. Оказавшись в темноте, он все это время трясся от страха, от страха за себя. И ни разу не подумал о том, что Чарли тоже, наверное, сидит в этой темнотище.

Не может быть, уж за ней-то они точно придут, если сразу не пришли. Чарли нужна им. Это их выигрышный билет.

Все так, и тем не менее его не оставляла леденящая уверенность — ей угрожает серьезная опасность.

Страх за дочь заставил его отбросить свои страхи, во всяком случае, взять себя в руки. Отвлекаясь от собственной персоны, он обрел способность мыслить более здраво. Первым делом он осознал, что сидит в луже имбирного пива, отчего брюки стали мокрыми и липкими. Он даже вскрикнул от безгливости.

Движение. Вот средство от страха.

Он привстал, наткнулся на банку из-под пива, отшвырнул ее. Банка загрохотала по кафельному полу. В горле пересохло — хорошо что в холодильнике нашлась другая банка. Он открыл ее, уронив при этом алюминиевое кольцо в прорезь, и начал жадно пить. Колечко попало в рот, и он машинально выплюнул его, а ведь случись такое даже час назад, его бы еще долго трясло от неожиданности.

Он выбирался из кухни, ведя свободной рукой по стене. В отсеке, где находились его апартаменты, царила тишина, и хотя нет-нет да и долетали какие-то отголоски, судя по всему, никакой паникой или неразберихой в здании не пахло. Что касается дыма, то это была просто галлюцинация. Духота отчасти объяснялась тем, что заглохли кондиционеры.

Энди не вошел в гостиную, а свернул налево и ощупью пробрался в спальню. Нашарив кровать, он поставил банку на прикроватный столик и разделся. Через десять минут он был во всем чистом, и настроение сразу поднялось. Кстати, вся процедура, подумал он, прошла как по маслу, а вспомни, какой погром ты учинил сослепу в гостиной, когда погас свет.

Чарли... что с ней могло стрястись?

Не то чтобы он чувствовал, будто с ней что-то стряслось, скорее тут другое: что-то происходит, что-то ей угрожает. Увидеться бы им, тогда бы...

Он горько рассмеялся. Валяй дальше. Кабы во рту росли бобы, а сидню бы да ноги... То-то и оно-то. С таким же успехом ты можешь пожелать снегу летом. С таким же успехом...

На мгновение его мозг притормозил, а затем снова заработал, но уже более размеренно и без всякой горечи.

С таким же успехом ты можешь пожелать, чтобы служащие обрели веру в себя.

И чтобы толстухи похудели.

И чтобы ослеп один из головорезов, похитивших Чарли.

И чтобы к тебе вернулся твой дар внушения.

Его руки беспокойно забегали по покрывалу, тянули его, комкали, щупали — это была неосознанная потребность в своего рода сенсорном подзаряде. Но разве есть надежда, что дар вернется? Никакой. Поди внуши им, чтобы его привели к Чарли. Все равно, что внушить бейсбольному тренеру, чтобы его взяли подающим в команду «Красных». Он уже неспособен никого подтолкнуть.

А вдруг?

Впервые он засомневался. Может быть, его «я» — длинное «я» — вдруг запротестовало, не захотело мириться с его готовностью следовать по пути наименьшего сопротивления, подчиняться любому их приказу. Возможно, его внутреннее «я» решило не сдаваться без боя.

Он сидел на постели, нервно теребя покрывало.

Неужели это правда... или он выдает желаемое за действительное после случайного озарения, которое ровным счетом ничего не доказывает? Озарение, быть может, такой же самообман, как запах дыма — следствие его нервозности. Озарение не проверить, и дар внушения тоже сейчас испытать не на ком.

Он отпил пива из банки.

Предположим, дар к нему вернулся. На нем далеко не уедешь, уж он-то знает. Ну, хватит его на серию слабых уколов или на три-четыре нокаутующих удара — и все,

выноси вперед ногами. К Чарли, допустим, он прорвется, но о том, чтобы выбраться отсюда, не может быть и речи. Все, чего он добьется, это подтолкнет себя к могиле, устроив прощальное кровоизлияние в мозг (тут его пальцы непроизвольно потянулись к лицу, туда, где были онемевшие точки).

Другая проблема — торазин. Отсутствие лекарства явно сыграло не последнюю роль в его недавней панике, а ведь он всего-навсего просрочил прием одной таблетки. Даже сейчас, когда он взял себя в руки, он чувствует потребность в этой таблетке с ее умиротворяющим, убаюкивающим действием. Поначалу перед каждым тестом его два дня выдерживали без торазина. Он становился дерганным и мрачным, как обложная туча. А тогда он еще не успел по-настоящему в это втянуться.

— Ты стал наркоманом, тут и думать нечего, — прошептал он.

Но если вдуматься, вопрос оставался открытым. Он знал, существуют привыкания физиологического порядка — например, влечение к никотину или героину, что, в свою очередь, вызывает перестройку центральной нервной системы. И есть привыкания психологического свойства. С ним вместе работал один парень, Билл Уоллес, так тот дня не мог прожить без трех-четырех бутылочек тоника; а Квинси, его дружок по колледжу, помешался на жареном картофеле в пакетиках «Шалтай-Болтай», который производила какая-то фирма в Новой Англии, — все прочие разновидности, утверждал он, этому картофелю в подметки не годятся. Такую привычку Энди определял как психологическую. Чем была обусловлена его собственная тяга к торазину, он не знал; одно не вызывало сомнений: без него он не мог. Вот и сейчас — только подумал о голубой таблетке на блюдечке, и во рту опять пересохло. Уже давно они не оставляют его в преддверии теста без наркотика — то ли опасаются, что у него начнется истерика, то ли продолжают испытания только для порядка — кто знает?

Так или иначе положение сложилось отчаянное, безвыходное: принимая торазин, он терял силу внушения, отка-

заться же от наркотика у него не было сил (а если бы нашлись? Что ж, им стоит разок поймать его на месте преступления... да, уж это откроет перед ними широкие горизонты). Вот зажжется свет, принесут на блюдечке голубую таблеточку, и он тут же на нее набросится. И так, таблетка за таблеткой, постепенно вернется в состояние устойчивой апатии, в какой пребывал до сегодняшнего происшествия. То, что с ним сегодня приключилось, — это так, маленькое завихрение, причудливый фортель. А кончится все тем же «Клубом РВ» и Клинтон Иствудом по ящику и обильной снедью в холодильнике. То бишь еще большим брюшком.

Чарли, Чарли в опасности, она попала в беду, ей будет очень плохо.

Все равно он бессилен ей помочь.

Но даже если не бессилен, даже если ему удастся скинуть камень, что придавил его, и они отсюда вырвутся — короче, во рту вырастут бобы, а сидень почувствует под собой ноги? А почему бы и нет, черт возьми? — все равно будущее Чарли останется проблематичным...

Он повалился на спину, раскинув руки. Участок мозга, занятый проблемой торазина, никак не хотел уgomониться. Настоящее было тупиком, поэтому он погрузился в прошлое. Вот они с Чарли бегут по Третьей авеню — высокий мужчина в потертом вельветовом пиджаке и девочка в красно-зеленом, — и движения их невыносимо медлительны... как в ночном кошмаре, когда в спину тебе дышит погоня. А вот Чарли — бледная, с искаженным лицом — рыдает после того, как она опустошила телефонные автоматы в аэропорту... а заодно подпалила какого-то солдата.

Память вернула его к еще более далеким дням — Порт-сити, Пенсильвания и миссис Герни. Толстая, печальная, в зеленом брючном костюме, она однажды вошла в заведение под вывеской «Долой лишний вес!», прижимая к груди объявление, задуманное и аккуратно выведенное рукой Чарли: «ЕСЛИ ВЫ НЕ ПОХУДЕЕТЕ, МЫ БУДЕМ КОРМИТЬ ВАС БЕСПЛАТНО ПОЛГОДА».

За семь лет, с пятидесятого по пятьдесят седьмой, миссис Герни родила своему мужу, диспетчеру автобазы, четверых

детей, но вот дети выросли и отвернулись от нее, и муж от нее отвернулся, завел себе другую женщину, и она его даже не осуждала, потому что в свои пятьдесят пять Стэн Герни был привлекательный мужчина, и все, как говорится, при нем, а она с тех пор, как их предпоследний ребенок пошел в колледж, постепенно набрала килограммы, и если до замужества она весила семьдесят, то под конец дошла до полутора центнеров. Чудовищно тучная, с лоснящейся кожей, вылезающая из своего зеленого костюма, она вошла и внесла за собой седалище размером со стол в кабинете директора банка. Когда она опустила голову, ища в сумочке чековую книжку, к ее трем подбородкам добавилось еще столько же.

Он подключил ее к группе, в которой уже были три толстухи. Он давал им упражнения и умеренную диету (и то и другое Энди вычитал в публичной библиотеке), а также легкую накачку в виде «рекомендаций»... и время от времени посыл средней силы.

Миссис Герни сбросила десять килограммов, еще пять, и тут она, не зная, пугаться ей или радоваться, призналась ему, что у нее пропадает желание беспрестанно отправлять в рот «что-нибудь вкусненькое». Вкусненькое перестало казаться вкусным. Раньше холодильник у нее бывал забит всякими мисочками и плосечками (а еще полуфабрикаты творожного пудинга в морозилке, а еще пончики в хлебнице), которые опустошались вечером перед телевизором, а теперь вдруг... да нет, чепуха какая-то, и все же... теперь она *забывает* об их существовании. И потом она знала, что стоит сесть на диету, как все мысли начинают крутиться вокруг еды. Так оно и было, по ее словам, когда она голодала по системе «Уэйт Уочерс»*, а тут все иначе.

Остальные три женщины из группы взялись за дело столь же рьяно. Энди поглядывал со стороны — этаким отец семейства. Его подопечных изумляла и восхищала простота новой «системы». Общефизические упражнения, некогда казавшиеся мучительно трудными и тоскливыми,

* Национальная ассоциация рационального питания.

сейчас были им почти в радость. А тут еще дамам вдруг загорелось ходить пешком. Все четверо сходились на том, что без основательной вечерней прогулки их начинает охватывать какое-то смутное беспокойство. Миссис Герни призналась, что она теперь каждый день ходит пешком в центр и обратно, хотя на круг это две мили. Раньше она всегда ездила автобусом, да и как иначе, когда остановка напротив дома.

Один раз — жутко болят мышцы ног — она изменила принципу, решив подъехать на автобусе, и так извелась, что сошла через остановку. Ги вгорили другие женщины. И все, как бы ни ныли натруженные мышцы, молились на Энди Макги.

Третье контрольное взвешивание миссис Герни показало сто двадцать килограммов, к концу шестинедельного курса она весила сто двенадцать. Муж не верил своим глазам, тем более что до сих пор ее увлечение диетами и всякими новомодными штучками было пустой тратой времени. Он испугался, что у нее рак, и погнал к врачу. Он не верил, что можно естественным образом похудеть за шесть недель на тридцать восемь килограммов. Она показала ему исколотые пальцы с мозолями на подушечках от бесконечного ушивания своих вещей. А потом заключила мужа в объятия (едва не сломав ему хребет) и всплакнула у него на плече.

Обычно его питомицы объявлялись рано или поздно, как объявлялись хотя бы раз его лучшие выпускники, — один сказать спасибо, другой похвастаться успехами, а по сути, дать понять: вот, ученик превзошел учителя... Что, кстати, происходит в жизни сплошь и рядом, полагал Энди, хотя каждый из них считал свой случай исключительным.

Миссис Герни объявилась первая. Она зашла проведать его и поблагодарить за каких-нибудь десять дней до того, как Энди кожей почувствовал слежку за собой. А в конце месяца они с Чарли уже скрылись в Нью-Йорке.

Миссис Герни по-прежнему была толстой, лишь тот, кто видел ее раньше, отметил бы разительную перемену — так выглядят в журналах рекламные снимки: до и после эксперимента. В тот свой последний приход она весила

девятью шесть килограммов. Но не это главное. Главное, что она худела каждую неделю на три килограмма плюс-минус килограмм, а дальше будет худеть по убывающей, пока не остановится на шестидесяти пяти плюс-минус пять килограммов. И никаких последствий в виде бурной декомпрессии или устойчивого отвращения к еде, что может приводить к *apogexia nervosa**. Энди хотел подзаработать на своих подопечных, но не такой ценой.

— Вы творите чудеса, вас надо объявить национальным достоянием, — воскликнула миссис Герни в конце своего рассказа о том, что она стала находить с детьми общий язык и ее отношения с мужем налаживаются. Энди с улыбкой поблагодарил ее на добром слове; сейчас же, лежа в темноте поверх покрывала и начиная задремывать, он подумал о том, что этим, собственно, все и кончилось: его и Чарли объявили национальным достоянием.

И все-таки дар — это не так уж плохо. Если ты можешь помочь такой вот миссис Герни.

Он слабо улыбнулся.

И с этой улыбкой заснул.

Прежде чем осознать, что он проснулся, Энди, по-видимому, пролежал без сна довольно долго. В такой темноте граница между сном и явью практически стиралась. Несколько лет назад он прочел об одном эксперименте: обезьян поместили в среду, которая подавила все их чувства. Животные обезумели. Теперь он понимал почему. Он не имел ни малейшего представления о том, сколько он проспал, никаких реальных ощущений, кроме...

— О Боже!

Едва он сел, как две иглы вонзились в мозг. Он зажал голову обеими руками и стал ее баюкать; мало-помалу боль не то чтобы унялась, но стала терпимой.

Никаких реальных ощущений, кроме этой чертовой головной боли. Наверно, шею вывернул, подумал он. Или...

* Отсутствие аппетита на нервной почве.

О-о-о. Нет. Эта боль ему слишком хорошо знакома. Такое у него бывает после посылы — не самого мощного, но выше среднего... посильней, чем те, что он давал толстухам или робким служащим, и чуть слабее тех, что испытали на себе те двое возле придорожной закусочной.

Он схватился руками за лицо и все ощупал, от лба до подбородка. И не обнаружил точек с пониженной чувствительностью. Он раздвинул губы в улыбке, и уголки рта послушно поднялись вверх, как им и полагалось. Сейчас бы свет — посмотреть в зеркало, не появились ли в глазах характерные красные прожилки...

Дал посыл? Подтолкнул?

Не смеши. Кого ты мог подтолкнуть?

Никого, разве только...

На мгновение у него перехватило дыхание.

Он и раньше подумывал об этом, но так и не отважился. Если перегрузить электросеть, может кончиться замыканием. Попробуй решишь на такое.

Таблетка, мелькнуло в голове. Прошли все сроки, дайте мне таблетку, дайте, слышите. Таблетка все поставит на свои места.

Мысль-то мелькнула, но желание при этом не возникло. Отсутствовал эмоциональный накал. С подобной невозмутимостью он мог попросить соседа за столом передать ему масло. А главное, он отлично себя чувствовал... если отвлечься от головной боли. В том-то и дело, что от нее нетрудно было отвлечься; его прихватывало и посильнее — ну, скажем, в аэропорту Олбани. В сравнении с той болью — эта детские игрушки.

Я сам себя подтолкнул, оторопело подумал он.

Впервые в жизни он понял, что должна была испытывать Чарли, ибо только сейчас, впервые в жизни, его испугал собственный психический дар. Впервые он понял, как мало он во всем этом понимает. Почему дар пропал? Неизвестно. Почему вернулся? Тоже неизвестно. Связано ли это с его безумным страхом, вызванным темнотой? Или с внезапным ощущением, что Чарли в опасности (где-то в подсознании помаячил образ одноглазого пирата, явившегося ему во сне, помаячил и растаял), и отвращением к

себе из-за того, что забыл о дочери? Или с тем, что он ударился головой, упав в темноте?

Неизвестно. Одно ему было ясно — он сам себя подтолкнул.

Мозг — это та сила, которая может сдвинуть мир.

Вдруг ему пришло в голову: стоило ли ограничивать себя обработкой мелких служащих и растолстевших дам, когда он один мог бы заменить собой наркологический центр? От этого ошеломительного предположения у него побежали мурашки по спине. Он уснул с мыслью — не так уж плох дар, который может спасти несчастную миссис Герни. А если он может спасти всех наркоманов в Нью-Йорке? Ничего себе размах, а?

— Бог мой, — прошептал он, — неужели я очистился?

Никакой потребности в торазине. Мысль о голубой таблетке на блюдечке не вызывала эмоций.

— Чист, — ответил он себе.

Второй вопрос: способен ли он и дальше оставаться чистым?

И тут на него обрушился целый град вопросов. Может ли он выяснить, что происходит с Чарли? Он дал себе посыл во сне — своего рода самогипноз. Но сможет ли он дать посыл другим наяву? Например, этому Пиншо с его вечной гаденькой улыбочкой? Пиншо наверняка знает все о Чарли. Можно ли заставить его рассказать? И сможет ли он все-таки выбраться отсюда вместе с дочерью? Есть ли хоть какой-нибудь шанс? А если выберутся, что дальше? Только не ударяться в бег. Отбегались, хватит. Надо искать пристанище.

Впервые за многие месяцы он был возбужден, полон надежд.

Он строил планы, принимал решения, отвергал, задавал вопросы. Впервые за многие месяцы он был в ладу со своей головой, чувствовал себя жизнеспособным, бодрым, готовым к действиям. Главное, суметь обвести их вокруг пальца — пусть думают, что он по-прежнему одурманен наркотиками и что к нему не вернулся дар внушения; если ему это удастся, может появиться шанс на контригру... какой-то шанс.

Возбужденный, он снова и снова прокручивал все это в голове, когда свет вдруг зажегся. В соседней комнате из телевизора мутным потоком полилось привычное: «Иисус-позаботится-о-вашей-душе-а-мы-о-вашем-банковском-с-чете».

Глаз, электронный глаз! Они уже наблюдают за тобой или вот-вот начнут... помни об этом!

И тут открылось как на ладони: сколько же дней, возможно, недель, ему предстоит ловчить, чтобы поймать свой шанс, и ведь скорее всего на чем-нибудь он да погорит. Настроение сразу упало... но, однако же, не возникло желания проглотить спасительную таблетку, и это помогло ему овладеть собой.

Он подумал о Чарли, и это тоже помогло.

Он сполз с кровати и расслабленной походкой направился в гостиную.

— Что случилось? — закричал он. — Я испугался! Где мое лекарство? Эй, дайте мне мое лекарство!

Он обмяк перед телевизором и тупо уставился на экран.

Но под этой маской тупости мозг — сила, которая может сдвинуть мир, — лихорадочно искал пути к спасению.

Как ее отец, проснувшись в темноте, не вспомнит толком свой сон, так Чарли Макги не сумеет потом восстановить в памяти детали своего долгого разговора с Джоном Рэйнбердом, лишь наиболее яркие моменты. Она так и не поймет, почему выложила во всех подробностях, как попала сюда, почему призналась, как ей тоскливо одной, без папы, и страшно, что ее обманом снова заставят что-нибудь поджигать.

Во-первых, конечно, темнота, а также уверенность, что *они* не подслушивают. Во-вторых, Джон... Сколько он в своей жизни натерпелся и как, бедняжка, боится темноты после того, как эти конговцы продержали его в ужасной яме. Он, наверное, об этой яме думал, когда спросил отсутствующим голосом, за что ее сюда упрятали, и она начала рассказывать, желая отвлечь его. Ну а дальше — больше. То, что она держала за семью печатями, выле-

скивалось все быстрее и быстрее, в сплошном сумбуре. Раз, или два она заплакала, и он неуклюже обнимал ее. Хороший он все-таки... даже в чем-то похож на папу.

— Ой, ведь если они поймут, что тебе все про нас известно, — неожиданно всполошилась Чарли, — они тебя тоже могут запереть. Зря я рассказывала.

— Запрут, как пить дать, — беззаботно сказал Джон. — Знаешь, подружка, какой у меня допуск? «D». Дальше политуры для мебели меня не допускают. — Он рассмеялся. — Ничего, если не проболтаешься, я думаю, все обойдется.

— Я-то не проболтаюсь, — поспешила его заверить Чарли. Она была обеспокоена тем, что если проболтается Джон, они на него насядут и сделают орудием против нее. — Жутко пить хочется. В холодильнике есть вода со льдом. Хочешь?

— Не бросай меня! — тут же откликнулся он.

— Ну давай пойдем вместе. Будем держаться за руки.

Он как будто задумался.

— Ладно.

Осторожно переставляя ноги, держась друг за дружку, они пробирались в кухню.

— Ты уж, подружка, не сболтни чего. Особенно про это. Что этакий здоровяк боится темноты. А то такой гогот подымется — меня отсюда ветром выдует.

— Не подымется, если ты им расскажешь про...

— Может, и нет. Все может быть. — Он хмыкнул. — Только по мне — лучше бы им не знать. Мне тебя, подружка, сам Бог послал.

От его слов у нее на глаза снова навернулись слезы. Наконец они добрались до холодильника, она нащупала рукой кувшин. Лед давно растаял, но все равно пить было приятно. Что я там наболтала, испуганно думала Чарли. Кажется... все. Даже такое, о чем уж никак не хочется говорить — про ферму Мэндерсов, например. Хокстеттер и эти люди, они-то про нее все знают, ну и пусть. Но Джон... теперь он тоже знает — что он о ней подумает?

И все же рассказала. Каждый раз его слова почему-то попадали в самое больное место, и она рассказывала... и

плакала. Она ждала встречных вопросов, вытягивания подробностей, осуждения, а вместо этого встретила понимание и молчаливое участие. Не потому ли он сумел понять, через какой ад она прошла, что сам побывал в аду?

— На, попей, — предложила она.

— Спасибо. — Он сделал несколько глотков и вернул ей кувшин. — Спасибо тебе.

Она поставила кувшин в холодильник.

— Пошли обратно, — сказал он. — Когда же наконец дадут свет? — Скорей бы уж. Сколько они уже здесь вдвоем? Часов семь, прикинул он, не меньше. Скорей бы выбраться отсюда и все хорошенько обмозговать. Нет, не то, о чем она ему сегодня рассказала, — тут для него не было ничего нового, а план дальнейших действий.

— Дадут, дадут, — успокаивала его Чарли.

С теми же предосторожностями они проделали обратный путь и уселись на кушетке.

— Они тебе ничего не говорили про твоего отца?

— Только, что он живой-здоровый, — ответила она.

— А что, если я попробую пробраться к нему? — сказал Рэйнберд так, будто его только что осенило.

— А ты можешь? Правда, можешь?

— А что, поменяюсь с Герби отсеками... Увижу, как он там. Скажу, что ты в норме. Нет, сказать не получится... я ему лучше записку или что-нибудь такое.

— Ты что, это ведь опасно!

— Ну, это если часто. А разок можно — я ведь твой должник. Надо глянуть, что с ним.

Она бросилась к нему на шею и расцеловала. Рэйнберд прижал ее к себе. По-своему он любил ее, сейчас больше, чем когда-либо. Сейчас она принадлежала ему, а он, хотелось верить, ей. До поры до времени.

Они сидели, почти не разговаривая, и Чарли задремала. Но тут он сказал такое, от чего она мгновенно проснулась, как от ушата холодной воды:

— Ну и зажги ты им, если можешь, какую-нибудь дерьмовую кучку, пусть подавятся.

Чарли на секунду потеряла дар речи.

— Я же тебе объясняла, — сказала она. — Это все равно что... выпустить из клетки дикого зверя. Я ведь обещала больше так не делать. Этот солдат в аэропорту... и эти люди на ферме... я убила их... я их сожгла! — кровь бросилась ей в лицо, она опять была готова расплакаться.

— Ты, я так понял, защищалась.

— Ну и что. Все равно я...

— И к тому же спасала жизнь своему отцу, разве нет?

Молчит. Но до него докатилась волна ее горестного замешательства. Он поторопился прервать паузу, пока она не сообразила, что и ее отец тоже мог погибнуть в том пожаре.

— А твой Хокстеттер... видел я его. В войну я на таких посмотрелся. Дерьмо высшей пробы. Все равно он тебя обломает — что так, что эдак.

— Вот и я боюсь, — тихо призналась она.

— Этот тип тебе еще вставит горящий фитиль в зад!

Чарли громко захихикала, хотя и смутилась; по ее смеху всегда можно было определить степень дозволенности шуток. Отсмеявшись, она заявила:

— Все равно я ничего не буду поджигать. Я дала себе слово. Это нехорошо, и я не буду.

Пожалуй, достаточно. Пора остановиться. Можно, конечно, и дальше ехать на интуиции, но он уже побаивался. Сказывалась усталость. Подобрать ключи к этой девочке не легче, чем открыть самый надежный сейф. Ехать-то дальше можно, но ежели по дороге споткнешься — пиши пропало.

— Все, молчу. Наверно, ты права.

— А ты, правда, сможешь увидаться с папой?

— Постараюсь, подружка.

— Мне тебя даже жалко, Джон. Вон сколько ты тут со мною просидел. Но, знаешь, я так рада...

— Чего там.

Они поговорили о том о сем, Чарли пристроилась у него на руке. Она задремывала — было уже очень поздно, и когда минут через сорок дали свет, она крепко спала. Поерзав оттого, что свет бил ей прямо в глаза, она ткнулась ему под мышку. Он в задумчивости смотрел на тонкий

стебелек шеи, на изящную головку. В столь хрупкой оболочке такая сила? Возможно ли? Разум отказывался верить, но сердце подсказывало, что это так. Странное и какое-то головокружительное чувство раздвоенности. Если верить сердцу, в этой девочке таилось такое, что никому и не снилось, ну разве только этому безумцу Уэнлессу.

Он перенес ее на кровать и уложил под одеяло. Когда он укрывал ее, она забормотала сквозь сон.

Он не удержался и поцеловал ее.

— Спокойной ночи, подружка.

— Спокойной ночи, папочка, — сказала она сонным голосом. После чего перевернулась на другой бок и затихла.

Он постоял над ней еще немного, а затем вышел в гостиную. Десятью минутами позже сюда ворвался сам Хокстеттер.

— Генераторы отказали, — выпалил он. — Гроза. Чертовы замки, все заклинило. Как она тут...

— Не орать, — прошипел Рэйнберд. Он схватил Хокстеттера своими ручищами за отвороты рабочего халата и рывком притянул к себе, нос к носу. — И если вы еще хоть раз при ней узнаете меня, если вы еще хоть раз забудете, что я простой уборщик, я вас убью и сделаю из вас рагу для кошек.

Хокстеттер издавал нечленораздельные звуки. Он давился слюной.

— Вы меня поняли? Убью. — Рэйнберд дважды встряхнул его.

— По-по-понял.

— Тогда вперед, — сказал Рэйнберд и вытолкнул Хокстеттера, на котором лица не было, в коридор.

Он в последний раз обернулся, а затем выкатил свою тележку и закрыл дверь; замок сработал автоматически. А Чарли спала себе безмятежно, как не спала уже много месяцев. А может быть, и лет.

МАЛЕНЬКИЕ КОСТРЫ, БОЛЬШОЙ БРАТ

Небывалая гроза прошла. И время прошло — три недели. Затяжное влажное лето продолжало властвовать над восточной Виргинией, но уже распахнули свои двери школы, и грузновато-неуклюжие желтые школьные автобусы засновали взад-вперед по ухоженным дорогам вокруг Лонгмонта. В не таком уж далеком Вашингтоне, округ Колумбия, брал разгон очередной год законоверчения, сплетен и инсинуаций в привычной атмосфере показухи, порожденной национальным телевидением, системой продуманной утечки информации и густым туманом, который умеют напускать твердолобые.

Все эти перемены не отразились на жизни двух особнячков, построенных до гражданской войны, с их кондиционированными комнатами и различными службами в нижних этажах. Кое-что общее, впрочем, было: Чарли Макги тоже начала учиться. Идея принадлежала Хокстеттеру, но если б не Джон Рэйнберд, Чарли ни за что бы не согласилась.

— Хуже не будет, — сказал он. — Разве это дело, чтобы такая умница отстала от своих однолеток. Да если б мне, черт возьми... извини, Чарли... если б мне дали настоящее образование, а не восемь классов... Драил бы я сейчас полы, как же. И потом, как-никак отвлечешься.

И она сделала это — ради Джона. Явились учителя: молоденький преподаватель английского языка, пожилая математичка, средних лет француженка в очках, мужчина в инвалидной коляске, преподававший естественные науки. Она их добросовестно слушала и, кажется, неплохо успевала... но все это ради Джона.

Джон трижды рисковал своим местом, передавая записки ее отцу, и, чувствуя собственную вину, Чарли старалась доставить Джону удовольствие. Он и ей передавал известия об отце: с ним все в порядке, он рад, что и с Чарли тоже, и еще — он участвует в серии тестов. Это ее огорчило, но она уже была достаточно взрослой, чтобы понимать, по крайней мере отчасти, — то, что нехорошо для нее, может быть хорошо для отца. А что хорошо для нее, начинала думать она, лучше всего знает Джон. Его бесхитростная, несколько забавная манера говорить (не успевает извиниться, как уже опять выругался — вот умора) действовала на нее безотказно.

После того разговора он больше не советовал ей что-либо поджигать, ни разу за десять дней. На подобные темы они теперь говорили шепотом, на кухне, где, сказал он, нет «жучков».

Но вот однажды он спросил:

— Ну что, Чарли, ты больше не думала насчет их предложения? — по ее просьбе он отставил «подружку» и стал звать ее по имени.

Ее охватил озноб. После событий на ферме Мэндерсов от одной мысли о поджоге ее начинало колотить. Она вся напрягалась, руки леденели; в докладных Хокстеттера это называлось «умеренной фобией».

— Я уже говорила, — ответила она. — Я не могу. И не буду.

— Не могу и не буду — разные вещи, — возразил Джон. Он мыл пол — очень медленно, чтобы не прекращать разговора. Пошваркивала швабра. Он говорил, почти не шевеля губами, будто каторжник под носом у охранника.

Чарли молчала.

— Есть кое-какие соображения, — сказал он. — Но если не хочешь слушать, если ты уже все решила, тогда молчу.

— Да нет, говори, — вежливо сказала Чарли, хотя предпочла бы, чтобы он помолчал, а еще лучше вообще не думал об этом, — только зря ее мучает. Но ведь Джон столько для нее сделал... и ей так не хотелось обидеть его. Она нуждалась в друге.

— Понимаешь, тогда, на ферме, они не приняли мер предосторожности, — начал Рэйнберд, — и узнали, чем это пахнет. Зато теперь семь раз отмерят. В самом деле, не устроят же они тесты в комнате, где полно бумаги и тряпок, пропитанных бензином?

— Но ведь...

Он остановил ее жестом.

— Подожди, выслушай сначала.

— Слушаю.

— Они знают, что такой... э-э... такой пожарище ты устроила один раз. А тут им нужен маленький костер, Чарли. В этом вся штука. Костерок. А если что и случится — да нет, исключено, ты просто сама не знаешь, что способна теперь лучше владеть собой... ну даже, допустим, что-нибудь случилось... кто будет виноват, а? Ты, что ли? После того, как тебе полгода выкручивали руки эти подонки. Тьфу ты. Извини, пожалуйста.

Как ни жутковато все это звучало, она прыснула в ладошку при виде его вытянувшейся физиономии.

Джон тоже улыбнулся и беспомощно пожал плечами.

— И еще я подумал вот о чем: чтобы научиться себя контролировать, нужно тренироваться и еще раз тренироваться.

— Не надо мне ничего контролировать, я лучше совсем не буду это делать.

— Как знать, как знать, — не сдавался Джон. Он поставил швабру в угол, отжал тряпку и вылил мыльную воду в раковину. В ведро полилась чистая вода. — А вдруг тебя поймают врасплох?

— Ничего меня не поймают.

— Или у тебя подскочит температура. От гриппа, или крупозного воспаления легких или, не знаю, какой-нибудь инфекции. — Это была одна из немногих толковых мыслей Хокстеттера. — Тебе аппендикс вырезали?

— Не-е-ет...

Джон принялся начисто вытирать пол.

— Моему брату вырезали, только сначала у него там все нагноилось, так что он чуть концы не отдал. Мы ведь жили в резервации, и белым было наплевать, живые мы

или подошли. У брата была температура чуть не 105 по Фаренгейту, он уже ничего не соображал, ругался по черному и разговаривал не поймешь с кем. Принял нашего отца за ангела смерти, который пришел, чтобы его унести, — представляешь, схватил нож со стола — и на родного отца... Разве я тебе не рассказывал?

— Не-ет, — прошептала Чарли, но уже не из страха быть услышанной, а от ужаса. — Хотел зарезать?

— Зарезать, — подтвердил Джон, еще раз отжимая тряпку. — Но, конечно, он не отвечал за свои действия. Это все высокая температура. Когда человек в бреду, он может что угодно сказать или сделать. Что угодно.

У Чарли все внутри похолодело. Ни о чем таком она не знала раньше.

— Если же ты научишься контролировать этот свой пир... как его там...

— Как я смогу его контролировать, если я буду в бреду?

— Тут ты, Чарли, ошибаешься. — Рэйнберд обратился к метафоре Уэнлесса, той самой, которая год назад поколебала Кэпа. — Это как научиться ходить в уборную. Когда научишься, как бы ни хотелось, — все равно дотерпишь. У больных в бреду вся постель бывает мокрая от пота, но чтобы обмочиться — такое случается редко.

Правда, на этот счет Хокстеттер был несколько иного мнения, ну да чего уж там...

— Я что хотел сказать, стоит тебе поставить это дело под контроль, и тебе не о чем волноваться. Черт заперт в коробочку. Но сначала нужно тренироваться и еще раз тренироваться. Как ты училась завязывать шнурки или выводить буквы в детском саду.

— Но я... я не хочу ничего поджигать! И не буду! Не буду!

— Ну вот, все из-за меня, — расстроился Джон. — Разве я думал... Прости, Чарли. В следующий раз прикушу свой длинный язык.

Но в следующий раз она сама завела разговор.

Это произошло спустя три или четыре дня, она успела хорошенько обдумать его построения... и, похоже, нашла в них один изъян.

— Они от меня не отстанут, — сказала она. — Будут требовать, чтобы я еще зажигала, и еще, и еще. Если бы ты знал, как они за нами гонялись! Они не отвяжутся! Сначала, скажут, маленький костер, потом больше, потом еще больше, потом... я боюсь... боюсь!

Воистину, он не переставал ею восхищаться. Интуиция и природный ум были у нее отточены до совершенства. Интересно, что сказал бы Хокстеттер, узнай он, что Чарли Макги в двух словах сформулировала их тщательно разработанный сверхсекретный план. Все их отчеты, посвященные Чарли, поднимали вопрос о том, что пироксизм был лишь одним, пускай главным ее психическим даром*, — к числу прочих Рэйнберд относил интуицию. Ее отец несколько раз повторил, что Чарли знала о приближении агентов — Эла Стейновица и прочих — к ферме Мэндерсов, знала задолго до того, как их увидела. Есть от чего хвост поджечь. Если в один прекрасный день ее интуиция обратится на его, Джона, личность... говорят, никакой ад не сравнится с оскорбленной женщиной, а Чарли, обладай она хоть половиной тех способностей, которые он в ней подозревал, вполне способна устроить ад, во всяком случае его точную копию. И тогда ему станет очень жарко. Что ж, это добавляло остроты в его будни — что-то в последнее время они пресноваты.

— Чарли, — ободряюще сказал он, — ты ведь не будешь это делать задаром.

Она озадаченно смотрела на него.

Джон вздохнул.

— Не знаю даже, как объяснить, — сказал он. — Привязался я к тебе, вот что. Ты мне вроде дочки. Как подумаю, что они тебя держат в этой клетке, к отцу не пускают, не разрешают гулять, играть, как другим девочкам... меня аж зло берет.

Она слегка поежилась, увидев, как сверкнул его здоровый глаз.

* Выражение, заимствованное у Джека Венса, автора научно-фантастических романов.

— Ты можешь многого добиться, если согласишься иметь с ними дело. Тебе останется только вовремя дергать за ниточки.

— Ниточки... — повторила Чарли, заинтригованная.

— Именно! Они еще разрешат тебе на солнышке погреться, вот увидишь. Может, и в Лонгмонт свозят купить чего-нибудь. Переберешься из этой поганой клетки в нормальный дом. Поиграешь с другими ребятами. Увидишь...

— Ну конечно.

Конечно — нет, ибо стоит им увидеться и сопоставить информацию, как добрый дядя уборщик окажется слишком добрым, чтобы поверить в неподдельность его доброты. Рэйнберд не передал Энди Макги ни единой записки. Хокстеттер посчитал, что игра не стоит свеч, и хотя его соображения Рэйнберд обычно в грош не ставил, на этот раз пришлось согласиться.

Одно дело заморочить восьмилетней девочке голову сказками про то, что на кухне нет жучков и можно шепотом говорить на любые темы, и другое — потчевать этими сказками ее отца, пусть даже смурного от наркотиков. Может статься, не настолько уж он смурной, чтобы не сообразить, какую игру они затеяли с Чарли, поскольку испокон веку полиция прибегает к этой игре в доброго и злого следователя, когда ей надо расколоть преступника.

Вот и приходилось поддерживать легенду о записках, передаваемых ее отцу, а заодно и другие легенды. Да, он видел Энди, и довольно часто, но исключительно на экране монитора. Да, Энди участвует в серии тестов, но он давно выхолощен, он не сумел бы внушить даже ребенку, что кукурузные хлопья — это вкусно. Энди превратился в большой толстый ноль, для которого не существует даже собственной дочери, ничего, кроме ящика и очередной таблетки. Если бы она увидела, что они с ним сделали, она бы окончательно замкнулась, а ведь Рэйнберд ее уже почти открыл. Да она сейчас сама рада обманываться. Поэтому все что угодно, только не это. Чарли Макги никогда не увидит отца. Рэйнберд подозревал, что Кэп уже готов отправить Макги на Мауи, за колючую проволоку, благо

свой самолет под рукой. Но об этом ей знать совсем уж ни к чему.

— Думаешь, они мне разрешат с ним увидеться?

— Спрашиваешь, — ответил он не задумываясь. — Не сразу, конечно. Он ведь их козырная карта в игре с тобой. Но если ты вдруг скажешь — стоп, никаких больше экспериментов, пока я не увижу папу... — Фраза повисла в воздухе. Соблазнительная приманка. Правда, насаженная на острый крючок и к тому же отравленная, но в таких тонкостях эта храбрая маленькая рыбка не разбиралась.

Она в задумчивости смотрела на него. Больше она ничего не сказала. Тогда.

А спустя неделю Рэйнберд резко изменил тактику. Не то чтобы был конкретный повод, скорее интуиция подсказала, что с советами ему уже нечего соваться. Сейчас больше пристала роль смиренного — так Братец Кролик смиренно упрашивал Братца Лиса не бросать его в терновник.

— Помнишь наш разговор? — начал Рэйнберд. Он натирал пол в кухне. Чарли с преувеличенным интересом рылась в недрах открытого холодильника. Она стояла нога за ногу, так, что видна была нежно-розовая пятка, в этой позе было что-то от уже зрелого детства, что-то почти девическое и все же ангельски-невинное. Он опять почувствовал прилив нежности. Чарли повернула к нему голову. Конский хвостик лег на плечо.

— Да, — неуверенно сказала она. — Помню.

— Я вот о чем подумал: ну куда я лезу со своими советами? Да я даже не знаю, как взять ссуду в банке, не то что...

— Ну при чем тут это, Джон?

— Притом. Имей я голову на плечах, я бы сейчас был вроде этого Хокстеттера. С дипломом.

В ее ответе звучало открытое презрение:

— Папа говорит, любой дурак может получить диплом — были бы деньги.

Он поздравил себя с удачей.

Через три дня рыбка заглотила приманку.

Чарли сказала, что согласна принять участие в их тестах. Но она будет осторожна. И заставит их тоже быть осторожными, если они сами не примут мер. Ее личико, осунувшееся и бледненькое, исказила страдальческая гримаса.

— А ты хорошо подумала? — спросил ее Джон.

— Хорошо, — прошептала она.

— Ты делаешь это для них?

— Нет!

— Правильно. Для себя?

— Да. Для себя. И для папы.

— Тогда ладно, — сказал он. — Но ты должна их заставить плясать под свою дудку. Слышишь, Чарли? Ты им показала, что умеешь быть жесткой. И сейчас не давай слабину. Не то они сразу возьмут тебя в оборот. Будь жесткой. Понимаешь, о чем я?

— Да... кажется.

— Они свое получили — ты получаешь свое. Каждый раз. Ничего задаром. — Он вдруг ссутулился. Огонь потух в глазу. Всякий раз, когда он становился таким вот подавленным и разнесчастливым, это было для нее тяжким зрелищем. — Не позволяй им обращаться с собой так, как обращались со мной. Я отдал за свою страну четыре года жизни и вот этот глаз. Полгода я просидел в земляной яме, погибал от лихорадки, ел насекомых, весь завшивел, задыхался в собственном дерьме. А когда я вернулся домой, мне сказали: «Спасибо тебе, Джон» и вручили швабру. Они меня обокрали, Чарли. Поняла? Не давай им себя обокрасть.

— Поняла, — сказала она звенящим голосом.

Лицо его немного просветлело, он даже улыбнулся.

— И когда же прозвучит сигнал к бою?

— Завтра я должна увидеться с Хокстеттером. Скажу, что согласна... только чуть-чуть. И скажу ему, чего хочу я.

— Ты поначалу-то много не запрашивай, Чарли. Это как торговая сделка — я тебе, ты мне. Услуга за услугу, ясно?

Она кивнула.

— Но ты им покажешь, у кого в руках поводья? Покажешь, кто тут главный?

— Покажу.

Он еще шире улыбнулся.

— Так их, подружка!

Хокстеттер был в ярости.

— Что за игру вы затеяли, черт подери! — кричал он на Рэйнберда. Они сидели в кабинете у Кэпа. «Раскричался, — подумал Рэйнберд. — Это в его присутствии ты такой смелый». Но, присмотревшись, как горят глаза Хокстеттера, как побелели костяшки пальцев и заалели щеки, он счел за лучшее во всеуслышание признать, что, пожалуй, переборщил. Осмелился вторгнуться в священные владения Хокстеттера. Одно дело было вытолкать его вшаей в день аварии — Хокстеттер допустил грубейший промах и знал это. Но тут разговор другой.

Рэйнберд обдумывал положение. И молча смотрел на Хокстеттера.

— Вы сделали все, чтобы завести нас в тупик! Вам, черт возьми, отлично известно, что ей не видать отца как собственных ушей! «Они свое получили — ты получаешь свое», — в бешенстве передразнил Хокстеттер. — Идиот!

Рэйнберд все так же пристально смотрел ему в глаза.

— Лучше вам не повторять это слово, — произнес он совершенно бесстрастно. Хокстеттер вздрогнул... почти незаметно.

— Джентльмены, — вмешался Кэп; голос у него был усталый. — Я бы вас попросил...

Перед ним лежал магнитофон. Они только что прослушали запись сегодняшнего разговора Рэйнберда и Чарли.

— Судя по всему, от доктора Хокстеттера ускользнул один момент: он и его команда наконец-то приступят к делу, — заметил Рэйнберд. — В результате чего их практический опыт обогатится на сто процентов, если я в ладах с арифметикой.

— Вам просто повезло. Непредвиденный случай, — пробурчал Хокстеттер.

— Что же это у всех вас не хватило фантазии подстроить такой случай? — отпаривал Рэйнберд. — Увлеклись, видно, своими крысами.

— Хватит! — не выдержал Кэп. — Мы собрались здесь не для того, чтобы выслушивать взаимные нападки. Перед вами несколько иная задача. — Он повернулся к Хокстеттеру. — Вам предоставилась возможность сыграть в свою игру, — сказал он. — Должен вам заметить, что вы могли бы высказать больше признательности.

Хокстеттер что-то проворчал в ответ.

Кэп повернулся к Рэйнберду:

— Вместе с тем я считаю, что в роли *amicus curiae** вы зашли слишком далеко.

— Вы считаете? Значит, вы таки не поняли. — Он переводил взгляд с Кэпа на Хокстеттера и обратно. — По-моему, вы оба проявляете чудовищное непонимание. У вас здесь два детских психиатра, и если это общий уровень, я не завидую детям с нарушенной психикой.

— Критиковать легко, — подал голос Хокстеттер. — В этой...

— Вы просто не понимаете, как она умна, — перебил его Рэйнберд. — Не понимаете, насколько быстро она ориентируется в цепи причин и следствий. Иметь с ней дело — это все равно что пробираться через минное поле. Если бы я не подал ей идею кнута и пряника, она сама бы до нее додумалась. Сделав это первым, я еще больше укрепил ее доверие ко мне... иными словами, превратил минус в плюс.

Хокстеттер открыл было рот. Кэп остановил его движением руки и обратился к Рэйнберду. Он говорил с ним мягким примирительным тоном, какой не приходилось слышать кому-нибудь другому... но ведь это и был не кто-нибудь, а Рэйнберд.

— И все же факт остается фактом — вы несколько ограничили возможности Хокстеттера и его людей. Раньше или позже она сообразит, что ее главная просьба увидеться с отцом — не будет удовлетворена. Кажется, мы все сошлись на том, что пойти ей в этом навстречу значило бы навсегда потерять ее.

* Здесь — заботливый друг (лат.).

— Бесспорно, — вставил Хокстеттер.

— А если она действительно так умна, — продолжал Кэп, — она выскажет эту невыполнимую просьбу скорее раньше, чем позже.

— Выскажет, — согласился Рэйнберд, — и это будет конец. Увидев, в каком он состоянии, она сразу поймет, что все это время я ее обманывал. И тут же смекнет, что все это время я был у вас за подсадного. Следовательно, весь вопрос в том, как долго вы сможете потянуть.

Рэйнберд подался вперед.

— Учтите два момента. Первый: вам придется примириться с мыслью, что она не будет зажигать для вас костры *ad infinitum**. Она не автомат, а просто девочка, которая соскучилась по отцу. С ней нельзя, как с лабораторной крысой.

— Мы и без вас... — взорвался было Хокстеттер.

— То-то и оно, что нет, — не дал ему закончить Рэйнберд. — Так вот, это знает любой экспериментатор. Принцип кнута и пряника. Зажигая костры, Чарли будет думать, что она соблазняет вас пряником и что вы — а значит, и она, — шаг за шагом приближаетесь к ее отцу. На самом деле все, разумеется, наоборот. В данном случае пряник ее отец, и соблазнять ее этим пряником будем мы. Если перед носом у мула держать лакомый кусок, он перепашет вам все поле. Ибо мул глуп. Но эта девочка — нет.

Он сверлил глазом то Кэпа, то Хокстеттера.

— Я готов повторять это снова и снова. Что, легко вогнать гвоздь в железное дерево? Та еще работенка, но вы почему-то постоянно об этом забываете. Рано или поздно она вас раскусит и сыграет отбой. Потому что она не мул. И не лабораторная крыса.

«А ты только и ждешь, когда она выйдет из игры, — подумал Кэп с тихой ненавистью. — Ждешь, когда ты сможешь отправить ее на тот свет».

* До скончания дней (лат.).

— Итак, это отправная точка, — продолжал Рэйнберд. — Начинайте эксперименты. А дальше думайте, как максимально протянуть их. Закончатся эксперименты — валяйте, систематизируйте. Если соберете достаточно информации, получите вознаграждение в больших купюрах. Съедите свой пряник. И можете снова впрыскивать ваше зелье разным олухам.

— Вы опять за оскорбления? — голос Хокстеттера задрожал.

— При чем тут вы? Это я про олухов.

— И как же, по-вашему, можно протянуть эксперименты?

— Чтобы ее завода хватило на первое время, будете давать ей маленькие поблажки, — ответил Рэйнберд. — Пройтись по лужайке. Или... все девочки любят лошадей. Пять-шесть костров она вам устроит только за то, чтобы прокатиться на лошадке по верховой тропе — понятно, не без помощи грума. Я думаю, этого вполне хватит, чтобы дюжина бумагомарак, вроде Хокстеттера, еще пять лет потом исполняла победный танец.

Хокстеттер рывком встал из-за стола:

— С меня хватит!

— Сядьте и помолчите, — одернул его Кэп.

Побагровевший Хокстеттер готов был ринуться в бой, но весь его запал улетучился так же быстро, как возник, даже слезы навернулись. Он снова сел.

— Свезите ее в город за покупками, — продолжал Рэйнберд. — В увеселительный парк — покататься на машинках. Скажем, в компании с Джоном, добрым дядей уборщиком.

— Вы всерьез думаете, — подал голос Кэп, — что этими подачками...

— Нет, не думаю. Долго так продолжаться не может. Раньше или позже она опять спросит про отца. Она ведь тоже человек. И у нее есть свои желания. Она с готовностью поедет куда скажете, ибо считает: услуга за услугу. Но в конце концов опять встанет вопрос о любимом папочке. Она не из тех, кого можно купить. Ее голыми руками не возьмешь.

— Итак, приехали, — задумчиво произнес Кэп. — Все выходят из машины. Проект исчерпан. На данном этапе, во всяком случае. — По разным причинам он испытывал огромное облегчение от подобной перспективы.

— Нет, не приехали, — сказал Рэйнберд со своей леденящей улыбкой. — У нас в запасе будет еще одна козырная карта. Один большой пряник, когда уже не останется маленьких. Я не имею в виду гран-при — ее отца, но кое-что способно заставить ее проехать еще немного.

— Что же? — спросил Хокстеттер.

— Догадайтесь. — С лица Рэйнберда не сходила улыбка, но больше он не сказал ни слова. Кэп, может, и сообразит, хотя за последние полгода он сильно развинулся. И все же мозги у него даже в среднем режиме работают куда лучше, чем у его подчиненных (включая претендентов на престол), с предельной нагрузкой. Что до Хокстеттера, то этот ни за что не сообразит. Он уже поднялся на несколько ступенек выше собственного уровня некомпетентности — своего рода подвиг, который вообще-то легче совершить государственным чиновникам, чем кому-либо другому. Хокстеттер давно разучился брагг след по запаху.

А впрочем, догадаются они или нет, каким будет последний пряник (так сказать, поощрительный приз) в этом маленьком соревновании, не столь уж важно — на результат не повлияет. В любом случае он, Рэйнберд, пересекает за баранку. Он, конечно, мог задать им вопрос: *«Кто, по-вашему, отец девочки после того, как вы ее лишили отца?»*

Но пусть сами догадаются. Если сумеют.

С лица Джона Рэйнберда не сходила улыбка.

Энди Макги сидел перед телевизором. Мерцал янтарный глазок коробки дистанционного управления. На экране Ричард Дрейфус пытался изобразить некое подобие Чертова Пальца — вроде тех, в пустыне, где приземлялись эти тарелочки, — в домашних условиях. Энди наблюдал за его действиями с глуповато-блаженным лицом. При этом он был натянут как струна. Сегодня контрольный день.

Три недели, прошедшие после аварии, превратились для Энди в пытку, когда едва переносимое напряжение сменялось почти преступной радостью. Он хорошо понимал состояние оруэлловского Уинстона Смита, который на какое-то время ошалел от своего подпольного бунтарства. У него, Энди, появилась тайна. Она точила и терзала его, как всякая сокровенная тайна, но она же вернула ему бодрость духа и бывшие силы. Он обошел их на полкорпуса. Одному Богу известно, хватит ли его на всю дистанцию, но первый рывок сделан.

До десяти оставалось совсем немного — в десять придет Пиншо, как всегда улыбаясь. Они вдвоем отправятся в сад на утреннюю прогулку, чтобы обсудить, как «подвигаются его дела». Энди даст ему посыл... попытается дать. Он бы давно это сделал, когда б не телемониторы и понатыканные всюду «жучки». Ожидание позволило ему обдумать стратегию нападения, еще и еще раз проверить наиболее уязвимые места. Кое-что в сценарии он мысленно переписал, и не один раз.

Ночами, лежа в темноте, он неотвязно думал: Большой Брат* все время смотрит на тебя. Помни об этом каждую секунду, об этом прежде всего. Ты под колпаком у Большого Брата, поэтому, чтобы спасти Чарли, ты должен их всех перехитрить.

Он спал как никогда мало, в основном потому, что опасался заговорить во сне.

Иногда часами лежал, боясь даже шевелиться, — вдруг их насторожит, что накачанный наркотиками человек ведет себя излишне беспокойно. А когда его все же смаривало, спал чутко, видел странные сны (его преследовал одноглазый Джон Сильвер, долговязый пират с деревянной ногой) и то и дело просыпался.

Избавляться от торазина оказалось проще простого — они ведь были уверены, что он без наркотика не может.

* В послевоенном романе-антиутопии английского писателя Джорджа Оруэлла «1984» Большой Брат, олицетворяющий собой верховную власть в тоталитарном государстве, имеет возможность скрытно наблюдать за частной жизнью каждого человека.

Ему теперь приносили таблетки четыре раза в день и ни о каких тестах со времени аварии не заговаривали. «Похоже, они махнули на меня рукой, — решил Энди, — и сегодня на прогулке Пиншо сообщит мне об этом».

Иногда он, откашливаясь, выплевывал таблетки в кулак, а затем вместе с объедками отправлял в мусоропровод. Иногда он прихватывал их в туалет. А то еще делал вид, будто запивает их пивом, а сам сплевывал в полупустую банку, где они благополучно растворялись. Про банки он как бы забывал и, когда пиво окончательно выдыхалось, выливал его в раковину.

Видит Бог, все это он делал непрофессионально, чего наверняка нельзя было сказать о тех, кто за ним наблюдал. Но вряд ли они сейчас наблюдали за ним так уж пристально. В противном случае, рассуждал он, его бы давно накрыли. И весь сказ.

Дрейфус вместе с женщиной, чей сын в данный момент катался на тарелочке в компании инопланетян, карабкался по склону Чертова Пальца, когда раздался короткий зуммер, что означало: открывается дверь. Энди едва не подскочил.

Ну вот, пронеслось в голове.

Вошел Герман Пиншо. Он был ниже ростом, чем Энди, хрупкий, изящный; с первого дня Энди почувствовал в нем что-то женственное, хотя и не мог себе объяснить, что именно. Сегодня Пиншо был в серой водолазке и легком костюме — как с картинки сошел. И, как всегда, улыбочка.

— Доброе утро, Энди, — сказал он.

— А? — встрепнулся тот и, помедлив, словно в раздумье, ответил: — Здравствуйте, доктор.

— Ничего, если я выключу? У нас ведь сегодня прогулка, не забыли?

— Да? — Энди нахмурился, но затем лоб его разгладился. — Ладно. Вообще-то я его не первый раз смотрю. Конец мне нравится. Очень красиво. Он улетает на тарелочке, представляете? К звездам.

— Красиво, — согласился Пиншо и выключил телевизор. — Ну что, пойдем?

— Куда? — спросил Энди.

— На прогулку, — терпеливо повторил Пиншо. — Вспомнили?

— А-а, — кивнул Энди, — да-да.

Он поднялся.

Дверь из апартаментов Энди выходила в просторный холл с кафельным полом. Свет здесь был рассеянный, приглушенный. Где-то рядом находилась диспетчерская или вычислительный центр: там едва слышно гудели машины, туда входили с перфокартами, а выходили с кипой распечаток.

Под дверью Макги прогуливался молодой человек в спортивного покроя пиджаке, словно только что из магазина, — сразу видно, правительственный агент. Под мышкой пиджак слегка оттопыривался. Агент торчал здесь согласно инструкции, и как только они с Пиншо начнут удаляться, он последует за ними — разговора он слышать не будет, однако из виду их не выпустит. С этим, подумал Энди, сложностей не возникнет.

Они направились к лифту, агент пристроился сзади. Сердце у Энди колотилось — казалось, сотрясается грудная клетка. Вместе с тем он без видимых усилий подмечал детали. С десятков дверей без табличек. Некоторые из них бывали открытыми, когда Энди проходил ранее по этому коридору, — например, тут была какая-то специализированная библиотека, фотокопировальная комната, но остальные представляли для него загадку. Чарли может находиться за любой из этих дверей... или вообще в другом здании.

Они вошли в лифт, где бы запросто разместилась быличная каталка. Пиншо достал связку ключей, повернул один из них в замке и нажал кнопку (все кнопки были без обозначений). Внутренние створки закрылись, и кабина поплыла вверх. Агент удобно расположился в дальнем углу. Энди стоял, засунув руки в карманы своих «Ли Райдерс», на лице его блуждала бессмысленная улыбка.

Дверь лифта открылась, и они оказались в бывшем бальном зале. Блестел отполированный паркетный пол. В глубине огромного зала лестница, сделав два изящных витка, уходила наверх. Застекленные двустворчатые двери

слева приглашали на залитую солнцем террасу, за которой открывался сад камней. Справа, из-за полуприкрытых дубовых дверей, доносился стук пишущих машинок, едва успевавших переваривать дневную норму.

Воздух был наполнен запахами цветов.

Пересекая следом за Пиншо бальный зал, Энди не преминул высказаться по поводу великолепного паркета, как будто он видел его впервые. Они вышли через застекленные двери в сад, и за ними, как тень, вышел агент. Здесь было совсем тепло и очень влажно. Лениво жужжали пчелы. За садом камней тянулись кусты гидрангии, форзиции и рододендронов. Ни на секунду не умолкая, вершили свой нескончаемый труд газонокосилки. Энди потянулся к солнцу, и выражение благодарности на его лице было неподдельным.

— Как вы себя чувствуете, Энди? — спросил Пиншо.

— Прекрасно. Прекрасно.

— Знаете, сколько вы уже здесь? Почти полгода, — произнес Пиншо тоном легкого удивления — дескать, надо же, как летит время, когда живешь в свое удовольствие. Они свернули направо по гравийной дорожке. В неподвижном воздухе стоял смешанный аромат жимолости и лавра. Вдоль берега, неподалеку от особняка, по ту сторону пруда, легким галопом шли две лошади.

— Долго, — сказал Энди.

— Да, долго, — улыбнулся Пиншо. — И мы пришли к выводу, Энди, что ваша сила... пошла на убыль. Да вы и сами знаете — результаты тестов неудовлетворительны.

— Это все ваши таблетки, — с укором сказал Энди. — Что я могу сделать, когда у меня туман в голове.

Пиншо прокашлялся, но не стал напоминать ему о том, что когда проводились первые три серии тестов, оказавшиеся столь же бесплодными, наркотиков еще не было и в помине.

— Я ведь делал что мог, доктор Пиншо. Я старался.

— Да-да. Разумеется. Вот мы и думаем — точнее, я думаю, — что вы заслужили отдых. У нас есть лагерь на Мауи, это в Гавайском архипелаге. Я сейчас сажусь за полугодовой отчет. Так вот, Энди, хотите... — Пиншо весь

сиял, словно ведущий в телеиграх, а тон был такой, каким объявляют ребенку, что его ожидает невероятный сюрприз, — хотите, я предложу, чтобы вас ненадолго сюда послали?

Ненадолго — это года два, подумал Энди. А может, все пять. Они, конечно, будут приглядывать за ним на случай, если вернется дар внушения... или, так сказать, поддержат в прикупе на случай, если возникнут непредвиденные трудности с Чарли. А кончится все, как водится, наездом или лошадиной дозой снотворного, или «самоубийством». И станет он, по выражению Оруэлла, несуществом.

— А лекарство мне будут давать? — забеспокоился Энди.

— Обязательно, — ответил Пиншо.

— Гавайи... — мечтательно протянул Энди. Вдруг он повернулся к Пиншо и попробовал сработать под простачка: — Доктор Хокстеттер меня не отпустит. Он меня не любит, я знаю.

— Ну что вы, — возразил Пиншо, — очень даже любит. И потом, Энди, я вас пасу, а не доктор Хокстеттер. Так что не волнуйтесь, он меня поддержит.

— Но вы ведь еще не подали докладную? — уточнил Энди.

— Нет. Сначала я решил переговорить с вами. Да уверяю вас, одобрение Хокстеттера — это всего лишь формальность.

— Пожалуй, стоит провести еще одну серию тестов, — сказал Энди и дал Пиншо легкий посыл. — Для страховки.

Зрачки у Пиншо как-то странно дрогнули. Улыбочка застыла, а затем и вовсе сошла. Теперь уже у Пиншо был вид человека, накачанного наркотиками, на что Энди взирал не без тайного злорадства. А где-то рядом гудели на цветах пчелы. Долетал густой дурманящий запах свежескошенной травы.

— Когда будете писать докладную, предложите провести еще одну серию тестов, — повторил Энди.

Взгляд Пиншо прояснился. На губах вновь заиграла неподражаемая улыбочка.

— О Гавайях, смотрите, никому ни слова, — сказал он. — А пока что я напишу докладную и предложу еще одну серию тестов. Я думаю, стоит это сделать. Для страховки.

— Но потом я смогу поехать на Гавайи?

— Да, — подтвердил Пиншо. — Потом.

— Чтобы провести эти тесты, понадобится месяца три, верно?

— Да, около трех месяцев. — Пиншо так и млел — он сейчас напоминал учителя, слушающего ответ лучшего своего ученика.

Они приближались к пруду. По зеркальной глади тихо скользили утки. Собеседники остановились у воды. Агент, держась поодаль, провожал взглядом наездников, мужчину средних лет и женщину, трусивших бок о бок вдоль того берега, почти у кромки воды. Их отражения перечеркнул длинный след, тянувшийся за белой уткой. Энди подумалось, что эта парочка странным образом вызывает в памяти рекламку страховой компании — из тех, что непременно вылетают, стоит развернуть утреннюю газету, и падают тебе на колени или... в кофе.

В висках у него немного стучало. Пока ничего угрожающего. Хуже то, что от волнения он чуть не подтолкнул Пиншо сильнее, чем следовало, а это могло привлечь внимание агента. Правда, молодой человек смотрел в другом направлении, но Энди были знакомы их уловки.

— Расскажите мне о здешних дорогах и вообще о местности, — попросил он вполголоса Пиншо и снова легонько подтолкнул его. Из обрывков разговоров он знал, что Контора находится не очень далеко от Вашингтона, но не так близко, как оперативная база ЦРУ в Лэнгли. Этим его осведомленность исчерпывалась.

— Тут стало очень красиво, — мечтательно сказал Пиншо, — после того как заделали все отверстия.

— Да, — согласился Энди и замолчал. Посыл иногда погружал человека в транс, вызванный каким-нибудь воспоминанием, как правило, через весьма далекую ассоциацию, и обрывать его не стоило ни при каких обстоятельствах. В противном случае можно породить эффект эха,

от Эха же недалеко до рикошета, ну а рикошет способен привести к... да, собственно, к чему угодно. Нечто подобное произошло с одним из мелких служащих, этих уолтеров митти*, которым он внушал веру в себя, и Энди не на шутку перепугался. Тогда все кончилось хорошо, но если его друга Пиншо вдруг начнут одолевать кошмары, тут уж не будет ничего хорошего.

— Моей жене он понравился, — продолжал Пиншо все так же мечтательно.

— О чем вы? — спросил Энди. — Кто понравился?

— Новый мусоросборник. Он очень...

И умолк.

— Красивый, — подсказал Энди. Молодой человек в спортивном пиджаке подошел поближе; над верхней губой у Энди выступил пот.

— Очень красивый, — подтвердил Пиншо и уставился на воду.

Агент подошел совсем близко, и Энди лихорадочно подумал, что придется, наверное, еще раз подтолкнуть Пиншо. Тот не подавал признаков жизни — вроде перегоревшего кинескопа.

Агент поднял с земли какую-то деревяшку и швырнул ее в пруд. По воде побежали мерцающие круги. Пиншо встрепенулся.

— Места здесь очень красивые, — заговорил он. — Холмистые. Заниматься верховой ездой — одно удовольствие. Мы с женой хотя бы раз в неделю стараемся выбираться. Если не ошибаюсь, ближайший город на запад... точнее на юго-запад — Дон. Городишко. Мимо него проходит 301-я автострада. Ближайший на восток — Гезер.

— Мимо Гезера тоже проходит автострада?

— Нет. Обычная дорога.

— Куда ведет 301-я автострада?

* Уолтер Митти — герой рассказа Дж. Тербера, робкий человек, вообразивший себя суперменом.

— Если на юг, то почти до Ричмонда. А на север... прямо до округа Колумбия.

Энди собирался спросить про Чарли, уже продумал вопросы, но его несколько смутила реакция Пиншо. Его ассоциации — *жена, отверстия, красиво* и, что совсем уж непонятно, *мусоросборник* — удивляли и настораживали. Хотя Пиншо и поддается внушению, вполне возможно, что он не самый подходящий объект для этой цели. Возможно, у него какие-то отклонения в психике, и пусть он производит впечатление нормального человека, одному Богу известно, какие взрывные силы, находящиеся пока в относительном равновесии, могут дремать под этой оболочкой. Воздействие на людей с неустойчивой психикой способно привести к самым неожиданным последствиям. Если бы не их тень, агент, он, пожалуй, и рискнул бы (после того, что с ним тут учинили, плевать он хотел, в конце концов, на бедную голову Германа Пиншо), а тут испугался... Психиатры — обладай они даром внушения — спешили бы осчастливить всех направо и налево... но Энди Макги не был психиатром.

Наверное, глупо было из единичного случая делать столь далеко идущие выводы; с подобной реакцией ему приходилось сталкиваться и раньше, однако ничем серьезным ни разу не кончалось. Но от Пиншо можно ждать чего угодно — Пиншо слишком много улыбается.

Внезапно до него донесся убийственно-холодный голос из глубин подсознания, из этого бездонного колодца: *«Скажи ему, чтобы шел домой и покончил жизнь самоубийством. И подтолкни. Подтолкни изо всех сил»*.

От этой мысли его бросило в жар, даже нехорошо стало; он поспешил от нее отделаться.

— Ну что, — прорезался Пиншо; он осмотрелся по сторонам с довольной улыбочкой. — Направим наши стопы обратно?

— Да, — сказал Энди.

Итак, начало положено. Только с Чарли по-прежнему полная неизвестность.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От кого Германа Пиншо
Кому Патрику Хокстеттеру
Дата 12 сентября
О чем Энди Макги

За эти три дня я еще раз просмотрел свои записи и прослушал пленки, а также поговорил с Макги. После обсуждения от 5/9 ничего существенного не произошло, однако, если нет возражений, я бы повременил с Гавайями (как говорит капитан Холлистер, «дело только в деньгах»!).

Мне думается, Пат, стоит провести еще одну, заключительную, серию тестов для страховки. После чего можно смело отправлять его на Мауи. На заключительную серию, я думаю, понадобится месяца три.

Если вы не против, я подготовлю необходимые бумаги.

Герм.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

От кого П.Х.
Кому Герману Пиншо
Дата 13 сентября
О чем Энди Макги

Я вас не понимаю! На последнем обсуждении мы все — и вы тоже — сошлись на том, что от Макги столько же проку, сколько от перегоревшей пробки. Что за сомнения? Это вам не в бридж играть.

Если это будет *укороченная* серия, тогда возражений нет. На следующей неделе мы принимаемся за девочку (боюсь, что кое-кто переусердствовал и теперь нам с ней недолго удастся поработать), и, может быть, есть смысл придержать пока ее отца... в качестве «огнетушителя»!

Согласен, возможно, «дело только в деньгах», но это деньги налогоплательщиков, и легкомыслие в этом вопросе

не поощряется, Герм. *Особенно* капитаном Холлистером. Учтите на будущее.

Рассчитывайте на шесть, от силы восемь недель — разве что дело сдвинется с мертвой точки. В этом случае можете скормить мне лепешки «собачья радость».

Пат.

— Нет, — сказала Чарли. — Не так. — Повернулась и вновь направилась к выходу. Она была бледная, вся — комок нервов. Под глазами синяки.

— Эй, эй, постой-ка... — Хокстеттер с вытянутыми руками бросился на перехват. — Что не так, Чарли? — спросил он, изображая на лице улыбку.

— Все, — ответила она. — Все не так.

Хокстеттер обвел взглядом комнатку. В углу телекамера «Сони». Утопленный в стене из прессованной пробки кабель от нее ведет к видеомэгнитофону, что установлен на КП в соседней комнате. Посередине стол, на нем металлический поднос с деревянной стружкой. Слева электроэнцефалограф, опутанный проводами. За пультом молодой оператор в белом халате.

— «Все» — это не объяснение. — Хокстеттер продолжал по-отечески улыбаться, хотя его раздражала злость. Даже человек, не умеющий читать мысли, понял бы это по его глазам.

— Вы не слушаете, что вам говорят! — ее голос зазвенел. — Один только...

...один только Джон слушает, но об этом не скажешь.

— А ты нам объясни, как надо сделать, — вкрадчиво попросил Хокстеттер.

Чарли не смягчилась.

— Надо было сразу слушать! Железный поднос — правильно, а все остальное — неправильно. Стол у вас деревянный и стены воспла... пламеняющиеся. И одежда на нем — тоже. — Она показала на оператора, который слегка поежился.

— Чарли...

— И эта камера!

— Чарли, камера из...

— Из пластмассы! Если станет очень жарко, она разлетится на мелкие кусочки. И воды нет! Я же сказала, мне нужна вода, когда я захочу остановиться. Так меня учили папа с мамой. Мне нужна вода, чтобы погасить это. Иначе... иначе...

Чарли разрыдалась. Она хотела к Джону. Она хотела к отцу. И больше всего, больше всего на свете ей хотелось бежать отсюда. Всю ночь она не сомкнула глаз.

Хокстеттер испытующе глядел на нее. Эти слезы, этот эмоциональный взрыв... похоже, она действительно собирается показать, на что она способна.

— Ну успокойся, — сказал он. — Успокойся, Чарли. Мы сделаем все, как ты скажешь.

— Вот именно, — процедила она. — А то ничего не получите.

Про себя Хокстеттер подумал: *«Все мы получим, гадины»*.

Как показали дальнейшие события, он был абсолютно прав.

Вечером они привели ее в другую комнату. После несостоявшегося утреннего теста, едва вернувшись к себе, она уснула у экрана телевизора — молодой, растущий организм быстро взял свое, несмотря на протесты взбужденной души, — и проспала почти шесть часов. Подкрепленная сном, а также рубленным бифштексом с жареным картофелем, она почувствовала себя гораздо лучше, уже могла держать себя в руках.

Перед новым тестом она придирчиво осмотрела комнату.

Поднос с деревянной стружкой стоял на железном столе.

Голые стены, обшитые листовым железом, отливали синевой.

Хокстеттер сказал:

— Оператор, видишь, в асбестовом комбинезоне и асбестовых тапочках. — Он по-прежнему говорил с ней, отечески улыбаясь. Оператору ЭЭГ было явно жарко и неудобно в своем комбинезоне. Он надел марлевую повязку, чтобы не дышать асбестовыми испарениями. Хокстеттер показал на прямоугольное с зеркальным стеклом

окошечко в стене. — В него можно смотреть только оттуда. Там, за окошечком, телекамера. А вот ванна.

Чарли подошла поближе. Ванна была старого образца, на ножках, и казалась инородной среди этой стальной голизны. Воды в ней было до краев. Чарли осталась удовлетворенной.

— Все правильно, — сказала она.

Хокстеттер расплылся в улыбке.

— Вот и отлично...

— А теперь уходите в ту комнату. Нечего вам здесь стоять, пока я буду это делать. — Чарли не мигая смотрела на Хокстеттера. — Все может случиться.

Отческая улыбка Хокстеттера несколько поблекла.

— А ведь она права, — сказал Рэйнберд. — Если бы вы к ней сразу прислушались, провели бы тест еще утром.

Хокстеттер глянул на него и что-то пробурчал.

— Хотя вы же все равно не верите.

Хокстеттер, Рэйнберд и Кэп стояли перед окошечком. Вместе с ними в окошко смотрел объектив камеры. Почти беззвучно работал видеоманитофон. Стекло было поляроидное, из-за чего все предметы в испытательной комнате делались голубоватыми — вроде пейзажа за окнами «грэй-хаунда»*. Оператор подсоединил ЭЭГ к Чарли. Сейчас же монитор в соседней комнате воспроизвел энцефалограмму.

— Гляньте, какая альфа, — пробормотал кто-то из лаборантов. — Здорово подзавелась.

— Напугана, — поправил Рэйнберд. — Здорово напугана.

— А вы, значит, верите? — неожиданно спросил его Кэп. — Сначала не верили, а сейчас верите?

— Да, — ответил Рэйнберд. — Сейчас верю.

Оператор ЭЭГ отошел от Чарли.

— Мы готовы.

Хокстеттер щелкнул переключателем.

* Туристический автобус.

— Давай, Чарли. Если ты готова.

Чарли повернулась к окошечку с зеркальным стеклом, и, хотя это было невозможно, на мгновение Рэйнберду почудилось, что ее глаза встретились с его единственным глазом.

Он смотрел на нее, и на его губах играла улыбка.

Чарли Макги посмотрела в зеркальное стекло прямоугольного окошка и не увидела ничего, кроме своего отражения... но ощущение устремленных на нее глаз было очень сильным. Ах, если бы там сейчас стоял Джон, ей было бы гораздо легче. Но откуда ему там взяться?

Она перевела взгляд на поднос с деревянной стружкой.

Это будет даже не посыл, а толчок. Одновременно с этой мыслью явилась другая, от которой она содрогнулась, пришла в ужас: ей *хотелось* испытать свою силу. Она думала о предстоящем так, как изголодавшийся человек, глядя на шоколадное мороженое, думает проглотить его одним махом. Но прежде чем проглотить, он хотя бы миг будет... смаковать его.

За этот миг смакования ей стало вдруг стыдно; впрочем, она тут же сердито тряхнула головой. *Почему бы и нет? Всем людям хочется делать то, что они хорошо умеют. Мама любила составлять кроссворды, а мистер Доури из соседнего дома в Порт-сити любил печь хлеб. Когда им самим уже не нужно было хлеба, он выпекал для других. Каждому хочется делать то, что он хорошо умеет...*

«Стружка, — презрительно подумала она. — Могли бы придумать что-нибудь потруднее».

Первым это почувствовал оператор ЭЭГ. Он давно испарился в своей защитной одежде и поэтому в первый момент решил, что все дело в этом проклятом комбинезоне. Но в следующую секунду он увидел на экране, что волны альфа-излучения вдруг ошетинились, как пики, — свидетельство предельной концентрации воли, а также автограф мозга с разыгравшимся воображением.

Ощущение жара нарастало — и тут его охватил страх.

— Там что-то происходит, — возбужденно сказал один из лаборантов.

— Температура подскочила на десять градусов. Мать честная, это же Анды, а не альфа-излучение...

— Вот оно! — воскликнул Кэп. — *Вот оно!* — в его голосе звучала пронзительно победная нота — так кричит человек, годами ждавший своего звездного часа.

Она толкнула взглядом горку стружки — нерастраченная сила сама рвалась наружу. Горка взорвалась раньше, чем успела вспыхнуть. Поднос дважды перевернулся в воздухе, разбросав горящие щепочки, и срикошетировал от стены, оставив вмятину на стальной обшивке.

Оператор ЭЭГ издал вопль ужаса и пулей вылетел из комнаты. Этот вопль мгновенно перенес Чарли в Олбани. Так вопил тот человек в аэропорту, когда неся в женский туалет в пылающих армейских ботинках.

Со смешанным чувством страха и торжества она подумала: *«Я стала еще сильнее!»*

Стальная обшивка стен пошла радужными разводами. Это было пекло. В соседней комнате ртуть термометра, остановившаяся было на отметке восемьдесят, после того как уже поднялась на десять градусов, вдруг рванулась вверх, миновала отметку девяносто, добралась до девяноста четырех и только тогда успокоилась.

Чарли, уже готовая удариться в панику, направила испепеляющий луч в ванну.

Вода забурилась, отчаянно пузырясь. В пять секунд она была доведена до кипения.

После бегства оператора дверь осталась распахнутой настежь. Но никому до этого не было дела — на командном посту в соседней комнате царил переполох. Хокстеттер кричал в голос. Кэп с отвисшей челюстью приник к окошку, замороженно глядя на бурлящую поверхность. От воды клубами подымался пар — обзорное стекло запотевало. Один Рэйнберд сохранял невозмутимость — он стоял руки за спину и улыбался. Он походил на учителя, чей лучший ученик только что решил особо трудную задачу.

Остановись!

Ее внутренний голос.

Остановись! Остановись! Остановись!

И вдруг это ушло. Что-то отделилось, секунду-другую еще напоминая о себе, а потом и вовсе замерло. Стоило ей рассредоточиться, как луч погас. Она увидела окружающие предметы, почувствовала, что ей жарко, что она вся взмокла. Пузыри в бурлящем котле пошли на убыль — к этому моменту половина воды выкипела. Несмотря на открытую дверь, здесь было как в парной. В наблюдательной комнате столбик термометра остановился на отметке девяносто шесть, после чего упал на один градус.

Хокстеттер лихорадочно проверял, сработала ли техника. Его волосы, обычно зачесанные назад, прилизанные до неправдоподобия, растрепались и стояли сзади торчком. Хокстеттер чем-то напоминал Альфальфу из «Маленьких негодников»*.

— Получили! — он задышался. — Все получили... вот температурная кривая... видели, как закипела вода?.. С ума сойти! А звук записали?.. Точно?.. Нет, вы видели, что она творила?.. Фантастика!

Он пробежал мимо одного из лаборантов, неожиданно развернулся и, схватив его за отвороты халата, закричал:

— Ну, кто скажет, что не она это сделала?

Тот был потрясен, пожалуй, не меньше Хокстеттера.

— Никто, шеф, — замотал он головой. — Никто.

— Вот это да! — воскликнул Хокстеттер и снова закружил по комнате. — Я думал... ну да... может быть... но чтоб такое... как она поднос, а?!

В поле его зрения попал Рэйнберд, тот по-прежнему стоял руки за спину, загадочно улыбаясь. Хокстеттер на радостях забыл о старых распрях. Он бросился к Рэйнберду и стал трясти его руку.

* Альфальфа — персонаж из детской телевизионной передачи.

— Получили! — объявил он с плотоядной ухмылкой. — Все получили. Этого хватит, чтобы оставить с носом любой суд! Будь он хоть трижды Верховный!

— Хватит, — спокойно согласился Рэйнберд. — А сейчас не худо бы послать за девочкой вдогонку, пока *она* не оставила кой-кого с носом.

— А? Что? — Хокстеттер хлопал глазами.

— Видите ли, — продолжал Рэйнберд подчеркнуто спокойно, — парнишка, сидевший с ней рядом, видимо, вспомнил, что у него срочное свидание, во всяком случае он вылетел так, словно получил хороший пинок под зад. А следом за ним вышла ваша поджигательница.

Хокстеттер воззрился в смотровое окошко. Стекло еще больше запотело, но все же было видно: вот ванна, ЭЭГ, перевернутый металлический поднос, дотлевающие стружки... и — никого.

— Ну-ка, кто-нибудь, догоните ее! — приказал Хокстеттер, поворачиваясь к техническому персоналу. Пять или шесть человек стояли не шелохнувшись. А что же Кэп? Он исчез в тот самый миг, когда испытательную комнату покинула Чарли, но никто, кроме Рэйнберда, похоже, этого не заметил.

Индеец насмешливо смотрел на Хокстеттера, потом его единственный глаз скользнул по остальным лицам, поблевшим до цвета лабораторных халатов.

— Как же, — тихо сказал он. — Или все-таки есть желающие?

Ни один не пошевелился. Умора, да и только. «Вот так, — подумал Рэйнберд, — будет и с политиками, когда до них вдруг дойдет, что кнопка нажата, и ракеты уже в воздухе, и бомбы сыплются градом, и уже горят города и леса». Это была такая умора — хоть смейся... и смейся... и смейся.

— Красиво как, — пролепетала Чарли. — Как красиво...

Они стояли на берегу пруда, недалеко от того места, где всего несколькими днями раньше стоял ее отец вместе с Пиншо. Сегодня было куда прохладнее, в зеленых кронах

наметилась желтизна. И уже не ветерок, но ветер пускал рябь по воде.

Чарли подставила лицо солнцу и закрыла глаза; она улыбалась. Стоявшему рядом Джону Рэйнберду, пробывшему шесть месяцев охранником в тюрьме «Кэмп Стюарт» в Аризоне, прежде чем отправиться за океан, доводилось видеть подобное выражение лица у людей, отмотавших приличные сроки.

— Хочешь пойти посмотреть на лошадей?

— Пошли! — немедленно откликнулась она и, спохватившись, робко посмотрела на него. — Если ты не против.

— Не против? Да ты знаешь, как я рад, что выбрался. Когда еще подвернется такая передышка!

— Они тебе приказали?

— Нет, — ответил он. Они шли берегом — чтобы выйти к конюшням, надо было обогнуть пруд. — Спросили, есть ли добровольцы. Что-то я не заметил ни у кого особого рвения после вчерашнего.

— Испугались? — спросила Чарли, пожалуй, чуть кокетливо.

— Испугались, — сказал Рэйнберд, и это была чистая правда. Кэпу, нагнавшему Чарли в холле, пришлось самостоятельно отвести ее «домой». Молодого человека, оставившего свой пост возле ЭЭГ, отдали под трибунал в Панамасити, Флорида. Ведущие специалисты, собранные на экстренное совещание сразу после теста, превратили обсуждение в сумасшедший дом, воспаряя до небес с самыми невероятными прожектками и тут же хватаясь за голову в поисках способов контроля.

Предлагали сделать огнеупорным ее жилище, и приставить к ней круглосуточную охрану, и одурманивать ее наркотиками. Рэйнберд долго это слушал, наконец не выдержал и застучал по столу тяжелым перстнем с бирюзой. Он стучал до тех пор, пока не дождался полной тишины. С Рэйнбердом, чья звезда так круто взошла, волей-неволей приходилось считаться при всей нелюбви к нему Хокстеттера (пожалуй, не было бы преувеличением сказать — ненависти) и, соответственно, его сотрудников.

Как-никак именно он в основном имел дело с этим живым факелом.

Рэйнберд поднялся и милостиво дал им возможность полюбоваться своим изуродованным лицом.

— Я предлагаю ничего не менять. До сегодняшнего дня вы исходили из того, что девочка скорее всего не обладает никаким даром, хотя два десятка документов свидетельствовали об обратном, а если и обладает, то весьма скромным, а если не таким уж скромным, то скорее всего она им не воспользуется. Теперь же, когда ситуация изменилась, вы снова хотите выбить девочку из колеи.

— Это не так, — поморщился Хокстеттер. — Опять вы...

— Это так! — обрушился на Хокстеттера громовой голос, заставляя его вжаться в кресло. Рэйнберд ободряюще улыбнулся притихшей аудитории. — Короче. Девочка стала нормально есть. Она прибавила пять килограммов и перестала быть похожей на тень. Она читает, отвечает на вопросы, раскрашивает картинки. Она мечтает о кукольном домике, и добрый дядя уборщик пообещал достать его. Словом, состояние ее изменилось к лучшему. И после этого, джентльмены, вам что же не терпится начать все сначала? С многообещающего нуля?

Техник, обслуживавший во время теста видеокассетную аппаратуру, позволил себе робко поинтересоваться:

— Ну а если она подожжет свою квартиру?

— При желании она давно бы это сделала, — ответил Рэйнберд. Возразить тут было нечего. Дискуссия закончилась.

...Впереди виднелись конюшни — темно-красные с белой отделкой. Рэйнберд громко рассмеялся.

— Здорово ты их напугала, Чарли!

— А тебя?

— А чего мне пугаться? — Рэйнберд потрепал ее по волосам. — Это только когда в темноте запирают, я нюни распускаю.

— И ни капельки это не стыдно, Джон.

— При желании, — тут он слегка перефразировал то, что сказал вчера на совещании, — при желании ты давно могла бы меня поджечь.

Она мгновенно подобралась.

— Как ты... как ты можешь!

— Прости, Чарли. Язык мой — враг мой.

Они вошли в полумрак конюшен, и в нос сразу ударили запахи. Лучи закатного солнца косо пробивались между балок, и в этих неярких полосах света полусонно кружилась мякинная пыль.

Грум расчесывал гриву вороному с белой звездой во лбу. Чарли остановилась как вкопанная, не в силах отвести глаз. Грум повернулся к ней и сказал с улыбкой:

— Это, значит, вы и есть юная мисс. Мне сказали, что вы должны прийти.

— Какая она красивая, — прошептала Чарли. У нее задрожали руки, так ей захотелось коснуться этой шелковистой кожи.

Она увидела темный, спокойный, чуть увлажненный конский зрачок... и влюбилась с первого взгляда.

— Вообще-то это мальчик, — сказал грум и украдкой подмигнул Рэйнберду, не подозревая, что он за птица, поскольку видел его впервые. — В некотором смысле.

— А как его зовут?

— Некромансер, — сказал грум. — Хочешь погладить?

Чарли неуверенно приблизилась. Лошадь опустила морду, и девочка ее погладила. Знала бы Чарли, что она зажжет полдюжины костров, только бы прокатиться верхом, — при условии, что Джон будет рядом... но Рэйнберд сразу понял это по ее глазам и невольно улыбнулся.

Она случайно обернулась и поймала его улыбку; на мгновение ее рука, гладившая лошадиную морду, повисла в воздухе. Что-то ей не понравилось в этой улыбке, а уж, кажется, в Джоне ей нравилось решительно все. Она воспринимала людей интуитивно, не задумываясь; для нее это свойство было столь же неотъемлемым, как голубые глаза и пять пальцев на руке. И отношения у нее складывались на основе первоначального ощущения. Хокстеттер ей не нравился — она тотчас почувствовала, что он смотрит на нее как на лабораторную пробирку. Как на объект исследования.

Но к Джону она привязалась сознательно — он столько для нее сделал, он такой добрый, к тому же он потерпелся из-за своего уродства... одного этого было достаточно, чтобы почувствовать в нем родственную душу и пожалеть. Разве она сама оказалась здесь не потому, что природа создала ее уродцем? И при всем при том Джон был из тех людей — вроде мистера Рочера, владельца закусочной в Нью-Йорке, который частенько играл в шахматы с ее отцом, — чья душа потемки. Старый Рочер всегда ходил со слуховым аппаратом, на руке у него была татуировка — голубоватый нечеткий номер. Однажды Чарли спросила отца, что это значит, и папа, взяв с нее слово, что она никогда не спросит об этом мистера Рочера, пообещал как-нибудь все объяснить. Но так и не объяснил. Пока они играли в шахматы, Чарли смотрела телевизор и жевала ломтики колбасы, которые приносил ей мистер Рочер.

Случайно подсмотренная улыбка Джона озадачила, да же обеспокоила ее, и впервые она задала себе вопрос: о чем он думает?

И тут же все вновь заслонило изумление перед этим четвероногим чудом.

— Джон, — спросила она, — что такое «Некромансер»?

— Ну это что-то вроде волшебника, чародея.

— Волшебник... чародей... — повторила она с нежностью, словно пробуя слова на вкус. Ее рука гладила черную шелковистую морду Некромансера.

За ним пришли двое. Одного он видел на ферме Мэн-дерсов.

— Вставай, дружище, — сказал тот, чье лицо было ему знакомо. — Прогуляемся.

Энди глуповато улыбнулся, но внутри у него все оборвалось. Не к добру это. Что-то случилось. Иначе бы не прислали этих молодцов. Разоблачен? Скорее всего.

— А куда?

— Разберемся.

Его отконвоировали к лифту, но, поднявшись в бальный зал, повели не к выходу в сад, а в глубь особняка. Они

миновали машбюро и вошли в небольшую приемную, где секретарша печатала на ИБМ какие-то бумаги.

— Вас ждут, — сказала она.

Они обогнули справа ее стол и, открыв дверь, очутились в скромном кабинете с эркером, из которого открывался вид на пруд сквозь ажурную крону ольхи. За старомодным бюро с откинутой крышкой сидел пожилой мужчина с выразительным умным лицом; щеки у него были кирпичного цвета, но скорее от солнца и ветра, подумал Энди, нежели от злоупотребления спиртным.

Он взглянул на Энди, потом кивнул двум сопровождающим.

— Благодарю вас. Вы можете подождать в приемной. Те вышли.

Мужчина за столом пристально изучал Энди; ответом ему была глуповатая улыбка. Энди Богу молился, только бы не переиграть.

— Здравствуйте, — сказал он. — Кто вы?

— Меня зовут капитан Холлистер, Энди. Можете звать меня Кэп. Говорят, я заведу этой лавочкой.

— Рад познакомиться. — Энди постарался улыбнуться пошире. Одновременно возросло внутреннее напряжение.

— У меня для вас, Энди, печальная новость.

Господи, неужели Чарли, что-то случилось с Чарли?

Умные глаза Кэпа следили за его мимикой, они были так хорошо замаскированы сетью симпатичных морщинок, что не сразу можно было распознать холодный и пытливый взгляд.

— Печальная?

— Да, — сказал Кэп и замолчал. Повисла невыносимая пауза.

Кэп принялся разглядывать свои руки, аккуратно сложенные на пресс-папье. Энди с трудом сдерживался, чтобы не вцепиться ему в глотку. Наконец Кэп поднял на него глаза.

— Доктор Пиншо мертв, Энди. Он покончил с собой прошлой ночью.

Энди не пришлось изображать изумление — у него отвисла челюсть. Сначала нахлынула волна облегчения,

затем ужаса. И над всем этим, как вспышка молнии над взбаламученным морем, догадка — теперь все переменилось... но как? Как?

Кэп не сводил с него глаз. *Он подозревает. Что-то подозревает. Но основаны ли на чем-то его подозрения или он подозревает по долгу службы?*

Сотни вопросов. Нужно время, чтобы их обдумать, а времени нет. Решать надо с ходу.

— Вы удивлены? — спросил Кэп.

— Он был моим другом, — сказал Энди просто и удержался, чтобы не сказать больше. У человека, сидящего напротив, завидная выдержка, он готов протянуть любую паузу (как, например, сейчас) в расчете на то, что за «а» у Энди последует «б», ибо язык нередко опережает мысль. Испытанный метод допроса. И наверняка, чувствовал Энди, в этом лесу не одна западня. Пиншо... Всему виной эхо, это ясно. Эхо, которое привело к рикошету. Он дал ему посыл и вызвал рикошет, и рикошет разорвал его на части. Все так, но раскаянья Энди не испытывал. Только ужас... и еще радость пещерного дикаря.

— Вы уверены, что это... я хочу сказать, иногда несчастный случай легко принять за...

— Увы, это не несчастный случай.

— Он оставил записку?

И обвинил во всем меня.

— Он надел нижнее белье своей жены, включил на кухне мусоросборник и запустил в него руку.

— Ка... какой ужас... — Энди так и сел. Не окажись за ним стул, он бы сел на пол. Ноги стали ватные. Он таращился на Кэпа Холлистера, борясь с подступающей тошнотой.

— Вы случайно не имеете к этому отношения, Энди? — спросил Кэп. — Может быть, вы его подтолкнули?

— Ну что вы, — отозвался Энди. — Даже если бы я мог... зачем?

— Возможно, вы не хотели на Гавайи, — сказал Кэп. — Возможно, вы хотели остаться поближе к дочери. Возможно, все это время вы нас дурачили, Энди, а?

Хотя Кэп Холлистер попал в яблочко, Энди немного отпустило. Если бы Кэп всерьез полагал, что Энди толкнул

Пиншо на этот шаг, они бы сейчас не беседовали с глазу на глаз. Нет, это обычная процедура, не более того. У них, надо думать, достаточно фактов в досье Пиншо, чтобы не объяснять его самоубийство вмешательством сверхъестественных сил. Недаром же говорят, что среди всех профессий на первом месте по самоубийствам идут психиатры.

— Это неправда, — забормотал Энди. Он казался таким испуганным и растерянным. — Наоборот, я хотел на Гавайи. Я сразу ему сказал. А он взял и назначил новые тесты. А я хотел на Гавайи. Почему-то он меня недолюбливал. Но я, правда, не имею никакого отношения к... к тому, что с ним случилось.

Кэп раздумывал. Энди выдержал его взгляд и только потом опустил глаза.

— Ну что же, Энди, я вам верю, — сказал Кэп. — Последнее время Герман Пиншо был на взводе. Жизнь наша такая, ничего не попишешь. Да еще этот тайный трансвестизм... В общем, жене его не позавидуешь. Да уж, не позавидуешь. Но при этом мы не забываем о себе, не так ли? — Его глаза буравили Энди насквозь. — В любых обстоятельствах мы не забываем о себе. Вот ведь какая штука.

— Точно, — подтвердил Энди бесцветным голосом.

Опять повисла пауза. Когда Энди поднял глаза, он ожидал встретиться со взглядом Кэпа. Но нет, Кэп смотрел в окно на кроны деревьев и на далекую лужайку, при этом лицо его вдруг обмякло, стало каким-то потерянным — лицо человека, вздыхающего по старым, наверное, более счастливым временам. Кэп поймал на себе взгляд и брезгливо поморщился. Внезапно Энди ощутил приступ ненависти. Брезгует, ну еще бы! Кто перед ним — рыхлый, опустившийся наркоман... по виду, во всяком случае. Но не по твоему ли приказу меня до этого довели? И что ты там проделываешь с моей дочерью, старый вампир?

— Так вот, — заговорил Кэп. — Я рад сообщить вам, Энди, что вы полетите на Мауи. Как говорится, не было бы счастья... так, что ли? Словом, я уже начал оформление.

— Но... Скажите, вы ведь не думаете, что я имею отношение ко всему этому?

— Ну разумеется, нет. — Опять эта произвольная гримаса брезгливости. Тут Энди испытал тайное злорадство, какое, вероятно, испытывает негр, отдубасивший мерзавца белого. Но гораздо сильнее было в нем сейчас чувство тревоги, вызванное фразой: *«Я уже начал оформление»*.

— Спасибо вам... Бедный доктор Пиншо. — Он на миг опустил глаза, но тут же оживился: — А скоро вы меня отправите?

— Как можно скорее. Не позднее конца следующей недели.

Девять дней от силы! Это было как удар в живот.

— Приятно было с вами поговорить, Энди. Жаль, что мы встретились при таких печальных обстоятельствах.

Он потянулся к селектору, и в ту же секунду Энди понял, что его надо остановить. В своих апартаментах, где все прослушивается и просматривается, Энди связан по рукам и ногам. Но если этот тип и вправду такая шишка, насчет его кабинета можно не волноваться — здесь наверняка проводится регулярная дезинсекция на предмет различных «жучков». У него, правда, может быть собственное прослушивающее устройство, но тут уж...

— Опустите руку, — сказал Энди и подтолкнул.

Кэп помедлил. Затем рука пошла обратно и легла рядом с другой на пресс-папье. Он уставился в окно на лужайку — его лицо снова стало рассеяннo-задумчивым.

— Вы записываете разговоры в своем кабинете?

— Нет. — Голос Кэпа звучал бесстрастно. — Одно время я пользовался скрытым микрофоном, который включается от звуков человеческого голоса... из-за такого как раз погорел Никсон... но три месяца назад я велел его убрать.

— Причина?

— Мне казалось, я могу потерять работу.

— Почему вам так казалось?

Ответ Кэпа, быстрый, сумбурный, напоминал литанию:

— Никакой отдачи. Никакой отдачи. Никакой отдачи. Все средства на ветер. Пора менять руководство. Не будет записей, не будет скандала.

Энди пытался вникнуть. Верный ли он выбрал путь? Непонятно, а времени в обрез. Он чувствовал себя законченным тупицей вроде самого недогадливого ребенка в разгар поисков пасхального яйца. Он решил сделать шаг в этом направлении.

— Почему не было отдачи?

— Сила внушения у Макги на нуле. Отработанный пар. Общее мнение. Девчонка не хотела поджигать. Сказала — не буду и все. Пошли разговоры — Кэп зациклился на «лот шесть». Из ума выжил. — Он ухмыльнулся. — Теперь порядок. Даже Рэйнберд так считает.

На всякий случай Энди подтолкнул его еще раз, и сразу в голове запульсировала боль.

— Почему теперь порядок?

— Уже провели три теста. Хокстеттер на седьмом небе. Вчера она расплавила листовое железо. Четыре секунды держалось двадцать тысяч градусов.

Это был шок, от которого боль усилилась, мысли стали разбегаться. Чарли поджигает? Как они ее заставили? Как?!

Он уже собирался задать этот вопрос вслух, но тут загудел селектор, и Энди совершенно непроизвольно дал посыл ненужной силы. Чуть весь не выложился в одну секунду. Кэп содрогнулся, как будто его ткнули электрическим стрекалом. Из горла вырвался сдавленный звук, от красных щек отхлынула кровь. У Энди же чуть не лопнула голова. Полегче, уговаривал он себя, полегче — если тебя здесь хватит удар, ты уже ничем не поможешь Чарли.

— Не надо так, — взвыл Кэп, — больно...

— Скажите: никаких звонков в ближайшие десять минут, — приказал Энди. Черепную коробку разносили удары — точно черная лошадь била копытами в дощатую дверь стойла, так и рвалась наружу, на волю. По лицу тек липкий пот.

Вновь загудел селектор. Кэп подался вперед и перевел тумблер вниз. В считанные минуты он состарился лет на пятнадцать.

— Кэп, помощник сенатора Томпсона принес данные, которые вы запрашивали по Большому проекту.

— Никаких звонков в ближайшие десять минут, — сказал Кэп и выключил тумблер.

Энди взмок. Остановит ли их это распоряжение? Или учуют неладное? Все равно ничего не поправишь. Вот такая же безнадега была у Вилли Ломена*, земля горела под ногами. Господи, причем тут Вилли Ломен? Бред какой-то. Черная лошадь вот-вот вырвется на волю... такая куда хочешь вынесет. Он представил себе, как оставит их с носом, и чуть не улыбнулся.

— Чарли поджигает?

— Да.

— Как вам удалось ее заставить?

— Кнут и пряник. Идея Рэйнберда. За первые два костра — выход на воздух. Теперь прогулки верхом. Рэйнберд считает, этого ей хватит на пару недель. — И повторил: — Хокстеттер на седьмом небе.

— Кто такой Рэйнберд? — спросил Энди, не подозревая, что задал самый важный вопрос.

За несколько минут, с пятого на десятое, Кэп обрисовал картину. Он рассказал Энди, что Рэйнберд, главный хиттер Конторы, сражался во Вьетнаме, где потерял один глаз («То-то мне снился одноглазый пират», — подумал Энди в каком-то оцепенении). Он рассказал Энди, что Рэйнберд руководил операцией по захвату его и Чарли на Ташморском озере. Рассказал про аварию и про то, как Рэйнберд по наитию нащупал верный способ подбить Чарли на участие в тестах. Наконец рассказал, что Рэйнберд лично заинтересован в том, чтобы ему, когда система надувательства себя исчерпает, дали на откуп жизнь Чарли. Хотя голос Кэпа был лишен эмоций, он словно спешил все сказать. И вот умолк.

От каждой новой подробности Энди все больше охватывали ужас и ярость. К концу повествования его колотило. «Бедная моя Чарли, — стонало его сердце, — бедная, бедная Чарли».

* Герой пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера».

Отпущенные ему десять минут были на исходе, а сколько оставалось невыясненного. Секунд сорок они просидели молча; со стороны могло показаться, что встретились два старинных приятеля, которые понимают друг друга без слов. В действительности же Энди лихорадочно искал выход.

— Капитан Холлистер, — нарушил он молчание.

— Да?

— Когда хоронят Пиншо?

— Послезавтра, — безучастно сказал Кэп.

— Мы едем. Вы и я. Вы меня поняли?

— Да, понял. Мы едем на похороны Пиншо.

— Я упросил вас. Узнав о смерти Пиншо, я был так потрясен, что разрыдался.

— Да, вы были так потрясены, что разрыдались.

— Для меня это был большой удар.

— Да, конечно.

— Мы поедem в вашей личной машине, никого, кроме нас. Сзади и спереди могут ехать ваши люди, могут быть мотоциклисты, если таков порядок, *но мы едем вдвоем.* Понятно?

— Ну да. Вполне понятно. Никого, кроме нас.

— И мы с вами обо всем поговорим. Это тоже понятно?

— Да, обо всем поговорим.

— Ваша машина прослушивается?

— Разумеется, нет.

Энди дал ему, один за другим, несколько слабых посылов. Всякий раз Кэп дергался, и хотя Энди прекрасно понимал, что дело может кончиться эхом, иного выхода не было.

— Мы поговорим о том, где находится Чарли. Поговорим о том, как устроить небольшой переполох в вашей лавочке, — вроде того, что случился из-за аварии. И еще мы поговорим о том, как мне и Чарли отсюда выбраться. Понятно?

— Вы не должны убежать отсюда, — по-детски рассердился Кэп. — В сценарии этого нет.

— *Теперь есть,* — сказал Энди и подтолкнул.

— А-а-а-а! — взвыл Кэп.

— Вы меня поняли?

— Понял, понял, только больше не надо, больно!

— Этот Хокстеттер... он не будет возражать против моего присутствия на похоронах?

— Нет. Хокстеттер по уши занят девчонкой. Остальное его не волнует.

— Вот и хорошо. — На самом деле хорошего было мало. Все диктовалось отчаянием. — И последнее, капитан Холлистер. Вы забудете про этот наш разговор

— Да, я про него забуду.

Черная лошадь вырвалась на волю. И понеслась. *Выпустите и меня, мелькнуло у Энди в подкорке. Выпустите и меня. Лошадь уже вырвалась на волю, и леса горят.* Тупая боль в мозгу накатывала волнами.

— Все, о чем я сказал сегодня, придет вам в голову само по себе.

— Да.

Взгляд Энди упал на стол, где лежала пачка салфеток. Он взял одну салфетку и приложил к глазам. Нет, он не плакал, но от головной боли начали слезиться глаза, и это было кстати.

— Я готов идти, — сказал он Кэпу.

И «отпустил» его. Кэп снова устался на деревья в прострации. Мало-помалу кровь прилиwała к его щекам; он повернулся к Энди и увидел, что тот хлопает носом и вытирает глаза салфеткой. Это даже не было театром.

— Как вы себя чувствуете, Энди? — спросил Кэп.

— Немного лучше. Но вы же... вы же понимаете... услышать такое...

— Да-да, для вас это большой удар, — сказал Кэп. — Хотите кофе или еще чего-нибудь?

— Спасибо, не надо. Я хочу поскорее вернуться к себе.

— Разумеется. Я провожу вас.

— Спасибо.

Джон всегда ехал с ней рядом, но во сне Чарли ехала одна. Старший грум, Питер Дрэббл, приспособил для нее маленькое изящное английское седло, но во сне конь был неседланный. Они с Джоном ехали бок о бок по специаль-

ным дорожкам для верховой езды, что вплелись причудливым узором во владения Конторы, петляя среди роиц из серебристых сосен, кружа вокруг пруда, и никогда дело не шло дальше легкого галопа, но во сне она мчалась на Некромансере во весь опор, быстрее и быстрее, и кругом был настоящий лес, а они неслись по просеке, и свет казался зеленым сквозь переплет ветвей над головой, и ее волосы относил ветром.

Она вцеплялась в гриву и, чувствуя, как играют мышцы под шелковистой кожей, шептала коню в ухо: быстрее... быстрее... быстрее.

Некромансер прибавлял. Его копыта прокатывались громом. Лес подступал со всех сторон, узкая просека врезалась в него тоннелем; за спиной можно было различить далекое потрескивание и...

...леса горят...

...легкий дымок. Где-то там пожар, ею устроенный пожар, но никакого чувства вины — лишь радостное возбуждение. Они уйдут от пожара. Для Некромансера нет ничего невозможного. Они вырвутся из лесного тоннеля. Уже брезжил просвет впереди.

— Быстрее. Быстрее.

Радостное возбуждение. Свобода. Ее ноги плавно переходят в бока Некромансера. Они составляют единое целое, как два металлических бруска, которые она сварила взглядом во время одного из тестов. Впереди показался завал, гора валежника, белевшая, подобно гигантской пирамиде из костей. Охваченная безумным порывом, она надала Некромансеру босыми пятками, и он весь подобрался.

Толчок от земли — и вот они летят. Она обернулась назад, не выпуская гривы, и закричала — не от страха, просто потому, что не закричи она, и все, что ее переполняло, разорвало бы ее на части. *Свободна, свободна, свободна... Некромансер, я люблю тебя!*

Они без труда преодолели завал, однако запах дыма становился все явственней, все острее; послышался сухой треск, и когда искра, описав дугу, коротко обожгла ее, как крапива, прежде чем погаснуть, вдруг ей открылось, что она голая. Голая и...

...а леса горят...

...свободная, раскованная, парящая — мчится на Некромансере к свету.

— Быстрее, — шептала она. — Ну, быстрее же, быстрее...

И вороной красавец прибавлял. Ветер гремел у Чарли в ушах. Ей не надо было дышать: воздух сам врывается в легкие через полуоткрытый рот. Прогалы между вековыми деревьями заливало солнце цвета потускневшей меди.

А там, впереди, свет — там кончается лес и открывается равнина, по которой Некромансер будет нести ее, не зная устали. Позади пожар, отвратительный запах дыма, запах страха. Впереди солнце и далекое море, куда примчит ее Некромансер, а там ее наверняка ждет отец, и они заживут вдвоем и будут таскать полные сети серебристых скользких рыбин.

— Быстрее! — ликующе кричала она. — Давай же, Некромансер, еще быстрее, еще...

И в этот миг там, где расширяющаяся воронка света выводила из леса, появлялся силуэт и закрывал собой световое пятно, блокировал выход. В первую секунду — это повторялось из сна в сон — ей казалось, что она видит отца, ну, конечно, это он, и от счастья ей становилось больно дышать... но уже в следующий миг она цепенела от ужаса.

Она успевала лишь сообразить, что этот некто слишком высок, слишком широк в плечах — на кого он похож, до жути похож, даже силуэтом? — а Некромансер уже кричал и осаживал.

Разве лошади кричат? Я и не знала, что они кричат...

Пытается удержаться и не может, а конь встает на дыбы и... нет, он не кричит, он ржет, но столько в этом человеческого отчаяния, и где-то сзади раздается такое отчаянное ржание, и... *Господи*, мысленно восклицает она, *там лошади, много лошадей, а леса горят...*

А впереди силуэт, страшный этот человек, заслонивший собою свет. Человек начинает приближаться, а она, она, беспомощная, лежит на земле, и Некромансер мягко тычется мордой в ее голый живот.

— Только лошадь мою не трогай! — кричит она надвигающейся тени, отцу-призраку, который на самом деле не ее отец. — Только не трогай лошадей! Пожалуйста, не трогай лошадей!

Но тень все приближается и уже поднимает пистолет — и тут она просыпалась, иногда с криком, иногда без, дрожа и обливаясь холодным потом, понимая, что ей опять приснился этот ужасный сон, и опять она не может ничего вспомнить — только бешеную, умопомрачительную скачку по лесной просеке и запах дыма; только это... и еще боль — оттого, что ее предали.

И если наутро Чарли приходила в конюшни, она особенно нежно гладила Некромансера, она прижималась щекой к его теплой груди, и вдруг ее охватывал ужас, которому не было имени.

ЭНДШПИЛЬ

Атмосфера похорон была гнетущей.

А настроен Энди был совсем иначе — головная боль отпустила, да и сами похороны, в сущности, были для него лишь предлогом остаться наедине с Кэпом. Энди относился к Пиншо неприязненно — более сильного чувства тот, как выяснилось, не заслуживал. Он плохо умел скрывать свое высокомерие и совсем не скрывал удовольствия оттого, что может помыкать кем-то, и это обстоятельство помноженное на озабоченность судьбою Чарли свело практически на нет чувство вины, возникшее было у Энди из-за случайного рикошета, который он вызвал в голове Пиншо. Рикошета, который изрешетил его мозг.

Эффект эха случался и раньше, но у Энди всегда была возможность исправить положение. Что он с успехом и делал, пока им с Чарли не пришлось бежать из Нью-Йорка. В мозгу человека глубоко заложены, точно мины, всевозможные страхи, комплексы, импульсы — суицидальные, шизофренические, параноидальные, даже магия человекоубийства. Посыл выполняет роль своего рода подсказки, и если подсказка упадет в любую из этих темных шахт, может произойти взрыв. У одной домохозяйки, проходившей курс «скинем лишний вес», появились тревожные признаки кататонии. Другой его подопечный, мелкий служащий, признался в том, что его так и подмывает достать с антресолей армейский пистолет и сыграть в русскую рулетку, причем это желание ассоциировалось у него с рассказом Эдгара По «Уильям Уилсон», читанным еще в школе. В обоих случаях Энди удалось остановить эхо, не дать ему, набрав скорость,

превратиться в губительный рикошет. Что касается мелкого служащего, тихого светловолосого банковского клерка, то тут хватило дополнительного посыла и легкого внушения, что он никогда не читал этого рассказа По: ассоциация — какова там она ни была — оказалась прерванной. В случае же с Пиншо возможности остановить эхо ни разу не представилось.

С утра зарядил холодный осенний дождь; они ехали на похороны, и всю дорогу Кэп только и говорил, что о самоубийстве Пиншо, — оно никак не укладывалось у него в голове. Ему казалось невозможным, чтобы человек взял и... сунул руку в эту мясорубку. А Пиншо сунул. Именно Пиншо — сунул. С этого момента для Энди атмосфера похорон стала гнетущей.

Во время погребения они стояли особняком, в стороне от друзей и родственников покойного, сбившихся в кучку под сенью черных зонтов. Тут-то Энди и понял, что одно дело вспоминать высокомерие Пиншо, его осанистую походочку эдакого пигмея, возомнившего себя Цезарем, мерзкую застывшую улыбочку, словно у него парез лица, — и другое дело видеть изможденную бледную жену в трауре, держащую за руки двух мальчиков (младший, видимо, ровесник Чарли, оба они совершенно оглоушенные, с отсутствующим выражением лица, точно их накачали успокоительным), прекрасно понимающую (не может не понимать), что все вокруг знают, в каком виде нашли ее мужа, а нашли его на полу, в ее нижнем белье, с отхваченной по локоть правой рукой, напоминавшей отточенный карандаш, и везде кровь — в раковине, на буфете, на шкафчиках «под дерево»...

Энди стало нехорошо. Он согнулся под холодным дождем, борясь с подступающей тошнотой. Речь священника воспринималась как бессмысленные завывания.

— Я больше не могу, — сказал Энди. — Мы можем уйти отсюда?

— Да, конечно, — сказал Кэп. Он и сам выглядел неважно, посерел, осунулся. — За этот год я достаточно насмотрелся похорон.

Они незаметно отделились от общей группы, стоявшей кружком возле выкопанной могилы, а рядом — гроб на ходовых роликах, искусственный дерн, побитые дождем цветы с облетающими лепестками. Они шли рядом в сторону гравийной дорожки, где в хвосте траурного кортежа пристроилась малолитражка Кэпа — «Шевроле-вега». Таинственно шелестели ивы, роняя дождевые капли. В отдалении за ними следовали четверо. Теперь я, кажется, понимаю, подумал Энди, как должен себя чувствовать президент Соединенных Штатов.

— Вдове и детям, прямо скажем, несладко, — заговорил Кэп. — Скандал, сами понимаете.

— А она... о ней позаботятся?

— Пенсия будет более чем приличная, — ответил Кэп без всяких эмоций. Они приближались к стоянке. Еще издали Энди увидел оранжевое «Шевви» у обочины. Двое мужчин садились в «Бискайн» впереди. Двое других сели в серый «Плимут» сзади. — Но что этим мальчуганам пенсия? Видели их лица?

Энди промолчал. Вот оно, чувство вины: вгрызается в кишки, как пила. Не спасала даже мысль, что он сам в безвыходном положении. И тогда он попробовал представить себе Чарли... а также притаившуюся сзади зловещую тень — одноглазого пирата Джона Рэйнберда, который змеей вполз в сердце его дочери, чтобы приблизить день, когда...

Они сели в «Вегу», Кэп завел мотор. «Бискайн» вырулил на дорогу, и Кэп за ним следом. «Плимут» пристроился сзади.

Энди охватил необъяснимый страх, что сила внушения вновь оставила его, что все попытки обречены на провал. Это будет расплата за лица мальчиков.

Но что ему еще остается, кроме как попытаться?

— Сейчас мы с вами немного поговорим, — обратился он к Кэпу и подтолкнул. Сила внушения не оставила его, что сейчас же подтвердила и головная боль — цена злоупотребления своим даром в последнее время. — Это не помешает вам вести машину.

Левая рука Кэпа, потянувшаяся просигналить поворот, на миг зависла и продолжила свое движение. «Вега» постепенно проследовала за головной машиной между высоких столбов у входа на кладбище и выбралась на шоссе.

— Да, наш разговор не мешает мне вести машину, — согласился Кэп.

До Конторы было двадцать миль — Энди засек по спидометру, когда ехали на кладбище. Большая часть пути проходила по 301-й автостраде, о которой говорил ему Пиншо. Это была скоростная магистраль. Он мог рассчитывать максимум на двадцать пять минут. Последние два дня он ни о чем другом не думал и, кажется, неплохо все спланировал... но прежде необходимо выяснить один важнейший момент.

— Капитан Холлистер, как вы с Рэйнбердом считаете, долго еще Чарли будет участвовать в экспериментах?

— Не очень долго, — ответил Кэп. — Рэйнберд так все подстроил, что в ваше отсутствие она никого, кроме него, не слушается. Он занял ваше место. — И, понизив голос, со значением преподнес: — Он стал ее отцом, после того как ее лишили отца.

— И когда эксперименты прервутся, ее убьют?

— Не сразу. Рэйнберд сумеет еще немного потянуть. — Кэп дал сигнал, что поворачивает на 301-ю автостраду. — Он притворится, будто нам все стало известно. Что они секретничали. Что он ей советовал, как она должна использовать свои... свои преимущества. Что он передавал вам записки от нее.

Он умолк, но и сказанного хватило, чтобы у Энди сжалось сердце. Надо думать, они от души радовались, как легко одурачить ребенка, сыграть на чувстве одиночества, на страстном желании иметь друга, которому можно довериться, — и обратили это в свою пользу. Когда же все прочие средства себя исчерпают, достаточно будет намекнуть, что ее единственному другу, доброму дяде уборщику грозит потеря работы, а то и суд за разглашение государственных тайн. Дальше Чарли сама сообразит. Никуда она от них не денется. Будет жечь костры как миленькая.

Мне бы только встретиться с этим типом. Только бы встретиться.

Но сейчас не до него... если все пройдет гладко, ему наверняка не придется встречаться с Рэйнбердом.

— Меня должны отправить на Гавайи через неделю, — полуутвердительно спросил Энди.

— Совершенно верно.

— Каким образом?

— На военном транспортном самолете.

— Как вы это организовали?

— Через Пака, — тотчас отозвался Кэп.

— Кто такой Пак?

— Майор Виктор Пакеридж, — объяснил Кэп. — Энд-рюс.

— Военно-воздушная база в Эндрюсе?

— Точно.

— Он ваш приятель?

— Мы вместе играем в гольф. — Кэп чему-то улыбнулся. — Он делает подрезки.

«Сногшибательные подробности», — подумал Энди. Голову дергало, как гнилой зуб.

— Что, если вы предложите ему сегодня сдвинуть рейс на три дня?

— Сдвинуть? — усомнился Кэп.

— Это сложно? Много бумажной волокиты?

— Да нет. Пак подрежет лишнюю волокиту. — Опять эта странноватая и довольно безрадостная улыбка. — Он делает подрезки. Я вам говорил?

— Да-да. Говорили.

— А, ну хорошо.

Ровно гудел мотор, стрелка спидометра четко показывала положенные пятьдесят пять миль. Дождь сменился густым туманом. «Дворники» продолжали щелкать.

— Свяжитесь с ним сегодня же. Сразу, как вернетесь.

— Связаться с Паком, ну да. Я только что об этом подумал.

— Скажете ему, что я должен лететь не в субботу, а в среду.

Четыре дня невелик выигрыш, лучше бы три недели, но развязка стремительно надвигалась. Игра перешла в эндшпиль. Хочешь не хочешь, с этим надо считаться. Он не хотел — не мог — допустить, чтобы Чарли лишний день находилась в руках этого Рэйнберда.

— Не в субботу, а в среду.

— Да. И еще скажете Паку, что вы тоже летите.

— Тоже лечу? Но я...

Энди дал посыл. Сильный посыл, хотя это было болезненно. Кэп дернулся за рулем. Машина едва заметно вильнула, и у Энди промелькнула мысль, что он делает все, чтобы породить эхо в голове Кэпа.

— Ну да, тоже лечу. Я лечу с вами.

— Так-то оно лучше, — жестко сказал Энди. — Дальше... как вы распорядились насчет охраны?

— Никаких особых распоряжений, — сказал Кэп. — Ваша воля подавлена благодаря торазину. К тому же вы выдохлись и уже не можете воспользоваться даром внушения. Он давно дремлет.

— Разумеется, — согласился Энди и невольно потянулся ко лбу; рука его слегка дрожала. — Я, что же, полечу один?

— Нет, — поспешил ответить Кэп. — Я, пожалуй, тоже полечу с вами.

— Само собой. Ну а кроме нас двоих?

— Еще два агента, они будут работать стюардами и заодно присматривать за вами. Порядок, сами понимаете. Вклад нужно охранять.

— С нами летят только два оперативника? Вы уверены?

— Да.

— Плюс экипаж.

— Да.

Энди глянул в окно. Позади полдороги. Наступил решающий момент, а голова уже так болит, что он, того гляди, упустит что-то важное. И весь карточный домик рассыплется.

Чарли, повторил он про себя, как заклинание, и постарался овладеть собой.

— Капитан Холлистер, от Виргинии до Гавайских островов путь неблизкий. Самолет будет дозаправляться?

— Да.

— Где же?

— Не знаю, — безмятежно ответил Кэп.

Энди едва удержался от того, чтобы не заехать ему в глаз.

— Когда вы будете говорить с... — Как его зовут? — Он лихорадочно рылся в своем уставшем, истерзанном мозгу и наконец нашел. — Когда вы будете говорить с Паком, выясните, где намечена дозаправка.

— Да, выясню.

— Пусть это всплывет в разговоре как бы само собой.

— Да, я выясню, где намечена дозаправка, это всплывет в разговоре как бы само собой. — Он уставился на Энди с задумчиво мечтательным выражением, а Энди подумал: вероятно, этот человек отдал приказ убить Вики. Так и подмывало сказать: нажми на акселератор и врежься в опору этого моста. Но есть Чарли. «Чарли! — мысленно сказал он. — Надо продержаться ради Чарли». — Я говорил вам, что Пак делает подрезки? — доверительно спросил Кэп.

— Да. Говорили. — Думай! Думай, черт возьми! По всей вероятности, в районе Чикаго или Лос-Анджелеса. Но, понятное дело, не на гражданском аэродроме вроде «О'Хэйр» или «Л. А. интернэшнл». Дозаправка будет производиться на воздушной базе. Само по себе это ничем не грозило его шаткому плану — хватало других угроз, если он узнает место посадки заранее.

— Хорошо бы вылететь в три часа дня, — заметил он Кэпу.

— В три.

— Проследите, чтобы этого Джона Рэйнберда поблизости не было.

— Отослать его? — обрадовался Кэп, и Энди точно током ударило: Кэп побаивается Рэйнберда... Нет, боится!

— Да. Куда угодно.

— Сан-Диего?

— Хорошо.

Ну вот. И последний ход. Сейчас он его сделает; впереди уже виден зеленый знакотражатель — поворот на Лонгмонт. Энди достал из кармана брюк сложенный листок бумаги. Да так и оставил его до поры на коленях, держа большим и указательным пальцами.

— Скажете агентам, которые летят с нами на Гавайи, чтобы они встретили нас на воздушной базе, — объявил Энди. — В Эндрюсе. До Эндрюса мы поедem без них.

— Да.

Энди набрал в легкие побольше воздуха.

— И еще с нами полетит моя дочь.

— Девчонка? — впервые Кэп по-настоящему разволновался. — Девчонка? Но она опасна! Она не должна... Мы не должны...

— Она не была опасной, пока вы не начали производить над ней свои опыты, — ожесточился Энди. — Короче, она летит с нами, и чтоб вы больше не смели мне возражать, вы меня поняли?

На этот раз машина вильнула сильнее, а Кэп застонал.

— Она полетит с нами, — с готовностью повторил он. — Я больше не посмею вам возражать. Больно. Больно.

Но мне еще больнее.

Когда он снова заговорил, его голос, казалось, прорывался откуда-то издалека, сквозь набухшую кровью сеть боли, что неумолимо стягивала его мозг.

— Вы передадите ей вот это, — сказал Энди и подал Кэпу сложенный листок. — Сегодня же, но так, чтобы не вызвать подозрений.

Кэп засунул листок в нагрудный карман. Они подъезжали к Конторе; слева потянулось двойное проволочное ограждение под током высокого напряжения. Через каждые пятьдесят ярдов вспыхивали предупреждающие сигналы.

— А теперь повторите важнейшие пункты, — сказал Энди.

Кэп говорил быстро и четко — сразу видна была выправка выпускника военной академии.

— Я договорюсь о том, что вы полетите на армейском транспортном самолете в среду, а не в субботу. Я полечу с вами, третьей будет ваша дочь. Два агента из сопровождения встретят нас в Эндрюсе. Я выясню у Пака, где намечена дозаправка. Я спрошу об этом, когда свяжусь с ним по поводу переноса рейса. Я должен передать вашей дочери записку. Я передам ее после того, как поговорю с Паком, и сделаю это так, чтобы не вызвать подозрений. Я также отправлю Джона Рэйнберда в Сан-Диего в следующую среду. Вот, собственно, и все пункты.

— Да, — сказал Энди, — все. — Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

В голове проносились беспорядочные обрывки прошлого и настоящего — соломинки на ветру. Неужели из этой затеи что-нибудь выйдет? Не подписывает ли он смертный приговор им обоим? Теперь они знают, чего можно ждать от Чарли, своими глазами убедились. Случись что не так, и они с Чарли закончат свой перелет в грузовом отсеке самолета. В запломбированных ящиках.

Кэп притормозил у контрольно-пропускного пункта, опустил боковое стекло и отдал свою карточку из тонкого пластика дежурному, который сунул ее в прорезь компьютера.

— Можете ехать, сэр, — сказал дежурный.

Кэп нажал на педаль.

— Вот еще что, капитан Холлистер. Вы забудете о нашем разговоре. Все, что мы здесь обсуждали, вы сделаете спонтанно. Ни с кем не советуясь.

— Хорошо.

Энди кивнул. Хорошего мало, но что будет, то и будет. Дело может запросто кончиться эхом, ведь ему пришлось подтолкнуть Кэпа изо всех сил, а кроме того Кэпу, выполняя его инструкции, придется идти против своих убеждений. Не исключено, сработает высокое положение капитана Холлистера. Или не сработает. Сейчас Энди был слишком измотан усталостью и головной болью, чтобы взвешивать возможные последствия.

С огромным трудом он выбрался из машины, Кэпу пришлось слегка поддержать его под локоть. Холодная

морось приятно освежила лицо, но он не сразу это понял.

Агенты, покинувшие «Бискайн», смотрели на него с брезгливостью, хотя и старались не подавать виду. Одним из них был Дон Джулз. На нем был голубой спортивный свитер с надписью «НАЦИОНАЛЬНАЯ ОЛИМПИЙСКАЯ КОМАНДА ПО ЛИТРОБОЛУ».

«Полубуйтесь на рыхлого опустившегося наркомана, — смутно подумалось Энди. Он задыхался, глаза опять пощипывало. — Полубуйтесь напоследок, потому что если рыхлый дядя уйдет от вас на этот раз, он разворошит к чертовой матери ваше осиное гнездо».

— Ну, ну, ну, — приговаривал Кэп и покровительственно-небрежно похлопал его по плечу.

«Ты только сделай, что тебе сказано, — думал Энди, с мрачной решимостью сдерживая слезы — не дождутся они его слез, не дождутся. — Ты только сделай, что тебе сказано, сукин ты сын».

Еще долго после ухода Кэпа Чарли лежала на кровати — она была огорошена, напугана, сбита с толку. Она буквально не знала, что и думать.

Он пришел полчаса назад, без четверти пять, и представился капитаном Холлистером («Но ты можешь смело называть меня Кэпом, меня так все зовут»). Его доброе умное лицо немножко напомнило ей иллюстрации к «Ветру в ивах»*. Где-то она его недавно видела... но она никак не могла сообразить, пока Кэп не навел ее на след. Это он проводил ее «домой» после первого теста, когда мужчина в белом халате сбежал, оставив дверь открытой. В тот момент она была как в тумане от потрясения и чувства вины, и... и еще от головокружительного торжества, поэтому неудивительно, что она его не сразу узнала. Даже если бы ее сопровождал сам Джин Симмонс из рок-группы «Кисс», она бы и его, вполне возможно, не заметила.

* Повесть для детей английского писателя Кеннета Грэхема.

Манера говорить у Кэпа была мягкой, располагающей, и это сразу ее насторожило.

Хокстеттер, сказал он, озабочен тем, что она объявила о своем отказе участвовать в тестах, пока не увидится с отцом. Чарли подтвердила это и замолчала, как в рот воды набрала... в основном от страха. Только начини спорить с такой лисой, через пять минут твои доводы рухнут, и черное представится белым, а белое черным. Уж лучше упереться рогом. Надежнее.

Но ее ждала неожиданность.

— Что ж, это твое право, — сказал он. Видимо, лицо у нее вытянулось от изумления, потому что Кэп рассмеялся. — Придется кое-что утрясти, но в принципе...

При словах «кое-что утрясти» она снова набычилась.

— Никаких больше тестов. Никаких поджогов. Хоть десять лет утрясайте.

— Ну, так много времени, я думаю, не понадобится, — сказал он, ничуть не обидевшись. — Просто я должен, Чарли, кое с кем это согласовать. К тому же бумажной волокиты у нас тут хватает. Но пока я буду все устраивать, ты можешь ничего не зажигать. Даже свечку.

— Я и не хочу, — сказала она с металлом в голосе, не веря ни одному его слову, не веря, что он что-то устроит. — И не буду.

— Я постараюсь все уладить... к среде. Да-да, к среде я все улажу.

Вдруг он замолчал. Он склонил голову набок, словно прислушиваясь к тому, чего не могла слышать она, не будучи настроена на эту волну. Чарли озадаченно смотрела на него и уже собиралась спросить, что с ним, но вовремя прикусила язык. В том, как он сидел, было что-то... знакомое.

— Значит, в среду я его увижу? — робко спросила она.

— По-видимому, — ответил Кэп. Он поерзал на стуле и тяжело вздохнул. Их взгляды встретились, и на губах Кэпа появилась растерянная улыбка... тоже знакомая. Ни к селу ни к городу он вдруг сказал: — Говорят, твой папа классно играет в гольф.

Чарли захлопала глазами. Насколько ей было известно, папа в жизни не держал в руках клюшку. Она открыла рот, чтобы сказать это... и вдруг до нее дошло, даже голова закружилась от внезапной догадки.

Мистер Мерль! В точности, как мистер Мерль!

Мистер Мерль был одним из папиных клиентов в Нью-Йорке. Маленький невзрачный блондин, застенчивая улыбка, очки в розовой оправе. Ему тоже, как и другим клиентам, не доставало веры в себя. Он работал не то в страховой компании, не то в банке. Папа за него очень переживал. Все это — «крикошет». Из-за того, что папа его подтолкнул. И еще этот рассказ, который он когда-то прочел, там было что-то плохое. И вдруг мистер Мерль начал мучиться. Папа сказал, что этот «крикошет» вылез из рассказа и давай прыгать в голове у мистера Мерля, как теннисный мяч, только мяч бы потом остановился, а этот рассказ все лез и лез ему в голову, совсем бы его скоро замучил. Чарли даже подумала: это папа специально ей говорит «мистер Мерль замучается», а сам боится, что мистер Мерль умрет. Поэтому он однажды попросил его задержаться и еще раз его подтолкнул со словами: «Вы никогда не читали этот рассказ». И у мистера Мерля сразу все прошло. Остается надеяться, сказал ей потом папа, что он никогда не увидит фильм «Охотники за оленями». Что имелось в виду, она так и не узнала.

У мистера Мерля, пока папа ему не помог, вид был точно такой же, как сейчас у Кэпа.

Сомнения отпали: ее отец подтолкнул этого человека. У Чарли словно крылья выросли. Ничего не слышать о нем, кроме самых общих слов от Рэйнберда, да и то изредка, не видеть его так долго, не знать, где он, и вдруг... Странное чувство — будто он в комнате, успокаивает ее, говорит, что он здесь, рядом.

Неожиданно Кэп поднялся.

— Ну, мне пора. Мы еще увидимся, Чарли. Ни о чем не беспокойся.

Она хотела остановить его, расспросить об отце — где он, что с ним, но язык прилип к гортани. Кэп направился к выходу, остановился.

— Да, чуть не забыл. — Он пересек комнату, достал из нагрудного кармана сложенный листок бумаги и протянул его Чарли. Онемевшая, она взяла листок, бегло на него взглянула и спрятала в карман халатика. — Кстати, когда будешь кататься верхом, берегись змей, — посоветовал он доверительно. — Стоит лошади увидеть змею, и она понесет. Проверено. У нее...

Не договорив, Кэп принялся тереть висок. Он как-то осунулся, взгляд стал рассеянным. Потом он обреченно тряхнул головой. И, попрощавшись, вышел.

Чарли так и застыла посреди комнаты. Затем она достала записку, развернула, прочла... и все изменилось.

Чарленок!

Первое. Когда прочтешь, отправь это в унитаз, ладно?

Второе. Если все пойдет так, как я наметил (как мне хотелось бы), в следующую среду нас здесь уже не будет. Записку передаст тебе наш человек, хотя он сам об этом не подозревает... поняла?

Третье. В среду в час дня ты должна быть в конюшнях. Придумай что хочешь — если надо, зажги для них еще один костер. Но ты должна быть там.

Четвертое, самое главное. *Не доверяй этому Джону Рэйнберду.* Мои слова могут тебя огорчить. Я знаю, ты ему веришь. Но он очень опасный человек, Чарли. Ты все приняла за чистую монету, оно и неудивительно, — по словам Холлистера, это такой актер, хоть завтра «Оскара» давай. Так вот, он командовал людьми, которые схватили нас у дома Грэнтера. Надеюсь, тебя это не слишком огорчит, но, зная тебя, боюсь, что огорчит. Кому приятно узнать, что тебя используют в своих целях. Чарли, запомни: если Рэйнберд появится, а скорее всего он появится, *очень важно*, чтобы ты вела себя с ним так, будто ничего не произошло. В среду он нам помешать не сможет.

Чарли, мы полетим в Лос-Анджелес или в Чикаго. Я, кажется, придумал, как организовать пресс-конференцию. Я рассчитываю на помощь Квинси, моего старого друга, который, наверное, пожалуй, даже наверняка, вылетит нам навстречу, надо только дать ему знать. А что такое пресс-конференция? Это значит, что про нас узнает вся страна. Даже если они нас опять куда-нибудь упрячут, по крайней мере мы будем вместе. Надеюсь, ты хочешь этого не меньше, чем я.

Наше нынешнее положение можно было бы считать сносным, но они заставляют тебя поджигать, преследуя самые гнусные цели. Если ты сейчас думаешь, «ну вот, опять куда-то бежать», поверь мне, это в последний раз... и мама, я уверен, сказала бы то же самое.

Я по тебе соскучился, Чарли, и очень тебя люблю.

Папа.

Мало что о той ночи запомнилось. Запомнилось, что среди ночи ей стало жарко, она встала и погасила жар. Смутно запомнился сон — ощущение свободы,

там впереди свет — там кончается лес и открывается равнина, по которой Некромансер будет нести ее, не зная устали

к которому примешивался страх и чувство потери. Так вот чье лицо это было, вот кто ей все это время снился — Джон. Да разве она не догадывалась? Разве не догадывалась

леса горят, только не трогай лошадей, пожалуйста, не трогай лошадей
все это время?

Когда она утром проснулась, ночные страхи и растерянность, и боль от сознания, что ее предали, уже переплывались со всей неизбежностью в гнев — твердый и пылающий, как алмаз.

Пусть только попышет помешать нам в среду, повторяла она про себя. Пусть только попышет. Если

все это правда, пусть только посмеет показаться нам на глаза.

Ближе к обеду открылась дверь, и Рэйнберд вкатил свою тележку со шваброй, полиролями, губками и тряпочками. Полы его белого халата развевались.

— Привет, Чарли, — сказал он.

Чарли сидела на кушетке и разглядывала книжку с картинками. Она подняла глаза — бледненькая, неулыбчивая... настороженная. Кожа обтянула скулы. С опозданием улыбнулась. Не ее улыбка, подумал Рэйнберд.

— Привет, Джон.

— Вид у тебя сегодня, Чарли, ты уж меня извини, неважнецкий.

— Я плохо спала.

— Правда? — он был в курсе. Этот болван Хокстеттер закатил форменную истерику по поводу того, что ночью температура в ее комнате поднялась на пять или шесть градусов. — Бедняга. Из-за папы?

— Наверно. — Она захлопнула книжку и встала. — Пойду полежу. Даже разговаривать неохота.

— Ложись, ясное дело.

Он проводил ее взглядом и, когда дверь в спальню закрылась, отправился на кухню набрать воды в ведро. Странно она на него посмотрела. И улыбнулась странно. Все это ему не понравилось. Плохо спала — что ж, бывает. Все время от времени плохо спят, а утром кидаются на жен или бессмысленно таращатся в газету. Бывает. И все же... внутри зазвенел тревожный звоночек. Он уже забыл, когда она так на него смотрела. И не бросилась к нему, как обычно, что тоже ему не понравилось. Затворилась в каком-то своем мирке. Это его тревожило. Может, все дело в бессонной ночи... а дурной сон позавчера — может, не то съела... И все равно это его тревожило.

И еще одно: вчера под вечер к ней заглянул Кэп. Такого еще не бывало.

Рэйнберд поставил ведро и надел на швабру пористый валик. Окунув швабру в ведро, он отжал валик и принялся

размашисто и не спеша протирать пол. Его страшное лицо было спокойным и невозмутимым.

Уж не хочешь ли ты, Кэп, вонзить мне нож в спину? Думаешь, самое время? Решил меня уделать?

Если так, то он здорово недооценил Кэпа. Одно дело Хокстеттер. Ну появится в комиссии или подкомиссии Сената — и что? Там вякнул, тут брякнул, а в результате пшик. Начнет потрясать доказательствами. Может даже позволить себе роскошь повспоминать, какой там на него нагнали страх. Другое дело — Кэп. Кэп прекрасно понимает, чем оборачиваются все доказательства, когда речь заходит о таком взрывоопасном материале (чем не каламбур?), как Чарли Макги. Поэтому, когда на закрытом заседании выступит Кэп, он будет говорить о другом — об ассигнованиях, причем размениваться не станет, а просто обронит одно из самых зловещих и загадочных выражений из бюрократического лексикона: долгосрочные ассигнования. И хотя ничего не будет произнесено вслух, все присутствующие отлично поймут, что в подтексте — вопрос евгеники. Конечно, рано или поздно, рассуждал дальше Рэйнберд, Кэпу все же придется пригласить группу сенаторов на аттракцион Чарли. «Может быть, даже с детьми, — подумал Рэйнберд, намачивая пол и протираяя. — Это будет поинтереснее, чем дрессированные дельфины в океанариуме».

И тут, Кэп это знает, ему очень понадобится кое-какая помощь.

Так зачем он к ней приходил вчера? Зачем раскачивает лодку, в которой сам сидит?

Рэйнберд отжимал пористый валик, наблюдая, как грязная мутная вода стекает в ведро. Он снова бросил взгляд на закрытую дверь спальни. Чарли от него отгородилась, и это ему не нравилось.

Тут было, было отчего забеспокоиться.

Вторая половина дня в понедельник выдалась ветреная, но Рэйнберд этого не знал — весь вечер он посвятил сбору информации. Информация оказалась тревожной. Первым

делом он пришел к Нири, который обслуживал мониторы во время вчерашнего визита Кэпа к Чарли.

— Я хочу посмотреть видеозаписи, — сказал Рэйнберд.

Нири спорить не стал. Он устроил Рэйнберда в маленькой комнатке за холлом наедине с воскресными записями и видеокассетником «Сони», позволявшим увеличивать изображение и делать стоп-кадр. Нири был рад от него отделаться и только молил Бога, чтобы Рэйнберд еще чего-нибудь не попросил. Если девчонка монстр, то Рэйнберд, этот гигантский ящер, монстр вдвойне.

Записи представляли собой кассеты, рассчитанные на три часа звучания и снабженные пометой «00.00 — 03.00» и дальше. Рэйнберд нашел нужную кассету и прокрутил сцену с Кэпом четыре раза подряд, прервавшись лишь затем, чтобы вернуть момент, когда Кэп произносит: «Ну, мне пора. Мы еще увидимся, Чарли. Ни о чем не беспокойся».

Многое в этой записи смущало Джона Рэйнберда.

С Кэпом было что-то не так, и это настораживало. Он казался постаревшим; то и дело, говоря с Чарли, он терял нить, как какой-нибудь склеротик. Его взгляд — блуждающий, бессмысленный — странным образом напоминал Рэйнберду выражение глаз у солдат, одуревших от затяжных боев, выражение, которое его собратья по оружию удачно окрестили «заворот мозгов».

Я постараюсь все уладить... к среде. Да-да, к среде я все улажу.

Какого рожна он сказал это?

Пообещать ей такое — значило распрощаться с мыслью о будущих тестах. Отсюда напрашивается вывод: Кэп затеял свою игру, интригует в лучших традициях Конторы.

Но Рэйнберд подобный вывод отверг. Кэп меньше всего был похож на человека, затеявшего игру. Скорее он был похож на человека, которого совсем задрючили. Взять эту фразу о гольфе. Фраза совершенно с потолка. Никакой связи с предыдущим или последующим. Рэйнберд было подумал, что тут какой-то код, но сам же отмел это

предположение как смехотворное. Кэп отлично знал, что квартира Чарли просматривается и прослушивается, каждый шаг под контролем. Уж Кэп-то нашел бы способ закамуфлировать кодовую фразу. *Говорят, твой папа классно играет в гольф.* Фраза словно повисла в воздухе, абсолютно чужеродная и непонятная.

И, наконец, последнее.

Рэйнберд прокручивал это место снова и снова. Кэп задумывается. *Да, чуть не забыл.* И затем дает ей что-то, а она, быстро глянув, прячет это в карман халатика.

Рэйнберд нажимал на кнопку, заставляя Кэпа раз за разом повторять: *Да, чуть не забыл.* И раз за разом что-то передавать Чарли. Сначала Рэйнберд думал, что это жевательная резинка, пока не прибегнул к помощи электронного увеличения и стоп-кадра. И убедился, что это, скорее всего, записка.

Что же ты, Кэп, сукин сын, затеваешь?

Всю ночь с понедельника на вторник он просидел перед ЭВМ, собирая всю мыслимую информацию о Чарли Макги, пытаясь нащупать ниточку. И не нащупал. Только глаз устал и голова от этого разболелась.

Он уже встал, чтобы выключить свет, как вдруг, вне всякой связи с предыдущим, мелькнула мысль. Не о Чарли, а об этом разьевшемся, одуревшем от наркотиков ничтожестве, ее отце.

Пиншо. Он занимался Энди Макги, а на прошлой неделе покончил с собой, да таким диким способом, что нарочно не придумаешь. Явные нелады с психикой. Сдвиг по фазе. Не все дома. Кэп берет с собой Энди на похороны — странно, конечно, если вдуматься, но в пределах разумения.

После чего с Кэпом что-то происходит — он начинает говорить о гольфе и передавать записочки.

Да ну, чушь собачья. Он давно выдохся.

Рука Рэйнберда замерла на выключателе. Экран машины был матово-зеленым, цвета необработанного изумруда.

Кто сказал, что он выдохся? Он сам?

Только сейчас Рэйнберд обратил внимание на еще одно странное обстоятельство. Пиншо махнул рукой на Энди и решил отослать его на Мауи. Раз Энди не может демонстрировать чудеса, на которые способен «лот шесть», то и незачем держать его тут... Да оно и спокойнее, если он будет подальше от Чарли. Логично. Но затем Пиншо неожиданно передумывает и решает провести серию новых тестов.

А затем Пиншо решает почистить мусоросборник... пока крутятся лопасти.

Рэйнберд вернулся к машине. Секунду помедлив, он напечатал:

ПРИВЕТ, МАШИНА / ВОПРОС СТАТУС ЭНДРЮ
МАКГИ 14112 / ДАЛЬНЕЙШИЕ ТЕСТЫ / ОТПРАВКА
НА МАУИ/ К 4.

ПРИЕМ, — помигала ему машина. И почти сразу:
ПРИВЕТ, РЭЙНБЕРД / ЭНДРЮ МАКГИ 14112 НИКА-
КИХ ДАЛЬНЕЙШИХ ТЕСТОВ / РАСПОРЯЖЕНИЕ
«СКВОРЕЦ»/ НАМЕЧЕННЫЙ ВЫЛЕТ НА МАУИ 9 ОК-
ТЯБРЯ 15.00 / РАСПОРЯЖЕНИЕ «СКВОРЕЦ» / ЭНД-
РЮС ВВБ-ДУРБАН (ИЛЛ) ВВБ-КАЛАМИ ПОСАДКА
(ГА)* / ОТКЛ.

Рэйнберд посмотрел на часы. Девятое октября — среда. Завтра днем Энди улетает на Гавайи. Кто отдал такой приказ? «Скворец», то есть Кэп. Для Рэйнберда это была полная неожиданность.

Его пальцы вновь забегали по клавиатуре.

ВОПРОС ВОЗМОЖНОСТИ ЭНДРЮ МАКГИ 14112 /
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА ВНУШЕНИЯ / ОБЪ-
ЕКТ ГЕРМАН ПИНШО.

Он помешкал, ища шифр Пиншо в потрепанной заму-
соленной книге абонентов, которую он сунул в задний
карман брюк, прежде чем отправиться сюда. Наконец
нашел и отстучал: 14409 / К 4.

* Условные сокращения: ВВБ — военно-воздушная база;
ИЛЛ — Иллинойс; ГА — Гавайи.

ПРИЕМ, — помигала машина и так долго не отвечала, что Рэйнберд уже засомневался, правильные ли он заложил данные, и настроился получить «609», иначе говоря, баранку за все свои хлопоты.

Но тут машина выдала: ЭНДРЮ МАКГИ 14112 / ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА ВНУШЕНИЯ 35% / ОБЪЕКТ ГЕРМАН ПИНШО / ОТКЛ.

Тридцать пять процентов?

Возможно ли?

«Ладно, — подумал Рэйнберд. — Попробуем выбросить Пиншо из этого дурацкого уравнения. Интересно, что получится».

Он отстучал: ВОПРОС ВОЗМОЖНОСТИ ЭНДРЮ МАКГИ 14112 / ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА ВНУШЕНИЯ / К 4.

ПРИЕМ, — помигала машина и на этот раз ответила через пятнадцать секунд. — ЭНДРЮ МАКГИ 14112 / ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА ВНУШЕНИЯ 2% / ОТКЛ.

Рэйнберд откинулся назад и закрыл глаз; в висках неприятно стучало, но еще сильнее был ликующий стук сердца. Он задал два важных вопроса, а что в обратном порядке, так эту цену стоило заплатить за интуитивное озарение — озарение, которое доступно человеку и неведомо машине, хотя ее можно научить говорить «Привет» и «Будь здоров», «Извини» (имярек) и «Ошибочка вышла» или «Фу, черт».

Машина не верила, что у Энди сохранилась сила внушения... пока в нее не заложили фактор Пиншо. Показатель сразу резко подскочил.

Он отстучал: ВОПРОС ПОЧЕМУ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА ВНУШЕНИЯ ЭНДРЮ МАКГИ 14112 (ВЕРОЯТНОСТЬ) ПОВЫШАЕТСЯ ОТ 2% ДО 35% УЧИТЫВАЯ ОБЪЕКТ ГЕРМАН ПИНШО 14409 / К 4.

ПРИЕМ, — ответила машина, а затем: ГЕРМАН ПИНШО 14409 ЗАКЛЮЧЕНИЕ О САМОУБИЙСТВЕ / ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВНИМАНИЕ ВЕРОЯТНОСТЬ ЭНДРЮ МАКГИ 14112 СПРОВОЦИРОВАЛ САМОУБИЙСТВО / СИЛА ВНУШЕНИЯ / ОТКЛ.

Вот он, готовый ответ, лежит себе в банке памяти самой большой и умной машины в западном полушарии, которая только и ждет, чтобы ей задали правильные вопросы.

А что, если мои подозрения насчет Кэпа заложить в нее как факт? Рэйнберд поразмыслил и решил попробовать. Он опять достал книгу абонентов и нашел в ней шифр Кэпа.

ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ, — отстучал он. — КАПИТАН ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040 / ПОСЕТИЛ ПОХОРОНЫ ГЕРМАНА ПИНШО 14409 ВМЕСТЕ С ЭНДРЮ МАКГИ 14112 / К 4.

ПРИНЯТО, — ответила машина.

ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ, — отстучал снова Рэйнберд. — КАПИТАН ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040 / ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПРИЗНАКИ СИЛЬНОЙ МОЗГОВОЙ УСТАЛОСТИ / К 4.

609 — ответила машина. Очевидно, «мозговая усталость» была для нее все равно что китайский иероглиф.

— Чтоб ты подавилась, — пробормотал Рэйнберд и предпринял новую попытку.

ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ / КАПИТАН ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040 / ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ВЕДЕТ СЕБЯ НЕ В СООТВЕТСТВИИ СО СЛУЖЕБНЫМИ ПРЕДПИСАНИЯМИ / ОБЪЕКТ ЧАРЛИ МАКГИ 14111 / К 4.

ПРИНЯТО.

— Съела, паразитка, — отреагировал Рэйнберд. — А теперь вот тебе моя команда. Его пальцы забежали по клавиатуре.

ВОПРОС ВОЗМОЖНОСТИ ЭНДРЮ МАКГИ 14112 / ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА ВНУШЕНИЯ ОБЪЕКТ ГЕРМАН ПИНШО 14409 / ОБЪЕКТ КАПИТАН ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040 / К 4.

ПРИЕМ, — зажглось в ответ, и Рэйнберд откинулся на стуле, не сводя глаз с экрана. Два процента — ничтожно мало. Тридцать пять — тоже еще не цифра, чтобы биться об заклад. Вот если бы...

На экране зажглось: ЭНДРЮ МАКГИ 14112 / ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА ВНУШЕНИЯ 90% / ОБЪ-

ЕКТ ГЕРМАН ПИНШО 14409 / ОБЪЕКТ КАПИТАН
ДЖЕЙМС ХОЛЛИСТЕР 16040 / ОТКЛ.

Ого, девяносто процентов. Вот теперь можно биться об заклад.

И еще в отношении двух моментов Джон Рэйнберд готов был побиться об заклад: во-первых, что Кэп действительно передал Чарли записку от отца и, во-вторых, что записка содержала в себе некий план побега.

— Ах ты старый навозный жук, — пробормотал Рэйнберд... не без восхищения.

Он опять наклонился вперед и отступал:

600 БУДЬ ЗДОРОВА, МАШИНА 600.

604 БУДЬ ЗДОРОВ, РЭЙНБЕРД 604.

Он выключил клавиатуру. Его разбирал смех.

Рэйнберд добрался до своей квартиры и как был в одежде рухнул замертво на кровать. Проснулся он после полудня и сразу позвонил Кэпу, что не выйдет сегодня на работу. Дескать, сильная простуда или даже грипп — еще, чего доброго, заразит Чарли.

— Надеюсь, это не помешает вам вылететь завтра в Сан-Диего, — сухо сказал Кэп.

— Сан-Диего?

— Три досье, — пояснил Кэп. — Особо секретно. Нужен курьер. Я выбрал вас. Вылет с базы Эндрюс завтра в 7.00.

Мысли Рэйнберда закрутились с бешеной скоростью. Очередной сюрприз Энди Макги. Макги раскусил его. Ясно как божий день. И все это было в записке вместе с каким-то безумным планом побега. Теперь понятно, почему Чарли так странно вела себя. По дороге на похороны или на обратном пути Энди тряханул Кэпа, и тот выложил все как на блюдечке. Макги вылетает из Эндрюса завтра днем, а его, Рэйнберда, рейс назначают на утро. Макги использует Кэпа, чтобы вывести его из игры. Он должен...

— Рэйнберд? Вы меня слышите?

— Слышу, — сказал он. — Может, другого пошлете? Что-то я себя погано чувствую, Кэп.

— Другому я не могу это доверить, — услышал он в ответ. — Материал взрывоопасный. Не дай Бог... в траве... какая змея схватит.

— Вы сказали змея? — переспросил Рэйнберд.

— Да! Змея! — буквально завизжал Кэп.

Макги подтолкнул его, еще как подтолкнул, и сознание Кэпа сдвинулось и медленно поползло вниз, наподобие лавины. Рэйнберд вдруг сообразил — нет, шестым чувством угадал, — что, начини он сейчас артачиться и качать права, Кэп может сорваться с катушек... как Пиншо.

Заинтересован ли он в этом?

Нет, решил он, не заинтересован.

— Будет сделано, — сказал он вслух. — Полечу. В 7.00. Придется наглотаться антибиотиков. Сукин вы сын, Кэп.

— С родителями у меня все чисто, — отшутился Кэп, но как-то натужно, безрадостно. И, кажется, вздохнул с облегчением... правда, несколько нервно.

— Так я вам и поверил.

— Пока будете заправляться, может, успеете сыграть партию в гольф.

— Я не играю в... *гольф*. — И в разговоре с Чарли он упомянул гольф — гольф и змей. То и другое каким-то образом оказалось на карусели, которую Макги закрутил в голове Кэпа. — Да-да, может, и успею, — поспешил он согласиться.

— В Эндрюсе вам надо быть в 6.30, — сказал Кэп. — Спросите Дика Фолсома. Помощника майора Пакериджа.

— Будет сделано, — сказал Рэйнберд. Ни на какой базе в Эндрюсе его завтра, разумеется, не будет. — До свидания, Кэп.

Он положил трубку и спустил ноги с кровати. Потом надел свои старые грубые ботинки и принялся расхаживать по комнате, обдумывая предстоящие действия.

ПРИВЕТ, МАШИНА / ВОПРОС СТАТУС ДЖОНА
РЭЙНБЕРДА 14222 / ЭНДРЮС ВВВ (ОК) ДО САН-ДИ-
ЕГО (КА) ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ / Ф 9.

ПРИВЕТ, КЭП / ДЖОН РЭЙНБЕРД 14222 ВЫЛЕТ
ЭНДРЮС ВВВ 07.00 ВПВ* / СТАТУС ОДОБРЕН /
ОТКЛ.

Эти машины как дети, подумал Рэйнберд, считывая информацию. Достаточно было впечатать новый шифр Кэпа — узнай он, что и этот шифр раскрыт, он бы лишился дара речи, — чтобы он, Рэйнберд, стал для машины Кэпом. Он начал посвистывать на одной ноте. Уже зашло солнце, и Контора сонливо ворочала делами.

ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ, ОСОБО СЕКРЕТНО.

ПОЖАЛУЙСТА, ШИФР.

ШИФР 19180.

ШИФР 19180, — повторила машина. — ГОТОВА
ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ ОСОБО СЕКРЕТНО.

Рэйнберд секунду поколебался, а затем отступал: К
СВЕДЕНИЮ / ДЖОН РЭЙНБЕРД 14222 / ЭНДРЮС
(ОК) ДО САН-ДИЕГО (КА) ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ /
ОТМЕНЯЕТСЯ / ОТМЕНЯЕТСЯ / Ф 9.

ПРИНЯТО.

Далее, пользуясь книгой абонентов, Рэйнберд сообщил машине, кого надо известить об отмене: Виктора Пакериджа и его помощника Ричарда Фолсома. С ночным телексом эти сведения поступят на базу в Эндрюсе, и утром самолет просто-напросто поднимется в воздух без него.

И никто ничего не будет знать, включая Кэпа.

600 БУДЬ ЗДОРОВА, МАШИНА 600.

604 БУДЬ ЗДОРОВ, КЭП 604

Рэйнберд откинулся назад. Проще всего, конечно, покончить со всем этим прямо сегодня. А вдруг осечка? На машину до определенной степени можно положиться, но даже если из ее «вероятностей» сшить себе шубу, греть такая шуба не будет. Нет, надежнее дать им развернуться, раскрыться и тогда поразить наверняка. Надежнее, да и забавнее.

* Условные сокращения: ОК — округ Колумбия; КА — Калифорния; ВПВ — восточное поясное время.

Вообще ситуация забавная. Пока они не сводили глаз с девочки, этот Макги восстановил свои способности, если вообще не скрывал их все это время. Таблетки, надо полагать, идут «не в нас, а в таз». Кэпа он уже прибрал к рукам, а это значит, что завтра он приберет к рукам Контору, захватившую его в плен. Еще бы не забавно. Тем эндшпили и интересны, думал про себя Рэйнберд.

Он не знал, что там планирует Макги, но нетрудно было догадаться. Да, они полетят в Эндрюс, только вместе с Чарли. Без особых хлопот Кэп выведет ее за пределы Конторы — едва ли кому другому в целом мире это по силам. Они полетят в Эндрюс, не на Гавайи. Возможно, Энди рассчитывает скрыться в Вашингтоне. Или, когда они сядут в Дурбане, Кэп, как послушный робот, велит подать к трапу служебную машину. В этом случае они скроются в Шайтауне — а через два дня дадут о себе знать кричащими заголовками в чикагской «Трибюн».

Была у него мысль самоустраниться. Тоже забавный вариант. Кэп, скорее всего, окончит свои дни в психушке, бормоча про змей и клюшки для гольфа, или наложит на себя руки. Ну а Контора... достаточно представить муравейник, который облили нитроглицерином и сейчас подожгут. **ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ СЕМЬИ МАКГИ...** одна такая заметочка в прессе, и через пять месяцев, полагал Рэйнберд, Контора прекратит свое существование. Туда ей и дорога — он не присягал на верность Конторе. Он сам себе голова, покрытый шрамами джентльмен удачи, меднокожий ангел смерти, и знамена, под которыми он служит, для него не более чем половая тряпка: С Конторой он ничем не связан.

Он связан с Чарли.

Им предстоит свидание. Он заглянет в ее глаза, она в его единственный... а следующий шаг они, возможно, сделают вместе, объятые пламенем. Что, убивая ее, он, вероятно, спасает мир от светопреставления, он тоже не думал. Он не присягал миру на верность, как и Конторе.

Мир и Контора вырвали его с корнем из родной замкнутой среды, которая, наверно, была его единственным спасением... и сделали из него сначала послушного пьян-

чужку-краснокожего, подручного на бензоколонке, а потом лоточника, продававшего «индейские» фигурки на какой-то занюханной дороге между Фениксом и Флэгстаффом.

Но Чарли, Чарли!

С того затянувшегося вечера, когда темнота бросила их в объятия друг другу, они закружились и поныне кружатся в вальсе смерти. То, о чем он лишь подозревал ранним утром в Вашингтоне, когда приканчивал Уэнлесса, превратилось в стопроцентную уверенность: девочка принадлежит ему. Но это будет акция любви, а не разрушения, хотя на первый взгляд все наоборот.

Он готов. Он в общем-то давно искал смерти. Ну а смерть от ее рук, на ее костре — это уже близко к жертвенности... а то и к отпущению грехов.

Стоит только дать возможность ей и ее отцу быть вместе, как Чарли станет заряженной винтовкой или, лучше сказать, огнеметом.

Он проследит за ней и даст им эту возможность. Что дальше — кто знает?..

Да и зачем знать? Разве это не испортит все удовольствие?

В тот же день Рэйнберд слетал в Вашингтон, где нашел предприимчивого адвоката, не гнушавшегося работать до темна. Он вручил ему три сотни долларов в мелких купюрах. И там, в адвокатской конторе, Джон Рэйнберд уладил немногие свои дела, чтобы завтра быть готовым ко всему.

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ ВЗГЛЯДОМ

На столе перед Кэпом как попало лежали телеграммы и деловые бумаги. О них было забыто. Обо всем было забыто, кроме змей и клюшек для гольфа да еще того, что он должен сделать без четверти час. Он спустится вниз к Энди Макги. Он очень рассчитывал на то, что Энди скажет ему, как поступать дальше. Он очень рассчитывал на то, что Энди устроит все в лучшем виде.

За этой чертой — без четверти час — будущее виделось Кэпу бездонной черной воронкой.

Его это не тревожило. Как-то даже легче стало.

Без четверти десять Джон Рэйнберд незаметно проскользнул в наблюдательную комнату — по соседству с квартиркой Чарли. Перед мониторами сидел Луис Трантер, мужчина необъятных размеров, едва помещавшийся на стуле. За стеной, если верить термометру, стабильно держались шестьдесят восемь градусов. Луис полуобернулся на скрип двери и при виде Рэйнберда весь напрягся.

— А говорили, что вы уехали, — сказал он.

— Отмотался, — сказал Рэйнберд. — Учтите, Луис, сегодня утром вы меня не видели.

Луис смотрел на него непонимающим взглядом.

— Вы меня не видели, — повторил Рэйнберд. — После пяти — все что угодно. Но до пяти вы меня не видели. А если что ляпнете, жирку у вас малость поубавится. Уразумели?

Луис Трантер заметно побледнел. Сладкий пирожок, который он ел, упал на наклонную металлическую панель пульта обслуживания. Пирожок скатился и, незамеченный,

упал на пол, оставив за собой шлейф крошек. У Луиса мгновенно пропал аппетит, ему приходилось слышать, что этот малый псих, теперь он и сам убедился.

— Уразумел, — прошептал он под прицелом горящего глаза и какой-то жутковатой ухмылочки.

— Вот и хорошо, — сказал Рэйнберд, надвигаясь. Луис попятился, но Рэйнберд уже забыл про него, сосредоточив все внимание на одном из мониторов. На экране была Чарли в своем голубом джемпере — как с картинки сошла. Влюбленный взгляд Рэйнберда отметил, что сегодня Чарли не заплела волосы и они красиво рассыпались по плечам. Она сидела на кушетке, просто сидела. Ни книги. Ни телевизора. Так женщина ждет автобуса.

Чарли, произнес он про себя восторженно, *я люблю тебя. Правда.*

— Что у нее на сегодня? — спросил он.

— Ничего особенного, — суетливо пробормотал Луис — «пролепетал» было бы точнее. — Без четверти час идет чистить свою лошадь. На завтра назначен новый тест.

— На завтра, говорите?

— Да, сэр. — Луис плевать хотел на все тесты, но он подумал, что это обрадует Рэйнберда. Может, уйдет скорее.

Вроде бы обрадовало. Вон как ухмыльнулся.

— Говорите, без четверти час она идет в конюшни?

— Точно.

— Кто ее сопровождает? Учитывая, что я уже лечу в Сан-Диего?

Луис тоненько захихикал, почти по-женски, желая показать, что он оценил шутку.

— Ваш приятель. Дон Джулз.

— Он мне не приятель.

— Да-да, конечно, — быстро согласился Луис. — Он... ему приказ показался немного странным, но поскольку сам Кэп...

— Странным? Что ему показалось странным?

— Он, понимаете, должен отвести ее в конюшни и там оставить. Конюхи, сказал Кэп, за ней присмотрят. Они же

в этом деле ни бум-бум. Дон подумал, что тут можно здорово...

— Ясно. Но разве ему платят, чтобы он думал? А, толстячок? — он с отяжкой хлопнул Луиса по плечу. Звук раздался нешуточный.

— Нет, конечно, — ответил Луис, проявив чудеса сообразительности. Его прошиб пот.

— Ну, бывайте, — сказал Рэйнберд и направился к выходу.

— Уходите? — Луис не сумел скрыть своего облегчения.

Рэйнберд, уже взявшийся за дверную ручку, обернулся:

— Что значит — ухожу? Меня здесь и не было.

— Не было, сэр, — тотчас согласился Луис.

Рэйнберд одобрительно кивнул и выскользнул за дверь, прикрыв ее за собой. Несколько секунд Луис оцепенело смотрел на дверь, а затем с облегчением шумно выдохнул. Подмышки у него намокли, белая рубашка прилипла к спине. Еще через несколько секунд он поднял с пола пирожок, смахнул с него пыль и продолжил прерванное занятие. Девочка по-прежнему сидела неподвижно. Чем Рэйнберд — именно Рэйнберд! — сумел приворожить ее, было загадкой для Луиса Трантера.

Без четверти час — прошла целая вечность с тех пор, как Чарли проснулась, — послышался короткий зуммер, и дверь открыл Дон Джулз в тренировочной бейсбольной фуфайке и заношенных вельветовых брюках. Он взглянул на нее отчужденно и без особого интереса.

— Пошли, — сказал он.

Чарли направилась к выходу.

День был прохладный, ясный. В двенадцать тридцать появился Рэйнберд. Он с удовольствием шел по еще зеленой траве по направлению к Г-образным конюшням с их темно-красными стенами — цвета спекшейся крови — в яркую белую полосу. По небу медленно скользили легкие облачка. Ветерок колыхал рубашку.

Если уж помирать, лучше дня не придумашь.

В конюшнях он отыскал каморку старшего грума. Он показал ему свое удостоверение с грифом «А».

— Да, сэр? — вопросительно посмотрел на него Дрэббл.

— Очистить помещение, — сказал Рэйнберд. — Всем. Пять минут.

Грум не стал спорить или возмущаться, и если он несколько побледнел, загар скрыл это.

— Лошадям тоже?

— Только людям. Через задний выход.

На Рэйнберде было солдатское хэбэ, которое они во Вьетнаме иногда называли «конговкой». Из кармана брюк — огромного, глубокого, с клапаном — он извлек увесистый армейский пистолет. Старший грум воспринял это без удивления, как должное. Пистолет уткнулся дулом в пол.

— Что, сэр, ожидается заварушка?

— Все может быть, — спокойно сказал Рэйнберд. — Пока не знаю. В общем, давай, папаша.

— Надеюсь с лошадьми ничего не случится, — сказал Дрэббл.

На это Рэйнберд улыбнулся, подумав: «Она тоже надеется». Он видел, как она смотрела на лошадей. Нет, не зря здесь всюду надписи «не курить»: охапки сена, сложенные в простенках, сеновал, заваленный набитыми тюками, и дерево, дерево... только спичку поднеси.

Как на пороховой бочке.

Ничего, с тех пор, как он все меньше и меньше стал дрожать за свою жизнь, он сживал и не на таких бочках.

Опять подошел к выходу и выглянул из-за двустворчатой двери. Ни души. Он повернул обратно, к стойлам, вдыхая сладковатый острый полузабытый запах лошадей.

Он убедился, что все стойла на запоре.

Затем снова вернулся к выходу. Идут. Двое. Пока еще на том берегу, значит, будут здесь минут через пять. Это не Кэп и Энди. Это Дон Джулз и Чарли.

Иди ко мне, Чарли, подумал он с нежностью. Иди же ко мне.

Он быстро оценил взглядом черноту сеновала на верхнем ярусе, подошел к примитивной лестнице — стойке с набитыми перекладинами — и начал легко взбираться вверх.

Спустя три минуты в прохладный полумрак обезлюдевших конюшен шагнули Чарли и Дон Джулз. Они постояли, обвыкаясь в темноте. Рэйнберд держал наготове «магнум» 357-го калибра, на который он поставил глушитель собственной конструкции, облапивший дуло, точно невиданный черный паук. Глушитель, собственно говоря, глушил звук лишь до некоторой степени, да и невозможно совсем погасить выстрел из такой пушки. Когда он первый раз нажмет (если нажмет) на спуск, раздастся всхрип, второй выстрел сопровождается отрывистым лаем, а дальше — дальше глушитель практически бесполезен. Рэйнберд надеялся, что до стрельбы дело не дойдет, но на всякий случай зажал пистолет обеими руками, направив его так, что глушитель закрывал кружок на груди Дона Джулза.

Джулз настороженно осматривался.

— Вы можете идти, — сказала Чарли.

— Эй! — крикнул в темноту Джулз, не обращая на нее никакого внимания. Рэйнберд хорошо знал своего напарника. Все по уставу. Комар носа не подточит. Главное — себя обезопасить. — Эй, грум! Кто-нибудь! Я привел девочку!

— Вы можете идти, — повторила Чарли, и вновь Джулз пропустил ее слова мимо ушей.

— Стой, — сказал он, беря ее за запястье. — Надо кого-нибудь найти.

Не без сожаления Рэйнберд приготовился застрелить его. Что ж, Дон Джулз мог бы кончить и хуже. По крайней мере умрет по уставу, во всем себя обезопасив.

— Я ведь сказала — можете идти, — повысила голос Чарли, и неожиданно Джулз выпустил ее запястье. Не просто выпустил, а отдернул руку, как если бы схватился за что-то горячее.

Рэйнберд пристально следил за неожиданным развитием событий.

Джулз повернулся к Чарли. Он потирал ладонь — покраснела ли она, Рэйнберд со своего места разглядеть не мог.

— Ну-ка убирайтесь отсюда, — тихо сказала Чарли.

Джулз сунул руку под фуфайку, и Рэйнберд вторично приготовился его застрелить. Но сначала надо дожидаться, чтобы он вытащил оружие и недвусмысленно заявил о своем намерении увести ее обратно.

Не успел он, однако, достать пистолет, как тут же с криком выронил его. И попятился, смотря на девочку округлившимися глазами.

Чарли отвернулась, как будто Джулз ее больше не интересовал. Посередине длинного прохода, являвшего собой боковину буквы Г, торчал из стены водопроводный кран, под которым стояло корыто, до половины наполненное водой.

Над корытом за клубился пар.

Вряд ли, подумал Рэйнберд, это заметил Джулз, неотрывно смотрящий на девочку.

— Убирайся отсюда, дрянь такая, — сказала Чарли, — или я сейчас сожгу тебя. Живьем изжарю.

Джон Рэйнберд в душе поплодировал.

Джулз стоял в нерешительности. Напряженный, голова вперед, глаза бегают по сторонам — ни дать ни взять крыса, готовая к нападению. Рэйнберд был готов, если понадобится, подстраховать Чарли, надеясь, впрочем, что Джулз проявит здравый смысл. Как известно, сила порой выходит из-под контроля.

— Убирайся, ну, — повторила Чарли. — Иди откуда пришел. Я за тобой прослежу. Ну! Выметайся!

В ее голосе зазвенели ноты ярости, и это решило дело.

— Полегче, — сказал он. — Ладно, иду. Но учти, отсюда тебе не выйти. Лучше и не пытайся.

Тем временем он протиснулся мимо нее и начал пятиться к выходу.

— Я прослежу, — пригрозила Чарли. — И не смей оборачиваться, ты... кашка.

Джулз уже был в дверях. Он что-то сказал напоследок, но Рэйнберд не расслышал.

— Пошел вон! — закричала Чарли.

Она стояла в дверях, спиной к Рэйнберду, миниатюрный силуэт в обрамлении мягкого солнечного света. И вновь он ощутил прилив нежности. Вот, стало быть, где назначено им свидание.

— Чарли, — тихо позвал он.

Девочка вся подобралась и отступила от двери. Она узнала его голос, он это почувствовал. Так же, как почувствовал ярость, мгновенно ее охватившую. Она не подала виду, только вскинулись плечики.

— Чарли, — снова позвал он. — Эй, Чарли.

— Ты! — прошептала она. Он едва расслышал. Где-то под ним всхрапнула лошадь.

— Я, — подтвердил он. — С самого начала — я, Чарли.

Она резко повернулась и обшарила взглядом уходившие вдаль стойла. Нет, она не могла увидеть Рэйнберда, он укрылся за грудой тюков в темноте сеновала.

— Где ты? — возвысила она голос. — Ты меня обманул! Я знаю от папы! Это ты нас тогда, у Грэнтера!.. — Рука ее сама потянулась к горлу, к тому месту, куда воткнулась его стрела. — Где же ты?

Ах, Чарли, тебе только скажи...

Заржала лошадь — это не было похоже на сытое довольное ржание, в нем сквозило смятение. В ответ заржала другая. Раздался двойной удар — одна из этих чистокровных лягнула дверь задними копытами.

— Где ты? — еще раз выкрикнула она, и тут Рэйнберд почувствовал, как воздух нагревается. Прямо под ним послышалось громкое ржание — это мог быть и Некромансер, — похожее на женский крик.

После короткого и резкого зуммера дверь в квартире Энди в полуподвальном этаже северного особняка открылась, и на пороге возник Кэп Холлистер. За этот год он стал другим человеком. Тот Кэп, хотя и в летах, был умница, крепкий мужчина с волевым лицом; такое лицо можно увидеть у бывалого охотника, сидящего в засаде с дробовиком наготове. *Этот* Кэп передвигался как сомнамбула, волоча ноги. Год назад его волосы были сталь-

ного отлива; сейчас они побелели и напоминали старческий пушок. Губы то и дело подергивались. Но главная перемена коснулась глаз, в которых появилось недоуменное, какое-то по-детски беспомощное выражение; иногда оно сменялось подозрительностью и почти рабским страхом, когда он озирался по сторонам. Руки висели по бокам как плети, пальцы бесцельно шевелились. Эхо превратилось в рикошет, который куролесил сейчас в его мозгу, носясь со свистом и набирая все более сумасшедшую, убийственную скорость.

Энди Макги поднялся ему навстречу. Он был одет, как в тот день в Нью-Йорке, когда они с Чарли бежали от зеленого автомобиля Конторы по Третьей авеню. Только вельветовый пиджак порвался по шву на левом плече и коричневые саржевые брюки выцвели и до блеска протерлись на заду.

Ожидание пошло ему на пользу. Он сумел обрести внутренний покой. Не понимание, нет. Он чувствовал, что оно уже никогда не придет, даже если они с Чарли совершат невероятное — вырвутся на свободу и заживут нормальной жизнью. Он не находил в своем характере рокового изъяна, который бы хоть как-то оправдал эту жизненную мясорубку; он, отец, не совершил таких грехов, которые должна была бы искупить его дочь. Разве грешно хотеть заработать двести долларов и ради этого принять участие в официальном эксперименте? Не более грешно, чем хотеть вырваться на свободу. *Если я окажусь на воле, думал он, я скажу людям: учите своих детей, учите с пеленок премудростям жизни... нам говорят: мы знаем, что делаем, и бывает, что знают, но чаще всего нам лгут.*

Впрочем, что после драки-то кулаками махать? Во всяком случае они не пустили свои денежки на ветер. Возможно... и все равно он не мог понять и тем более простить тех, кто устроил им эту мясорубку. Обрести внутренний покой значило притушить костер ненависти к безымянным бюрокретинам, творящим зло во имя национальной безопасности или чего-то там еще. Хотя какие же они безымянные: вот один стоит перед ним — глаза пус-

тые, нервный тик, бессмысленная улыбка. Жалости к Кэпу он не испытывал.

Сам виноват, приятель.

— Ну как, Энди? — спросил Кэп. — Готовы?

— Да, — сказал Энди. — Вы не возьмете одну сумку?

В опустошенном взгляде Кэпа промелькнул обманчивый блеск — жалкий намек на былую проницательность.

— А вы их проверили? — рявкнул он. — Там змей нет?

Энди подтолкнул его несильно. Надо было экономить силы для чрезвычайных обстоятельств.

— Берите, — сказал он, показывая на одну из сумок.

Кэп подошел и взял. Энди подхватил вторую.

— Где ваша машина?

— У подъезда, — сказал Кэп. — Только что подогнали.

— Нас будут... проверять? — Подразумевалось: нас никто не задержит?

— С какой стати? — искренне удивился Кэп. — Вы ведь со мной.

Пришлось удовлетвориться этим ответом.

— Сейчас мы выйдем на улицу, — сказал Энди, — и поставим сумки в багажник...

— В багажник, да, — вставил Кэп. — Я его утром проверил.

— А потом подъедем к конюшням и заберем мою дочь. Есть вопросы?

— Нет.

— Отлично. Тогда вперед.

Они вышли в коридор и направились к лифту. В холле им встретились несколько человек, спешивших по делам. Они проходили мимо, украдкой бросая взгляды на Кэпа. Выйдя из лифта, Кэп провел Энди через бальный зал в просторный вестибюль.

За конторкой сидела не рыжеволосая Джози — она дежурила в тот день, когда Кэп послал Эла Стейновица в Гастингс Глен, и за последнее время круто пошла в гору, — а лысеющий молодой человек, потевший над учебником программирования. В руке он держал желтый фломастер. Заслышав шаги, он оторвался от книжки.

— Ну что, Ричард, — сказал Кэп, — добиваешь учебник?

Ричард засмеялся.

— Скорее, он меня добивает. — Молодой человек с любопытством посмотрел на Энди. Тот постарался придать своему лицу неопределенное выражение.

Кэп сунул большой палец в щель, раздался шелчок. На приборной панели зажегся зеленый свет.

— Пункт назначения? — спросил Ричард. Вместо фломастера он вооружился шариковой ручкой, которая зависла над регистрационным журналом в переплете.

— Конюшни, — односложно ответил Кэп. — Захватим дочь Энди — и наши птички улетели.

— С военно-воздушной базы в Эндрюсе, — поправил его Энди и дал посыл. Сейчас же в мозг, как тупой нож, вонзилась боль.

— База в Эндрюсе, — понимающе кивнул Ричард и записал это в журнал вместе с временем вылета. — Желаю удачи.

Их встретил солнечный октябрьский день с легким ветерком. Кэповская «Вега» стояла у выхода, перед которым делала кольцо подъездная дорога, посыпанная белой кирпичной крошкой.

— Дайте мне ключи, — сказал Энди. Взяв у Кэпа связку, он открыл багажник, и они сложили туда сумки. Энди захлопнул багажник и вернул ключи. — Поехали.

Кэп сделал петлю вокруг пруда, держа курс на конюшни. Когда они отъезжали, Энди увидел, что какой-то мужчина в тренировочной бейсбольной фуфайке бежит к дому, откуда они только что вышли. Его кольнуло беспокойство. Кэп остановил машину у самых конюшен; дверь была открыта.

Он потянулся за ключами, и Энди пришлось легонько стукнуть его по руке.

— Не надо. Пусть мотор работает. Идемте. — Он вылез первым. В голове стучало, боль ритмично пульсировала в мозгу, но это было терпимо. Пока.

Кэп вылез из машины и в нерешительности остановился.

— Я туда не пойду, — сказал он. Его глаза так и бегали в орбитах. — Там темно. Они любят темноту. Они прячутся. Они кусаются.

— Там нет змей, — сказал Энди и дал слабый посыл. Этого хватило, чтобы Кэп тронулся с места, однако с большой неохотой. Они вошли внутрь.

В первое мгновение Энди похолодел от мысли, что ее нет. Он ровным счетом ничего не видел после яркого уличного света. Здесь было жарко и душно. Отчего-то беспокойно вели себя лошади — они всхрапывали и били копытами в стойлах. Глаза никак не могли привыкнуть к темноте.

— Чарли? — позвал он дрогнувшим взволнованным голосом. — Чарли?

— Папа! — крикнула она, и его захлестнула радость — радость, которая сменилась ужасом, ибо голос ее звенел от страха. — Папочка, не входи сюда! Не входи...

— Боюсь, что уже поздно, — раздался голос откуда-то сверху.

— Чарли, — тихо позвал голос. Откуда-то сверху, но откуда? Казалось, он звучал отовсюду.

Внутри у нее так и вспыхнула ярость, раздуваемая чудовищной несправедливостью происходящего, — этому не будет конца, их поджидают за каждым поворотом, им отрезают все пути к бегству. Она почувствовала, как мгновенно подступило *нечто*. В последнее время *оно* держится у самой поверхности — так и просится наружу. Вот и с этим, который привел ее сюда... ей стоило только подумать о том, чтобы он бросил пистолет, как его обжег горячий металл. Пусть еще скажет спасибо, что патроны в обойме не взорвались.

Вот уже подступает этот жар и начинает расходиться во все стороны, точно она, Чарли, немислимая батарея отопления или что-то в этом роде. Она прочесывала взглядом сеновал — нет, не видно. Сплошные ряды тюков. Сплошная темень.

— Я здесь, Чарли. — Голос звучал громче, но по-прежнему спокойно. Он врезался лучом прожектора в туман ее слепой ярости.

— Спустись вниз! — закричала Чарли. Она вся дрожала. — Спустись вниз, пока я все не подожгла! Я ведь могу!

— Можешь, я знаю, — тихо отозвался голос. Да, он звучал ниоткуда и одновременно отовсюду. — Но если ты это сделаешь, сгорят лошади. Слышишь, что с ними творится?

Она услышала. Только сейчас услышала, когда он сказал. Лошади обезумели от страха, они храпели и бились в закрытые двери. Среди них был и Некромансер.

У нее сжало горло. Перед глазами возникла ферма Мэндерсов, огненные зигзаги в траве, обугленные цыплята.

Она устремила взгляд к спасительному корыту с водой, близкая к панике. Она кое-как сдерживала силу, дрожащую на пределе, готовую в любую секунду...

назад

...вырваться наружу...

НАЗАД!

...и смести все на своем пути.

НАЗАД, НАЗАД, СЛЫШИТЕ, НАЗАД!

На этот раз из корыта не просто повалил пар — в мгновение ока вода превратилась в яростно бурлящее варево. В следующее мгновение хромированный кран над корытом сорвался с резьбы, закрутился пропеллером. Насадка выстрелила из трубы, как из пушки, и, пролетев через весь коридор, врезалась в дальнюю стену. Из трубы хлынула вода. Холодная. Ей передалось это ощущение прохлады. Но вода уже начинала испаряться и проход между стойлами заволокло молочным туманом. Свернутый в бухту зеленый пластмассовый шланг, висевший на стене рядом с трубой, стал плавиться, одно кольцо за другим.

НАЗАД!

Но она уже обуздывала стихию, постепенно умирjala ее. Прежде это было невозможно — стихия угомонилась

бы не раньше, чем произвела намеченные разрушения. Сейчас она научилась как-то сдерживать эту силу... да только сила с тех пор выросла неизмеримо!

Ее лихорадило.

— Чего тебе еще надо? — спросила она, понижая голос. — Почему ты не даешь нам уйти?

Испуганно, на высокой ноте заржала лошадь. Чарли нетрудно было понять, что с ней там творится.

— Кому придет в голову, что можно дать вам уйти, — сказал Рэйнберд все так же тихо. — Даже твоему отцу, думаю, не придет. Ты опасна, Чарли. И ты это знаешь. Если мы дадим тебе уйти, завтра тебя захватят агенты какой-нибудь другой страны. Я не шучу, можешь быть уверена.

— Я не виновата! — крикнула она.

— Оно конечно, — раздумчиво сказал Рэйнберд. — Не виновата. Только это все фигня. Я не думаю об этом факторе «зет». И никогда не думал. Я думаю о тебе одной, Чарли.

— Все ты врешь! — пронзительно крикнула она. — Ты обманывал меня, притворился, что ты...

Она остановилась. Рэйнберд одним махом перелез через ряд тюков и уселся на край сеновала, свесив ноги. На коленях у него лежал пистолет. Его лицо выплыло на нее, как выщербленная луна.

— Разве я врал тебе? Нет. Просто я переиначивал правду. И делал это, чтобы спасти тебя, Чарли.

— Нагло врешь! — прошептала она и с ужасом почувствовала, как ей хочется ему поверить. Глаза щипало от подступивших слез. Она слишком устала, и ей очень хотелось верить ему, верить в то, что она ему действительно безразлична.

— Ты отказывалась участвовать в тестах, — продолжал Рэйнберд. — Твой отец тоже. Как, по-твоему, чем бы это кончилось? Думаешь, они бросились бы извиняться: «Ах, это недоразумение...» и выпустили вас на волю? Ты же видела их в деле, Чарли. Видела, как они ранили этого Мэндерса. Они вырывали ногти у твоей матери, а потом они ее у...

— Хватит! — страдальчески закричала она. Неусмиренная стихия вновь напомнила о себе, угрожающе подступив к самому краю.

— Не хватит, — сказал он. — Пора тебе узнать правду. Я сдвинул тебя с мертвой точки. Я заставил их плясать вокруг тебя. Ты думаешь, я расстарался, потому что это моя работа? С...ть я хотел на мою работу. И на всех этих... Кэпа, Хокстеттера, Пиншо, Джулза, что привел тебя... Все они дерьмо.

Она, как загнипнотизированная, смотрела на зависшее над ней лицо. Сегодня его глаз не был закрыт повязкой, и этот щелевидный с извивами провал казался напоминанием о каком-то ночном кошмаре.

— Я не соврал тебе про это, — он поднес руку к лицу. Его пальцы легко, почти любовно ощупывали шрамы на подбородке, до мяса содранную щеку, выжженную глазницу. — Да, я переиначил правду. Не было ни ямы в земле, ни конговцев. Меня оприходовали свои. Потому что они были такое же дерьмо, как эти.

Чарли не понимала, не могла вникнуть, о чем он. Голова у нее шла кругом. Разве он не знает, что стоит ей захотеть, и он превратится в хрустящий хлебец?

— Но все это дело десятое, — сказал он. — Все, кроме нас с тобой. Между нами должна быть ясность. Полная ясность. Больше ничего, Чарли.

Внутренний голос подсказывал ей, что он говорит правду, но за его словами лежит еще другая, скрытая правда. То, чего он не договаривал.

— Поднимись ко мне, — сказал он, — и мы здесь все обсудим.

Это был своего рода гипноз. И отчасти телепатия. Она ведь догадывалась о той, скрытой правде, однако ноги сами несли ее к лестнице, что вела на сеновал. Нет, не о каких-то там обсуждениях он ей сейчас говорил. Он говорил о том, что надо разом со всем покончить. С сомнениями, горечью, страхом... с искушением зажигать костры один другого больше, пока не случится непоправимое. При всем безумии, при всей своей извращенности, слова этого человека убеждали ее в том, что он ей предан, предан, как никто.

И... да, это правда: в глубине души она желала этого. Желала конца и освобождения.

И поэтому она шла к лестнице и уже взялась за перекладину, когда раздался голос отца.

— *Чарли?* — позвал он, и чары разрушились.

Она выпустила перекладину; внезапно все увиделось с ужасающей ясностью. Она повернулась: отец стоял в проеме. Первая мысль...

Как ты потолстел, папа!

...пронеслась в мозгу так быстро, что она не успела отдать себе в этом отчет. Толстый, худой — какая разница, она узнала бы его с закрытыми глазами; любовь к нему брызнула живой водой — и вмиг рассеялись чары Рэйнберда, точно колдовской туман. И стало яснее ясного: что бы ни значил Джон для нее, для ее отца он означал одно — смерть.

— Папочка! — закричала она. — Не входи сюда!

Гримаса досады исказила лицо Рэйнберда. Пистолет, только что лежавший на коленях, уже был нацелен в силуэт, возникший в дверном проеме.

— Боюсь, что уже поздно, — сказал он.

Рядом с отцом стоял мужчина. «Это тот, кого называют Кэпом», — подумала она. Он стоял неподвижно, плечи опущены, точно перебиты кости.

— Войдите, — велел Рэйнберд, и Энди вошел. — Остановитесь.

Энди остановился. Кэп, держась чуть сзади, также продвинулся вперед, словно был на привязи. Глаза Кэпа с беспокойством обшаривали темные углы.

— Я знаю, что ты можешь это сделать, — голос Рэйнберда зазвучал непринужденно, почти насмешливо. — И твой отец, кстати, тоже кое-что может. Но учтите, мистер Макги... Энди. Могу я звать вас Энди?

— Как вам будет угодно, — ответил тот. Голос его был спокоен.

— Так вот, Энди, если вы попытаетесь пустить в ход свои способности, я продержусь ровно столько, сколько нужно, чтобы застрелить вашу дочь. А если ты, Чарли, пустишь в ход свои, — кто знает, чем это кончится.

Чарли подбежала к отцу. Она уткнулась в его пиджак, почувствовав щекой рубчатую ткань.

— Папа, папочка, — прошептала она срывающимся голосом.

— Здравствуй, мышонок, — сказал он, глядя ее по голове. Он прижал ее к себе, потом поднял глаза на Рэйнберда. Вот и сбился сон об одноглазом пирате, тем более что Рэйнберд сидел на краю сеновала, точно матрос на мачте. — И что теперь? — спросил он Рэйнберда. Он понимал, что тот, пожалуй, сумеет продержаться их под дулом пистолета, пока не подоспеет подмога, за которой побежал мужчина в фуфайке, но что-то подсказывало ему — не этого хочет Рэйнберд.

Его вопрос остался без ответа.

— Чарли? — позвал Рэйнберд.

Она вздрогнула в объятиях отца, но не обернулась.

— Чарли, — снова позвал он, мягко и вместе с тем требовательно. — Посмотри на меня, Чарли.

Медленно, неохотно она обернулась и посмотрела.

— Поднимись сюда, — сказал он, — ты ведь уже собиралась подняться. Все остается в силе. Мы решим наши дела, и все будет кончено.

— Боюсь, что это невозможно, — достаточно вежливо заметил Энди. — Мы уходим.

— Иди, Чарли, — не отступал Рэйнберд, — иначе я сейчас прострелю голову твоему отцу. Ты можешь сжечь меня, но на спуск я нажму раньше, будь уверена.

Чарли издала горлом стон, точно раненый зверь.

— Не двигайся, Чарли, — сказал Энди.

— С ним будет все в порядке, — сказал Рэйнберд. Его низкий голос звучал рассудительно, убаюкивающе. — Он летит на Гавайи, с ним будет все в порядке. Выбирай, Чарли. Пуля в голову или золотой песок на пляжах в Калами. Одно из двух. Выбирай.

Завороженная его взглядом, Чарли, вся дрожа, шагнула навстречу Рэйнберду.

— Чарли! — резко сказал отец. — Нет!

— Все будет кончено, — сказал Рэйнберд. Пистолет, ни разу не дрогнувший в его руке, метил Энди в голову. —

Ты ведь этого хочешь? Я буду нежен, ты и не почувствуешь боли. Поверь мне, Чарли. Этим ты спасешь отца... и себя. Поверь мне.

Она сделала еще шаг. И еще.

— Нет, — сказал Энди. — Не слушай его, Чарли.

Голос отца дрогнул, и это лишь добавило ей решимости. Она приближалась к лестнице. Вот она взялась за верхнюю перекладину, помедлила. Вот задрала голову: взгляды ее и Рэйнберда сомкнулись.

— Ты обещаешь, что с ним ничего не случится?!

— Да, — сказал Рэйнберд, но Энди всей кожей ощутил, внезапно и безоговорочно: он лжет... и всегда лгал.

Мне придется подтолкнуть ее, подумал он и сам себе не поверил. Не его — ее.

Он набирался духу это сделать. Чарли уже стояла на нижней ступеньке, взявшись за следующую перекладину.

И тут Кэп, о котором все забыли, начал кричать.

Вид у Дона Джулза, ворвавшегося в здание через несколько минут после ухода Кэпа и Энди, был такой, что Ричард, дежуривший на своем посту, выхватил оружие из полукрытого ящика.

— Что... — только и успел он сказать.

— Тревогу! Давай тревогу! — завопил Джулз.

— А у вас есть полно...

— Есть у меня, кретин, полномочия! Девчонка! Девчонка хочет сбежать!

На приборной панели у Ричарда были два простейших десятиричных наборника, которые устанавливались поворотом ручки. Ричард, не долго думая, установил шифр слева на семерке. Джулз, уже успев обогнуть стол, установил шифр справа на единице. Через секунду с приборной панели стал разноситься утробный сигнал, мгновенно подхваченный динамиками на всей территории Конторы.

Рабочие побросали свои газонокосилки и ринулись к ангарам, где хранились винтовки. Защелкнулись электронные дверные замки, пряча от греха подальше ЭВМ с их

соблазнительной информацией. Глория, секретарша Кэпа, достала личное оружие. Агенты, весь наличный состав, расстегивая на ходу пиджаки, бежали к динамикам в ожидании инструкций. Вместо слабого тока на внешнее ограждение сразу поступило столько вольт, что они могли бы убить все живое. Почувяв, как по звуку сирены Контора приходит в состояние боевой готовности, доберманы, охранявшие полосу между двумя ограждениями, истерично залаяли и заметались. Ворота, отделявшие Контору от внешнего мира, намертво закрылись. При этом хлебному фургону, обслуживавшему гарнизонный магазин, как ножом срезало задний бампер: окажись шофер менее удачливым, его бы убило током на месте.

Нескончаемый звук сирены въедался в подсознание.

Джулз сорвал микрофон с приборной панели.

— Готовность — ярко-желтый. Повторяю, готовность ярко-желтый. Тревога боевая. Окружить конюшни. Предельная осторожность. — Он попытался вспомнить кодовое наименование, под которым проходила Чарли, и не вспомнил. Каждый день меняют, черт бы их подрал. И тогда Джулз объявил по-простому, без затей: — Там девчонка, и она готова на все! Повторяю, она готова на все!

Экстренное сообщение застигло Орва Джеймисона в фойе третьего этажа северного особняка; он стоял, держа в руке свою «пушку». Выслушав директиву Джулза, он так и сел и первым делом зачехлил оружие.

— Так-так, — пробормотал он себе под нос, видя, как трое его партнеров по бильярду выбегают в коридор. — Лично я пас, так что без меня. Другие пусть мчатся туда, как гончие по свежему следу. Они не были на ферме Мэндерсов. Они еще не видели эту третьеклассницу во всем блеске.

Больше всего О'Джею хотелось сейчас найти ямку поглубже.

Кэп Холлистер мало что слышал из трехсторонних переговоров между Чарли, ее отцом и Рэйнбердом. Кэп

находился в простое: старые указания он выполнил, новых не получил. Слова обтекали его бессмысленными потоками, ничто не мешало ему сосредоточиться на гольфе и ползающих гадах, на битах с железными головками и боа-констрикторах, на клюшках и гремучих змеях, на нибликах и питонах, способных заглотить целого козленка. Ему определенно не нравилось это место. Разбросанное здесь и там сено напоминало ему своим запахом только что подстриженную площадку для гольфа. Не где-нибудь, а именно в скошенной траве укусила змея его брата, когда самому Кэпу было три годика, и хотя змея была не такая уж опасная, его старший брат заголосил, просто-таки заголосил, а вокруг пахло сеном, клевером, тимофеевкой, и его старший брат, самый сильный и отважный на свете, голосил, девятилетний Леон Холлистер, взрослый, мужественный мальчик, голосил: «Скорей беги за папой!» — он держал обеими руками опухающую ногу и обливался слезами, — и когда трехлетний малыш, лепеча что-то от страха, бросился выполнять приказ, она проползла по его ноге, прямо по ноге, как осклизлая водоросль, — уже после доктор сказал, что укус не опасный, что змея, по-видимому, укусила перед тем кого-то другого и выпустила почти весь свой яд, но Ленни решил, что он умирает, а воздух тогда был пропитан медовыми запахами летней травы, в которой прыгали кузнечики и стрекоты, как водится, и плевались в обидчика табачной жидкостью («Плюнь — выпущу», — говорили они мальчиками в Небраске), да, то были чудо-запахи и чудо-звуки, запахи и звуки игры в гольф... если бы только не отчаяние в голосе брата и не это прикосновение к ноге чешуйчатого тела, отчего его взгляд камнем упал вниз, а там — плоская треугольная головка и черные глаза... она проползла по его ноге, спеша укрыться в траве, высокой, как на недостриженной площадке для гольфа... точно такой же был тогда запах... неудивительно, что ему не понравилось это место.

Биты с железными головками, и гадюки, и короткие клюшки, и медянки...

Слепо метался рикошет по безумной траектории, и так же слепо блуждал взгляд Кэпа в полумраке конюшен, пока Джон Рэинберд воевал с обоими Макги. Наконец он устоялся на зеленых пластмассовых шлангах, местами оплавленный, на стене возле покореженной водопроводной трубы. Кольца шланга, висевшего на крюке, частично скрадывались остатками пара.

Внезапно в нем вспыхнул панический страх, столь же опасный, как случайная искра в заброшенной шахте, куда просочился газ. В первые мгновения страх был такой всеобъемлющий, что он не мог даже выдохнуть, не говоря уже о том, чтобы закричать, предупредить об опасности. Голосовые связки намертво сомкнулись.

Потом отпустило. Кэп судорожно, одним глотком втянул полные легкие воздуха и издал душераздирающий вопль:

— ЗМЕ-Я-А-А-А-А-А!

Он не бросился бежать. Как ни сдал он, бежать Кэп Холлистер был не приучен. Он сделал несколько шагов на негибающихся ногах, как заржавевшая механическая кукла, и схватил прислоненные к стене грабли. Он приготовился забить, порубить, искрошить эту гадину. Сейчас... Сейчас он...

Сейчас он спасет Ленни!

Он бросился к оплавленному шлангу, воинственно размахивая граблями.

Дальше все произошло в считанные секунды.

Агенты, почти все имевшие при себе личное оружие, и садовые рабочие, почти все вооруженные винтовками, цепью окружали приземистые Г-образные конюшни, когда послышался протяжный вопль. Мгновение спустя — тяжелый глухой стук и что-то вроде сдавленного крика боли. Спустя еще мгновение донеслись частые удары и тут же — отрывистый ватный звук, какой мог издать только пистолет с глушителем.

Цепочка людей, окружавших конюшни, приостановилась, а затем вновь начала смыкаться.

* * *

Когда Кэп завопил и ринулся за граблями, внимание Рэйнберда отвлеклось на один лишь миг, но и этого мига оказалось достаточно. Дуло, нацеленное Энди в голову, молниеносно поймало новую мишень — Кэпа: сработал инстинкт готового к прыжку тигра. И этот природный инстинкт сослужил ему плохую службу: та самая пороховая бочка, на которой он так долго просидел, взорвалась, и его отбросило взрывом.

Энди подтолкнул его столь же молниеносно, ибо и у него сработал инстинкт. Когда дуло переметнулось на Кэпа, он крикнул Рэйнберду: «Прыгай!» — и дал такой силы посыл, какой ему давать еще не приходилось. От адской боли, разорвавшейся в мозгу шрапнелью, у него помутилось в голове, и он почувствовал, как там что-то *сместилось*, окончательно и бесповоротно.

Перегорело, подумал он. Мысль увязла в какой-то каше. Он пошатнулся. Вся левая половина разом онемела. Левая нога отказывалась служить.

...К тому шло... Замыкание. Перегорело, зараза.

Рэйнберд обеими руками резко оттолкнулся от края сеновала. На его лице изобразилось почти комическое недоумение. Но пистолет он не выпустил; даже все себе отшибив при падении, распластанный на полу, со сломанной ногой, он не выпустил пистолет. Он не сумел подавить крик от боли и замешательства, но пистолет он не выпустил.

А Кэп в исступлении уже колотил граблями по зеленому шлангу. Губы его беззвучно шевелились, разбрызгивая слюну.

Рэйнберд оторвался от пола. Волосы упали на лицо. Он мотнул головой, чтобы они не мешали обзору. Его единственный глаз сверкал в полумраке. Рот скривила горькая гримаса. Он поднял пистолет и навел его на Энди.

— Нет! — вырвалось у Чарли. — Нет!

Рэйнберд выстрелил, дымок просочился сквозь сетку глушителя. Пуля вонзилась в стену позади безвольно поникшей головы Энди; полетели свежие щепки. Рэйнберд подставил для упора здоровую руку и снова выстрелил. Голову Энди так и отбросило вправо, из шеи — с левой стороны — хлынула кровь.

— Нет! — Чарли в ужасе закрыла лицо. — Папочка! Папа!

Рука, поставленная для упора, соскользнула, и ладонь Рэйнберда беспомощно проехала по деревянному полу, оставившему в ней не одну занозу.

— Чарли, — прошептал он. — Чарли, посмотри на меня.

Цепь наступавших наконец замкнула кольцо вокруг конюшен: люди остановились, не зная, как быть дальше.

— Девчонка! — сказал Джулз. — Убираем девчон...

— Нет! — донесся ее крик, словно она услышала Джулза. И через секунду: — Папочка! Папа!

Затем раздался еще выстрел, на этот раз куда более громкий, и одновременно с выстрелом полыхнула такая яркая вспышка, что все невольно заслонили глаза. Из открытой двери конюшен выплеснула обжигающая волна, заставившая людей попятиться.

А потом все увидели дым — дым и красные сполохи.

И в недрах этого ада с детским лицом заржали лошади.

Услышав обращенные к ней слова Рэйнберда, Чарли, хотя она бежала к отцу и мысли ее путались, обернулась. Он лежал на животе и пытался укротить пистолет, который так и плясал в его вытянутых руках.

Невероятно, но он улыбался.

— Вот так, — прохрипел он. — Чтобы видеть твои глаза. Я люблю тебя, Чарли.

И выстрелил.

И тут стихия, выйдя из-под ее контроля, как бешеная вырвалась наружу. На пути к Рэйнберду стихия испарила кусочек свинца, который бы наверняка поразил в голову свою жертву. Мгновение казалось, что воздушная струя колышет одежду Рэйнберда, а также Кэпа, находившегося чуть дальше, и что больше ничего не происходит. Но колыхалась не только одежда, сама плоть колыхалась, тая как воск и обнажая кости, которые на глазах обугливались и прогорали.

Неожиданной яркости блиц на какое-то время ослепил Чарли; но если глаза ничего не видели, то в ушах стояло ржание лошадей, обезумевших от страха в своих стойлах... и еще пахло паленым.

Лошади! Лошади! — отпечталось в сознании. Она кружила на месте, ничего не видя перед собой. Сон обернулся явью. Это был и он и не он. На какой-то миг возникла иллюзия, что она снова в аэропорту Олбани, маленькая девочка и ростом на пять сантиметров ниже, и худее на пять кило, а главное — совсем еще простодушная маленькая девочка, и в руках у нее пакет, выуженный из мусорной урны: она ходит по кабинам и дает им тычки взглядом, и серебро к ней в пакет так и сыплется из щели возврата монет...

Вот и сейчас она дала тычок, можно сказать, сама того не желая, и что ей теперь делать, спрашивается?

А тем временем всколыхнувшийся раскаленный воздух пробежал из конца в конец длинный проход между стойлами. Железные засовы, деформируясь и плавясь, падали на пол один за другим.

Словно выпущенная из некоей биопушки, смета по дороге Кэпа с Рэйнбердом, стихия с ревом выбила заднюю стену конюшен и подняла на воздух десятки досок и бревен. Щепки разлетелись веером ярдов на шестьдесят, разя тех, кто подвернулся ненароком, не хуже крупной картечи. Агенту Клейтону Брэддоку аккуратно срезало голову обломком деревянной обшивки, просвистевшим, как бумеранг. Его соседа раскроил пополам брус — этакий сорвавшийся пропеллер. Третьему отхватил ухо дымящийся клин, а он даже не сразу осознал это.

Неровная цепь наступавших вмиг рассыпалась. Кто не мог бежать, уползал. Лишь один человек не сразу обратился в бегство. Это был Джордж Седака, тот самый, что вместе с Орвиллом Джеймисоном перехватил письма Энди на безлюдном шоссе в Нью-Гэмпшире. Седака, которому надлежало быть в Панама-сити, по случайности застрял в Конторе. Агент слева от него стонал на земле. Справа лежал бедняга Клейтон Брэддок.

Седака же был словно заговорен. Обломки и горящие щепки облетали его стороной. Огромный крюк, на каких подвешивают тюки, вонзился в землю своим беспощадно острым концом в каких-то сантиметрах от его ноги. Металл еще был раскален докрасна.

Дыра в конюшнях зияла такая, будто в этом месте заложили не один пакет динамита. Рухнувшие и еще охваченные пламенем стропила образовали черную яму метров восьми в диаметре. Основная масса обломков, выбитая, как пробка, взрывной волной невиданной силы, обрушилась на большую кучу компоста и устроила целое пожарище, занималось и то небольшое, что уцелело от задней стены конюшен.

Седака слышал, как храпят и ржут лошади, видел, как зловеющие оранжево-красные языки пламени пожирают сухое сено, врываясь на второй ярус. Это было все равно что увидеть ад в иллюминатор.

«Все, — решил Седака, — с меня хватит».

Одно дело совершить налет на безоружного почтальона в тихом месте и другое...

Джордж Седака зачехлил пистолет и обратился в бегство.

Растерянная, она никак не могла осмыслить происходящее.

— Папа! — кричала она. — Папа! Папочка!

Все размыто, призрачно. Горячий удушливый дым и красные вспышки. Удары копыт в дощатые двери. А засова уже нет, и двери настежь. И лошади вырываются.

Чарли, упав на колени, искала отца, искала на ощупь, а мимо проносились лошади — тени, абрисы лошадей. Обрушилась балка в снопе искр, и сразу вспыхнуло сено в каком-то стойле. В меньшем отсеке конюшен с грохотом взорвался бак с бензином для трактора — точно великан откашлялся тридцатью галлонами горючего.

Чарли ползла, как слепая, выставив перед собой руки; копыта проносились над самой ее головой. Вот одно чиркнуло по плечу и опрокинуло навзничь. Ее рука наткнулась на ботинок.

— Папа? — Голос ее дрожал. — Папа?

Он был мертв. Еще бы не мертв. Все мертво. Сама земля горит. Сначала мать убили, теперь отца.

Зрение постепенно возвращалось к ней, но предметы словно плавали в тумане. Жар накатывал волнами. Ведя рукой по его ноге, она добралась до ремня, потом пальцы осторожно скользнули вверх по рубашке и вдруг нащупали что-то влажное, липкое. Набухающее. Она окаменела.

— Папа, — прошептала она.

— Чарли?

Едва различимый хрип... но, несомненно, *его* хрип. Рука отца нашла ее лицо, он потянул ее к себе.

— Нагнись... ближе.

Она подползла вплотную, и тут его лицо выплыло из серого марева. Вся левая сторона опустилась вниз, застыла, левый глаз налился кровью, как в то утро в мотеле Гастингс Глен.

— Папа, что же это... — простонала она.

— Некогда, — сказал он. — Слушай. Слушай меня!

Она склонилась над ним, слезы закапали ему на лицо.

— К этому шло, Чарли... И нечего плакать. Сейчас...

— Нет! Нет!

— Хватит! — оборвал он ее грубо. — Сейчас они попытаются убить тебя. Так ты... не церемонься. Хватит в перчатках. — У него вышло «в певчатках», ибо говорить он мог лишь уголком перекошенного рта. — Не давайся им, слышишь! И не дай им замести следы. Чтобы не сказали потом... случайный пожар...

Он с трудом приподнял голову, ловя губами воздух. Снаружи, сквозь треск прожорливого огня, пробились хлопки выстрелов, не имевших, казалось, никакого отношения к происходящему. Только с лошадьми, опять что-то с лошадьми...

— Папочка, не разговаривай... тебе нельзя.

— Не... когда, — он чуть привстал на правом локте, чтобы лучше ее видеть. Из рта с обеих сторон текла кровь. — Ты должна сделать все, чтобы вырваться, слышишь? — Она вытерла с его губ кровь краем джемпера. Спину обожгло. — Сделай все, чтобы вырваться. Будут

мешать — убивай. Война так война. Пусть знают... — Голос его слабел. — Все сделай, чтобы вырваться. Сделай это для меня, Чарли. Поняла?

Она кивнула.

Где-то сзади рухнула еще одна балка, крутанувшись в воздухе огненным колесом фейерверка. На них дохнуло жаром, точно из печной трубы. Искры, как голодная мошкара, впивались в тело, прежде чем погаснуть.

— Сделай... — Он откашлялся кровью и через силу выговорил: — Сделай так, чтобы это никогда не повторилось. Сожги все это, Чарли. Все сожги.

— Папа...

— Иди же. Сейчас... рухнет.

— Я тебя не оставлю, — сказала она дрожащим беспомощным голосом.

На лице его появилось подобие улыбки. Он привлек ее к себе еще ближе, словно хотел что-то шепнуть на ухо. И — поцеловал.

— Я тебя оч...

Это были его последние слова.

За отсутствием старших по рангу Джулзу пришлось взять командование на себя. Он выжидал сколько мог после выстрелов в конюшнях, он был уверен, что вот-вот перед ним появится живая мишень. Но Чарли не появлялась, а тем временем наиболее глазастые уже углядели, что творится позади конюшен, и тогда он понял: если он хочет их задержать, надо действовать. Он двинулся вперед, и люди за ним. Лица у всех напряглись, посуровели. Вот теперь стало видно: не для того вышли, чтобы ворон пострелять.

В дверном проеме мелькнула тень. Она! Все разом вскинули винтовки. Двое открыли огонь, еще не видя цели. Но вот...

То была не она, то были лошади, пять, восемь, десять — морды в пене, зрачки белые, безумные.

Пальцы сами нажали на спуск. Даже наиболее хладнокровные, успевшие сообразить, кто перед ними, втянулись в общую пальбу. Это была бойня. Две лошади завалились

вперед на полном скаку; одна из них напоследок горестно заржала. Трава окрасилась кровью, такой яркой в этот ясный октябрьский день,

— Стойте! — заорал Джулз. — Стойте, дьявол вас! Это же лошади, лошади!

С равным успехом король Канут* некогда пытался укротить морскую стихию. Людей обуял страх перед невидимой силой; от завывания сирены и этих слов «готовность ярко-желтый», от вида пожара, охваченного черными клубами дыма, и грохота взорвавшегося бака с горючим, — от всего этого нервы у людей натянулись до предела, а тут вдруг мишени, в которые можно разрядить винтовку... и они разряжали.

Две лошади остались лежать на траве без движения, у третьей тяжело вздымались бока; упав, она перегородила дорожку, посыпанную измельченным кирпичом. Те, что неслись следом, резко взяли влево и, ничего не видя перед собой, помчались прямо на людей. Трое или четверо успели отскочить, но у одного заплелись ноги, и его, кричащего, затоптали.

— Хорош! — орал Джулз. — Хорош, говорю! Отставить огонь, кретины! Отставить, кретины!

Но бойня продолжалась. Глядя перед собой пустыми, отчужденными глазами, люди перезаряжали оружие. Многие из них, подобно Рэйнберду, были ветеранами вьетнамской войны, и на их лицах, выжатых и застывших, лежала печать былых кошмаров, возведенных в степень безумия. Кое-кто прекратил пальбу — одиночки. Пять лошадей погибли. Нескольким удалось спастись, среди них Некромансеру, чей хвост развевался, словно флаг на боевом корабле.

— Девчонка! — заорал кто-то, показывая на дверь конюшен. — Девчонка!

Поздно. Они только что разделились с лошадьми и не могли с ходу переключиться. Не успели все развернуться

* Согласно легенде, датский король Канут (Кнут), завоевав Англию в 1017 году, уверовал в свое могущество и приказал прибою остановиться.

в сторону Чарли — в глаза бросилась жалкая фигурка в свитерке и синих гольфах, поникшая голова, — а навстречу им уже бежали дорожки огня, точно нити губительной паутины.

Вновь стихия захлестнула Чарли, и это было ее спасение.

Боль утраты, невыносимо острая, сразу пошла на убыль, притупилась.

И вновь собственная власть раздражила, разожгла ее любопытство — чем не заманчивая игрушечная адская машина, о возможностях которой можно только гадать?

Дорожки огня разбегались по траве, приближаясь к расстроенной цепи.

«Вы убили лошадей, бандиты», — подумала она, и вторя ее мыслям, прозвучал эхом голос отца: *Будут мешать — убивай. Война так война. Пусть знают.*

Да, решила она, сейчас они у меня узнают.

Кое-кто не выдержал и побежал. Едва заметным поворотом головы она сместила линию огня правее и накрыла трех человек, превращая их одежду в горящие тряпки. Люди забились на земле в жестоких конвульсиях.

Что-то просвистело мимо ее лица, секундой позже что-то обожгло запястье. Это Джулз открыл огонь из второго пистолета, который взял у Ричарда. Широко расставив ноги, он целился в нее, зажав пистолет в вытянутых руках.

Чарли послала импульс — один короткий мощный выброс.

Джулза отшвырнуло, будто ударило невидимой бабой копра. Он пролетел метров пятнадцать, еще в воздухе превратившись в огненный шар.

И тогда побежали даже те, у кого нервы были покрепче. Точно так же все бежали на ферме Мэндерсов.

Вот вам, подумала она. Вот вам всем.

Нет, она не хотела убивать. Тут для нее ничего не изменилось. Изменилось другое: она будет их убивать, если ее к этому вынудят. Если они встанут у нее на пути.

Она направилась к ближайшему особняку, что закрывал собой амбар, такой ухоженный, какие бывают только на календарях с сельскими пейзажами; просторная лужайка отделяла особняк от его брата-близнеца.

Одно за другим оглушительно лопались оконные стекла. Плющ, который вился по восточной стене особняка, заходил ходуном, во все стороны побежали огненные артерии. Краска задымилась, пошла пузырями, вспыхнула. Пламя взметнулось вверх двумя руками и словно сграбастало крышу. Распахнулась дверь, и оттуда выплеснулся истеричный вой пожарной сирены и с ним два десятка секретарш, техников и лаборантов. Они неслись по газону к ограждению, где их ждал ток высокого напряжения и беснующиеся собаки, — там они сбились, как овцы, в кучу. Стихия рванулась было навстречу людям, но Чарли вовремя отвела взгляд, и он упал на ограждение, аккуратные ромбовидные звенья поплыли, потекли, закапали на землю слезами расплавленного металла. От перегрузки ограждение загудело, точно басовая струна, и стало разваливаться секция за секцией. Слепящие огненные брызги взлетали вверх. Над ограждением плясали шарообразные электрические разряды, белые фарфоровые изоляторы взрывались, как игрушечные мишени в тире.

Доберманы неистовствовали, мечась между внешним и внутренним ограждениями, как духи смерти. Шерсть у них стояла дыбом. Один наскочил на плюющуюся искрами железную сетку и его, растопыренного, подбросило высоко вверх. На землю упал дымящийся комок. Двое сородичей в припадке истерии растерзали его.

За особняком, в котором держали Чарли и ее отца, симметрично амбару находилось длинное одноэтажное, прекрасно сохранившееся деревянное строение, выкрашенное в красное с белым. Здесь был оборудован гараж Конторы. Распахнулись широкие створки и, набирая скорость, выехал бронированный лимузин с федеральным номером. Верх был убран, и из машины торчали голова и плечи. Положив локти на борт, мужчина начал расстреливать Чарли из ручного пулемета. Куски вывороченного дерна разлетались перед самым ее носом.

Чарли повернулась к автомобилю и направила стихию по новому руслу. Мощь стихии продолжала расти, при всей своей податливости она неуклонно набирала силу, словно питала самое себя, словно это была перманентная цепная реакция. Бензобак лимузина взорвался, метнув в небо выхлопную трубу, как копье, и окутав облаком заднюю часть автомобиля. Но еще раньше ударной волной вдавило ветровое стекло и заживо сгорел стрелявший, а специальные самозаклеивающиеся шины оплыли, точно свечи.

Машина еще двигалась по инерции в огненном ореоле, сбиваясь с курса, теряя очертания, превращаясь в подобие торпеды. Она дважды перевернулась, и повторный взрыв доконал ее.

Из второго особняка тоже повалили служащие, люди разбегались как муравьи. Она могла накрыть их огнем — и в глубине души ей этого даже хотелось, — но, собрав остатки воли, она заставила себя обратить стихию на само здание — место, где ее и отца держали насильно и... где Джон ее предал.

Она дала импульс — все, на что была способна. Секунду ничего не происходило, только воздух заколебался, как бывало во время пикников с шашлыками, когда раскалятся угли. А затем особняк разнесло на куски.

Единственное, что ей отчетливо запомнилось (та же деталь впоследствии фигурировала в показаниях оставшихся в живых очевидцев), это целехонькая кирпичная труба, взлетевшая в небо, подобно ракете, в то время как особняк о двадцати пяти комнатах, объятый пламенем, развалился, словно карточный домик. Стихия, это огненное дыхание дракона, подняла на воздух камни, доски, целые балки. Расплавленная пищащая машинка, похожая на завязанную в узел зеленую тряпочку для мытья посуды, описав крутую дугу, врезалась в землю меж двух ограждений, образовав небольшой кратер. Со скоростью стрелы, выпущенной из арбалета, пронесся и скрылся из виду стул с бешено крутящимся сиденьем.

Жгучий зной сгущался вокруг Чарли.

Она озиралась, ища, что бы еще разрушить. Уже дымились два великолепных особняка (впрочем, от од-

ного из них осталось только воспоминание), конюшни, останки лимузина. Даже тут, на открытом воздухе, пекло нещадно.

А внутренняя энергия все набирала и набирала силу, прося выхода, требуя выхода, грозя в противном случае разорвать, уничтожить ее носителя.

Чарли ничего уже не соображала. Неужели и это еще не конец? И тут она вновь повернулась к ограждению, за которым начиналась дорога в другой мир, и увидела, как люди, потеряв голову от страха, бросаются на заградительную сетку. Там, где секции выпали, им удалось через нее перелезть. Истошно кричала молодая женщина в желтой юбке гаучо, ставшая добычей собак. И вдруг Чарли услышала голос отца — так явственно, словно он живой стоял рядом: *Хватит, Чарли! Остановись, пока можешь!*

Но может ли?

Оторвавшись от ограды, она лихорадочно искала взглядом то, что сулило спасение, одновременно пытаясь совладать с этой стихией, удержать ее в каких-то границах. А та рвалась наружу, разбегалась по траве немыслимыми огненными спиралями.

Ничего. Ничего, разве что...

Пруд.

Чарли, окруженная особым миром молочной белизны, отдавала пруду свою энергию, пыталась укротить ее, утихомирить, одолеть. Казалось, ей не будет предела. И все же Чарли уже могла ее как-то контролировать: энергия послушно перетекала в пруд, словно по невидимой трубе. Но что, если вся вода испарится раньше, чем стихия будет отторгнута и растворена?

Отныне — никаких разрушений. Лучше она сама отдастся на растерзание этому зверю, чем позволит ему вырваться наружу, чтобы пожирать все вокруг.

Назад! Назад!

Наконец-то энергия стала утрачивать свой запал, свою... свою способность к самогенерации. Начался распад. Все вокруг было окутано густым белым паром, пахло прачечной. Угрожающе шипел и пузырился невидимый пруд.

НАЗАД!

Опять всколыхнулась мысль об отце, и боль утраты пронзила ее с новой силой: мертв... он мертв... Эта мысль словно еще больше растворила энергию, и вот уже шипенье пошло на убыль. Мимо нее величественно проплывали клубы дыма. Потускневшей серебряной монетой висело над головой солнце.

Это я его таким сделала, мелькнуло в голове неожиданно, и тут же: Нет... не я... это пар... туман... вот рассеется...

Но в глубине души она вдруг почувствовала, что стоит ей захотеть, и она это сделает с солнцем... со временем.

Сила ее раз от разу возрастала.

Все эти разрушения, этот апокалипсис обозначили поток сегодняшних ее возможностей.

А сколько еще в потенции?

Чарли упала в траву и дала волю слезам: она оплакивала отца, оплакивала тех, кого убила, даже Джона. То, чего хотел для нее Рэйнберд, было бы скорее всего ее спасением... И все же, несмотря на смерть отца, несмотря на разрушительную лавину, которую она вызвала на свою голову, в ней билось желание жить — всем существом она молча и цепко хваталась за жизнь.

Так что в первую очередь она, наверно, оплакивала себя.

Сколько она пробыла в такой позе — на коленях, голова, обхваченная руками, уткнулась в траву, — Чарли не знала. Ей даже показалось, что она — возможно ли? — задремала. Как бы там ни было, когда она очнулась, солнце светило ярче и стояло западнее. Пар, висевший над прудом, разметало в клочья и разогнало легким ветром.

Чарли медленно поднялась и осмотрелась.

В глаза бросился пруд. Еще бы немного и... конец. Отдельные лужицы поблескивали на солнце, точно стеклярус, разбросанный в жирной грязи. Как куски яшмы в ржавых прожилках валялись там и сям перепачканные

илом листы кувшинок и водоросли. Кое-где дно высохло и потрескалось. В грязи виднелись монетки и какой-то ржавый предмет — то ли длинный нож, то ли лезвие от газонокосилки. Трава по берегу пруда обуглилась.

Мертвая тишина, нарушаемая лишь сухим потрескиванием огня, повисла над территорией Конторы. Папа сказал ей: пусть узнают, что такое война. Это ли не поле боя? Яростно горели конюшни, амбар, ближайший особняк. От второго особняка остались дымящиеся руины — можно было подумать, что в него угодила огромная зажигательная бомба или снаряд «фау», изобретенный в конце второй мировой войны.

Выжженные черные линии избороздили газон во всех направлениях, составив какой-то причудливый дымящийся узор. В конце образовавшейся траншеи валялись обгорелые останки бронированного лимузина. Кто бы узнал сейчас автомобиль в этой гряде металлолома?

Но когда ее взгляд упал на ограждение...

Вдоль внутренней сетки лежали тела, пять или шесть. Еще два или три тела и несколько трупов собак лежали между оградами.

Как во сне Чарли направилась в ту сторону.

По лужайке бродили одиночки. Завидя ее, два человека попятись. Остальные, очевидно, ее не знали и не догадывались, что она всему виновница. Люди еще не оправились от шока и двигались, точно сомнамбулы.

Чарли перелезла через внутреннее ограждение.

— Зря ты это, девочка, — бросил ей вслед мужчина в белом халате. — На собак напорешься.

Чарли даже головы не повернула. Оставшиеся в живых собаки зарычали на нее, но приблизиться не рискнули: тоже, видать, натерпелись. Осторожно, просовывая носки тапочек в ромбовидные отверстия сетки и цепко перехватывая руками, она полезла на внешнее ограждение. Взбравшись наверх, медленно перекинула одну ногу, затем другую. Спускалась она с теми же предосторожностями, и вот, наконец, ступила на землю — впервые за полгода на землю, не принадлежавшую Конторе. Она стояла в оцепенении.

Свободна, подумалось смутно. Я свободна.

Где-то вдали, нарастая, завывала сирена.

Шагах в двадцати от опустевшего караульного помещения сидела на траве женщина со сломанной рукой. У нее был вид раскормленного ребенка, который не в силах самостоятельно подняться. От потрясения подглазья у нее побелели. Губы тронула синева.

— У вас рука... — срывающимся голосом сказала Чарли.

Женщина подняла на нее взгляд — и вдруг узнала. Она стала отползать, повизгивая от страха.

— Не подходи ко мне! — пронзительно заверещала она. — Эти их тесты! Я знаю без всяких тестов! Ты ведьма! Ведьма!

Чарли остановилась.

— У вас рука, — повторила она. — Что же это? Рука. Бедненькая. Ну что вы? — губы у нее задрожали. Боже, какие затравленные округлившиеся зрачки у этой женщины, как судорожно кривится рот! Вдруг Чарли пронзило — вот оно, самое страшное.

— Что же это! — закричала она. — Мне ведь правда жалко! А они... они убили моего папу!

— Надо было и тебя... с ним, — задохнулась женщина. — Жалостливая? Вот бы сама себя и подожгла!

Чарли сделала к ней один шаг — женщина снова отпрянула и, упав на поврежденную руку, вскрикнула.

— Не подходи ко мне!

И в этот миг вся боль, и скорбь, и гнев, переполнявшие Чарли, внезапно обрели голос.

— Я не виновата! — закричала она женщине со сломанной рукой. — Я ни в чем не виновата! Они сами напросились, и нечего на меня валить! И убивать я себя не буду! Слышите вы? Не буду!

Женщина униженно отползала, бормоча что-то невнятное.

Вой сирены приближался.

Чарли почувствовала, как стихия рвется наружу на гребне ее возбуждения.

Она с силой загнала ее поглубже, подавила.

И этого я делать не буду!

Она пересекла дорогу, не обернувшись на униженно распростертую бормочущую женщину. Через дорогу начинались поля, заросшие высокой травой, уже посеребренной октябрьским солнцем, но не растерявшей свои ароматы.

Куда я иду?

Она пока не знала.

Но в руки им она уже никогда не дастся.

ЧАРЛИ ОДНА

В общих чертах о случившемся сообщили в тот же вечер в позднем выпуске теленовостей, но подробностями американцев побаловали только на следующее утро. К тому времени всю собранную информацию уже можно было преподнести в виде того, что американцы с нетерпением ждут, называя это словом «новости», хотя на самом деле они жаждут услышать интересную историю — непременно с завязкой, развитием и определенной развязкой.

История, которую Америка узнала за чашкой кофе в передачах «С добрым утром, Америка» и «Утренний выпуск новостей» компании Си-би-эс, была следующей: террористы забросали бомбами сверхсекретный научный центр в Лонгмонте, штат Вирджиния. Какую группировку представляли террористы, пока выяснить не удалось, однако три организации поспешили заявить о своей причастности: экстремистская японская «Красная бригада», группировка Хафади, отколовшаяся от «Черного сентября», и местная группа под неожиданным броским названием «Воинствующие метеопаты Среднего Запада».

При том, что не было доподлинно известно, кто организовал нападение, для репортеров, похоже, не составляло тайны, каким образом нападение было осуществлено. По поручению террористической организации бомбы подложил некий Джон Рэйнберд, индеец, ветеран вьетнамской войны, оказавшийся двойным агентом. Он погиб — то ли случайно, то ли покончил с собой в конюшнях, где произошел первый взрыв. Согласно одной версии, Рэйнберд задохнулся в дыму, пытаясь освободить лошадей из горящих конюшен; в связи с этим, как и следовало

ожидать, комментатор прошелся насчет трогательной любви террористов к животным, чего нельзя сказать об их отношении к роду человеческому. Двадцать жизней унесла разыгравшаяся трагедия, сорок пять человек получили ранения, из них десять — серьезные. Всех выживших «взяло под свою опеку» правительство.

Вот как была преподнесена история. О Конторе никто и словом не обмолвился. Все обошлось.

Если не считать одной заминки.

— Меня не интересует, где она, — сказал новый шеф, возглавивший Контору. Разговор происходил через месяц после грандиозного пожара и исчезновения Чарли. Первые десять дней, когда схватить ее не составило бы труда, жизнь Конторы была сплошным хаосом: она и поныне не вошла в русло. Новый шеф, вернее шефиня, довольствовалась первым попавшимся столом: ее собственный придет только через три дня. — И меня не интересует, что она способна натворить. Мы имеем дело с восьмилетней девочкой, а не с Джеймсом Бондом в юбке. Долго скрываться она не может. Ее надо найти и ее надо уничтожить.

Шефу внимал мужчина средних лет, по виду типичный библиотекарь в заштатном городке. Надо ли говорить, что он не был библиотекарем.

Мужчина постучал пальцем по аккуратной стопке расшифровок на столе у шефа. Все бумаги Кэпа погибли во время пожара, но главная информация хранилась в банке машинной памяти.

— А что с этим?

— Разработки по программе «лот шесть» приостановлены на неопределенное время, — ответила шеф. — Тут замешана политика. Что вы хотите? Двенадцать джентльменов, из них одиннадцать старцев, и три молодящиеся леди голубой масти, акционерши какой-нибудь геронтологической клиники в Швейцарии... от одной мысли, что будет, если девчонка вдруг объявит о себе, они уже накладывают в штаны. Им только...

— Я, признаться, не уверен, что у сенаторов от Айдахо, Мэна и Миннесоты такая слабая кишка, — пробормотал мужчина, который не был библиотекарем.

Шеф отмахнулась:

— Они заинтересованы в «лот шесть». Можете не сомневаться. Будем считать, что на светофоре сейчас горит желтый свет. — Она поиграла прядью волос — длинных, густых, красивого каштанового оттенка. — «Приостановите на неопределенное время» — это до тех пор, пока мы не предъявим им девчонку с биркой на ноге.

— Или ее голову, — пробормотал мужчина. — Но тут надо быть Саломеей. А пока что на блюде пусто...

— Что-что?

— Это я так, — сказал он. — Короче, мы опять начинаем с нуля.

— Не совсем, — жестко поправила его шеф. — С ней нет отца, который принимал за нее решения. Она теперь одна. Словом, ее надо найти. Немедленно.

— А если она успеет все выболтать?

Шеф откинулась на спинку стула, оставшегося от Кэпа, и соединила руки на затылке. Мужчина, который не был библиотекарем, с пониманием отнесся к тому, как свитер обтянул упругие груди шефа. Это тебе не Кэп.

— Если бы она хотела все выболтать, она бы уже давно это сделала. — Шеф снова наклонилась вперед и постучала пальцем по перекидному календарю. — Пятое ноября — и ничего. Да и мы приняли кое-какие предосторожности. «Таймс», «Вашингтон пост», чикагская «Трибюн»... все крупные газеты под контролем. И пока ничего.

— А если она надумает обратиться в мелкую газетенку? В поданкскую «Таймс», а не в нью-йорскую? Мы не можем взять под контроль все печатные органы в стране.

— К сожалению, — согласилась шеф. — И, однако же, пока не просочилось ни слова. Значит, она не сказала ни слова.

— А хоть бы и сказала. История-то фантастическая. Кто поверит восьмилетней девчонке?

— Я думаю, если в конце своего рассказа она устроит небольшой костер, поневоле поверят. Но знаете, что гово-

рит ЭВМ? — она с улыбкой постучала по стопке бумаг. — Восемьдесят процентов за то, что нам не придется даже пальцем пошевелить, чтобы представить ее труп комитету. Ну разве что доставим для опознания.

— Самоубийство?

Шеф кивнула. Судя по всему, ей очень улыбалась такая перспектива.

— Оно бы неплохо, — вставая, заметил мужчина, который не был библиотекарем. — Но, помнится, не так давно ЭВМ говорила, что сила внушения у Эндрю Макги практически на нуле.

Улыбка шефа несколько поблекла.

— Всего доброго, шеф, — сказал мужчина, который не был библиотекарем, и вышел.

Библиотекарь был молодым человеком лет двадцати шести, длинноволосым, бородатым. Перед его конторкой стояла девочка в джинсах и зеленой блузке. В одной руке она держала пакет для покупок. Она была такая худущая, смотреть больно. Чем только ее кормят мать с отцом, подумал молодой человек... если вообще кормят.

Он слушал ее просьбу внимательно и уважительно. Ее папа, сказала она, советовал ей со всеми трудными вопросами обращаться в библиотеку, потому что в библиотеке могут ответить на любой вопрос. Совсем рядом приглушенно гудел огромный коридор нью-йоркской Публички, у входа в которую несли свою бессменную вахту каменные львы.

Когда она закончила, библиотекарь повторил вкратце ее просьбу, загибая палец на каждом пункте.

— Честная.

Она кивнула.

— Большая... то есть национального масштаба.

Вновь кивок.

— Не связана с правительством.

Худышка кивнула в третий раз.

— Может быть, ты мне скажешь, зачем тебе это?

— Я... — она помедлила — ...я должна кое-что сообщить.

Молодой человек подумал несколько секунд. Он уже собирался ответить, но потом многозначительно поднял кверху палец и пошел переговорить со своим коллегой. Вернувшись, он произнес всего два слова.

— Вы дадите мне адрес? — попросила она.

Он нашел в справочнике адрес и аккуратно выписал его печатными буквами на желтой карточке.

— Спасибо, — сказала девочка и собралась уходить.

— Послушай, — остановил он ее, — когда ты последний раз ела, дружок? Может, тебе дать пару долларов на завтрак?

Она улыбнулась — это была удивительно милая, обаятельная улыбка. Еще немного, и молодой библиотекарь влюбился бы.

— У меня есть деньги, — сказала она и открыла пакет, чтобы ему было видно.

Пакет был набит четвертаками. Пока он собирался спросить — разбила ли она свою свинью-копилку или раздобыла деньги еще где-то, — ее уже и след простыл.

Девочка поднималась в лифте на шестнадцатый этаж небоскреба. На нее с любопытством посматривали — едет девчушка в джинсах и зеленой блузке одна, в левой руке мятый пакет, в правой апельсин с наклейкой «Санкист». Но у жителей Нью-Йорка есть неписаное правило: занимайся своими делами и не лезь в чужие.

Выйдя из лифта, она прочитала указатели и повернула налево. За распашными стеклянными дверями был холл, в конце холла красивая приемная. На дверях она прочла два слова, сообщенные библиотекарем, и девиз под ними: «Все хорошо, что ко двору».

Чарли постояла секунду-другую.

— Наконец я что-то делаю, папа, — прошептала она. — Только бы я все сделала правильно.

Чарли Макги потянула на себя одну стеклянную створку и вошла в редакцию журнала «Роллинг Стоун», куда ее направил библиотекарь.

Дежурила молодая женщина с прозрачными серыми глазами. Она молча разглядывала Чарли, отмечая про себя

детали, — измятый магазинный пакет, апельсин, стройненькая фигурка... пожалуй, это уже не стройность, а худоба, граничащая с истощением... рост уже не девочки, но подростка, и какое-то безмятежное выражение лица. «Красотка вырастет», — подумала дежурная по редакции.

— Чем я могу тебе помочь, сестренка? — спросила она, улыбаясь.

— Мне нужно кого-нибудь, кто пишет для вашего журнала, — сказала Чарли. Ее голос звучал тихо, но при этом отчетливо и решительно. — Я хочу рассказать одну историю. И кое-что показать.

— Как в школе? — спросила дежурная.

Чарли улыбнулась. Та же улыбка, что пленила библиотекаря.

— Да, — сказала она. — Я давно ждала этого дня.

**КОРПОРАЦИЯ
«БРОСАЙТЕ КУРИТЬ»**

КОРПОРАЦИЯ «БРОСАЙТЕ КУРИТЬ»

В тот день Моррисон сидел в баре аэропорта Кеннеди и ждал человека. Самолету, на котором тот должен был прилететь, не давали посадки — над аэропортом образовалась так называемая воздушная карусель. В конце стойки Моррисон увидел знакомое лицо и решил подойти.

— Джимми? Джимми Маккэнн?

Так оно и оказалось. Хотя Маккэнн немного располнел со времени их последней встречи на выставке в Атланте, все равно он был в отличной форме. Моррисон вспомнил, что в колледже это был заядлый курильщик, худой и бледный. Его лица почти не было видно за огромными очками в роговой оправе. Теперь Маккэнн, похоже, носит контактные линзы.

— Дик Моррисон?

— Точно. Прекрасно выглядишь. — Они пожали друг другу руки.

— Ты тоже, — сказал Маккэнн, но Моррисон знал, что это ложь. Он слишком много работал, ел, курил. — Что будешь пить?

— Бурбон, — ответил Моррисон, сел поудобнее и закурил. — Кого-нибудь встречаешь, Джимми?

— Нет. Лечу в Майами на совещание с важным клиентом, который стоит шесть миллионов. Поручено его успокоить. Мы упустили серьезный контракт, а работы должны начаться следующей весной.

— Все еще работаешь на фирме «Крэгер и Бартон»?

— Я у них теперь первый вице-президент.

— Вот это да! Поздравляю! Когда тебя назначили? — Моррисон попытался убедить себя, что изжога у него не

от зависти, а от повышенной кислотности. Он вынул таблетки, положил одну в рот и разжевал.

— В августе. А до этого произошли события, которые изменили всю мою жизнь. — Маккэнн внимательно посмотрел на Моррисона, сделал глоток. — Это может тебя заинтересовать.

«Боже мой, — подумал Моррисон, внутренне содрогаюсь, но виду не подал, — Джимми Маккэнн ударился в религию».

— Разумеется, мне интересно, — ответил Моррисон и отхлебнул из стакана, который подал бармен.

— Дела мои были хуже некуда, — начал Маккэнн. — Неурядицы с Шэрон, отец умер от инфаркта, самого одолевал жуткий кашель. Как-то ко мне в кабинет зашел Бобби Крэгер и энергично, вроде бы по-отцовски, провел воспитательную беседу. Помнишь такие беседы?

— Еще бы! — Моррисон проработал полтора года на фирме «Крэгер и Бартон», а потом перешел в агентство «Мортон». — Берись за ум... или бери ноги в руки.

Маккэнн рассмеялся.

— Ну вот. А тут еще доктор сказал мне: «У вас язва в начальной стадии, бросайте курить». — Маккэнн скорчил гримасу. — С тем же успехом он мог бы сказать мне: «Бросайте дышать».

Моррисон кивнул — уж он-то это прекрасно понимал. Некурящие могут позволить себе подобные шутки. Он с отвращением посмотрел на свою сигарету и погасил ее, зная, что тут же закурит новую.

— И ты бросил курить?

— Бросил. Сначала даже не думал, что смогу, — курил украдкой при первой же возможности. Потом встретил парня, который рассказал мне про корпорацию на Сорок шестой улице. Это настоящие специалисты. Я решил, что терять нечего, и обратился к ним. С тех пор не курю.

Глаза Моррисона расширились.

— Они пичкали тебя препаратами?

— Нет. — Маккэнн достал бумажник и начал в нем рыться. — Вот. Помню, где-то она у меня завалы-

лась. — Он положил на стойку обычную белую визитную карточку.

КОРПОРАЦИЯ «БРОСАЙТЕ КУРИТЬ»

Остановитесь! Ваше здоровье улетучивается с дымом!

237 Ист, Сорок шестая улица

Лечение по предварительной договоренности

— Хочешь, оставь себе, — сказал Маккэнн. — Они тебя вылечат. Даю гарантию.

— Как?

— Не имею права об этом говорить.

— Как это? Почему?

— Есть такой пункт в контракте, который они дают тебе подписать. Да там тебе все объяснят в первой же беседе.

— И ты подписал *контракт*?

Маккэнн кивнул.

— И на основе этого...

— Так точно... — Он улыбнулся Моррисону, а у того мелькнула мысль: «Джим Маккэнн записался в чертовы умники».

— К чему такая секретность, если они эффективно работают? Почему я никогда не видел их рекламных роликов по телевизору, плакатов, объявлений в журналах?

— У них достаточно клиентов, которые о них просто что-то слышали.

— Ты же специалист по рекламе, Джимми. Как можно этому поверить?

— Я верю, — ответил Маккэнн. — Девяносто восемь процентов их клиентов бросают курить.

— Минутку, — сказал Моррисон, заказал еще выпить и закурил. — Они связывают тебя и заставляют курить до тошноты?

— Нет.

— Дают что-то, и тебе становится плохо, как только ты заку...

— Ничего подобного. Сходи к ним, убедись сам. — Он показал на сигарету Моррисона. — Тебе же это не доставляет удовольствия, а?

— Нет, но...

— Я бросил курить, и многое переменялось в моей жизни, — объяснил Маккэнн. — У всех бывает по-разному, но у меня пошло одно к другому. Прибавилось сил, наладились отношения с Шэрон, стал лучше работать.

— Слушай, ты меня заинтриговал. Но хоть что-то можешь рас...

— Прости, Дик. Не имею права, — ответил Маккэнн железным голосом.

— Наверно, растолстел, как бросил курить? — спросил Моррисон, и ему показалось, что Джимми вроде бы помрачнел.

— Даже слишком. Но я согнал лишний вес — ведь всегда был худым. Сейчас я в норме.

— Рейс двести шесть, регистрация в девятой секции, — объявили по громкоговорителю.

— Мой, — сказал Маккэнн, поднялся, бросил на стойку пять долларов. — Выпей еще, если хочешь. И честное слово, Дик, подумай над тем, что я сказал. — С этими словами он ушел, пробираясь сквозь толпу к эскалаторам. Моррисон взял карточку, задумчиво посмотрел на нее, спрятал в бумажник и забыл.

Через месяц карточка выпала из бумажника Моррисона на стойку другого бара. Он рано ушел с работы и собирался скоротать за выпивкой вечер. Дела на работе были ни к черту. Моррисон дал Генри десять долларов, взял карточку и перечитал ее. 237 Ист, Сорок шестая улица — совсем рядом, в двух кварталах. Стоит солнечный прохладный октябрьский день. Может, смеха ради...

Когда Генри принес сдачу, Моррисон допил стакан и пошел прогуляться.

Корпорация «Бросайте курить» помещалась в новом здании, где арендная плата за кабинет, наверно, равнялась годовому жалованью Моррисона. По указателю в вестибюле он понял, что «Бросайте курить», похоже, занимает целый этаж, значит, деньги у них водятся, причем солидные.

Он поднялся на лифте и, пройдя по роскошному ковру коридора, попал в изящно обставленную приемную с

огромным окном. На стульях вдоль стены сидели трое мужчин и женщина — читали журналы. На вид — бизнесмены. Моррисон подошел к столу, протянул карточку секретарше.

— Мне дал ее приятель. Можно сказать, ваш выпускник.

Она улыбнулась, заправила анкету в пишущую машинку: — Ваша фамилия, сэр?

— Ричард Моррисон.

Стук-стук-стук — еле слышно печатала машинка фирмы ИБМ.

— Ваш адрес?

— 29 Мейпл-лейн, Клинтон, Нью-Йорк.

— Женаты?

— Да.

— Дети есть?

— Один ребенок. — Он подумал об Элвине, слегка нахмурился: один неточно сказано, правильнее — полребенка. Его сын — умственно отсталый и живет в специальном интернате в Нью-Джерси.

— Кто рекомендовал вам обратиться сюда, мистер Моррисон?

— Джеймс Маккэнн, старый университетский друг.

— Прекрасно. Присядьте, пожалуйста. У нас сегодня много народу.

— Хорошо.

Он сел между женщиной в строгом голубом костюме и молодым человеком с модными бакенбардами и в твидовом пиджаке, достал пачку сигарет и, обнаружив, что вокруг нет пепельниц, убрал ее.

Ничего, он их игры видит насквозь, выждет сколько надо, а когда будет уходить, закурит. Если они заставят его одного ждать, можно даже стряхнуть пепел на их шикарный коричневый ковер. Моррисон взял журнал «Таймс» и принялся листать.

Никотин, накопившийся в его организме, настоятельно требовал добавки. Мужчина, пришедший в приемную следом за ним, достал портсигар, открыл его, щелкнув крышкой, но, увидев, что вокруг нет пепельниц, с вино-

ватым видом, как показалось Моррисону, спрятал его в карман. От этого Моррисон почувствовал себя лучше.

Наконец секретарша одарила его лучезарной улыбкой и пригласила пройти.

Моррисон оказался в тускло освещенном коридоре. Коренастый мужчина с такими белоснежными волосами, что они казались париком, пожал ему руку и любезно улыбнулся:

— Следуйте за мной, мистер Моррисон.

Он повел его мимо закрытых дверей без табличек и номеров. Где-то посередине коридора коренастый открыл ключом одну из них. Они оказались в маленькой комнатке со стенами, обшитыми белыми панелями. Обстановка спартанская: стол и два стула. В стене, за столом, очевидно, проделано маленькое окошко, его закрывает короткая занавеска. На стене, слева от Моррисона, — портрет невысокого седого мужчины с листком бумаги в руке. Лицо его вроде бы показалось Моррисону знакомым.

— Меня зовут Вик Донатти, — представился коренастый. — Если согласитесь пройти наш курс, я буду заниматься вами.

— Рад познакомиться. — Моррисону ужасно хотелось закурить.

— Присаживайтесь.

Донатти положил на стол заполненную секретаршей анкету, достал из ящика стола новый бланк и посмотрел Моррисону прямо в глаза:

— Вы действительно хотите бросить курить?

Моррисон откашлялся, положил ногу на ногу, хотел ответить уклончиво, но придумать ничего не смог:

— Да.

— Тогда подпишите.

Он протянул бланк Моррисону. Тот быстро пробежал его глазами: нижеподписавшийся обязуется не разглашать методы и так далее, и так далее.

— Разумеется.

Донатти дал ему ручку, Моррисон нацарапал свою фамилию, Донатти расписался под ней. Мгновение спустя бланк исчез в ящике стола. «Что ж, — с иронией подумал

Моррисон, — я дал клятву». И раньше такое было. Как-то он даже не курил два дня.

— Отлично, — резюмировал Донатти. — Мы здесь пропагандой не занимаемся, мистер Моррисон. Вопросы здоровья, расходов, социального милосердия нас не интересуют, как и причины, по которым вы хотите бросить курить. Мы — люди практичные.

— Прекрасно, — безучастно сказал Моррисон.

— Никаких препаратов не применяем, не читаем проповедей в духе Дэйла Карнеги, не рекомендуем никаких особых диет. Заплатите нам после того, как год не будете курить.

— Боже мой, — выдавил из себя Моррисон.

— Мистер Маккэнн вам об этом не рассказывал?

— Нет.

— Кстати, как у него дела? Все в порядке?

— Прекрасно. Просто великолепно!

— А сейчас... несколько личных вопросов, мистер Моррисон. Заверяю вас, ответы будут храниться в тайне.

— Да, — безразлично спросил Моррисон.

— Как зовут вашу жену?

— Люсинда Моррисон. Девичья фамилия — Рэмзи.

— Любите ее?

Моррисон резко поднял глаза, но Донатти благожелательно смотрел на него.

— Разумеется.

— Ссоритесь с ней? Какое-то время жили врозь?

— Какое отношение это имеет к тому, что я собираюсь бросить курить? — резче, чем ему хотелось бы, спросил Моррисон, но его тянуло — да чего там — он жаждал закурить.

— Самое непосредственное. Отвечайте на мои вопросы.

— Ничего подобного не было. Хотя в последнее время отношения между нами действительно стали напряженными.

— У вас один ребенок?

— Да, его зовут Элвин, он в частной школе.

— В какой?

— Этого я вам не скажу, — мрачно ответил Моррисон.

— Хорошо, — любезно согласился Донатти и обезоруживающе улыбнулся. — Завтра на первом сеансе курса я смогу ответить на все ваши вопросы.

— Очень приятно, — сказал Моррисон и поднялся.

— И последний вопрос: вы не курили в течение часа. Как себя чувствуете?

— Прекрасно, — солгал Моррисон, — просто прекрасно.

— Вы молодец! — воскликнул Донатти, обошел стол, открыл дверь. — Сегодня еще можете покурить. С завтрашнего дня вы не выкурите ни одной сигареты.

— Не может быть!

— Это мы вам гарантируем.

На следующий день, ровно в три, Моррисон сидел в приемной корпорации «Бросайте курить». С утра он разрывался от сомнений: не идти на встречу или же пойти просто из-за собственного ослиного упрямства: посмотреть, чего они еще придумали.

В конце концов одна фраза, сказанная Джимми Макэнном, убедила его, что пойти надо:

Многое переменилось в моей жизни.

Видит Бог, жизнь его нуждается в изменениях. Да и любопытство не на шутку разыгралось. Перед тем как войти в лифт, он докурил сигарету до фильтра. Очень жаль, черт побери, если она окажется последней, — отвратительный у нее вкус.

В этот раз долго ждать не пришлось. Когда секретарша предложила ему войти, Донатти уже ждал. Он пожал Моррисону руку и улыбнулся хищной улыбкой. Моррисону стало немного не по себе и захотелось курить.

— Пойдемте, — предложил Донатти, и они направились в комнату. Донатти сел за стол, Моррисон присел напротив.

— Рад, что вы пришли, — сказал Донатти. — Многие клиенты не приходят после первого обследования. Они понимают, что не так уж сильно хотят бросить курить. Я с удовольствием буду работать с вами.

— Когда начнется курс лечения? — «Гипноз, — подумал он, — наверняка гипноз».

— Он начался с того момента, когда мы пожали руки в коридоре. У вас есть сигареты, мистер Моррисон?

— Да.

— Вы не могли бы дать их мне?

Пожав плечами, Моррисон отдал Донатти пачку. В ней все равно оставалось две или три сигареты.

Донатти положил пачку на стол, улыбнулся Моррисону, сжал правую руку в кулак и принялся молотить им по пачке: она сплющилась, из нее вылетела сломанная сигарета, посыпались табачные крошки. Удары громко отдавались по комнате. Несмотря на их силу, Донатти продолжал улыбаться. У Моррисона по спине побежали мурашки. «Может быть, они добиваются именно этого эффекта», — подумал он.

Наконец стук прекратился. Донатти взял то, что осталось от пачки, выбросил в мусорную корзину:

— Вы не представляете себе, какое я получаю от этого удовольствие все три года, что работаю здесь.

— Подобный курс лечения оставляет желать лучшего, — мягко заметил Моррисон. — В вестибюле есть киоск, где можно купить любые сигареты.

— Совершенно верно, — согласился Донатти и скрестил руки на груди. — Ваш сын, Элвин Доус Моррисон, находится в Пэтерсоновской школе для умственно отсталых детей. В результате родовой травмы он никогда не станет нормальным. Его коэффициент интеллектуальных способностей — 46. Ваша жена...

— Как вы это узнали? — рывкнул Моррисон. Он был потрясен. — Какое вы имеете право совать свой...

— Мы многое о вас знаем, — тем же ровным голосом сказал Донатти, — но, как я уже говорил, все останется в тайне.

— Я уйду, — с трудом проговорил Моррисон и поднялся.

— Оставайтесь еще ненадолго.

Моррисон внимательно посмотрел на Донатти — тот был спокоен. Казалось, происходящее даже немного забавляет его. По выражению лица можно было сказать, что Донатти наблюдал подобную реакцию сотни раз.

— Хорошо, я задержусь. А вы давайте ближе к делу.

— Обязательно. — Донатти откинулся назад. — Я вам объяснил — мы люди практичные. Поэтому с самого начала мы должны были понять, насколько сложно излечить от страсти к курению. Восемьдесят пять процентов бросивших снова начинают курить. Среди наркоманов, отказавшихся от употребления героина, эти цифры ниже. Проблема необыкновенно сложная. *Необыкновенно.*

Моррисон посмотрел на мусорную корзину. Одна сигарета была измята, перекручена, но курить ее можно. Донатти добродушно рассмеялся, полез в корзину, сломал сигарету.

— В законодательных собраниях некоторых штатов иногда предлагается отменить в тюрьмах еженедельную выдачу сигарет. При голосовании эти предложения неизбежно терпят крах. Иногда они все же проходили, и тогда в тюрьмах начинались *мятежи*, настоящие мятежи, мистер Моррисон. Вы можете представить подобное?

— Это меня не удивляет, — сказал Моррисон.

— Попробуйте вникнуть в суть! Когда человека сажают в тюрьму, его лишают секса, спиртного, возможности заниматься политической деятельностью, путешествовать... И никаких мятежей. Может быть, незначительное количество по отношению к общему числу тюрем. Но когда вы лишаете заключенных сигарет — ба-бах! — Донатти стукнул кулаком по столу, чтобы подчеркнуть свою мысль. — Во время первой мировой войны, когда в Германии никто не мог достать сигареты, аристократы, собиравшие окурки на улицах, были обычным явлением. Во время второй мировой войны многие американцы начали курить трубки, когда не могли раздобыть сигареты. Интересная задачка для практического человека, мистер Моррисон.

— Давайте приступим к лечению.

— Одну минутку. Подойдите, пожалуйста, сюда. — Донатти встал, отодвинул зеленую занавеску, которую Моррисон заметил еще накануне. За прямоугольным окошком — пустая комната. Нет, не пустая. На полу кролик ел из миски хлебные шарики.

— Симпатичный кролик, — заметил Моррисон.

— Согласен. Понаблюдайте за ним. — Донатти нажал на кнопку у подоконника — кролик прекратил есть и запрыгал как сумасшедший. Когда он касался пола, казалось, его подбрасывало еще выше, шерсть вставала дыбом и торчала во все стороны, глаза становились дикими.

— Прекратите! Вы же убьете его током!

Донатти отпустил кнопку:

— Ну что вы, это очень слабый заряд. Посмотрите на кролика, мистер Моррисон.

Тот свернулся метрах в трех от миски с хлебными шариками. Его нос подергивался. Тут же кролик отскочил в угол.

— Если его бить током достаточно сильно, когда он ест, животное быстро свяжет эти ощущения: еда—боль. Следовательно, кролик не будет есть. Тряхнуть его током еще несколько раз — он умрет от голода перед миской с едой. Это называется воспитание отвращения.

Тут Морриса осенило — он пошел к двери.

— Мне это не надо, большое спасибо.

— Подождите, мистер Моррисон.

Моррисон даже не остановился, взялся за дверную ручку... дверь оказалась заперта.

— Откройте.

— Мистер Моррисон! Сядьте, пожалуйста!

— Откройте дверь или я вызову полицию быстрее, чем вы скажете «Мальборо».

— Сядьте. — Это было сказано каким-то жутким ледяным голосом.

Моррисон посмотрел на Донатти, заглянул в его карие, страшные, затуманенные глаза и подумал: «Господи, я же заперт в комнате с психом». Он облизнул губы. Никогда в жизни ему так не хотелось курить.

— Я подробнее расскажу вам о курсе лечения,—сказал Донатти.

— Вы не поняли, — возразил Моррисон с деланным спокойствием. — Мне не нужен ваш курс. Я решил от него отказаться.

— Нет, мистер Моррисон, это вы не поняли. У вас уже нет выбора. Я не обманул вас, когда сказал, что курс лечения начался. Мне казалось, вы все поняли.

— Вы сумасшедший, — изумленно произнес Моррисон.

— Нет, я практичный человек, который расскажет вам о курсе лечения.

— Валяйте, — бросил Моррисон. — Только поймите, что как только я отсюда выйду, я куплю пять пачек сигарет и выкурю их по дороге в полицейский участок. — Он внезапно заметил, что грызет ноготь большого пальца, и заставил себя прекратить это занятие.

— Как вам будет угодно. Но мне кажется, вы передумаете, когда я вам все объясню.

Моррисон промолчал, снова сел, скрестив руки на груди.

— В первый месяц лечения наши люди будут постоянно следить за вами, — объяснил Донатти. — Вы заметите некоторых, но не всех. Следить за вами будут постоянно. *Всегда*. Если они увидят, что вы закурили, то позвонят сюда.

— Меня привезут сюда и посадят вместо кролика. — Моррисон пытался говорить спокойным саркастическим тоном, но неожиданно ощутил дикий страх. Это просто кошмарный сон.

— Нет, — ответил Донатти. — Вместо кролика посадят вашу жену, не вас.

Моррисон тупо посмотрел на него.

Донатти улыбнулся.

— А вы посмотрите в окошко.

Когда Донатти отпустил его, Моррисон два квартала прошел, как в тумане. Снова выдался прекрасный день, но он этого не замечал. Улыбающееся лицо чудовища Донатти заслонило все.

— Поймите, — сказал напоследок тот, — практическая задача требует практического решения, мы заботимся только о ваших интересах.

По словам Донатти, корпорацию «Бросайте курить» (нечто вроде фонда благотворительной организации) основал мужчина, изображенный на портрете. Он весьма успешно занимался традиционными делами своей

«семьи» — игральные автоматы, массажные кабинеты, подпольная лотерея и оживленная (хотя и незаконная) торговля между Нью-Йорком и Турцией. Этот человек, Морт Минелли по кличке Трехпалый, был заядлым курильщиком — выкуривал по три пачки в день. Листок бумаги, который он держит в руке на портрете, — окончательный диагноз врача: рак легких. Морт умер в 1970 году, передав все «семейные» фонды корпорации «Бросайте курить».

— Стараемся в финансах выйти в ноль, — объяснил Донатти, — но более всего мы заинтересованы в том, чтобы помочь людям, нашим братьям. Но и, конечно, эта благотворительность помогает нам при выплате налогов.

Курс лечения оказался до ужаса прост. Первое нарушение — Синди привозят, как выразился Донатти, в «крольчатник». Второе нарушение — и там оказывается сам Моррисон. Третье — током бьют их обоих вместе. Четвертое нарушение свидетельствует о негативном отношении к курсу лечения и требует более сурового наказания. В школу к Элвину будет послан человек, чтобы избить мальчика.

— Представьте себе, — с улыбкой говорил Донатти, — каково придется мальчику. Он ничего не поймет, даже если ему и попытаются как-то объяснить происходящее. До него только дойдет, что его больно бьют из-за того, что папа плохой. Элвин насмерть перепугается.

— Сволочь, — беспомощно сказал Моррисон, он готов был расплакаться, — сволочь проклятая.

— Поймите меня правильно, — сочувственно улыбаясь, объяснил Донатти. — Я уверен, что этого не произойдет. К сорока процентам наших клиентов мы не применяем никаких дисциплинарных мер, и только десять процентов допускают более трех нарушений. Эти цифры утешают, не так ли?

Ничего утешительного Моррисон в них не видел. Он нашел их ужасающими.

— Разумеется, если вы нарушите правила в пятый раз...

— Что вы хотите сказать?

Донатти просто расцвел в улыбке:

— Вас с женой — в «крольчатник», сына избьют во второй раз, а жену в первый.

Доведенный до такого состояния, когда он потерял способность здраво мыслить, Моррисон бросился через стол на Донатти. Тот, хотя и сидел вроде бы в расслабленной позе, действовал с поразительной быстротой: отодвинулся вместе со стулом назад и через стол ударил Моррисона двумя ногами в живот. Задыхаясь и кашляя, Моррисон отлетел в сторону.

— Сядьте, мистер Моррисон, — благожелательно сказал Донатти, — давайте поговорим, как разумные люди.

Отдышавшись, Моррисон сделал то, о чем его попросили. Ведь должен же когда-нибудь закончиться этот кошмарный сон?

В корпорации «Бросайте курить», объяснил Донатти, существует десять градаций наказаний. Шестая, седьмая, восьмая провинности—сила тока возрастает, избиения становятся все ужаснее. Если Моррисон закурит в девятый раз, его сыну сломают обе руки.

— А в десятый? — спросил Моррисон. В горле у него пересохло.

Донатти печально покачал головой:

— В этом случае мы сдаемся. Вы войдете в два процента неисправимых клиентов.

— Вы действительно сдаетесь?

— Можно сказать и так. — Донатти открыл один из ящиков и положил на стол кольт 45 с глуши́телем. — Но даже эти два процента неисправимых никогда больше не закурят. Мы это гарантируем.

В пятницу вечером по телевизору показывали «Буллит», один из самых любимых фильмов Синди. В течение часа Моррисон бормотал, ерзал на месте — Синди уже не могла внимательно смотреть кино.

— Что с тобой? — спросила она, когда фильм прервался.

— Ничего... да все плохо, — прорычал он. — Я бросил курить.

Синди рассмеялась:

— Когда? Пять минут назад?

— С трех часов дня.

— Что, с тех пор не курил?

— Нет, — сказал он и принялся грызть ноготь большого пальца. Моррисон уже сгрыз его почти до мяса.

— Это великолепно. Что заставило тебя решить бросить?

— Я должен думать о тебе... об Элвине.

Ее глаза расширились — она даже не заметила, что снова начался фильм, — Дик так редко говорил об их сыне. Она подошла к мужу, посмотрела сначала на пустую пепельницу, стоявшую недалеко от его правой руки, потом ему в глаза:

— Ты действительно собираешься бросить курить, Дик?

— Действительно. А если я обращусь в полицию, банда местных громил сделает тебе подручными средствами пластическую операцию, Синди.

— Я очень рада. Даже если ты снова закуришь, мы с Элвином все равно благодарим тебя за заботу.

— Думаю, я больше курить не буду, — сказал он и вспомнил глаза Донатти, когда тот ударил его ногами в живот, затуманенные глаза убийцы.

Ночью он спал плохо, дремал, просыпался, а часа в три проснулся окончательно. Курить хотелось так, что Моррисону показалось — у него небольшая температура. Он опустил вниз, прошел в свой кабинет, расположенный в глубине дома. Эта комната была без окон. Моррисон выдвинул верхний ящик своего стола, как замороженный уставился на коробку с сигаретами, огляделся, облизал губы.

Постоянная слежка в течение первого месяца, сказал Донатти. Потом два месяца за ним будут следить по восемнадцать часов в сутки. Четвертый месяц (именно тогда большинство клиентов закуривают) снова двадцать четыре часа в сутки. Потом двенадцать часов выборочной слежки каждый день до конца года. А затем? До конца жизни слежка возобновляется в любое время.

До конца жизни.

— Мы можем проверять вас каждый второй месяц, — объяснил Донатти. — Или через день. Или через два года организуем круглосуточную недельную слежку. Все дело

в том, что *вы этого знать не будете*. Если закурите, это можно сравнить с тем, что вы будете играть с нами нашей крапленой колодой. Следят они или нет? Схватили уже мою жену или послали своего человека к сыну? Здорово, правда? А если вдруг и выкурите тайком сигарету, у нее будет ужасный вкус, вкус крови вашего сына.

Но сейчас, глубокой ночью, они не могут следить за ним в его собственном кабинете. В доме тихо, как на кладбище.

Почти две минуты он не мог оторвать взгляда от сигарет в коробке, потом подошел к двери, выглянул в пустой коридор, вернулся обратно, снова уставился на сигареты. Ужасное видение явилось ему: ни одной сигареты в жизни. Как сможет изложить сложную проблему недоверчивому клиенту без небрежно дымящейся в руке сигареты, когда он подходит к графикам и планам? Как сможет он без сигареты вынести бесконечные садоводческие выставки Синди? Как сможет он проснуться утром и начать день без сигареты, пока пьет кофе и читает газету?

Моррисон проклял себя за то, что влез в эту историю, проклял Донатти, а самые страшные проклятия послал Джимми Маккэнну. Как он мог так поступить? Сукин сын, ведь все знал! У Моррисона задрожали руки от желания схватить за горло Иуду Маккэна.

Украдкой он снова оглядел кабинет, полез в ящик, взял сигарету, поднес ко рту и застыл, наклонив набок голову.

Еле слышный шорох раздался из стенного шкафа? Еле слышный. Разумеется, нет. Но...

Еще одна картина встала перед его глазами: кролик, прыгающий, как сумасшедший, под ударами электрического тока. Мысль, что Синди может оказаться в этой комнате...

Он принялся лихорадочно прислушиваться, но ничего не услышал. Моррисон сказал себе, что надо всего-навсего подойти к стенному шкафу и открыть дверцу. Ему стало страшно только при одной мысли, что может там оказаться. Он лег в постель, но сон еще долго не приходил.

Несмотря на то, что с утра он чувствовал себя отвратительно, завтрак пришелся Моррисону по вкусу. Поко-

лебавшись секунду, после традиционной тарелки кукурузных хлопьев Моррисон съел еще яичницу. Он с раздраженным видом мыл сковородку, когда сверху спустилась Синди в халате:

— Ричард Моррисон! Ты в последний раз ел с утра яйца, когда наш пес Гектор был щенком.

Моррисон что-то недовольно проворчал. Выражение жены: «когда наш пес Гектор был щенком» он считал по глупости равным другой ее фразе: «Все надо делать с улыбкой».

— Закурил уже? — спросила она, наливая себе апельсинового соку.

— Нет.

— К полудню закуришь, — весело заявила Синди.

— Хорошенькая из тебя помощница, нечего сказать, — обрушился он на жену. — Все вы, некурящие, считаете... а, ладно, чего тут.

Моррисон решил, что Синди сейчас рассердится, но она, похоже, смотрела на него с большим удивлением:

— Ты серьезно хочешь бросить курить, честное слово, серьезно?

— Конечно. Надеюсь, ты никогда не узнаешь, насколько серьезно.

— Бедняжка, — сказала жена, подойдя к нему. — Ты стал сейчас похож на живого мертвеца.

Моррисон крепко обнял ее.

Сцены из жизни Ричарда Моррисона, октябрь — ноябрь:

Моррисон с приятелем, который работает на «Ларкин студиос», в баре Джека Демпси. Приятель предлагает Моррисону сигарету, тот крепче сжимает в руке стакан:

— Я бросил.

Приятель смеется:

— Больше недели не продержишься.

Моррисон ждет утреннюю электричку, поверх газеты «Нью-Йорк таймс» наблюдая за молодым человеком в синем костюме. Он видит его практически каждое утро, встречает и в других местах; в баре Онди, где Моррисон беседует с клиентом, в магазине грампластинок Сэма

Гуди, когда Моррисон ищет альбом Сэма Куку. Однажды Дик видел этого молодого человека на местном поле для гольфа, где сам играет.

Моррисон выпивает в гостях — как же хочется заку-
рить! — но он недостаточно выпил, чтобы решиться на это.

Он приезжает проведать сына, привозит ему большой мяч, который пищит, если его жать. Слюнявые востор-
женные поцелуи Элвина сейчас почему-то не так против-
ны, как раньше. Моррисон прижимает сына к себе и понимает, что Донатти и компания поняли раньше его: любовь — самый сильный из всех наркотиков. Это пусть романтики спорят, существует ли она. Люди практичные уверены в этом и используют ее в своих целях.

Мало-помалу Моррисон утрачивает физическую по-
требность в курении, но избавиться от психологической
тяги не может, как и от привычки держать что-то во рту:
таблетки от кашля, леденцы, зубочистку. Все это слабо
заменяет сигарету.

И вот Моррисон попадает в гигантскую автомобильную
пробку в туннеле «Мидтаун». Темно. Ревут клаксоны, вонь
выхлопных газов, безнадежное рычание неподвижных
машин. Внезапно Моррисон открывает перчаточный
ящик, видит полуоткрытую пачку сигарет, секунду смот-
рит на них, хватает одну, прикуривает от автомобильной
зажигалки. Если что-то случится, Синди сама виновата,
дерзко говорит он себе. Черт побери, я же сказал ей
выкинуть все сигареты.

Первая затяжка — его начинает раздражать страшный
кашель. От второй у него слезятся глаза, третья — кру-
жится голова. Он вот-вот потеряет сознание. Какой гадкий
вкус, думает Моррисон.

И сразу нетерпеливо загудели клаксоны. Впереди ма-
шины поехали. Он гасит сигарету в пепельнице, открывает
оба передних окна и начинает руками разгонять дым —
беспомощно, как мальчишка, только что спустивший в
унитаз свой первый окурок.

Рывками он выбрался из пробки и поехал домой.

— Синди, это я, — позвал он.

Молчание.

— Синди? Дорогая, где ты?

Зазвонил телефон, Моррисон поспешно схватил трубку:

— Синди? Ты где?

— Здравствуйте, мистер Моррисон, — сказал Донатти приятным, бодрым, деловым голосом. — Мне кажется, нам надо обсудить один вопрос. Вы сможете зайти к нам в пять?

— Моя жена у вас?

— Разумеется, — снисходительно ответил Донатти.

— Послушайте, отпустите ее, — сбивчиво забормотал Моррисон, — это больше не повторится. Я просто сорвался — и все. Затянулся всего три раза. Клянусь Богом, *мне даже было противно...*

— Очень жаль. Значит, я могу рассчитывать, что вы придете в пять?

— Прошу вас, — произнес Моррисон. Он готов был расплакаться, — умоляю...

Но Донатти уже повесил трубку.

В пять часов в приемной никого не было, кроме секретарши, которая ослепительно улыбнулась Моррисону, не обращая внимания на его бледное лицо и растрепанный вид.

— Мистер Донатти? — спросила она по селектору. — К вам пришел мистер Моррисон. — Она кивнула ему. — Проходите.

Донатти ждал его перед дверью без номера и таблички вместе с гориллообразным мужчиной в майке с надписью «Улыбайтесь» и револьвером 38-го калибра.

— Послушайте, — сказал Моррисон, — мы же можем договориться. Я заплачу вам. Я...

— Заткнись, — отрезал мужчина в майке.

— Рад вас видеть, — произнес Донатти. — Жаль, что это происходит при столь печальных обстоятельствах. Будьте любезны, пройдемте со мной. Сделаем все как можно быстрее. Будьте спокойны: с вашей женой ничего страшного не случится... на этот раз.

Моррисон напрягся, приготовился броситься на Донатти.

— Не вздумайте, — обеспокоенно сказал тот. — Если вы это сделаете, кистолем избьют вас рукояткой револь-

вера, а жену вашу все равно потряхнет током. Какая в этом выгода?

— Чтоб ты сдох, — бросил Моррисон Донатти.

Тот вздохнул:

— Если б я получал по пять центов за каждое такое пожелание, то давно бы мог уйти на заслуженный отдых. Пусть это будет вам уроком, мистер Моррисон. Когда романтик пытается сделать доброе дело и у него это не получается, его награждают медалью. Когда же практичный человек добивается успеха, ему желают смерти. Пойдемте.

Костолом револьвером показал куда.

Моррисон первым вошел в комнату и словно онемел. Маленькая зеленая занавеска отодвинута. Костолом подтолкнул его стволом револьвера. «Наверно, то же самое испытывает свидетель казни в газовой камере», — подумал Моррисон, заглянул в окошко и увидел ошеломленно оглядывавшуюся Синди.

— Синди, — жалобно позвал он, — Синди, они...

— Она не видит и не слышит вас, — разъяснил Донатти. — Это зеркальное стекло. Ладно, давайте побыстрее закончим. Провинность небольшая — полагаю, тридцати секунд будет достаточно. Костолом!

Одной рукой тот нажал на кнопку, другой упер дуло револьвера в спину Моррисона.

Это были самые долгие тридцать секунд в его жизни.

Когда все закончилось, Донатти положил руку на плечо Моррисону и сказал:

— Вас не стошнит?

— Нет, не думаю, — слабым голосом ответил тот и прижался лбом к стеклу — ноги его не держали. Моррисон обернулся — Костолома не было.

— Пойдемте со мной, — предложил Донатти.

— Куда? — безразлично спросил Моррисон.

— Мне кажется, вы кое-что должны объяснить своей жене?

— Как я смогу посмотреть ей в глаза? Как скажу, что я... я...

— Думаю, вас ожидает сюрприз.

В комнате, кроме дивана, ничего не было. На нем, беспомощно всхлипывая, лежала Синди.

— Синди, — ласково позвал он.

Она подняла на него глаза с расширенными от слез зрачками.

— Дик, — прошептала Синди, — Дик? Господи... Господи... — Он крепко обнял ее. — Двое... В нашем доме... Сначала я подумала — это грабители, потом решила, что они меня изнасилуют, а они отвезли меня куда-то с завязанными глазами и... и... это было у-ужасно...

— Успокойся, успокойся.

— Но почему? — спросила жена, посмотрев на него. — Зачем они...

— Все из-за меня. Я должен тебе кое-что рассказать, Синди.

Он закончил рассказ, немного помолчал и сказал:

— Наверно, ты меня ненавидишь.

Моррисон смотрел в пол, когда Синди прижала свои ладони к его лицу и повернул к себе:

— Нет. Я не испытываю к тебе ненависти.

В немом изумлении он посмотрел на нее.

— Все в порядке. Да благословит Господь этих людей. Они освободили тебя, Дик.

— Ты что, серьезно?

— Да, — ответила она и поцеловала его. — Поедем домой. Мне гораздо лучше. Не помню, когда мне было так хорошо.

Когда через неделю как-то вечером зазвонил телефон и Моррисон узнал голос Донатти, он сказал:

— Ваши люди ошиблись. Я даже в руки сигарету не брал.

— Нам это известно. Надо обсудить последний вопрос. Можете зайти завтра вечером?

— Это...

— Ничего серьезного. Просто для отчетности. Кстати, поздравляю с повышением по службе.

— Откуда вы это знаете?

— Учет ведем, — небрежно бросил Донатти и повесил трубку.

Когда они вошли в ту же комнату, Донатти сказал:

— Что вы так нервничаете? Никто вас не укусит. Подойдите сюда.

Моррисон подошел и увидел обычные напольные весы.

— Послушайте, я немного растолстел, но...

— Да-да. Это происходит с семьюдесятью тремя процентами наших клиентов. Пожалуйста, встаньте на весы.

Моррисон встал, весы показали семьдесят девять килограммов.

— Прекрасно, можете сойти с весов. Какой у вас рост, мистер Моррисон?

— Метр семьдесят девять сантиметров.

— Посмотрим. — Донатти достал из нагрудного кармана небольшую карточку, закатанную в прозрачную пластмассу. — Совсем неплохо. Сейчас я выпишу вам рецепт на получение незаконных таблеток для диеты. Принимайте их редко и в соответствии с инструкцией. Ваш максимальный вес будет... — Он еще раз взглянул на карточку. — Восемьдесят три килограмма. Сегодня первое декабря, значит, первого числа каждого месяца жду вас на взвешивание. Не сможете прийти — ничего страшного, если, конечно, заранее предупредите.

— Что случится, если я буду весить больше восьмидесяти трех килограммов?

Донатти улыбнулся:

— Кто-то из наших людей придет к вам в дом и отрежет вашей жене мизинец. Счастливого, мистер Моррисон. Выйдете через эту дверь.

Прошло восемь месяцев.

Моррисон встречается в баре Джека Демпси, своего приятеля с «Ларкин студиос». Моррисон, как гордо говорит Синди, в своей весовой категории — он весит семьдесят пять килограммов, три раза в неделю занимается спортом и великолепно выглядит. Приятель же похож черт знает на кого.

Приятель:

— Боже мой, как тебе удалось бросить курить? Я курю даже больше своей жены. — С этими словами он с настоящим отвращением гасит сигарету и допивает виски.

Моррисон оценивающе смотрит на него, достает из бумажника белую визитную карточку, кладет ее на стойку.

— Знаешь, — говорит он, — эти люди изменили мою жизнь.

Прошел год.

Моррисон получает по почте счет:

КОРПОРАЦИЯ «БРОСАЙТЕ КУРИТЬ»

237 Ист, Сорок шестая улица,
Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, 10017

Курс лечения	2500 долларов
Услуги специалиста (Виктор Донатти)	2500 долларов
Электричество	50 центов
ВСЕГО:	
(просим заплатить)	5000 долларов 50 центов

— Сукины дети! — взрывается он. — Включили в счет электричество, которым...

— Заплати, — говорит жена и целует его.

Прошло еще восемь месяцев.

Совершенно случайно Моррисон и Синди встречаются в театре «Хелен Хэйс» Джимми Маккэнна с женой. Они знакомятся. Джимми выглядит так же, как и в аэропорту, если не лучше. Моррисон никогда раньше не встречался с его женой. Она красива, как бывают красивы ничем не примечательные женщины, когда они очень и очень счастливы.

Моррисон пожимает ей руку. У нее странное рукопожатие. Только в середине второго действия Моррисон понимает, почему. У жены Маккэнна на правой руке нет мизинца.

ГРУЗОВИКИ

ГРУЗОВИКИ

Парня звали Снодграсс, и, как мне казалось, он готов был в любую минуту выкинуть какой-нибудь фортель. Глаза его расширились, обнажив белки, как у собаки перед дракой. Двое ребят, которых выбросило на автомобильную стоянку в стареньком «фьюри», пытались заговорить с ним, но он задрал голову, словно слышал иные голоса. У него был плотненький животик, обтянутый добротным костюмом, начинавшим слегка лосниться на задку. По профессии коммивояжер, он, точно заснувшего щенка, прижимал к себе сумку с образцами.

— Попробуй-ка еще раз радио, — сказал водитель грузовика за стойкой.

Буфетчик пожал плечами и включил приемник. Прощелся по диапазону, но там не было ничего, кроме атмосферных помех.

— Крутишь слишком быстро, — запротестовал водитель грузовика. — Мог ведь что-то и пропустить.

— Чертовщина, — произнес буфетчик. Это был пожилой чернокожий с улыбкой, обнажавшей золотые зубы. Сквозь окно ресторана он смотрел на автостоянку.

Там находились семь или восемь грузовиков-тяжеловозов, моторы на холостом ходу низко урчали, издавая звук, похожий на мурлыканье огромных котов. Пара «маков», «хемингуэй» и четыре или пять «рео». Грузовики-трейлеры, перевозящие грузы на дальние расстояния, с массой номерных знаков и с хлыстами-антеннами позади.

«Фьюри» двух ребят лежал крышей вниз в конце длинной извилистой полосы, прочерченной по щебенке

автомобильной стоянки. Он был смят до бессмысленной груды металла. При въезде на площадку, где грузовики разворачивались, лежал раздавленный «кадиллак». Его владелец пялил глаза из-за разбитого ветрового стекла, словно выпотрошенная рыба. С уха свисали очки в роговой оправе.

На полпути к «кадди» распласталось тело девушки в розовом платье. Она выскочила из машины, когда поняла, что им несдобровать, бросилась бежать. Но ей это не удалось. Вид ее был ужасен, хотя она и лежала лицом вниз. Вокруг тучами роились мухи.

На противоположной стороне дороги старый «форд-универсал» врезался в перила ограждения. Это произошло час назад. С тех пор там никто не появлялся. Из окна автостраду не было видно, телефон молчал.

— Крутишь слишком быстро, — протестовал водитель грузовика. — Нужно...

Именно тогда Снодграсс сорвался. Вскикая, он опрокинул стол, разбив вдребезги кофейные чашки и рассыпав сахарный песок. Глаза у него были совсем сумасшедшие, челюсть отвисла, он бормотал:

— Нам нужно выбраться отсюда нам нужно выбраться отсюда намнужновыбратьсяотсюда...

Паренек закричал, его подружка пронзительно завопила.

Я сидел на ближайшем к двери высоком стуле и ухватил Снодграсса за рубашку, но тот вырвался. Совсем спятил. Он вломился бы даже в дверь банковского сейфа. Два грузовика ринулись за ним, выхлопные трубы выплевывали в небо темно-коричневый дым, громадные задние колеса струями выбрасывали вверх гравий.

Он был не более чем в пяти или шести шагах от края стоянки, когда обернулся; на лице его отразился страх. Ноги запутались, он пошатнулся и чуть не упал. Выпрямился, но было уже поздно.

Один из грузовиков уступил дорогу, другой рванулся вперед, свирепо поблескивая на солнце решеткой радиатора. Снодграсс закричал, но пронзительный истошный вопль утонул в оглушающем реве дизеля «рео».

Он не подмял Снодграсса под себя, а подбросил, как футболист подбрасывает мяч. На мгновение силуэт его, словно снятое с шеста пугало, появился на фоне раскаленного полуденного неба, а затем исчез в дренажной канаве. Тормоза огромного грузовика зашипели, будто вздохнул дракон, передние колеса заклинило, они процертили борозды в гравийном покрытии стоянки, и грузовик, чуть не вспоров его носом, остановился.

В одной из кабинок ресторана закричала девчушка. Пальцами рук она вцепилась в щеки, натягивая кожу, отчего ее лицо превратилось в маску ведьмы.

Послышался звук разбитого стекла. Я повернул голову, — оказалось, водитель грузовика так сдавил стакан, что тот хрустнул. Думаю, он ничего не почувствовал. На стойку упали несколько капель молока и крови.

Чернокожий буфетчик застыл у приемника с полотенцем в руке, — он был ошеломлен. Зубы его блестели. На мгновение все затихло, если не считать жужжания часов на стене да громоыхания мотора «рео», вернувшегося к своим дружкам. Затем девчушка заплакала, и это было хорошо или, на худой конец, лучше.

Моя машина находилась на стоянке, тоже превращенная в металлолом. Это был «камаро» 1971 года, и я все еще продолжал выплачивать за него, но теперь, решил я, это уже не имело значения.

В грузовиках никого не было.

Солнце сверкало и отражалось от стекол пустых кабин. Колеса вращались сами по себе. Но об этом задумываться нельзя: будешь думать чересчур много, сойдешь с ума. Как Снодграсс.

Прошло два часа. Солнце стало клониться к закату. Грузовики медленно патрулировали стоянку, выписывая круги и восьмерки. Зажглись их стояночные огни.

Чтобы размяться, я дважды прошелся вдоль буфетной стойки, а затем сел в кабинку перед длинным витринным стеклом. Это была обычная стоянка поблизости от большой автострады, позади находилась заправочная станции с бензином и дизельным топливом. Водители

грузовиков заезжали сюда выпить кофе с куском пирога.

— Мистер? — Голос звучал неуверенно.

Я оглянулся. Это были те двое из «фьюри». Пареньку, казалось, лет девятнадцать. Девчонка выглядела моложе.

— Да?

— Что с вами случилось?

Я пожал плечами.

— Ехал по шоссе в Пелсон, — сказал я. — За мной пристроился грузовик — я издали его увидел, — мчался как угорелый. Он обогнал «жучка»-«фольксваген» и прицепом сбросил его с дороги, как пальцем сбрасывают бумажный комочек со стола. Я подумал, что грузовик тоже свалится. Ни один водитель его бы не удержал, когда прицеп болтается из стороны в сторону. Но не свалился. «Фольксваген» раз шесть-семь перевернулся и взорвался. А грузовик то же самое сделал со следующей машиной, ехавшей в том же направлении. Он уже приближался ко мне, но я быстренько свернул на съездную дорогу. — Я засмеялся, однако мне совсем не было весело. — И попал прямо на стоянку для грузовиков. Их огня да в полымя.

Девчушка сглотнула:

— Мы видели, как автобус «грейхаунд» мчался по дороге, ведущей на юг. Он... пахал... прямо по машинам. Потом взорвался и сгорел, но перед этим устроил... бойню.

Автобус «грейхаунд». Это что-то новое. И неприятное.

Внезапно зажглись все фары, залив стоянку жутким слепящим светом. Грузовики с ревом ездил туда-сюда. Фары как будто стали их глазами, и в нарастающем мраке темные коробки трейлеров казались горбатыми доисторическими животными.

Буфетчик сказал:

— А не включить свет?

— Включите, — ответил я, — и узнаете.

Он нажал на выключатели, и под потолком засветились шары, усыпанные мошкаррой. С трудом ожила неоновая вывеска по фасаду: «Стоянка грузовиков и ресто-

ран Копанта — вкусные обеды». Ничего не произошло. Грузовики продолжали объезд.

— Не понимаю, — сказал водитель грузовика. Он слез с высокого стула у стойки и прохаживался рядом, его рука была обмотана красной тряпкой, какой пользуются механики. — У меня с моим мотором никаких проблем не было. Хорошая старушка. Я сюда в час с небольшим заехал, чтобы поест спагетти, и вот это случилось. — Он взмахнул руками, и тряпка развязалась. — Мой мотор вон там, со слабым левым габаритным огнем. Шесть лет на нем езжу. Но стоит мне выйти за дверь...

— Все только начинается, — сказал буфетчик. Глаза его были полуприкрыты и темны. — Должно быть, дела плохи, если приемник не работает. Все только начинается.

Лицо девчушки стало белым как молоко.

— Не беспокойтесь, — сказал я буфетчику. — По крайней мере пока.

— С чего бы? — волновался водитель грузовика — Электрические штормы в атмосфере? Ядерное испытание? С чего?

— Может, они сошли с ума, — сказал я.

Около семи я подошел к буфетчику.

— Как наши дела? Я имею в виду, если нам придется подзадержаться здесь?

Бровь его изогнулась.

— Неплохо. Вчера только подвезли продукты. У нас две-три сотни булочек с котлетами, консервированные фрукты и овощи, кукурузные хлопья, яйца... молоко только то, что в охладителе, но воды — полный колодец. Если нужно, мы впятером продержимся тут месяц, а то и больше.

Подошел водитель грузовика и подмигнул нам.

— У меня все сигареты кончились. А вот автомат с сигаретами...

— Это не мой, — ответил буфетчик.

Водитель грузовика, державший стальной стержень, который он нашел в подсобке, приступил к обработке автомата.

Паренек спустился туда, где поблескивал и вспыхивал огнями музыкальный автомат, и опустил четвертак. Джон Фогерти начал петь, что родился в дельте реки.

Я сел и выглянул из окна. То, что я увидел, мне сразу не понравилось. К патрулю присоединился легкий пикап марки «шевроле» — словно шотландский пони среди першеронов. Я наблюдал за ним до тех пор, пока он бездушно не переехал тело девушки из «кадди», после чего отвел глаза.

— Это мы их сделали! — неожиданно с отчаянием закричала девчушка. — Они не имеют права!

Приятель велел ей замолчать. Водитель грузовика вскрыл сигаретный автомат и набрал шесть или семь пачек «вайсроя». Он разложил их по карманам, а одну вскрыл. По решительному выражению его лица можно было подумать, что он собирается не курить сигареты, а глотать.

В автомате-проигрывателе сменилась пластинка. Было восемь.

В восемь тридцать отключилось электричество.

Когда погас свет, девчушка вскрикнула. Крик внезапно умолк, как будто приятель рукой закрыл ей рот. Музыкальный автомат замер с низким затухающим звуком.

— Боже ты мой! — громко воскликнул водитель грузовика.

— Буфетчик! — позвал я. — У вас есть свечи?

— Кажется, есть. Подождите... да. Вот здесь несколько штук.

Я поднялся и взял. Мы зажгли их и стали устанавливать в разных местах.

— Осторожно, — сказал я. — Если спалим это заведение, нам не поздоровится.

Он угрюмо хмыкнул:

— Вам знать.

Когда мы поставили свечи, то увидели, что паренек с подружкой сидят в обнимку, а водитель грузовика стоит у задней двери и смотрит, как еще шесть тяжелых

грузовиков выписывают вензеля между бетонными островками с заправочными колонками.

— Это меняет дело, правда? — спросил я.

— Да, ничего хорошего, коль электричество совсем вырубилось.

— Очень плохо?

— Котлеты протухнут через три дня. Остальное — мясо и яйца — испортится так же быстро. Консервы выдержат, да и сухие продукты тоже. Но не это худшее. Без насоса у нас не будет воды.

— Долго протянем?

— Без воды? Неделю.

— Наполните каждую пустую банку, какую найдете. Залейте до краев. Где туалеты? В бачках чистая вода.

— Уборные для служащих позади здания. Но чтобы попасть в мужскую и женскую, нужно выйти на улицу.

— Через стоянку — к служебному зданию? — Я не был готов к этому. Во всяком случае, пока.

— Нет. Из боковой двери и наверх.

— Дайте мне две бадейки.

Он нашел два оцинкованных ведра. Подошел паренек.

— Что вы делаете?

— Нужно воды набрать. Как можно больше.

— Тогда давайте мне ведро.

Я протянул ему одно.

— Джерри! — заплакала девчушка. — Ты...

Он взглянул на нее, и та замолчала, но вытащила платочек и начала вытирать уголки глаз. Водитель грузовика курил новую сигаретку и скалился, глядя на дверь. Он ничего не сказал.

Мы оказались у боковой двери, в которую я вошел сегодня в полдень, и остановились на секунду, наблюдая за тем, как сгущались и растворялись тени по мере приближения и удаления грузовиков.

— Пора? — спросил паренек. Его рука прикоснулась к моей, мускулы натянулись словно провода. Если бы кто-нибудь пнул его, он улетел бы в небеса.

— Спокойней, — сказал я.

Он слегка улынулся. Улыбка вышла вялая, но все же это лучше, чем ничего.

— Хорошо.

Мы выскользнули.

Вечерний воздух похолодал. В траве стрекотали сверчки, в дренажной канаве бултыхались и квакали лягушки. На улице гул грузовиков был более громким, более угрожающим — какой-то звериный рев. Изнутри это смотрелось как кино. Здесь все было на самом деле — могли и убить.

Мы крались вдоль стены, облицованной плиткой. Небольшой козырек у крыши отбрасывал на нас тусклую тень. Напротив мой «камаро» прижался к ограде, и слабый свет дорожного указателя поблескивал на изломанном металле и лужицах бензина и масла.

— Ты давай в женский, — прошептал я. — Залей ведро из бачка и жди.

Ровный гул дизелей. Он обманчив: вот они будто приближаются, а на самом деле это всего лишь эхо, отскакивающее от углов здания. Расстояние футов двадцать, но кажется гораздо большим.

Он открыл дверь в женский туалет и вошел. Я проскочил в следующую и оказался в мужском. Почувствовал, как обмякли мускулы, и со свистом выдохнул. Мельком увидел себя в зеркале: напряженное бледное лицо с темными глазами.

Я снял фаянсовую крышку с бачка и наполнил ведро. Отлил немного, чтобы не расплескивалось, и направился к двери.

— Эй?

— Что? — прошептал он.

— Готов?

— Да.

Мы снова вышли на улицу. Сделали, может, шагов шесть, как нам в глаза ударил свет фар. Он подкрался тихо, огромные колеса едва вращались по гравию, а теперь рванулся к нам: электрические фары светились

свирепыми глазами, огромная хромированная решетка радиатора, казалось, готова была проглотить нас.

Паренек замер, на лице застыл ужас, глаза осоловели, зрачки уменьшились до размеров булавочных головок. Я толкнул его, и он пролил половину воды.

— Беги!

Грохот дизельного мотора перешел в визг. Я протянул руку через плечо паренька, чтобы распахнуть дверь, но прежде чем успел это сделать, она открылась изнутри. Паренек влетел, я ринулся за ним. Оглянувшись, увидел, как грузовик — большой «петербилт» с навесной кабиной — поцеловался с покрытой плиткой наружной стеной, отрывая от нее раздробленные куски. Раздался душераздирающий скрежет, словно гигантские когти скреблись по грифельной доске. Затем правое крыло и решетка радиатора вломились во все еще открытую дверь, рассыпав хрустальным веером стекло и смяв стальные дверные петли, точно туалетную бумагу. Дверь вылетела в ночь, как на какой-нибудь картине Дали. Грузовик зашпешил к стоянке перед зданием, выстреливая из выхлопной трубы, словно из пулемета. Звук был разочарованный, злой.

Весь содрокаясь, паренек опустил ведро на пол и повалился в объятия девчушки.

Сердце у меня бешено колотилось, а ноги будто налились водой. Кстати о воде, вдвоем мы принесли примерно ведро с четвертью. Вряд ли это стоило такого риска.

— Хочу забаррикадировать дверной проход, — сказал я буфетчику. — Чем мы можем это сделать?

— Ну...

Вмешался водитель грузовика:

— Зачем? Ни один из этих грузовиков не сможет просунуть сюда даже колесо.

— Меня беспокоят не они.

Водитель начал шарить по карманам в поисках сигарет.

— У нас в подсобке лежат какие-то щиты, — сказал буфетчик. — Хозяин собирался построить сарайчик для хранения бутана.

— Загородим ими проем и подопрем парой кабинок.

— Я помогу, — сказал водитель грузовика.

Работа заняла около часа, и в конце концов мы все оказались втянутыми в нее, даже девчушка. Загородка получилась более или менее прочной. Разумеется, это не означало, что она окажется достаточно крепкой, если какой-нибудь грузовик врежется в нее на полной скорости. Думаю, все это понимали.

Вдоль большого витринного окна находились три кабинки, и я сел в одну из них. Часы за стойкой остановились на 8.32, но, похоже, что было уже десять. Снаружи рыскали и рычали грузовики. Некоторые, спеша по неизвестным делам, уехали, другие прибыли. Среди них было три грузовичка-«пикапа», круживших около своих больших собратьев.

Меня потянуло в дрему, и вместо подсчета овец я считал грузовики. Сколько их в штате, сколько в Америке? Грузовики с прицепами, «пикапы», платформы, дневные перевозчики, три-четвертьтонки, десятки тысяч армейских конвойных грузовиков да еще автобусы. Кошмарное видение городского автобуса — два колеса в водостоке, а два на дороге, — который с ревом сбивает кричащих пешеходов, словно кегли.

Должно быть, наступило раннее утро, когда Снодграсс начал пронзительно кричать. На небе поднялся тонкий серп месяца и холодно светил сквозь высоко бегущие облака. На фоне низкого рева работавших вхолостую больших моторов слышался новый лязгающий звук. Я взглянул и увидел, как сеноукладчик ходит по кругу под погасшей рекламной вывеской. Лунный свет сверкал на острых вращающихся спицах его упаковочного агрегата.

Снова раздался крик, очевидно, из дренажной канавы:

— Помогите... мнееее...

— Что это? — На сей раз голос девчушки. В темноте ее глаза были широко открыты, и выглядела она насмерть перепуганной.

— Ничего, — сказал я.

— Помогите... мнееее...

— Он живой, — прошептала она. — О Боже. Живой.

Мне не нужно было его видеть. Я и так все прекрасно представлял. Снодграсс, наполовину погруженный в дренажную канаву, спина и ноги переломаны, тщательно отглаженный костюм в грязи, бледное лицо с раскрытым ртом повернуто к безразличной луне...

— Ничего не слышу, — сказал я. — А ты?

Она взглянула на меня:

— Как вы можете? Как?

— А вот если ты его разбудишь, — сказал я, указывая большим пальцем на паренька, — он может что-нибудь услышать. Может выйти туда. Тебе это понравится?

Лицо ее задергалось, словно его прошивали невидимыми нитями.

— Ничего, — прошептала она. — Ничего не слышно.

Она вернулась к своему дружку и положила голову ему на грудь. Продолжая спать, тот обнял ее.

Никто больше не проснулся. Снодграсс еще долго кричал, рыдал, стонал, а затем умолк.

Рассвело.

Прибыл еще один грузовик, на сей раз с кузовом-платформой и гигантской рамой для перевозки автомашин. К нему присоединился бульдозер. Это меня здорово напугало.

Подошел водитель грузовика и дернул меня за руку.

— Пойдем на заднюю половину, — прошептал он возбужденно. Другие все еще спали. — Посмотри, что там.

Я пошел с ним в подсобное помещение. Снаружи около десятка грузовиков ездили взад-вперед. Вначале я не заметил никаких перемен.

— Видишь? — сказал он и показал рукой. — Вон там.

И я увидел. Один из «пикапов» стоял недвижим. Он осел, словно ком, ничего угрожающего в нем уже не было.

— Кончился бензин?

— Точно, браток. А сами-то они заправляться не могут. Тут мы их и прижмем. Единственное, что нам

надо делать, — ждать. — Он улыбнулся и пошарил по карманам в поисках сигареты.

Было около девяти часов, я завтракал куском вчерашнего пирога, когда раздались гудки — долгие накатывающиеся звуки, которые отдавались в черепе. Мы подошли к окну посмотреть. Грузовики стояли спокойно, моторы работали вхолостую. Один грузовик-трейлер — огромный «рео» с красной кабиной — подъехал почти вплотную к узкой полоске травы между рестораном и стоянкой. Вблизи квадратная решетка радиатора казалась гигантской и внушала смертельный страх. Колеса по высоте были на уровне груди.

Вновь взвыл гудок — жесткие, голодные звуки монотонно отлетали вдаль и эхом возвращались назад. В них была какая-то система. Короткие и длинные, раздававшиеся в каком-то определенном ритме.

— Это же морзянка! — внезапно воскликнул паренек, которого, как оказалось, звали Джерри.

Водитель грузовика взглянул на него:

— Откуда ты знаешь?

Тот слегка покраснел:

— Учил ее в бойскаутах.

— Ты? — спросил водитель грузовика. — Ты? Ого. — Он покачал головой.

— Не обращай внимания, — сказал я. — Хотя что-то помнишь, чтобы...

— Конечно. Дайте послушать. Есть карандаш?

Буфетчик подал карандаш, и паренек начал писать буквы на салфетке. Потом остановился:

— Он просто говорит: «Внимание», все время это повторяет. Подождите.

Мы ждали. Гудок вбивал свои короткие и длинные звуки в стылый утренний воздух. Затем чередование звуков изменилось, и паренек стал писать вновь. Мы нависли над ним и из-за его плеча смотрели, как образуется послание. «Кто-нибудь должен залить горючее. Никому не будет вреда. Все горючее должно быть залито.

Это должно быть сделано немедленно. Сейчас кто-нибудь зальет горючее».

Гудки продолжались, но паренек перестал писать.

— Он опять говорит: «Внимание», — сообщил он.

Грузовик снова и снова твердил свое послание. Мне не нравилось, как выглядели слова, написанные на салфетке печатными буквами. В них было что-то механическое, безжалостное. Никакого компромисса с этими словами не выйдет. Либо ты слушался, либо нет.

— Ну, — сказал паренек, — что будем делать?

— Ничего, — сказал водитель грузовика. Лицо его было возбуждено и дергалось. — Нам нужно лишь ждать. У них у всех, должно быть, мало горючего. Один из грузовиков, что поменьше, уже остановился. Нам нужно лишь...

Гудок смолк. Грузовик подал назад и присоединился к своим. Те ждали, собравшись в полукруг и направив свет фар в нашу сторону.

— А вон там бульдозер, — сказал я.

Джерри взглянул на меня:

— Думаете, они сровняют здание с землей?

— Конечно.

Он взглянул на буфетчика:

— Они не могут сделать этого, правда?

Буфетчик пожал плечами.

— Надо бы проголосовать, — сказал водитель грузовика. — И без шантажа, черт побери. Нам остается только ждать. — Он говорил это уже в третий раз, как заклинание.

— Хорошо, — сказал я. — Голосуем.

— Подождите, — тут же произнес водитель грузовика.

— Думаю, нам следует их заправить, — сказал я. — И будем ждать более удобного случая, чтобы выбраться отсюда. Буфетчик?

— Не выходите, — сказал он. — Хотите провести остаток жизни, меняя масляные фильтры каждый раз, когда одна из этих *штуковин* дунет в гудок? Только не я. — Он злобно посмотрел из окна. — Пусть подышают.

Я взглянул на паренька с девчушкой.

— Он, думаю, прав, — сказал тот. — Это единственный путь остановить их. Если кто-нибудь собирается нас спасти, так только мы сами. Бог его знает, что делается в других местах.

Девчушка — Снодграсс все еще стоял у нее в глазах — кивнула.

— Так и порешим, — сказал я.

Я подошел к автомату с сигаретами и достал пачку, не глядя на название. Вообще-то я бросил курить год назад, но сейчас, похоже, самое время начать снова. Дым с резью вьелся в легкие.

Проползли еще двадцать минут. Грузовики перед зданием ждали. Другие выстраивались у заправочных колонок.

— Мне кажется, все это блеф, — сказал водитель грузовика. — Просто...

Тут раздался громкий, резкий и прерывистый звук, звук то завывающего, то затихающего мотора. Бульдозер.

«Кэтерпиллер» с лязгающими стальными гусеницами блестел на солнце, как шершень. Пока он разворачивался в нашу сторону, его короткая труба изрыгала черный дым.

— Готовится к броску, — сказал водитель грузовика. — На его лице отразилось полное удивление. — Готовится к броску!

— Отойдите, — сказал я. — За стойку.

Бульдозер продолжал завывать. Рычаги переключения передач двигались сами собой. Над его выхлопной трубой переливался жар. Внезапно поднялся отвал бульдозера — тяжелая стальная скоба, заляпанная сухой грязью. Затем с истошным ревом всей своей мощи он ринулся прямо на нас.

— Стойка! — Я толкнул водителя грузовика, и это вывело всех из оцепенения.

Между стоянкой и травой возвышался небольшой бордюр. Бульдозер, подняв на мгновение отвал, рванулся

через него, а затем врезался прямо в переднюю стену. Стекло с оглушительным грохотом разбилось, осколки полетели внутрь, деревянная фрамуга рассыпалась в щепки. Сверху упал один из шаров-абажуров, добавив еще битого стекла. С полок посыпалась посуда. Девчушка пронзительно кричала, но этот звук почти тонул в непрерывном ухающем реве двигателя «кэтерпиллера».

Он подал назад, пролезал по пережеванной полоске травы и вновь рванулся вперед, разбив вдребезги оставшиеся кабинки. Со стойки упало блюдо с пирогом, разбросав нарезанные клинья по полу.

Буфетчик присел, закрыв глаза, а паренек прижимал к себе девчушку. У водителя грузовика от страха глаза, казалось, выскочили из орбит.

— Нужно остановить его, — бормотал он. — Скажите им, что мы сделаем, мы сделаем что угодно...

— Поздновато, разве не видите?

«Кэт» подал назад и приготовился к новому броску. Появившиеся зазубрины на его отвале блестели и зайчиками отражались в солнечных лучах. С завывающим ревом он ринулся вперед и на этот раз снес главную опору того, что только что было окном. Часть крыши со скрежетом рухнула. Столбом поднялась пыль от штукатурки.

Бульдозер свободно отъехал назад. За ним я видел группу грузовиков, они ждали.

Я схватил буфетчика:

— Где бочки с горючим? — Плиты для приготовления пищи работали на бутане, но еще раньше я заметил вентиляционные отверстия для теплого воздуха над печью.

— В кладовке, — сказал он.

Я схватил паренька:

— Пошли.

Мы поднялись и вбежали в кладовую. Бульдозер ударил вновь, и здание задрожало. Еще два-три удара, и он сможет вплотную подъехать к стойке за чашкой кофе.

Здесь стояли две бочки по пятьдесят галлонов со шлангами, подсоединенными к печке, и кранами; рядом с дверью на улицу — коробка с пустыми бутылками из-под «кетчупа».

— Давай сюда, Джерри.

Пока он подавал их, я стянул с себя рубашку и разорвал ее на тряпки. Бульдозер наносил удары один за другим, и каждый из них сопровождался грохотом и новым разрушением.

Я наполнил из крана четыре бутылки, а он заткнул их тряпками.

— В футбол играешь? — спросил я.

— В школе играл.

— Хорошо. Представь, что вбрасываешь из-за боковой.

Мы выскочили в ресторан. Передняя стена полностью разрушена. Стекланные брызги блестели словно бриллианты. Тяжелая балка упала, наискосок перегородив дыру. Бульдозер пятился назад, чтобы снести ее, и я подумал, что на этот раз он не остановится, сомнет стулья, а затем разрушит и стойку.

Мы опустились на колени и выставили бутылки.

— Зажигай, — сказал я водителю грузовика.

Он вытащил коробку спичек, но руки у него сильно дрожали, и он ее уронил. Буфетчик поднял, зажег спичку, и куски рубашки запылали, испуская грязный дым.

— Быстрей, — сказал я.

Мы побежали, паренек чуть впереди. Под ногами хрустело и скрипело стекло. В воздухе стоял острый запах гари. Все вокруг стало громким и ярким.

Бульдозер ринулся.

Паренек высунулся из-под балки, его силуэт четко вырисовывался на фоне тяжелого, закаленного стального отвала. Я выскочил справа. Первая бутылка паренька не долетела. Вторая ударилась об отвал, и пламя выплеснулось, не принося вреда.

Он попытался увернуться, но на него уже надвигался бульдозер, катящаяся огненная колесница, четыре тон-

ны стали. Он всплеснул руками и затем исчез, изжеванный ею.

Я заскочил сбоку и вбросил одну бутылку прямо в открытую кабину, а вторую прямо в мотор. Обе взорвались одновременно, к небу взметнулся столб пламени.

На мгновение мотор взвыл почти человеческим воем ярости и боли. Бульдозер понесло сумасшедшим полукругом, он снес левый угол ресторана и пьяно покатился к дренажной канаве.

На стальных звеньях — полосы и пятна крови, а там, где находился паренек, осталось нечто, напоминающее скомканное полотенце.

Бульдозер доехал почти до канавы — пламя полыхало из-под капота и их кабины — и затем взорвался, точно гейзер.

Я отшатнулся и чуть не упал на груды обломков. Чувствовался какой-то острый запах, который не был похож на обычный запах масла. Горели волосы. Горел я.

Я схватил скатерть, прижал ее к голове, забежал за стойку и сунул голову в мойку с такой силой, что чуть не разбил ее. Девчушка выкрикивала имя Джерри в каком-то безумной причитании.

Я обернулся и увидел огромного перевозчика автомашин, медленно катившего к незащитному фасаду ресторана.

Водитель грузовика вскрикнул и бросился к боковой двери.

— Не смей! — закричал буфетчик. — Не смей этого делать...

Но тот уже выбежал и рванулся к дренажной канаве и открытому пространству за ней.

Небольшой фургон с надписью «Моментальная стирка белья Вонга» по борту, должно быть, стоял на страже. Он свалил водителя грузовика и тут же умчался. А тот остался лежать, вжатый в гравий — его выбило из собственных сапог.

Перевозчик автомобилей медленно перевалил через бетонный бордюр на траву, проехав по останкам паренька и остановился, сунув свое рыло в ресторан.

Внезапно его гудок издал оглушительный сигнал, за которым последовал другой, потом третий.

— Перестань! — завизжала девчушка. — Перестань, о, перестань, пожалуйста...

Но сигналы продолжались долго. Потребовалось не больше минуты, чтобы понять их систему. Она была такой же, как и прежде. Он хотел, чтобы кто-нибудь заправил его и других.

— Я пойду, — сказал я. — Заправочные колонки не заперты?

Буфетчик кивнул. Он постарел на полсотни лет.

— Нет! — закричала девчушка. Она бросилась ко мне. — Вы должны остановить их! Бейте их, жгите их, ломайте... — Голос ее дрогнул и перешел в истошный вопль, полный горя и утраты.

Буфетчик удерживал ее. Я обогнул стойку, пробираясь через завалы, и вышел на улицу через подсобку. Сердце мое громко стучало, когда я оказался под теплым солнцем. Мне снова захотелось закурить, но курить среди заправочных колонок нельзя.

Грузовики по-прежнему стояли строем. Напротив меня, через площадку, грузовик от прачечной, недовольно рыча, припал к гравию, точно гончий пес. Солнце отражалось от его пустого ветрового стекла, и я содрогнулся. Все равно что смотреть в лицо идиота.

Я переключил насос на «залив» и вытащил шланг, отвернул крышку бака и стал заливать горючее.

Мне потребовалось полчаса, чтобы выкачать первый резервуар, затем я перешел к другой заправочной колонке. Я попеременно заливал то бензин, то дизельное топливо. Грузовики проходили мимо меня бесконечной чередой. Теперь я начинал понимать. По всей стране люди делали то же самое либо лежали мертвыми, подобно водителю грузовика, выбитые из своих сапог и со следами тяжелых машин на телах.

Когда опустела и вторая емкость, я перешел к третьей. Солнце било словно молотком, и голова начинала болеть от паров бензина. На мягкой ткани между большим и

указательным пальцами появились волдыри. Но грузовики не хотели ничего знать об этом. Их интересовали лишь подтечки в маслопроводах, дефектные сальники, шибкие соединения, но не волдыри, солнечный удар или желание закричать. Им нужно было знать о своих погибших хозяевах лишь одно, и они знали это. Мы истекали кровью.

Последняя емкость была высосана, и я бросил пистолет со шлангом на землю. А грузовиков все еще было полно, их очередь заворачивала за угол. Я повернул голову, чтобы размять шею, и замер. Очередь выходила за предела стоянки на дорогу и терялась вдалеке, причем машины стояли в два, три ряда. Все это напоминало кошмар лос-анджелесской автострады в час «пик». Линия горизонта мерцала и плясала от их выхлопных газов, в воздухе пахло гарью.

— Нет, — сказал я. — Горючее кончилось. Ничего нет, друзья.

Раздалось необычно сильное громыхание — басовый звук, от которого заломило зубы. Подкатывал громадный серебристый грузовик, заправщик. По его борту было начертано: «Заправляйтесь «Филиппс-66»!

Сзади из него вывалился здоровый шланг.

Я подошел, взял его, поднял крышку первого резервуара и пристроил шланг. Грузовик начал сливать горючее. Меня пропитывало нефтяное зловоние, то самое, от которого, должно быть, умирали динозавры, когда попадали в смоляные пещеры. Я заполнил еще две емкости и вновь приступил к работе.

Сознание настолько притупилось, что я потерял счет времени и грузовикам. Я отворачивал пробку, всовывал пистолет в отверстие, заправлял до тех пор, пока горячая, тяжелая жидкость не переливалась через край, затем закручивал ее. Волдыри на ладонях лопнули, сукровица текла к запястьям. Голова болела, как гнилой зуб, а живот выворачивало от вони.

Я чуть не потерял сознание. Чуть не потерял сознание, а это означало бы конец. Должен заправлять, пока не упаду.

Тут на мои плечи опустились руки, темные руки буфетчика.

— Идите внутрь, — сказал он. — Отдохните. Я поработаю до темноты. Попробуйте заснуть.

Но спать я не мог.

Девчушка спит. Она растянулась на полу, положив под голову скатерть, даже во сне ее лицо перекошено. Я собираюсь ее вскоре поднять. Сумерки, буфетчик на улице уже пять часов.

А они все продолжают прибывать. Я выглянул сквозь разбитое окно — свет от их фар тянулся на милю, а то и больше, посверкивая в сгущавшейся темноте, подобно желтым сапфирам. Машины, должно быть, растянулись до самой автострасы и дальше.

Теперь девчужке придется поработать. Я могу показать ей, как. Она скажет, что не может, но ей придется. Ведь она хочет жить.

«Хотите стать их рабами? — говорил недавно буфетчик. — Именно этим все и кончится. Хотите провести остаток жизни, меняя масляные фильтры каждый раз, когда одна из этих штуквин дунет в гудок?»

Мы могли бы, может, убежать. Сейчас нетрудно пробраться по дренажной канаве, если исходить из того, что они стоят вплотную друг к другу. Бежать по полю, по топким местам, где грузовики завязнут, подобно мастодонтам, и дальше...

...обратно в пещеры.

Рисовать углем. Вот бог луны. Вот дерево. Вот полугрузовик «мэк», одолевающий охотника.

И даже не это. Сейчас мир настолько залит асфальтом. Даже детские площадки. А для полей, топей и густых лесов существуют танки, полугрузовики, грузовики-платформы, оснащенные лазерами, мазерами, самонаводящимися радарам. И мало-помалу они переделают мир в такой, какой им нужен.

Представляю себе колонны грузовиков, засыпающих песком болота Окефеноки, бульдозеры, продирающиеся

сквозь национальные парки, нехоженные пространства, сравнивая землю, утрамбовывая ее в одну громадную плоскую равнину. А затем прибывают асфальтоукладчики. Но они — машины. Независимо от того, что с ними случилось, каким сознанием мы их всех наградили, они *не могут воспроизводиться*. Через пятьдесят или шестьдесят лет они будут являть собой лишь ржавеющие груды, неподвижные каркасы, в которые освободившиеся люди будут бросать камни и плевать.

И стоит мне закрыть глаза, как вижу конвейеры в Детройте, Дирборне, Янгстауне и Мэкинаке, новые грузовики собираются рабочими, которые больше не отмечаются в табелях прихода-ухода, а лишь падают замертво и заменяются другими.

Буфетчик уже слегка пошатывается. Он тоже уже старая перечница. Придется разбудить девушку.

Два самолета оставляют за собой серебристые инверсионные следы на фоне темнеющего на востоке горизонта.

Хочется верить, что в них люди.

С о д е р ж а н и е

ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ ВЗГЛЯДОМ	6
КОРПОРАЦИЯ «БРОСАЙТЕ КУРИТЬ»	386
ГРУЗОВИКИ	410

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

**ВОСПЛАМЕНЯЮЩАЯ
ВЗГЛЯДОМ**

Выпуск 23

**Сдано в набор 19.08.94. Подписано в печать 23.10.94 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.**

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20**

СТИВЕН КИНГ

В этой книге опубликован
самый лучший роман Стивена Кинга
"Воспламеняющая взглядом"
по которому поставлен
одноименный фильм,
а также известные
рассказы писателя.